

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№6 2024 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

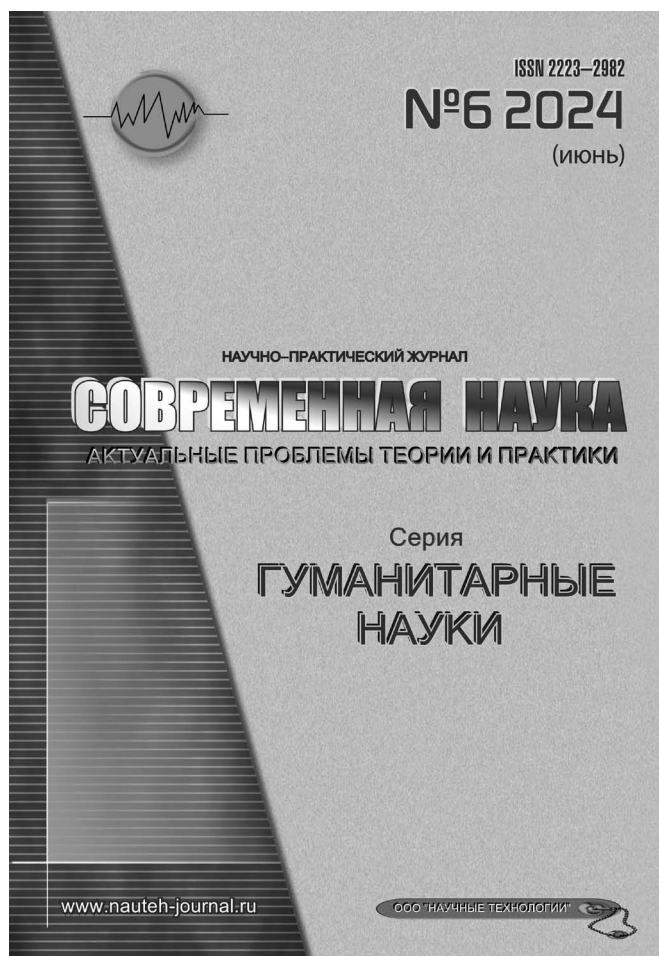
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №6 (июнь) 2024 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 12.06.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Гончаров Н.А. – Трансформация Лейбористской партии из движущей силы рабочего класса в левоцентристский центр
Goncharov N. – The transformation of the Labor Party from a driving force of the working class to a center-left party 7

Дьяков С.И. – Подготовка средних командных кадров артиллерии красной армии в 1941 году
Dyakov S. – Training of middle command cadres of the artillery of the red army in 1941 12

Пронин А.А. – Дифференцирование тематики диссертационных исследований в контексте научных специальностей и отраслей науки посредством библиометрического метода
Pronin A. – Differentiation of the subject of dissertation research in the context of scientific specialties and branches of science through the bibliometric method 18

Фан-Юнг Г.Ю., Щигорцова Е.С. – Добровольные спортивные объединения в дореволюционной Казани: историко-методологический и социокультурный аспекты
Fan-Yung G., Shchigortsova E. – Voluntary sports associations in pre-revolutionary Kazan: historical, methodological and sociocultural aspects 26

Чжан Цзяньвэнь – Политика советского правительства в отношении русских эмигрантов в Китае в первой половине XX века
Zhang Jianwen – Policy of the soviet government towards Russian emigrants in China in the first half of the twentieth century 32

Шматов Е.Н. – Продовольственное снабжение городского населения Среднего Поволжья в 1941-1945 гг.
Shmatov E. – Food supply to the urban population of the Middle Volga region in 1941-1945 36

Педагогика

Андреева С.Ю. – Смысловое чтение и анализ художественного произведения на уроках литературы в средней школе
Andreeva S. – Semantic reading and analysis of a work of art in literature lessons in high school 41

Бортникова А.В. – Текстовые игры как средство обучения чтению профессионально ориентированных иноязычных текстов в дискурсе гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций
Bortnikova A. – Using text-based games as a method to teach the reading of professionally-oriented foreign language texts in the field of Civil Defense and Emergency discourse 49

Игнатова И.Б., Спесивцева С.Е., Меньшикова К.С. – Роль и место цифрового образования в подготовке иностранных граждан на довузовском этапе обучения
Ignatova I., Spesivtceva S., Menshikova K. – The role and place of digital education in the training of foreign citizens at the pre-university stage of study 52

Кондакова И.В. – Достоинства и недостатки дистанционного и очного обучения в условиях чрезвычайных ситуаций глазами обучающихся, родителей, учителей
Kondakova I. – Advantages and disadvantages of distance and face-to-face education in emergency situations as seen by learners, parents, teachers. . . . 58

Круг Э.А., Федюкова Н.В., Федорова Т.В. – Особенности гибридного обучения студентов: теоретический аспект
Krug E., Fedyukova N., Fedorova T. – Features of hybrid student learning: theoretical aspect 63

Перфилов А.А. – Моделирование природоохранного воспитания подростков в эколого-просветительских организациях

Perfilov A. – Modeling environmental education of adolescents in environmental education organizations 67

Покровская Е.М., Лычковская Л.Е., Ханкишиева Н.Р. – Электронный обучающий курс для самоподготовки: опыт применения и проблемы внедрения
Pokrovskaya E., Lychkovskaya L., Khankishieva N. – Electronic learning course for self-education: experience of using and implementation challenges 72

Полюдова Е.Н. – Геймификация и мобильные приложения как средство активизации лингвистического опыта студентов на занятиях английского языка в вузе
Polyudova E. – Gamification and mobile applications as a means of activating students' linguistic experience in English classes at university 76

Рыкова Е.А., Миронова А.В. – Совершенствование профессиональных компетенций студентов-дефектологов при проведении мастер-класса «Коррекционно-развивающая работа с детьми раннего возраста в условиях образовательной организации»
Rykova E., Mironova A. – Improving the professional competencies of students of speech pathologists during the master class "Correctional and developmental work with young children in an educational organization" 81

Соколов А.С. – Формирование записей для выполнения упражнений гимнастики и акробатики на учебных и учебно-тренировочных занятиях
Sokolov A. – Formation of records of gymnastics exercises in educational and training sessions. 86

Станкович Д.Ф. – Стратегии развития мотивации учебной деятельности студентов посредством дополнительных форм межличностного взаимодействия
Stankovich D. – Development strategies motivating students' learning activities through additional forms of interpersonal interaction 89

Черницына С.Ю. – Экзистенциальный подход в условиях системы дополнительного образования
Chernitsyna S. – The existential approach in the context of the additional education system 94

ФИЛОЛОГИЯ

Агошкова Т.В. – Язык и семантика: анализ философской теории Рудольфа Карнапа и ее применения в обработке и сравнительно-сопоставительном анализе натуральных языков
Agoshkova T. – Language and semantics: analysis of the philosophical theory of Rudolph Carnap and its application in processing and comparative analysis of natural languages 99

Атанов А.А., Зверева О.Ю. – Научное исследование как медиа
Atanov A., Zvereva O. – Scientific research as media 102

Багирли С.Э. – Тюркизмы как элементы лексической системы русского языка (на материале региональной прессы)
Bagirli S. – Turkisms as elements of the lexical system of the Russian language (based on the material of the regional press) 109

Баскина Э.С. – Обзор современных русскоязычных СМИ, а также новых медиа государства Израиль на примере материалов: перспективы и тенденции развития
Baskina E. – Overview of modern Russian-language media and new media of the state of Israel on the example of materials: prospects and trends of development 112

Го Сяоюй – Переход предложно-падежных форм имени существительного в категорию состояния (на примере словоформы в поиске)
Guo Xiaoyu – Transition of prepositional forms of a noun into the category of state (on the example в поиске) 118

- Керимов К.Р., Фаталиева Г.А.** – Средства усиления отрицания в лезгинском и русском языках в сопоставлении
Kerimov K., Fatalieva G. – Means of strengthening negation in the Lezgian and Russian languages in comparison.....123
- Колесникова А.В.** – Фактор цвета как экспликатор национально-исторического колорита в романе Салмана Рушди «Midnight's Children»
Kolesnikova A. – Color factor as an explicator of national-historical color in Salman Rushdie's novel "midnight's children"128
- Копрева Л.Г., Шпальченко Э.П.** – Специфика функционирования военной терминологической лексики в современном мире (на примере номинаций военной техники и вооружения в английском и русском языках)
Kopreva L., Shpalchenko E. – Specifics of military terminological vocabulary functioning in the modern world (on the example of military equipment and weapons nominations in English and Russian)132
- Кызласов А.С., Белоглазов П.Е.** – Диалекты хакасского языка – основа для формирования его устной разговорной формы
Kyzlasov A., Beloglazov P. – Dialects of the Khakass language are the basis for the formation of its oral colloquial form.143
- Ларионова Т.В., Печенина Е.А.** – Аргументативные маркеры как средство гармонизации и дисгармонии речевого конфликта
Larionova T., Pechenina E. – Argumentative markers as means of harmonization and disharmony of a speech conflict149
- Ли Цзин** – Трансформация форм подачи новостного контента средствами массовой информации в условиях глобальной цифровизации: проблемы и перспективы
Li Jing – Journalism about media transformation in the context of the formation of an information society.....153
- Лю Сяои** – Закономерности вхождения в словообразовательное гнездо членимых непроизводных и одиночных слов
Liu Xiaoyi – Patterns of entry into the word-forming nest of articulate non-derivative and single words159
- Мункуева Л.Д., Затеева Т.В.** – Пространство города и образ дома как выражение мотива малой родины в лирике В. Липатова, М. Шиханова, А. Щитова
Munkuyeva L., Zateeva T. – The space of the city and the image of the house as an expression of the motif of the small homeland in the lyrics of V. Lipatov, M. Shikhanov, A. Shchitova164
- Панеш У.М., Шишхова Н.М., Анкудинов К.Н., Соколова Г.В., Ашинова Ю.А.** – Романтическое «Я» как «открытая диаспора» в русской поэзии 60-х гг. XX в. – XXI в.
Panesh U., Shishkhova N., Ankudinov K., Sokolova G., Ashinova Yu. – Romantic "I" as an "Open Diaspora" in the Russian Poetry of the 60s of the 20th – 21st Centuries169
- Плетнева О.Д.** – Функциональная детерминированность языковых средств, используемых в новогоднем обращении Э. Макрона 2023 года
Pletneva O. – Functional determinacy of the language tools used in E. Macron's new year's address in 2023174
- Семенова С.Н., Любина И.М., Симонян М.С.** – Лексические особенности текста сказки: опыт сравнительного анализа (часть II)
Semenova S., Lyubina I., Simonyan M. – Lexical peculiarities of fairy tale text: the experience of comparative analysis (part II)180
- Татуев А.Т.** – Когнитивно-фреймовый аспект англоязычной терминологии авторского права
Tatuev A. – The cognitive-frame aspect of English-language copyright terminology186

<p>Тё О.Е., Солошенко К.А. – Система автоматической проверки переводов с русского языка на китайский (на материале учебника «Практический курс китайского языка») 189</p> <p><i>Te O., Soloshenko K.</i> – Automatic verification system for Russian-Chinese translations (based on the material of "Practical course of the Chinese language") 189</p> <p>Христофорова Н.И. – Соотношения вербального и невербального в немецкоязычном поликодовом тексте: на материале научно-популярных текстов <i>Khristoforova N.</i> – The relations of verbal and non-verbal in the German-language polycode text: based on the material of popular science texts 194</p> <p>Чезыбаева Н.В. – Лингвокогнитивное моделирование эмоции «страх»: семантика «потенциальной угрозы» (на материале «Ежегодного доклада разведывательного сообщества об угрозах безопасности США – 2023») <i>Chezybaeva N.</i> – Lingvocognitive modeling of "fear": semantics of "potential threat" (based on "The Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community – 2023") 199</p> <p>Чезыбаева Н.В. – Идея трансформации как базовая метафора виртуального мира (семиотический анализ компьютерной игры «Little Misfortune») 204</p>	<p><i>Chezybaeva N.</i> – Idea of transformation as basic metaphor of virtual world (semiotic analysis of the computer game "Little Misfortune"). 204</p> <p>Ян Линь – Эвфемизмы лексико-семантической группы «болезнь и смерть» в современных русском и китайском языках на фоне пандемии коронавируса <i>Yang Lin</i> – Euphemisms of the lexical-semantic group of disease and death in modern Russian and Chinese with against the background of the coronavirus pandemic. 209</p> <p>Ян Хуань – Поэтика названия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» <i>Yang Huan</i> – Poetics of the title of F.M. Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov. 214</p>
Информация	
	<p>Наши авторы. Our Authors. 219</p> <p>Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 221</p>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ ИЗ ДВИЖУЩЕЙ СИЛЫ РАБОЧЕГО КЛАССА В ЛЕВОЦЕНТРИСТСКИЙ ЦЕНТР

THE TRANSFORMATION OF THE LABOR PARTY FROM A DRIVING FORCE OF THE WORKING CLASS TO A CENTER-LEFT PARTY

N. Goncharov

Summary: From the beginning of the 20th century the Labour Party, or the Labor Party, was the main force representing the interests of the British proletariat and was feared by the ruling class of the United Kingdom represented by the Conservatives and Liberals. But since the 1920s, the party has gradually shifted its ideological positions from the left flank to the center. This was facilitated by the Labor leadership's desire to consolidate its hold on power, which was an elusive goal given the strong positions of the Conservative Party and the Liberal Party, which retained its floating influence.

A key point in the beginning of Labor's turn to the center-left can be seen as 1926, during the General Strike. During this large-scale event, which some contemporaries perceived as an attempted revolutionary insurrection, and others, mainly the Conservative part of Parliament, as an act of "Soviet interference", Labor found itself at a crossroads - to support the proletariat, consolidating its influence over the labor movement, but being under the threat of state repression, or to withdraw itself, thus tarnishing its image among wage earners, but gaining a foothold in Parliament without fear of being banned.

The decision of the Labor Party leaders, particularly in the person of former Prime Minister Ramsay MacDonald, to support the workers in their struggle for better working conditions, led not only to Labor losing its influence among its core constituency and turning to bourgeois circles, but also to a split in the party itself, which prevented it for a long time to come.

Keywords: Labor Party, Labor, labor movement, General Strike, miners.

Гончаров Николай Александрович
преподаватель, Московский Городской
Открытый Колледж;
Российский Государственный
Гуманитарный Университет
WolfDuc@mail.ru

Аннотация: Лейбористская партия, или партия Труда (Labour party), с начала XX в. была основной силой, представляющей интересы британского пролетариата и вызывала опасения у правящего класса Соединенного Королевства в лице консерваторов и либералов. Но с 1920-х гг. партия постепенно смещает свои идеологические позиции с левого фланга в центр. Этому способствовало стремление руководства лейбористов закрепиться у власти, что было труднодостижимой целью при сильных позициях Консервативной партии и теряющей влияние, но все ещё авторитетной Либеральной партии.

Ключевой точкой начала поворота лейбористов к левоцентристскому подходу можно считать 1926 г. – период Всеобщей стачки. Во время этого масштабного события, которое часть современников воспринимало как попытку революционного мятежа, а другие, в основном консервативная часть парламента, как акт «советского вмешательства», лейбористы оказались на распутье – поддержать пролетариат, закрепив свое влияние над рабочим движением, но оказаться под угрозой государственных репрессий, или самоустраниться, подмочив, таким образом, свой имидж среди наемных работников, но закрепившись в парламенте без опасений запрета.

Решение лидеров Лейбористской партии, в частности в лице экс-премьера Рамси Макдональда, не поддерживать рабочих в их борьбе за улучшение условий труда, привело не только к потере лейбористами своего влияния среди своего основного электората и повороте к буржуазным кругам, но и к расколу в самой партии, что не позволяло ей ещё долгое время обрести парламентское большинство.

Ключевые слова: лейбористская партия, лейбористы, рабочее движение, Всеобщая забастовка, горняки.

Лейбористская партия с момента своего основания воспринималась как организация защитников рабочего класса Великобритании и, с уже меньшей уверенностью, ее считают таковой и сегодня. Несмотря на ее поддержку с самого возникновения широкими рабочими массами, партия лейбористов с трудом утверждалась на политической арене Великобритании, где на начало XX в. гегемонами были Консервативная и Либеральная партии. Но лейбористы постепенно набирали силу, занимали позиции, которую утрачивали либералы. После Первой мировой войны лейбористы приобретают все большую популярность, во многом благодаря их социальной повестке, и становятся одной из двух главных политических сил в стране. А после принятия Акта о рав-

ных правах 1928 г. электорат лейбористов расширился, что могло повлиять на результат выборов 1929 г., где они смогли занять первое место. Но к тому моменту в самой Лейбористской партии назревал кризис из-за расхождений по идеологическим вопросам.

Идеологическая платформа лейбористов и внутреннее фракции заранее ставили партию в нестабильное положение перед электоральной системой Соединенного Королевства, что продолжает проследиваться по сей день. Идеологическую трансформацию Лейбористской партии можно проследить в следующие годы – 1926 г. – отход от принципов «рабочей солидарности», конец 1990-х гг. – ревизия имиджа партии Тони Блэром с гла-

венством «нового лейборизма». Попыткой повернуть партию «влево» и вернуть ей «красный цвет» было время руководства Джереми Корбина, но переход лидерства к Киру Стармеру в 2019 г. ознаменовал торжество «нового лейборизма».

Приведенная выше первая дата – 1926 г. – время Всеобщей забастовки рабочих Великобритании. Процессы, в которые вылилась забастовка, началась ещё в 1925 г., когда владельцы шахт объявили о намерении снизить зарплаты рабочим и увеличить рабочий день. Почти год консервативное правительство Болдуина стремилось снизить накал рабочего движения, выделяя субсидии шахтовладельцам, одновременно создавая особые округа с вседозволенностью комиссаров, которым предполагалось передать особые полномочия в случае начала забастовки.

Высшие эшелоны власти Соединенного Королевства крайне опасались возможных путей развития забастовки, особенно в связи с развязанной ранее (в 1924 г.) консервативным правительством антисоветской пропаганды, используя фальшивое «Письмо Зиновьева». Создание Англо-русского комитета и его помощь профсоюзам также могло способствовать росту паранойи у Консервативной и Либеральной партий о расширении влияния большевиков и распространению огня мировой революции. 1 мая 1926 г. время субсидий от правительства закончились. Шахтовладельцы объявили лок-аут, в ответ на который на забастовку вышли шахтеры, которых поддержали другие отрасли.

Лейбористская партия во время упоминаемых событий оказалась на распутье. С одной стороны, партия продолжала позиционировать себя как защитницу рабочего класса и проводником их интересов. С другой, лейбористы традиционно стояли на позициях мирного перехода к социалистическому обществу и отказывались использовать революционные методы. Поэтому они сдержанно отнеслись к Октябрьской революции в России, а Артур Хендерсон и Рамзи Макдональд говорили на конференции 1918 г. о поддержке военной кампании Антанты, т.е. открыто выступили против одной из главных целей большевиков – прекращение войны. Связано это было также с одним из главных страхов лейбористов – разрастание рабочей революции в Великобритании. Такая позиция лейбористов неудивительна – одной из главных фракций Лейбористской партии, «мозговым центром», как пишет Н.В. Работяжев, было и остается по сей день Фабианское общество [1, с. 121]. Сами фабианцы в программе своих «Основ» подчеркивают, что их путь преобразования капиталистического общества в социалистическое должен осуществляться через пропаганду, объяснение пороков капитализма всем слоям населения – т.е. чтобы сами капиталисты способствовали уничтожению своего господствующего положения через экономические и со-

циальные реформы [3, с. 133].

Не будет открытием, что в спорах партии лейбористов в их позиции по Всеобщей забастовке победила фракция мирного перехода. Но необходимо увидеть, как лейбористы перешли с позиций рабочей солидарности к солидарности с правящим классом при сохранении сотрудничества с профсоюзами. Более того, необходимо проанализировать позицию Независимой Рабочей партии, которая входила в состав Лейбористской партии на правах коллективного членства, но придерживалась марксистских позиций по многим вопросам. Как отличалась позиция независимых лейбористов от своих товарищей из Фабианского общества.

Надо сказать, что Лейбористская партия с начала Всеобщей забастовки находилась под давлением со стороны других политических сил страны. Так, например, сэр Джон Саймон, один из лидеров Либеральной партии после Первой мировой войны, во время выступления в парламенте заявил о том, что именно лейбористы довели ситуацию до такой напряженной точки и о последствиях для них – «Лидеры лейбористов злоупотребили властью, доверенную им обществом. Если они не будут осторожны, реакция может быть ужасной» [3, May 8, p. 2] и что именно лидеры лейбористов направили рабочий класс на этот путь, «который таит в себе опасность».

Коммунисты Великобритании изначально встали в позицию поддержки забастовки. Более того, коммунистическая газета «Young Worker» активно обращалась к читателям брать пример с российских товарищей и призывать смотреть на успехи Рабочей России и поддерживать Англо-русский комитет. Комитет, который создавал связь между советскими и британскими профсоюзами, активно помогал бастующим рабочим финансами, которые выделялись из Советского Союза, за что газета «The British Worker» благодарил советский пролетариат, но для английских властей это стало ещё одним поводом увидеть «красную угрозу» в забастовке».

Коммунисты встали на путь сопротивления властям и борьбе за права рабочего класса. В том же выпуске «Young Worker» призвал шахтеров «готовиться к суровой и ожесточенной борьбе» [5, May 1, p. 1]. Том Манн в мае 1925 года, за год до забастовки, говорил о необходимости сковать силы капиталистов, «отрезать их от источника снабжения» [6].

Профсоюзы, как и Лейбористская партия, оказались разделены в отношении поддержки забастовки. Среди руководителей профсоюзного движения стоит выделить Артура Дж. Кука – лидер профсоюза горняков, ещё в 1925 году выступил с позиции противостояния с правительством, если положение британского пролетариата не будет улучшено. Во время своего выступления в графстве Дарем он обратился к премьер-министру Болдуину,

что готов выступить за восстание рабочих [Там же].

Члены Независимой Рабочей партии также готовы были поддержать забастовку рабочего класса. Выступления, произнесенные на различных площадках, в том числе на партийных собраниях, митингах и общественных собраниях партийными лидерами, стали мощным аргументом в пользу позиции партии по поводу забастовки. Джеймс Макстон, один из самых видных лидеров НРП, особенно активно поддерживал забастовку. В речи, произнесенной на массовом митинге в Глазго 3 мая 1926 года, в первый день забастовки, Макстон заявил: «Мы боремся не только за себя, но и за весь рабочий класс» [6, p. 123]. Макстон в своей речи показал взгляд НРП на забастовку как классовую борьбу и подчеркнул необходимость рабочей солидарности – т.е. высказал необходимость поддержки данной акции.

Феннер Брокуэй, еще одна ключевая фигура в НРП, выступал со страстными речами в поддержку забастовки. На публичном митинге в Лондоне 5 мая 1926 года, Брокуэй утверждал, что забастовка была направлена не только на повышение заработной платы шахтеров, но и на более широкую борьбу за социальную справедливость. Он заявил: «Это не забастовка миллиона человек; это забастовка всего рабочего класса против тирании капитализма» [8, p. 176].

Уже после забастовки некоторые члены Лейбористской партии продолжали защищать рабочий класс в парламенте. Альберт Перселл в своей речи, произнесенной 7 июля 1926 года в Палате общин, обращал внимание на несправедливое и откровенно разбойничье отношение к профсоюзам и рабочим из членов профсоюзов, возлагая ответственность за это на министра внутренних дел Соединенного Королевства. Он предполагает и старается донести угрозу до членов парламента, что такие действия могут привести к новой всеобщей забастовке, и то, что произошло в мае – «лишь первая забастовка» [9, July 7].

Профсоюзы придерживались подобной же точки зрения. Газета «The British Worker», печатавшаяся во время забастовки, заявила, что отмена Всеобщей забастовки не является капитуляцией перед промышленниками. Хотя забастовка и была прекращена по решению конгресса профсоюзов, в «The British Worker» печатался призыв к отказу от подписания нового соглашения с работодателями, т.к. условия остаются невыгодными и унижительными для пролетариата [9, p. 1]. В этом же номере газеты печатается заявление сэра Артура Пью о необходимости продолжения переговоров между хозяевами шахт и горняками и улучшения материального положения последних. Т.е. можно видеть, что несмотря на официальное прекращение забастовки, профсоюзы и часть лейбористов продолжали борьбу в связи с продолжающимся ухудшением позиций рабочего класса,

свидетельством чему стало увольнение ста бастующих работников и отстранение ещё ряда рабочих Трамвайным комитетом Глазго [10, p. 2].

В целом, «The British Worker», выступавший от имени Генерального Совета профсоюзов во время забастовки, выражал двойственную позицию – в номерах извещая твердую поддержку продолжавшемуся локауту со стороны рабочих угольной промышленности, но при этом поддерживалось решение о прекращении всеобщей забастовки и необходимости заключения договор с работодателями в других отраслях.

Профсоюзный и лейбористский активист, член парламента Вернон Хартсхорн выступал как мирный сторонник договорного процесса. Он не настаивал на забастовке или прямого противодействия правительству, но критиковал действия консерваторов и лично премьер-министра Болдуина за снижение заработной платы и увеличение рабочего дня. Он доказывал, что эти меры не приведут к росту эффективности в угольной промышленности. Хартсхорн считал, что необходимо создать механизмы для предотвращения занижения цен на уголь и унификацию цен на него по стране или по районам. Без этих мер рабочие не пойдут на уступки, их нельзя даже просить об этом. В целом Вернон Хартстон придерживался политики компромисса с британским правительством и выражал надежду на то, что премьер-министр и его кабинет примут более мягкие меры по отношению к рабочим [11].

На конференции Лейбористской партии, на которой должна была определиться позиция по поддержке Всеобщей забастовки, сторонники мирного перехода выступили в дебаты с делегатами Независимой Рабочей партии. Некоторые, такие как Рамзи Макдональд защищали решение отменить забастовку. Макдональд утверждал, что у партии не было другого выбора, кроме как отменить забастовку перед лицом репрессий со стороны правительства и угрозы насилия. Он также утверждал, что партия должна поддерживать свой авторитет как ответственная альтернатива Консервативной партии и что длительная забастовка подорвала бы этот авторитет [12].

Один из главных профсоюзов страны болезненно встретил политику лейбористов на мир с правительством и свертывание забастовки. Лидер профсоюза транспортников и чернорабочих, Эрнест Бевин, утверждал, что забастовка была необходимым ответом на нападение правительства на шахтеров и партии необходимо сосредоточиться на создании более широкой коалиции, взаимодействовать с более широкими слоями общества для борьбы с правительством [13].

После интенсивных дебатов и обсуждений окончательным решением конференции Лейбористской партии по всеобщей забастовке 1926 года было одобрение

решения Конгресса профсоюзов (TUC) и руководства Лейбористской партии об отмене забастовки. Конференция приняла резолюцию, в которой говорилось, что забастовка была защитной акцией против нападения правительства на шахтеров и что у партии не было другого выбора, кроме как отменить забастовку перед лицом правительственных репрессий и угрозы насилия [13].

Решение конференции было встречено разочарованием и разочарованием многими представителями профсоюзного движения и рабочего класса. Конгресс профсоюзов, который первоначально поддержал забастовку, раскритиковал руководство Лейбористской партии за отсутствие решимости и неспособность обеспечить эффективное руководство во время забастовки. Конгресс также выразил обеспокоенность тем, что решение отменить забастовку без каких-либо существенных уступок со стороны правительства или владельцев шахт подорвет доверие к профсоюзному движению и рабочему классу [15]. Кроме того, это повлекло и к кризису единства британского социалистического движения. Левые лейбористы и коммунисты не приняли постановление о прекращении забастовки и активно критиковали Конгресс и партию за данное решение.

На такой исход конференции могли повлиять, как считают А.Л. Мортон и Дж. Тэйт [2, с. 400], события внутри другой политической партии Великобритании – после кризиса Либеральной партии, которая после Первой мировой войны раскололась на фракции Ллойда-Джорджа и Асквита, часть левонастроенных либералов начала переход в Лейбористскую партию. В результате в Лейбористской партии и в Независимой Рабочей партии начала концентрироваться масса людей, утративших веру в Либеральную партию, но не принявших идей социализма. Естественно, эта масса новых членов партий с опасением могла смотреть на разрастающееся рабочее движение в Великобритании.

Многие рабочие в горнодобывающей и транспортной отраслях также выразили гнев и разочарование по поводу решения прекратить забастовку. Они чувствовали, что руководство Лейбористской партии их подвело и что забастовка была отменена преждевременно. Некоторые рабочие также выразили обеспокоенность тем, что провал забастовки подтолкнет правительство и работодателей к дальнейшим атакам на рабочий класс [16]. В качестве примера можно привести ситуацию в Лидсе – профсоюз портных и швейников обеспокоился решением Генерального совета Конгресса прекратить забастовку и отказом следовать инструкциям железнодорожникам – фактически это ставит под вопрос работу всех отраслей промышленности. Более того, Хайман, исполнявший обязанности председатель забастовочного комитета Лидса, писал в Лондон, что из-за нечетких ин-

струкций и непонимания их смысла рабочие и других отраслей Лидса, включая портных, не могут прийти к единому мнению об окончании забастовки – прекращать её или продолжать. Хайман предупреждал о возможности новой забастовки со стороны работников газовой промышленности и электроэнергетики.

Решение Лейбористской партии и Генсовета Конгресса привело к внутреннему конфликту. Левые лейбористы и коммунисты отрицательно отнеслись к политике лейбористского руководства и критиковали его за нерешительность действий во время забастовки.

Результатом действий Лейбористской партии во время забастовки 1926 г. стало отторжение от неё радикальных левых сил. Сами лейбористы перешли на более центристские позиции, что привело к понижению авторитета партии в глазах левых лейбористов и коммунистов. Хотя сами лидеры партии продолжали именовать себя социалистами, но делали это уже в более сдержанных тонах. Это отразилось и в предвыборном манифесте Лейбористской партии 1929 г. и на итогах самих выборах.

Немаловажную роль сыграло расширение избирательных прав в 1928 г., что позволило лейбористам увеличить свой электорат перед новыми выборами, тем самым привлечь на свою сторону тех британцев, что с опаской смотрели на всеобщую забастовку 1926 г. или на любые проявления левого радикализма. Для британских элит и даже среднего звена буржуазии Лейбористская партия перестала восприниматься как «революционное гнездо большевизма». Лейбористы показали, что готовы проводить политику, которая будет в интересах рабочего класса, но это будет в русле умеренного правого лейборизма, что устраняет угрозу существующему строю и буржуазии. Это, вкуче с провалами консервативного правительства С. Болдуина в социальной политике, особенно в борьбе с безработицей, позволило лейбористам на следующих выборах сформировать правительство в коалиции с Либеральной партией.

Лейбористы демонстративно открещивались от связей с коммунизмом и большевизмом, несмотря на значительную материальную помощь Англо-Русского комитета рабочим во время забастовки. В планах лейбористов ещё оставались важные элементы социалистической программы: национализация в угольной промышленности, поправки к законам о компенсации рабочим и закону о профсоюзах. Но делалось это в сдержанных тонах. Возможно, это помогло партии закрепиться как лидеру левоцентристского фронта в британской политике – лейбористы начали переход к политике отображения интересов более широкой массы населения, показывая этим свою ориентацию на мирное построение социализма в Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Работяжев Н.В. Лейбористская партия Великобритании на пути адаптации к современному миру/ Н.В. Работяжев. - «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» - 2014, с. 118-140
2. Мортон А.Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения 1770-1920/ А.Л. Мортон, пер. Н.И. Чернявской. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959, с. 400.
3. Основы Фабианского общества // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США – М.: «Высшая школа», 1985, с. 132-133.
4. The Times (8 May 1926)
5. Young Worker. No. 1
6. What they are saying. No. 1, The Reds
7. Maxton, J. (1926, May 3). Speech at a mass meeting in Glasgow. Cited in Swanson, M. (1995). *Citizenship and Community: The Life and Political Thought of the British Socialist R. H. Tawney, 1880-1962*. Cambridge University Press.
8. Brockway, F. (1926, May 5). Speech at a public rally in London. Cited in Howell, D. (2002). *British Workers and the Independent Labour Party, 1888-1906*. Manchester University Press.
9. Report of speech delivered in House of Commons by Mr A.A. Purcell, MP, 7 July 1926
10. The British Worker. No. 9. London, England: Published for the General Council of the Trades Union Congress, and printed by the Victoria House Printing Co., Ltd.
11. Mr Baldwin attacks miners' hours and wages/ Hartshorn, Vernon
12. MacDonald, R. (1926, May 12). Speech at the final conference of the Labour Party. Cited in Pelling, H. (1965). *A History of British Trade Unionism*. Penguin Books.
13. Bevin, E. (1926, May 12). Speech at the final conference of the Labour Party. Cited in Pelling, H. (1965). *A History of British Trade Unionism*. Penguin Books.
14. Labour Party. (1926). Report of the Twenty-Sixth Annual Conference of the Labour Party. Labour Party.
15. TUC. (1926). Report of the Forty-Eighth Annual Trades Union Congress. Trades Union Congress.
16. Howell, D. (2002). *British Workers and the Independent Labour Party, 1888-1906*. Manchester University Press.
17. National Strike: the position in Leeds (letter and reports (report, no. 2)), May-June 1926

© Гончаров Николай Александрович (WolfDuc@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДГОТОВКА СРЕДНИХ КОМАНДНЫХ КАДРОВ Артиллерии Красной Армии в 1941 году

Дьяков Сергей Иванович

кандидат педагогических наук, доцент, Михайловская
военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург
serDyakoff@yandex.ru

TRAINING OF MIDDLE COMMAND CADRES OF THE ARTILLERY OF THE RED ARMY IN 1941

S. Dyakov

Summary: Introduction. The article analyzes the training of the average command personnel of the Red Army artillery in 1941. All artillery and artillery technical schools are represented in which, before the Great Patriotic War, artillery officers were trained. **Materials and methods.** Previously unpublished and little-studied archival sources of the Central Archive of the Ministry of Defense (CAMO) (information from historical forms of some schools, orders of NGOs) have been introduced into scientific circulation. The following applied methods were used in the course of the study: historical-systemic and historical-comparative. The use of these methods made it possible in the study to more objectively assess the contribution of the leadership of the Red Army artillery in the rearrangement of the educational process of military educational institutions for wartime. **Results.** It is shown that, in general, the activities of the schools, especially in the second half of 1941, were productive (three times more officers were released from schools), but the quality of training was not at a sufficient level compared with pre-war graduates. **Conclusions.** The author concludes that the military leadership and the command of artillery schools were unprepared for an organized transition to a shortened period of study in wartime, since they did not have mobilization curricula with calculations of study time and subject programs for various periods of study. Schools had to develop such plans and calculations in the process of perestroika itself in a military manner, when most of the experienced command and teaching staff were leaving for the active army.

Keywords: The Great Patriotic War, medium command personnel, Red Army artillery, artillery schools, artillery.

Обеспеченность командными кадрами артиллерии Красной армии по данным на 1 января 1941 года следующими данными. Всего по штату в артиллерийских частях, учреждениях и учебных заведениях требовалось 85147 офицеров и генералов, фактически же их было 72975 или 85,7% штатной численности. Из этого общего числа командного состава 55307 чел. (75,9%), находились в частях и штабах наземной артиллерии, 8651 чел. (11,8%) – в войсках ПВО и войсковой зенитной артиллерии и 9017 чел. (12,3%) – в центральном аппарате, на складах, базах, в военной приемке, в военно-учебных заведениях и на курсах усовершенствования [1, с.27].

Перед войной подготовка офицеров-артиллеристов

Аннотация: Введение. В статье проводится анализ подготовки средних командных кадров артиллерии Красной армии в 1941 году. Представлены все артиллерийские и артиллерийско-технические училища, в которых перед Великой Отечественной войной, осуществлялась подготовка офицеров-артиллеристов. **Материалы и методы.** В научный оборот введены ранее не опубликованные и малоизученные архивные источники Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) (информация исторических формуляров некоторых училищ, приказы НКО). В ходе исследования использовались следующие прикладные методы: историко-системный и историко-сравнительный. Применение этих методов позволило в исследовании более объективно оценить вклад руководства артиллерии Красной армии в перестановке учебно-воспитательного процесса военно-учебных заведений на военное время.

Результаты. Показывают, что в целом деятельность училищ особенно во второй половине 1941 года была продуктивной (было выпущено из училищ в три раза больше офицеров) но качество подготовки было на недостаточно уровне по сравнению с довоенными выпусками. **Выводы.** Автор приходит к выводам, что военное руководство и командование артиллерийских училищ оказались неподготовленными к организованному переходу на сокращенные сроки обучения в военное время, так как они не имели мобилизационных учебных планов с расчетами учебного времени и программами по предметам для различных сроков обучения. Училищам пришлось такие планы и расчеты разрабатывать в процессе самой перестройки на военный лад, когда большая часть опытного командного и преподавательского состава убывала в действующую армию.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, средние командные кадры, артиллерия Красной армии, артиллерийские училища, артиллерия.

осуществлялась в 28-ми училищах с различными профилями и специальностями подготовки [2, с.218, 224]. (см. табл.1). По плану к 1 сентября 1941 года должно было выпущено 16 тыс. молодых офицеров.

Командные:

- * Одесское училище артиллерии большой мощности (по штату 1200 курсантов), 3-е Ленинградское училище (по штату 800 курсантов по профилю корпусной артиллерии и 1200 курсантов по профилю артиллерии большой мощности);
- ** 1-е Московское, 2-Ленинградское и Рязанское училища;

Таблица 1.

Количество артиллерийских и артиллерийско-технических училищ и курсов и численность их переменного состава (курсантов) на 1 января 1941 года [1, с.180], [3, с.150].

№ п/п	Училища и курсы	Количество	Количество курсантов		
			По штату	По списку	Подлежавших выпуску в 1941 г.
1	Училища артиллерии большой мощности (БМ)	2*	2400	2458	1293
2	Училища корпусной артиллерии (КА)	3**	4400***	4490***	1613***
3	Училища дивизионной артиллерии (ДА)	7****	8800	9275	4426
4	Училища противотанковой артиллерии (ПТА)	4	5200	5598	2962
5	Стрелково-минометные училища	4	5600	5882	643
6	Училища зенитной артиллерии	5	7200	7729	2625
Командные училища		25	33600	35432	13562
7	Артиллерийско-технические и оружейно-технические училища	3	3600	3786	2169
Итого		28	37200	39218	15731

- *** в числе их курсанты 3-го Ленинградского училища, обучавшиеся по программам корпусной артиллерии;
- **** 1-е Ленинградское, 1-е Киевское, 2-е Киевское, Сумское, Смоленское, 1-е Томское, и (Тбилисское) дивизионной и горной артиллерии;
- ПТА (Харьковское, Подольское, Пензенское, 1-е Ростовское училища);
- стрелково-минометные (Лепельское, Краснодарское (до марта 1941 г.), Телавское (до марта 1941 г.), Тульчинское (до марта 1941 г.);
- зенитной артиллерии (Чкаловское, Горьковское, Севастопольское, Бакинское, Ленинградское).

Артиллерийско-технические и оружейно-технические (Ленинградское, Тамбовское, Тульское).

Общая численность курсантов артиллерийских и артиллерийско-технических училищ на тот момент составляла 39218 чел. В артиллерийских военно-учебных заведениях около половины постоянного состава училищ имели стаж службы с 1918 по 1922 гг., 27,1% имели высшее военное образование и более 30% закончили курсы усовершенствования [1, с.30].

Перед войной командование артиллерии Красной армии предприняло ряд шагов. Так в марте 1941 г. Краснодарское, Телавское, Тульчинское стрелково-минометные училища были переформированы в училища зенитной артиллерии, а в мае были вновь были сформированы училища воздушного наблюдения, оповещения и связи в г. Пушкине (800 курсантов) и зенитно-прожекторное училище в г. Старой Руссе (1000 курсантов) (приказы НКО № 097 от 11.03.1941 г. и № 0175 от 17.05.1941 г.). Кроме того, Горьковское, Чкаловское и Севастопольское училища зенитной артиллерии 1 мая произвели

досрочный выпуск курсантов 2 курса и вновь укомплектовались лучшими курсантами наземной артиллерии январско-мартовского набора 1941 года, ранее служивших в армии. Лепельское стрелково-минометное училище переименовывается в артиллерийско-минометное начало подготовку вместо офицеров для подразделений батальонных минометов готовить начало командиров взводов минометных частей, вооруженных 107- и 120-мм миномётами. Вместе с тем все артиллерийские и артиллерийско-технические училища должны были произвести досрочный выпуск в июне-июле 1941 г., а также курсантов-отличников второго курса, ранее служивших в армии.

Порядок доукомплектования училищ после выпусков определялся (на 1941/42 учебный год) приказом НКО №111 от 5 марта 1941 года. Этим же приказом было предложено во все училища произвести набор преимущественно из рядовых первого и второго годов службы, сержантов третьего года службы, военнослужащих сверхсрочной службы, рядовых и сержантов запаса. Кандидаты, отобранные для поступления в артиллерийские училища противотанковой артиллерии, стрелково-минометные, артиллерийско-технические и оружейно-технические училища, должны были иметь образование не ниже девяти классов средней школы, а во все остальные артиллерийские училища – законченное среднее образование.

Начало войны и связанное с ним мобилизационное развертывание армии вызвали значительные изменения в условиях работы артиллерийских училищ. Так, уже через два дня после начала войны срок обучения курсантов в училищах был установлен продолжительностью в один год, а еще через несколько дней (30 июня 1941 г.) этот срок был сокращен до 9 месяцев. Последующими

распоряжениями срок обучения курсантов в училищах противотанковой артиллерии был установлен продолжительностью 5 месяцев, в миномётных училищах – 4 и в остальных артиллерийских и артиллерийско-технических училищах – 6 месяцев.

Попутно с этим в июле 1941 года училища произвели еще один досрочный выпуск курсантов старшего курса, проучившихся один год. Для организации учебного процесса при сокращенных сроках подготовки курсантов училища имели в первые дни войны только составленный до войны и утвержденный Управлением артиллерийских военно-учебных заведений учебный план годового срока обучения, опиравшийся на программы двухлетнего курса и содержащий указания о порядке применения этих программ (расчеты учебных часов по предметам и темам) при переходе на годичный курс подготовки. При последующих сокращениях сроков обучения училища получали краткие расчеты часов по предметам и темам той же двухлетней программы. Так, при шестимесячном курсе обучения из учебных планов всех артиллерийских училищ были исключены авиационная и бронетанковая подготовка, военная история, иностранный язык и стажировка курсантов в войсках. Количество учебных часов по политической подготовке уменьшилось в 4,7 раза, по тактике – в 2,9, по стрельбе артиллерии – в 2,2, по материальной части артиллерии и огневой службе – в 3, на артиллерийский тренаж – в 4,3, по топографии – в 3,6, на изучение средств связи – в 3 раза и т.д.

Таким образом, при сокращении срока обучения в 4 раза (шесть месяцев вместо двух лет; по количеству же учебных часов — в 3,5 раза) количество учебных часов, отводимое на такие основные предметы курса, как стрельба артиллерии, материальная часть и тактика, уменьшилось только в 2-3 раза. В целом количество учебных часов по курсу артиллерии (стрельба артиллерии, материальная часть и приборы, огневая служба и артиллерийский тренаж) сократилось в 2,8 раза. При этом количество учебных часов в день доводилось до 12 (9 часов занятий под руководством преподавателей и 3 часа самоподготовки). Увеличение учебного времени на один час в день составляло в течение шестимесячного курса 144 учебных часа.

При столь сокращенном сроке обучения пришлось в первую очередь исключить из курса подготовки все темы, имевшие лишь теоретическое значение, и весь учебный процесс строить главным образом на практическом обучении курсантов, как-то: подготовка и ведение стрельбы, работа на приборах и при орудиях, уход и сбережение материальной части, с вынесением большей части занятий в парки, на миниатюр-полигоны и на местность. Так же строились занятия по тактике и топо-

графии, по изучению средств связи, военно-инженерной подготовке и другим предметам обучения. Из программы военного времени были исключены общеобразовательная подготовка, иностранные языки, теоретические разделы по тактической подготовке и артиллерийской стрельбе, основы устройства орудий, боеприпасов, приборов стрельбы и наблюдения.

Отсутствие в училищах заранее и достаточно подробно составленных программ военного времени при сокращенных сроках обучения чрезвычайно затрудняло составление предметных и тематических планов занятий. Большие трудности возникли при планировании и самого учебного процесса в целом.

Порядок комплектования артиллерийских училищ, установленный приказом Народного Комиссара Обороны в марте 1941 года, сохранился и в начале войны, но требования, предъявляемые к кандидатам в отношении их общеобразовательной подготовки, были снижены. Для поступления в училища дивизионной, корпусной артиллерии и артиллерии большой мощности требовалась общеобразовательная подготовка в объеме программы восьми классов (вместо десяти) средней школы, в училища противотанковой артиллерии и артиллерийско-минометные – в объеме семи классов (вместо девяти). Допускался прием отдельных кандидатов, имевших боевой стаж и хорошо проявивших себя в боях, при наличии у них общеобразовательной подготовки в объеме пяти-шести классов средней школы для поступления в училища противотанковой артиллерии и артиллерийско-минометные и в объеме семи классов – в остальные артиллерийские училища.

Следует отметить, что среди кандидатов, направляемых в училища, нередко были лица, имевшие незаконченное и даже законченное высшее образование.

Были также предприняты меры по созданию новых училищ. По директиве Генерального Штаба Красной армии (от 30 июня 1941 г.) были сформированы вновь 2-е Ростовское училище противотанковой артиллерии на 1600 курсантов и Пензенское артиллерийско-минометное училище на 1900 курсантов. Одновременно с этим на базе Днепропетровских и Томских артиллерийских курсов усовершенствования офицеров запаса сформировались Днепропетровское и 2-е Томское училища дивизионной артиллерии также на 1600 курсантов каждое. Кроме того, для пополнения офицерами артиллерийских частей Дальневосточного фронта в октябре 1941 года было сформировано Дальневосточное артиллерийское училище дивизионной артиллерии на 2000 курсантов.

Быстрый количественный рост гвардейских минометных частей в течение первых месяцев войны и пер-

спективы их дальнейшего развития выдвинули задачу подготовки кадров офицеров этих частей.

В ноябре 1941 г. (на основании приказа НКО № 0432 от 17 ноября 1941 г.) в подчинение Военного совета гвардейских минометных частей было передано 1-е Московское артиллерийское училище им. Красина, на базе которого было создано 1-е гвардейское минометно-артиллерийское училище. При училище, кроме того, были организованы курсы усовершенствования офицерского состава по переподготовке офицеров для тех же частей. Часть же курсантов училища (из числа служивших в войсках, наиболее успевающих и т. п.) в месячный и трехмесячный срок, считая с 1 декабря 1941 года, должна была быть переподготовлена для выпуска и направления в гвардейские минометные части на должности командиров взводов.

В первые месяцы войны некоторые изменения произошли также и в системе подчинения училищ и руководства ими. С 1940 года отдел военно-учебных заведений, ведавший подготовкой офицерских кадров в училищах, находился в подчинении начальника Главного артиллерийского управления. С организацией в июле 1941 года Главного управления Командующего артиллерией Красной армии отдел военно-учебных заведений был передан в подчинение Командующего артиллерией. *В сентябре того же года все училища зенитной артиллерии, а также артиллерийско-техническое зенитной артиллерии, зенитно-пулеметное, зенитно-прожекторное, училище воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) перешли в подчинение Главного управления противовоздушной обороны территории страны.* Вновь сформированное гвардейское минометное училище было переподчинено командующему гвардейскими минометными частями Ставки Верховного Главнокомандования.

Многим училищам с первых же дней пришлось заниматься не только учебной работой, но и участвовать в оборонных работах, выполнять специальные задания по ликвидации парашютистов-диверсантов, готовить и высылать боевые подразделения для выполнения других заданий и нести усиленную караульную службу в гарнизонах по обеспечению безопасности и порядка.

В июле 1941 года Главное управление кадров Красной армии издало специальную директиву, в которой указывало на недопустимость использования личного состава, вооружения и имущества училищ не по прямому назначению.

В связи с отступлением наших войск возникла необходимость эвакуировать часть училищ в глубь страны. Эвакуации подверглось 20 училищ, и каждому из них только на переезд потребовалось от 15 до 45 дней. По-

дольское артиллерийское училище походным порядком шло до Горького, затем водным транспортом до Куйбышева, а оттуда по железной дороге до Бухары. При эвакуации училища испытывали большие трудности в организации хозяйственной и учебной жизни на новых местах расквартирования.

1-е Ростовское артиллерийское училище, эвакуированное в г. Нязепетровск, размещалось в трех церквях и не имело ни одного класса. Смоленское училище, эвакуированное в г. Ирбит, размещалось подивизионно. Курсанты Ленинградского артиллерийско-технического училища в г. Ижевске размещались отдельно от столовой, переход в которую занимал около 30 минут. 3-е Ленинградское училище в Костроме размещалось в деревянных бараках, где температура зимой не поднималась выше 6-7 градусов.

Эвакуированные (и все другие) училища полностью перешли на самообслуживание. Они должны были обеспечивать себя овощами из подсобного хозяйства, заготавливать и доставлять к месту расквартирования дрова и фураж, ремонтировать помещения и ежедневно выполнять различные хозяйственные работы. Однако, несмотря на все трудности, училища и курсы за время с 22 июня по 31 декабря 1941 года выпустили 33 тыс. молодых офицеров с различными профилями подготовки, что более чем вдвое превысило численность выпуска из училищ, предполагавшегося довоенным планом 1 сентября 1941 года, и что в основном удовлетворило потребности в кадрах артиллерии в 1941 году. Кроме того, в октябре из артиллерийских училищ было взято 5 тыс. курсантов в качестве рядовых и сержантов на формирование курсантских бригад, которые затем были направлены на фронт для укрепления обороны наших войск.

Конечно, качество подготовки молодых офицеров в сокращенные сроки, в плохих бытовых и учебных условиях, да еще при большой потере времени на самообслуживание и всякого рода работы было недостаточным. В отчетах и донесениях многих штабов артиллерии фронтов и армий отмечалось, что поступающий на пополнение офицерский состав часто не отвечал предъявляемым к нему требованиям и нуждался в дальнейшей подготовке в боевых условиях. Так, в отчете штаба артиллерии 54-й армии за сентябрь 1941 года говорилось, что многие командиры взводов – младшие лейтенанты – имеют слабую подготовку, плохо знают и выполняют уставы.

По плану довоенного времени все училища и курсы, существовавшие на 1 января 1941 года и имевшие по штату 38820 курсантов, готовили к выпуску в этом году 17081 офицера; училища же и курсы в первые полтора года войны, в период мобилизационного развертывания

Таблица 2.

Количественные данные о выпускниках некоторых артиллерийских командных училищ в 1941 году (до Великой Отечественной войны и после ее до конца года) [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]

Училища	До ВОВ (чел.)	С началом ВОВ и до конца 1941 г. (чел.)
Тбилисское горно-артиллерийское училище	658	1618
2-е Ленинградское артиллерийское училище	483	1568
1-е Ленинградское артиллерийское училище	707	1626
1-е Томское артиллерийское училище	431	1633
Рязанское артиллерийское училище	634	729
Сумское артиллерийское училище	572	572
Одесское артиллерийское училище		891
1-е Ростовское артиллерийское училище	775	545
3-е Ленинградское артиллерийское училище	514	2775
Итого	4774	11957

армии, когда потребность в офицерских кадрах была исключительно велика, выпустили 120213 офицеров, т. е. в семь раз больше нормального годового выпуска по планам довоенного времени.

Внизу в таблице 2 представлены количественные данные о выпускниках некоторых артиллерийских командных училищ в 1941 году.

Как видно из таблицы 2 количественные данные за рассмотренные для примера артиллерийские училища говорят о том, что во второй половине 1941 года выпустили примерно в три раза больше (71,5 %) от общего за год.

Оценивая итоги подготовки офицеров в артиллерийских училищах, нужно сказать, что существовавшая до войны система подготовки младшего звена офицерских кадров в основном удовлетворяла потребности артиллерии в этих кадрах. В 1941 году очень сложно пришлось переходить на сокращенные сроки подготовки, что в большинстве оказывало влияние на качество подготовки выпускников. В отчетах и донесениях многих штабов артиллерии фронтов и армий отмечалось, что поступающий на пополнение офицерский состав часто не отвечал предъявляемым к нему требованиям и нуждался в дальнейшей подготовке в боевых условиях. Так, в отчете штаба артиллерии 54-й армии за сентябрь 1941 года говорилось, что многие командиры взводов – младшие лейтенанты – имеют слабую подготовку, плохо знают и выполняют уставы.

В начале войны значительная часть молодежи, призванной в армию и имевшей среднее или незаконченное высшее образование, шла на укомплектование действу-

ющих и формирующихся частей и не была своевременно использована для мобилизационного развертывания артиллерийских училищ. Впоследствии эта молодежь в различные сроки была направлена в училища и на курсы, но с потерями и в количестве, и во времени для подготовки.

Училища оказались также неподготовленными к организованному переходу на сокращенные сроки обучения в военное время, так как они не имели мобилизационных учебных планов с расчетами учебного времени и программами по предметам для различных сроков обучения. Училищам пришлось такие планы и расчеты разрабатывать в процессе самой перестройки на военный лад, когда большая часть опытного командного и преподавательского состава убывала в действующую армию. Отдел военно-учебных заведений Главного артиллерийского управления в свое время занимался вопросами разработки учебных планов на случай войны, но не довел этого дела до конца и поэтому не мог своевременно оказать нужной помощи училищам в переходе на сокращенные сроки обучения.

Изъятие из училищ в начале войны значительной и к тому же лучшей части преподавательского состава снижало качество учебного процесса, особенно в периоды частой перестройки училищ на новые планы и сроки обучения. Замена преподавательского состава училищ, может быть, оправдана только интересами обновления его офицерами с боевым опытом, но эта замена должна проходить в строго определенном и плановом порядке, без снижения требований к уровню теоретических и методических знаний этих офицеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Командные кадры Советской артиллерии в Великой Отечественной войне. – М.: 1958. – 360 с.
2. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне. – М.: 1963. – 360 с.
3. Буфетов, Н.Н. Развитие системы подготовки кадров для артиллерии Красной армии в межвоенный период (1918-1941 гг.) / Н.Н. Буфетов, И.А. Моторин, А.В. Репин // Вестник Академии военных наук. – 2022. – № 1(78). – С. 146-152.
4. ЦАМО. Ф. 60193. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 64 об. – 67 об.
5. ЦАМО. Ф. 60166. Оп. 143. Д. 1. ЛЛ. 56 об. – 59.
6. ЦАМО. Ф. 60165. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 135–138 об.
7. ЦАМО. Ф. 60194. Оп. 803390с. Д. 1. ЛЛ. 14 об. – 17 об.
8. ЦАМО. Ф. 60185. Оп.15504. Д. 1. ЛЛ. 219 – 220.
9. ЦАМО. Ф. 60191. Оп.8562. Д. 6. ЛЛ. 13 об. – 15.
10. ЦАМО. Ф. 60175. Оп.803380. Д. 4. ЛЛ. 14 – 16 об.
11. ЦАМО. Ф. 60181. Оп.35278. Д. 4. ЛЛ. 17 – 21.
12. ЦАМО. Ф. 60167. Оп.35250. Д. 1. ЛЛ. 2 – 8 об.

© Дьяков Сергей Иванович (serDyakoff@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЕ ТЕМАТИКИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И ОТРАСЛЕЙ НАУКИ ПОСРЕДСТВОМ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Пронин Александр Алексеевич

к. и. н., доцент, профессор, Екатеринбургская академия
современного искусства
po.pronin2015@yandex.ru

DIFFERENTIATION OF THE SUBJECT OF DISSERTATION RESEARCH IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC SPECIALTIES AND BRANCHES OF SCIENCE THROUGH THE BIBLIOMETRIC METHOD

A. Pronin

Summary: This publication identifies the cognitive capabilities of bibliometry in historiographical research, which made it possible on the basis of the system of scientific- to characterize the sectoral and qualification composition of dissertations on the history of emigration from Russia (distribution by degrees, branches of science and specialties of researchers), the dynamics of defenses, the activities of centers for the study of Russian abroad (cities and organizations where defenses took place, scientific schools of historians of emigration), to identify the characteristic features and trends in the study of Russian emigration on different historical stages of the national history; the effectiveness of the use of bibliometry for the analysis of the corpus of dissertation research on the phenomenon of emigration is proved.

The purpose of our research is to study the topics of dissertation research in the context of scientific specialties and branches of science through the bibliometric method. The object specifies the differentiation of dissertations by specialty, the subject defines the bibliometric method.

Keywords: bibliometric method, dissertation defense, scientific specialties, industry classification, scientific work. emigrant studies, bibliometric analysis.

Аннотация: В данной публикации выявлены когнитивные возможности библиометрии в историографическом исследовании, что позволило на основе системы научно- и библиометрических показателей охарактеризовать отраслевой и квалификационный состав диссертаций по истории эмиграции из России (распределение по степеням, отраслям науки и специальностям научных работников), динамику защит, деятельность центров изучения российского зарубежья (города и организации, где состоялись защиты, научные школы историков-эмигрантоведов), выявить характерные особенности и тенденции изучения российской эмиграции на разных исторических этапах отечественной истории; доказана эффективность использования библиометрии для анализа корпуса диссертационных исследований, посвященных феномену эмиграции.

Целью нашего исследования является изучение тематики диссертационных исследований в контексте научных специальностей и отраслей науки посредством библиометрического метода. Объектом конкретизирована дифференциация диссертаций по специальностям, предметом определен библиометрический метод.

Ключевые слова: библиометрический метод, защита диссертации, научные специальности, отраслевая классификация, научная работа. эмигрантоведение, библиометрический анализ.

Введение

Изучение проблем становления, развития и современного состояния исторической науки в части осмысления ею проблем эмиграции из России в современном контексте актуально в теоретическом, историковедческом, методологическом и историографическом измерениях. Именно поэтому очень важно выявить особенности данного метода в контексте изучения специфики написания диссертаций по различным направлениям и специальностям.

Библиометрический метод предоставляет возможность не только измерения, но и качественного осмысления исследуемого материала, выявление особен-

ностей, позволяющих группировать данные, а также анализировать динамику статистических показателей [2]. Ряд зарубежных исследователей [6] отмечает, что подобный вид исследований является качественно новым, позволяющим по- другому взглянуть на науку, результаты практической деятельности ученых и исследовать полученные показатели в контексте определения перспектив дальнейших работ.

В свете тематики нашего исследования важно выявить распределение защищаемых диссертаций, которые защищались в нашей стране за последние 40 лет. Также важно сопоставить их разделение в соответствии с историческими периодами и территориями, на которых проводилась защита.

Учитывая вышесказанное, нами определена цель работы- изучить дифференциацию научных специальностей защищаемых диссертаций при помощи библиометрического метода.

Объектом в данном случае мы выбрали распределение диссертаций в зависимости от периода и города защиты, предметом- библиометрический метод.

Основные результаты

В изданной «Директ-Медиа» в 2019 г. монографии «Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2016 гг.» нами предложен научно- и библиометрический подход к проведению историографических исследований, дана его подробная характеристика, определены достоинства и недостатки (границы применимости), осуществлена апробация, для чего впервые в историографии предпринята попытка библиометрического анализа диссертаций по теме «Российская эмиграция», защищавшихся в РСФСР/РФ за 37 лет (1980–2016 гг.) и охватывающих советский и постсоветский временные отрезки, в результате которой установлены и систематизированы доминирующие тенденции развития отечественной гуманитарной науки в части осмысления ею проблем истории российской эмиграции и доказано появление эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике, изучена динамика его развития, определено отраслевое

«ядро» эмигрантоведческих исследований и смежные с ним отрасли науки, показаны темпы их развития, определены перспективы дальнейших исследований истории российской эмиграции и российского зарубежья [5]. Ниже дается характеристика предпринятого исследования.

Среди диссертаций тройка лидеров по отраслям науки за весь период 1980–2016 гг. выглядит следующим образом: филологические науки (742 диссертации, или 43,9%); философские науки (330; 19,5%); исторические науки (314; 18,6%). Остальные 306 (18,0%) диссертаций распределены по отраслям науки следующим образом: искусствоведение (77; 4,6%); политические науки (60; 3,5%); педагогические науки (44; 2,6%); культурология (34; 2,0%); юридические науки (30; 1,8%); социологические и экономические науки – по 23 работы, или по 1,3%; психологические науки (10; 0,6%); географические науки (3; 0,3%); архитектура (2; 0,1%) (рис. 1).

Иными словами, существует три отрасли науки, в рамках которых осуществляется основной прирост знания истории российской эмиграции и российского зарубежья («ядро»); часть диссертаций приходится на долю смежных отраслей; остальные работы распределены по очень большому числу отраслей науки, далеких от эмигрантоведения. Таким образом, подтверждена закономерность рассеивания научной информации: увеличение в арифметической прогрессии количества дис-

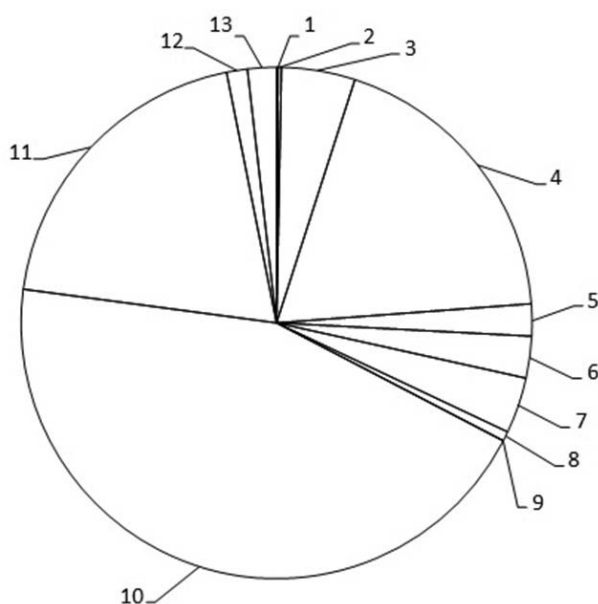

Рис. 1. Распределение по отраслям науки диссертаций по теме российской эмиграции, защищавшихся в РСФСР/РФ в 1980–2016 гг. (в абсолютном значении и процентах от общего числа.):

- 1 – архитектура (2; 0,1%); 2 – географические науки (3; 0,2%); 3 – искусствоведение (77; 4,6%);
 4 – исторические науки (314; 18,6%); 5 – культурология (34; 2,0%); 6 – педагогические науки (44; 2,6%);
 7 – политические науки (60; 3,5%); 8 – психологические науки (10; 0,6%); 9 – социологические науки (23; 1,3%);
 10 – филологические науки (742; 43,9%); 11 – философские науки (330; 19,5%); 12 – экономические науки (23; 1,3%);
 13 – юридические науки (30; 1,8%)

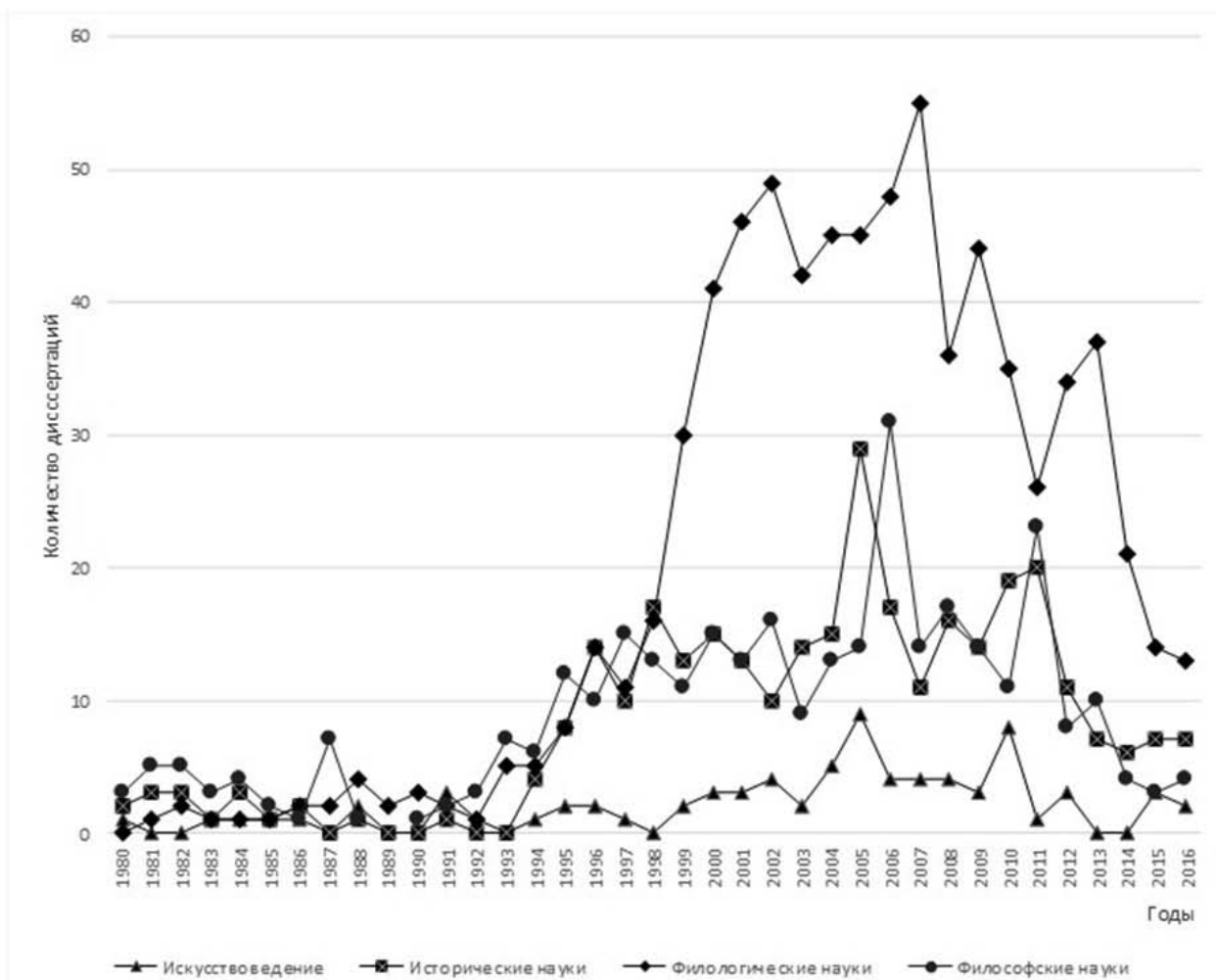

Рис. 2. Сравнительная динамика количества диссертаций в основных отраслях науки, по которым велось изучение российской эмиграции в РСФСР/РФ в 1980–2016 гг.

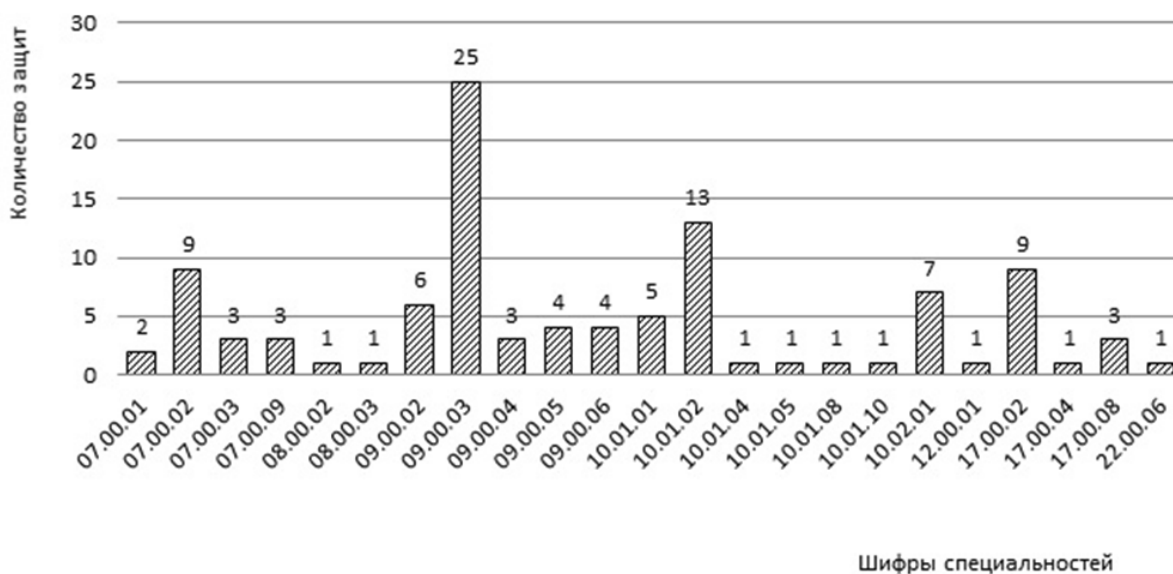

Рис. 3. Распределение по специальностям научных работников защит диссертаций по теме эмиграции, защищавшихся в РСФСР/РФ в 1980–1993 гг.

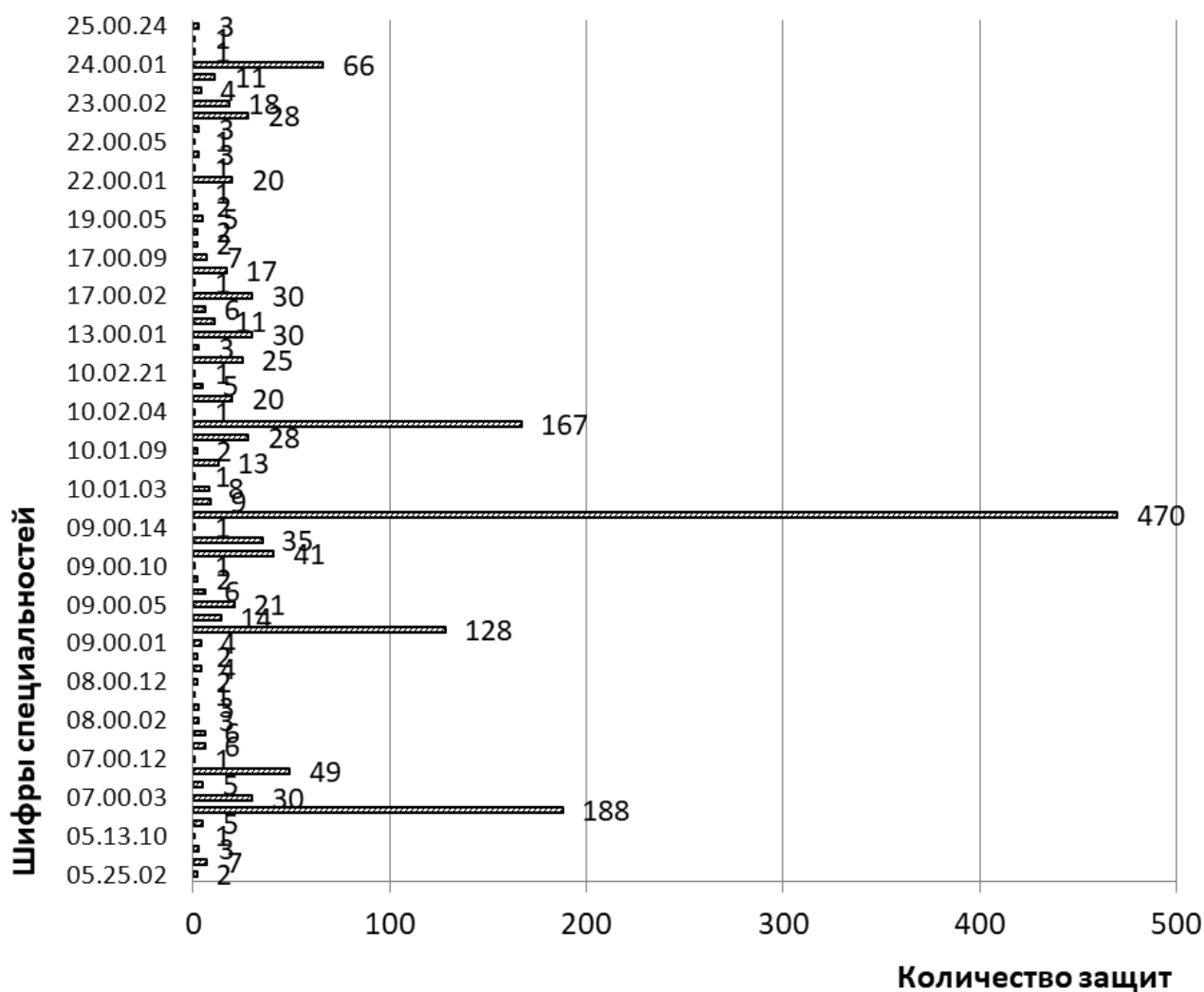

Рис. 4. Распределение по специальностям научных работников защит диссертаций эмиграционной тематики, защищавшихся в России в 1994–2016 гг.

сертаций, содержащих информацию по определенной теме исследования, приводит к возрастанию в геометрической прогрессии количества отраслей науки, в рамках которых ведутся исследования в русле изучаемой проблемы. Определены три отрасли науки (филология, философия и история), в рамках которых осуществляется основной прирост знания истории российской эмиграции и российского зарубежья («ядро»); часть диссертаций приходится на долю смежных отраслей; остальные работы распределены по очень большому числу отраслей науки, далеких от эмигрантоведения.

Сравнительная динамика количества диссертаций в основных отраслях науки, по которым велось изучение российской эмиграции в РСФСР/России в 1980–2016 гг., показана на рис. 2.

То, как распределились по специальностям научных работников диссертации, защищавшиеся в РСФСР/РФ в 1980–1993 гг., отображено на рис. 3; в 1994–2016 гг. – на

рис. 4.

Всего в 1980–2016 гг. были подготовлены диссертации по 14 группам специальностей: 05.00.00 Технические науки (4), 07.00.00 Исторические науки (7), 08.00.00 Экономические науки (8), 09.00.00 Философские науки (11), 10.00.00 Филологические науки (13), 12.00.00 Юридические науки (2), 13.00.00 Педагогические науки (2), 17.00.00 Искусствоведение (6), 18.00.00 Архитектура (1), 19.00.00 Психологические науки (4), 22.00.00 Социологические науки (5), 23.00.00 Политические науки (4), 24.00.00 Культурология (3), 25.00.00 Науки о Земле (1). (Здесь и далее в скобках приведено количество специальностей.) Как видим, наиболее масштабными по числу научных специальностей, по которым изучается российская эмиграция, оказались филологические науки.

Доминирование в изучении наследия российской эмиграции филологов и философов, объясняется, на наш взгляд, следующим. Литература всегда, начиная с

петровской эпохи, выступала основной формой выражения творческого потенциала российской культуры. Литература в разнообразных своих жанрах, в том числе философских, всегда отражала русский культурный идеал и наиболее яркие элементы самосознания интеллигенции, а эмиграция – во многом ее плоть и кровь. Между тем интеллигенция – это своеобразный «мозг нации», ее основная роль заключается в формировании общественного сознания путем выдвигания идей. Общество эти идеи или принимает, или отвергает. Проблемы, поднимавшиеся российскими зарубежными литераторами и философами, – будущее России, ее государственность и власть, отношение к религии, социальной справедливости, взаимоотношения интеллигенции и народа, насилие и ненасилие, – оказались актуальны в плане поиска путей преодоления социально-экономического и духовного кризиса, обновления страны.

В 1980–1993 гг., годы советской власти, изучение российской (советской) эмиграции фактически сводилось к исследованию теоретического наследия и деятельности за рубежом представителей русской революционной эмиграции (Г.В. Плеханов, П.Л. Лавров, С.М. Степняк-Кравчинский, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, В.И. Ленин, Н.П. Огарев, П.Н. Ткачев, А.И. Герцен, Г.А. Лопатин), творчества российских композиторов-эмигрантов (С.В. Рахманинов, И.Ф. Стравинский), созданных в эмиграции произведений советских писателей М. Горького и А.Н. Толстого. Как следствие, число диссертаций, посвященных жизни и творчеству отдельных лиц, практически совпадало с общим количеством диссертаций эмиграционной тематики. Заголовки же тех немногочисленных диссертаций, где отсутствовали имена эмигрантов в случае, если они посвящались эмиграции первой послеоктябрьской волны, содержали негативно эмоционально окрашенные слова «крах», «разгром» и т. д. Таким образом, изучение так называемой белой эмиграции в советские годы носило идеологически заданный, политизированный характер.

С середины 90-х гг. XX в., одновременно с ростом числа имен эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций, начинается изучение эмиграции как явления.

Большинство исследователей российского зарубежья выбирают в качестве объекта изучения первую послереволюционную волну эмигрантов как наиболее яркую, вобравшую цвет нации, и ограничивают свои работы рамками 1917–1939 гг.

За исключением дореволюционной и первой послереволюционной волн эмиграции, другие волны до 1990-х гг. практически не исследовались. В «нулевые» годы большой шаг в исследовании третьей послеоктябрьской волны сделали филологи, в результате чего количество посвященных этой волне диссертаций возросло до 107 против 2 в 1990-е гг. В «нулевые» существенно увеличи-

лось и количество диссертаций, исследующих тему российской эмиграции и российского зарубежья последних лет в различных отраслях науки (62 против 12 в 1990-е гг.) В три раза возросло в «нулевые» и количество диссертаций, посвященных второй послеоктябрьской волне (15 против 5 в 1990-е гг.), изучаемой пока преимущественно историками (12 работ из 15).

В массиве диссертаций за 1980–2016 гг. дореволюционной эмиграции посвящены 163 работы (10,2% от общего количества), эмиграции первой послереволюционной волны – 1308 работ (82,2%), второй волны послеоктябрьской эмиграции – 27 работ (1,7%), эмиграции третьей волны – 144 диссертации (9,0%) и современной эмиграции – 100 работ (6,3%). Следует иметь в виду, что в ряде диссертаций рассматривалась эмиграция нескольких волн.

В настоящий момент изучаются все волны российской эмиграции, хотя более всего внимания исследователи продолжают уделять первой послеоктябрьской волне; творчество эмигрантов этой волны отражено в наиболее широком перечне отраслей науки и специальностей научных работников.

Наше исследование позволяет уверенно констатировать тенденцию к персонализации истории российской эмиграции и российского зарубежья. Из 1692 известных нам диссертаций по теме российской эмиграции за 1980–2016 гг. 1237 (73,1%) посвящены жизни и творчеству отдельных лиц.

На рис. 5 показано соотношение количества имен (псевдонимов) эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций, с количеством диссертаций, посвященных жизни и творчеству отдельных лиц, и общим числом диссертаций по теме российской эмиграции в 1980–2016 гг.

Как можно проследить по данным рис. 5, в 1980–1993 гг. число диссертаций, посвященных жизни и творчеству отдельных лиц, практически совпадало с общим количеством диссертаций по теме российской (советской) эмиграции, т.е. изучение последней фактически сводилось к исследованию теоретического наследия представителей русской революционной эмиграции, творчества российских композиторов-эмигрантов (С.В. Рахманинова, И.Ф. Стравинского), созданных в эмиграции произведений советских писателей М. Горького и А.Н. Толстого. На фоне издательского «бума» начала 1990-х гг. популярными в ученой среде стали имена писателя И.А. Бунина, философов Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Л. Шестова. И лишь в середине 90-х гг. XX в., одновременно с ростом числа имен эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций, начинается изучение эмиграции как явления (кривые на рис. 5 заметно отрываются одна от другой).

Если в 1980–1993 гг. отношение числа диссертаций,

посвященных жизни и творчеству эмигрантов, к общему числу диссертаций по интересующей нас теме составляло 87,7%, то в 1994–2016 гг. оно уменьшилось до 71,2% (в 2011–2016 гг. – до 68%), однако число диссертаций антропологического характера в 1990-е гг. и «нулевые» лавинообразно росло: 1980–1990 гг. – 69 диссертаций; 1991–2000 гг. – 253; 2001–2010 гг. – 705 (из них в первую пятилетку десятилетия – 347, во вторую – 358); 2011–2016 гг. – 213 (спад, пропорциональный общему объему диссертационного потока эмигрантоведческого характера в эти годы). Одновременно число эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций в течение года, возросло в 1994–2016 гг. в среднем до 32 за год против 5 в 1980–1993 гг.: 1980–1990 гг. – по 5 имен в среднем за

год, 1991–2000 гг. – по 18, 2000–2010 гг. – по 41; 2011–2016 гг. – по 26 имен (в последнюю шестилетку – значительная тенденция к снижению, что объяснимо общим спадом диссертационного потока эмиграционной тематики). Все вышеотмеченное позволяет констатировать, что антропологический подход стал ведущей доминантой исследований эмигрантской тематики.

Меняется широта охвата имен эмигрантов: если в 1980–1990 гг. исследователям были интересны жизнь и творчество 25 российских эмигрантов, в 1991–2000 гг. – 71, в 2001–2010 гг. – 143, в 2011–2016 гг. предметом научного интереса стало 86 биографий. Всего же в 1980–2016 гг. исследователям российской эмиграции были инте-

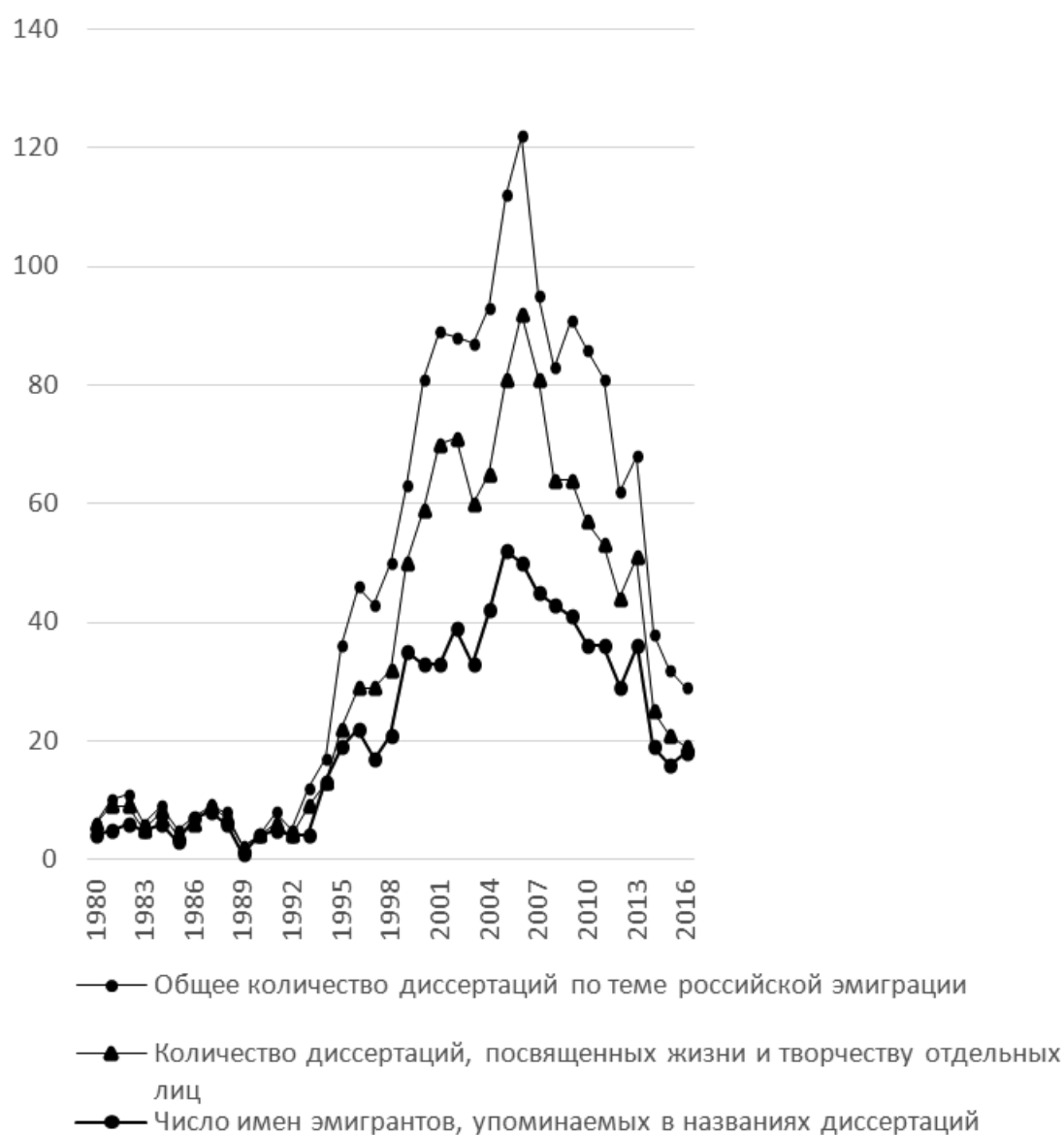

Рис. 5. Соотношение числа имен эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций, с количеством диссертаций, посвященных жизни и творчеству отдельных лиц, и общим количеством диссертаций по теме российской эмиграции в 1980–2016 гг.

ресны жизнь и творчество 186 эмигрантов.

Одновременно число эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций в течение года, возросло в 1994–2016 гг. в среднем до 32 за год против 5 в 1980–1993 гг.

В настоящее время глубокое изучение творческого наследия какой-то одной фигуры уступает место обобщениям и классификации. С годами в каждом из названий диссертаций фигурирует все больше персоналий. Однако в числе деятелей российского зарубежья остается немало тех, чье творчество до сих пор не стало объектом исследования в таком специфическом жанре научных работ, как диссертация.

Основываясь на системообразующих признаках научной школы: лидер, ученики, общность проблемно-тематической области исследований принадлежащих к школе, институциональная единица, мы изучили указанные в авторефератах диссертаций сведения об их научных руководителях (признак лидера школы), количестве диссертантов каждого из руководителей (ученики), научно-образовательных структурах, где были выполнены работы, нам удалось выявить научные школы историков, формировавшиеся в годы становления и развития выявленного нами научного направления – эмигрантоведения. Предлагаемая градация выявленных научных школ: ведущие и продолжающие существовать; сыгравшие свою роль в становлении эмигрантоведения; исследования, проведенные в рамках уже существующих научных школ с иной специализацией; формирующиеся научные школы. Таким образом, нами выявлено 11 научных школ историков-эмигрантоведов, существовавших (существующих) на разных этапах его развития. Их география и результативность исследований в целом коррелируют данным о деятельности центров изучения российского зарубежья, касающимся распределения защит диссертаций эмиграционной тематики по городам и организациям. При этом историческое эмигрантоведение было и остается темой исследований главным образом москвичей.

Изучив объем и характер исследований, осуществленных в 90-х гг. XX в. – начале XXI в., мы идентифицировали появление эмигрантоведения как нового общественно значимого направления в отечественной гуманитаристике, развивавшегося до недавнего времени ускоренными темпами.

За период продолжительностью 20 лет (1995–2014 гг.) мы видим зарождение и затухание эмигрантоведения как нового направления отечественной гуманитаристики. Эти данные подтверждают закономерность Р. Бартона и Р. Кеблера, согласно которой информация, имеющая наибольшую общественную значимость, сосредоточена в определенном интервале времени. Для научной документации этот интервал в среднем оказался равен

полупериоду формирования научных представлений в общественной системе, т. е. примерно 19 годам, однако скорость устарения зависит от научного направления. Незначительный всплеск диссертационной активности, наблюдаемый в 2009–2010 гг., возможно, имеет объяснения в том, что эти исследования начались примерно в середине «нулевых», т. е. на пике интереса (налаживание качественно новых, более конструктивных взаимоотношений с соотечественниками за рубежом требовало научного обеспечения), и к 2010 г. диссертации были написаны и защищены. В последующем общественный и научный интерес к теме эмиграции из России ослабевают, следовательно, все меньше и новых исследований. В итоге в 2014 г. количество представленных к защите диссертаций сравнялось с 1995 г.

Заключение

Таким образом, нами выявлены и продемонстрированы когнитивные возможности и границы применения науко- и библиометрических методик; доказано, что эти методики есть эффективные инструменты изучения историографии российской эмиграции и российского зарубежья. С их помощью выявлены направления и темпы развития эмигрантоведческой области; динамика исследовательского интереса; вклад отдельных регионов, организаций в развитие эмигрантоведения; интенсивность работы научных центров (включая научные школы); интегративные связи между отраслями науки и рассматриваемыми ими проблемами; и др. Единственное, что объективно оказывается вне границ применимости библиометрии – это рассмотрение собственно текстов научных трудов, ведь измерению поддаются лишь формализованные источники. Поэтому, чтобы отразить все многообразие информации диссертаций и их авторефератов, в дополнение к количественным методам следует использовать традиционные методы анализа документов. Историографический метод предполагает анализ научных текстов.

Мы выявили возрастающий интерес историков разных регионов и научных школ к диссертациям как особому виду научных произведений, который содержит множество науковедческих, библиометрических, документоведческих сведений и дает представление о направлениях развития научной мысли, о темах, которые находятся в центре внимания, позволяет признать научно-квалификационные работы историографическим феноменом, требующим специфической методики своего изучения. Большое количество публикаций разнообразных жанров, наблюдаемое в последние годы, посвященных концепту диссертационной культуры и российской эмиграции в диссертациях, позволяет говорить о становлении диссертациеведения как нового направления в отечественной исторической науке, объектом познания которого являются диссертации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.П. Диссертации как историографический феномен // Инновационная наука. 2016. №10-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dissertatsii-kak-istoriograficheskiy-fenomen> (дата обращения: 02.05.2024)
2. Иванова А.Ю. Задачи и методы библиометрического исследования в специализированной научной библиотеке // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №13. С.
3. Калимолдаева А.К., Ниязова А.У., Дауренбек Н., Айтжанов А.К. Возможности цифровых инновации в библиометрическом анализе // SAI. 2024. №Special Issue 18. С. 642-648.
4. Перегедова Н.В. Библиометрические исследования информационных потоков по комплексным и межотраслевым проблемам в гуманитарных отраслях научного знания (опыт ГПНТБ со РАН) // Библиосфера. 2010. №4. С. 69-73.
5. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2016 гг.: моногр. В 2 т. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. Т. 1. 489 с. Т. 2. 533 с. 1
6. Франсен Томас, Воутерс Пол наука и ее значимый друг: представление гуманитарных наук в наукометрических исследованиях // Versus. 2022. №2. С.

© Пронин Александр Алексеевич (ro.pronin2015@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОБРОВОЛЬНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАЗАНИ: ИСТОРИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

VOLUNTARY SPORTS ASSOCIATIONS IN PRE-REVOLUTIONARY KAZAN: HISTORICAL, METHODOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

G. Fan-Yung
E. Shchigortsova

Summary: The presented article attempts to analyze the relationship between the rapid development of large and advanced private capitalist industry and the emergence of voluntary sports societies in the administrative center of the Kazan province before 1917. Based on the studied corpus of published and unpublished sources deposited in the State Archive of the Republic of Tatarstan and stored in the Scientific Library of the Kazan (Volga Region) Federal University, the author concluded about the objective influence of large private capitalist industries on the formation of an "all-class" urban environment. In turn, some of its facilities were adapted to the recreational needs of city residents, including amateur athletics and weightlifting, swimming, wrestling, regular cycling, tennis and even yachting.

The purpose of our research is a very brief analysis of the influence of the largest "city-forming" Kazan industries on the formation of an "all-class" urban environment and new forms of leisure for citizens. The objectives are, firstly, the theoretical and methodological substantiation of the emergence of new forms of leisure, one of which was sport, in the specified historical period; secondly, a description of the most important provisions of the charters of some city sports societies; thirdly, systematization of the results obtained and their presentation. In our work we used: universal (general scientific) methods of scientific knowledge, both empirical (description, comparison, juxtaposition, etc.) and theoretical (axiomatic method, deduction, induction, classification, analysis, synthesis, modeling, etc.); the most important principles of historical knowledge (scientificity, historicism, objectivity, etc.); special methods of historical research (historical-genetic, comparative-historical, cause-and-effect analysis, etc.).

Keywords: industrial revolution, "all-class" urban environment, "city-forming" enterprises, amateur sports, voluntary sports societies in pre-revolutionary Russia, pre-revolutionary Kazan.

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

Щигорцова Елена Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань

Аннотация: В представленной статье предпринята попытка проанализировать взаимосвязь между бурным развитием крупной и передовой частнокапиталистической промышленности и возникновением добровольных спортивных обществ в административном центре Казанской губернии до 1917 года. На основании изученного корпуса опубликованных и неопубликованных источников, отложившихся в Государственном архиве Республики Татарстан и хранящихся в Научной библиотеке Казанского (Приволжского) федерального университета, автором сделан вывод об объективном влиянии крупных частнокапиталистических производств на формирование «всесословной» городской среды. В свою очередь, часть её объектов была адаптирована под рекреационные потребности горожан, включая любительские занятия лёгкой и тяжёлой атлетикой, плаванием, борьбой, регулярными велосипедными прогулками, теннисом и даже яхтингом.

Цель нашего исследования состоит в весьма кратком анализе влияния крупнейших «градообразующих» казанских производств на формирование «всесословной» городской среды и новые формы досуга горожан. Задачами выступают, во-первых, теоретико-методологическое обоснование возникновения новых форм досуга, одной из которых выступал спорт, в указанный исторический период; во-вторых, описание важнейших положений уставов некоторых городских спортивных обществ; в-третьих, систематизация полученных результатов и их изложение. В работе нами использованы: универсальные (общенаучные) приёмы научного познания, и эмпирические (описание, сравнение, сопоставление и пр.), и теоретические (аксиоматический метод, дедукция, индукция, классификация, анализ, синтез, моделирование etc.); важнейшие принципы исторического познания (научности, историзма, объективности etc.); специальные методы исторических исследований (историко-генетический, сравнительно-исторический, причинно-следственный анализ etc).

Ключевые слова: индустриальная революция, «всесословная» городская среда, «градообразующие» предприятия, любительский спорт, добровольные спортивные общества в дореволюционной России, дореволюционная Казань.

Революция 1905–1907 годов, де-факто, завершила реформы, начатые при императоре Александре Втором. Народ, в буквальном смысле, вырвал у царизма, политически «обанкротившегося» на полях сражений русско-японской войны 1904–1905 гг., первый

конституционный акт в истории России [1;714–715] – Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 (30) октября 1905 ст. ст. Пункт 3 этого нормативно-правового акта, де-юре, покончил с самодержавием, существовавшим с 1649 года: «Уста-

новить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законностью действий поставленным от нас властей»[2;26803].

Затем последовали акты об учреждении Государственной думы (Высочайший указ от 20 февраля (5 марта) 1906 г.ст.ст.)[3;27424], Государственного совета (Высочайший указ от 23 апреля (06 мая) 1906 г.ст.ст.)[3;27808]. Одновременно (23 апреля (06 мая) 1906 г.ст.ст.) с указом о создании Государственного совета был издан Свод Основных государственных законов [1;722–725]. Установившийся режим ограниченной (т.н.«дуалистической») монархии объективно способствовал улучшению положения фабричных рабочих. В 1905–1907 гг. в стране возникли и успешно функционировали различные демократические институты: двухпалатный парламент, политические партии, профсоюзы, свободная пресса etc. 23 июня (06 июля) 1912 г. ст.ст. был принят весьма значимый для рабочих комплекс законов, включая: «Положение о страховании рабочих от несчастных случаев», «Положение об обеспечении рабочих на случай болезни», «Положение об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Положение об учреждении присутствий по делам страхования рабочих»[4;37444–37447]. В результате, в 1913 году на всех крупных предприятиях России возникли свои больничные кассы. Мелкие и средние предприятия объединялись, образуя «коллективные» больничные кассы [5;1–11]. Пример работы больничной кассы Казанского стеариново-мыловаренного, глицеринового и химического завода фирмы братьев Крестовниковых наглядно демонстрирует эффективность этих учреждений. Из кассы регулярно выдавались денежные средства [6;3–5]. В итоге, архивные материалы свидетельствуют, что фабричная больничная касса являлась довольно эффективным инструментом социальной защиты фабричных рабочих [7;3 – 24].

О несомненном и непрерывном возрастании уровня жизни в дореволюционной России свидетельствует статистика. Так, на 01(14) января 1913 г. численность населения России достигла 174.099.600 чел. Это означало, что по сравнению с результатами переписи 1897 года население увеличилось на 45.904.000 человек (или на 35,8 %). Ежегодный прирост численности населения составлял 1,8% (или 17 чел. на 1000 жителей) [8; 1; 58]. Эти данные превзошли даже статистические прогнозы академика Д.И. Менделеева. Великий учёный подсчитал, что уже к 1910 году, при самом «скромном» годовом приросте населения в 1,5%, население страны должно было составить 155,6 миллиона человек; к 1950 году оно увеличилось бы до 282,7 миллионов человек; 2000 год должны были встретить уже 594,3 миллиона жителей. Сохранение к 2052 году ежегодного прироста в 1,5%, обеспечи-

вавшего удвоение численности населения каждые 46,5 лет, закономерно привело бы к тому, что число жителей России достигло бы 1 миллиарда и 282 миллионов человек [9;12].

Вместе с тем, как отмечал Д.И. Менделеев, российская фабричная промышленность в начале XX века не только не достигла неких «пределов» своего развития, не только не «исчерпала» возможностей роста, но была сопоставима с «каплей в море» по сравнению с перспективами своего будущего грандиозного развития [10;133]. В упомянутом 1913 году в сельском хозяйстве было занято три четверти населения страны, а в промышленности, включая кустарную, – не более 10 % [8; 87]. Косвенным свидетельством «догоняющего» характера российской рыночной экономики выступала и затянувшаяся урбанизация. Численность городского населения, в указанный период, составляла 24.648.400 человек или 14,2%. В той же Великобритании городское население составляло 78%, в Германии – 56,1%, в США – 41,5% [8;61]. Уровень грамотности был очень низким, составляя 21% от общей численности населения [8; 84].

Нельзя не упомянуть и о непрерывном росте доходов населения, объективно оказывавшем влияние на сохранение упомянутого ежегодного прироста его численности (1,8%). По данным Я.Т. Михайловского, известного публициста и преподавателя, почти 11 лет исполнявшего обязанности «главного фабричного инспектора», в 1893 году размер среднего заработка у «заводско-фабричного рабочего»-мужчины составлял 187 руб.60 копеек в год. Наибольший заработок доходил до 600 рублей в год, а минимальный – не превышал 88 руб. 54 коп. в год (288 рабочих дней; продолжительность каждого рабочего дня составляла около 12 часов). В машиностроении и сталелитейной промышленности ежегодный заработок достигал, в среднем, 525 рублей в год. Менее всего платили в ткацком и хлопчатобумажном производствах – «от 200 до 116 рублей в год». Женский труд и труд подростков оплачивался значительно ниже, чем труд взрослых мужчин: «обыкновенно женщины ... получают половину, а малолетние треть платы мужчин ...»[11;273–274]. М.И. Туган-Барановским зафиксировано, что в конце 1890-х гг., по сравнению с началом 1880-х, заработная плата «... фабричных рабочих в Московском районе повысилась на 20–25%. ... В быстро развивающихся промышленных центрах Юга заработная плата, ..., возросла гораздо более. ... на Юзовском заводе ... в 1897 году низшая плата (чернорабочего) ... не спускалась ниже 70 к. в день, а высшая достигла 6 р. [в день – прим. Г.Ю. Фан-Юнга]. ... По-видимому, денежная заработная плата на железнодорожных заводах Юга возросла со времени начала восьмидесятых годов вдвое. Всё это побуждает нас признать, что, в общем, за новейшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась» [12;337]. В 1901 году Д.И.Менделеев отмечал, что заработки рабо-

чих всех отраслей непрерывно возрастают с самого начала промышленной революции [10;183]. Он зафиксировал увеличение чистого дохода каждого работающего среднестатистического жителя, начавшийся с середины 1890-х годов, на 1 рубль в год [10;192].

«Харчевание» (т.е. снабжение продовольствием) рабочих «... хозяин часто берёт на свой счёт». Например, в г. Москве подобное «харчевание» каждого рабочего, с учётом оптовых закупок продуктов заводской потребительской кооперацией, обходилось от 04 руб.50 коп. в месяц до 60 рублей в год [11;275]. Организация питания рабочих за счёт владельца предприятия, по нашему мнению, представляется, во-первых, как эффективный инструмент социальной политики фирмы; во-вторых, как одна из форм косвенного материального стимулирования, т.к. общие расходы рабочих, питавшихся на предприятии, были более упорядочены. Кроме того, «удешевлению пищи рабочих ... содействует существование при фабриках потребительских товариществ, главными участниками которых являются рабочие» [11;277]. Не имелось у рабочих того времени и существенных расходов за аренду жилья, т.к. при крупных промышленных предприятиях имелись рабочие казармы или иные помещения для их проживания [11;277–278].

Я.Т. Михайловский особо отметил, что «сдельщина» (сдельная оплата труда) «становится наиболее употребительной» в российских реалиях [11;279]. Этот автор зафиксировал и постепенный переход к 8-часовому рабочему дню на отдельных производствах, т.к. развитие техники и технологии уже не требовало длительного присутствия на рабочем месте [11;286]. Так, на серноокислотном производстве Товарищества П.К. Ушкова восьмичасовой рабочий день был введён с 1897 года [13;115]. При этом продолжительность рабочего дня, в указанный период, на прочих химических производствах «...колебалась между 11 и 13 часами» [14;170]. Это было объяснимо, в первую очередь, недостаточным уровнем их технологического развития.

Необходимо уточнить, что приведённые статистические и научные материалы, авторами которых являлись, в основном, современники описываемой эпохи, ставят под сомнение массу изначально сомнительных выводов об уровне экономического и, следовательно, социального развития России не только до Февральской революции 1917 года, но даже на рубеже XIX–XX веков. Несмотря на отдельные замечательные и сугубо научные труды выдающихся отечественных историков советского периода (М.Н. Покровский, М.В. Нечкина, Е.В. Тарле и мн.др.) советская историческая наука, как и прочие общественные науки, «обслуживала» марксистско-ленинскую идеологию, руководствуясь «принципом партийности».

Закономерным следствием подобной незавидной роли истории как науки стала подмена той или научной истины набором весьма противоречивых идеологических догматов, призванных изобразить всю тысячелетнюю историю России как набор неких этапов, предваряющих «неизбежную» пролетарскую революцию. Задача целых коллективов историков сводилась к наукообразному «нивелированию» неудобных «шероховатостей» и откровенных противоречий, характерных для массы мифологем. Одним из результатов подобного «труда» стал тезис о том, что дальнейшее развитие крупной капиталистической промышленности и рыночной экономики «неизбежно» ведёт к обострению классовых противоречий и «обнищанию» рабочих. Например, «отсутствовала всякая охрана труда. Нищенской заработной платы едва хватало на скудное пропитание. Рабочего обсчитывали, выдавали заработную плату нерегулярно, по усмотрению хозяина. Особенно донимали рабочих штрафы. Они часто достигали трети, а то и 40 процентов заработка и налагались по любому поводу. Широко применялся труд женщин и детей. Работали они наравне с мужчинами, а получали значительно меньше» [15;11].

Подробный разбор и строго научная критика подобных мифологем не соответствует цели и задачам представленной работы. Но нельзя не отметить, что такие утверждения противоречат не только фактам и логике, но и научным представлениям, например, о рыночной экономической модели. Действительно, как свидетельствует статистика, приведённая нами выше, императорская *Россия* была далека от совершенства. Она была страной «догоняющего» развития. Например, приведённая численность городского населения в 1913 году, на тот момент, выступавшая как один из косвенных показателей уровня индустриального развития, позволяла сделать выводы о возможных перспективах индустриализации России, но не о достигнутых результатах. Об этом же свидетельствовал уровень грамотности, приведённый выше.

Вместе с тем, Россия имела немало передовых и наукоёмких промышленных предприятий. Успешно развивались химическая, металлургическая, угледобывающая, судостроительная, автомобильная и многие другие отрасли отечественной промышленности. В «отсталой» России бурно развивалось авиастроение. Определённые успехи в развитии сельскохозяйственного производства были достигнуты после «столыпинской» аграрной реформы. Всемирного признания добилась сравнительно молодая российская наука. После революции 1905–1907 гг. в стране была отменена цензура, возникли легальные политические партии, свободная печать, двухпалатный парламент и профсоюзное движение. На многих производственных участках крупных и передовых предприятий был установлен 8-часовой рабочий день. Например, на Казанском стеариново-мыло-

варенном, глицериновом и химическом заводе фабрично-торгового Товарищества братьев Крестовниковых по инициативе директора завода К.М. Зайцева к 1912 г. рабочий день (без учёта «сдельщины») сократился до 8 часов (на непрерывном производстве) и до 9 часов в сутки – на прерывном [16;193].

Строились новые железные дороги и новые города, укреплялась национальная валюта. Благодаря развитию промышленности и торговли, с одной стороны, и соответствующим мерам правового регулирования, с другой стороны, успешно формировалась новая городская культура и новая «всесословная» городская среда. Закономерно, что очевидное для страны увеличение доходов населения и снижение количества часов, проведённых на работе, способствовало появлению новых форм досуга. Весьма значимое место среди них занимали различные виды любительского спорта.

Крупнейшими частными «градообразующими» предприятиями, например, в дореволюционной Казани являлись «крестовниковский» химический завод и группа производств, принадлежавших наследникам И.И. Алафузова [17;73]. Рабочие и служащие этих фабрик задавали новые стандарты «всесословного» поведения. Исследователи Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева и А.А. Сальникова не зря упоминают, что, в указанный период, «группы людей на берегу озера [т.е., как следует из контекста, озера Нижний Кабан – прим. Г.Ю.Фан-Юнга] располагались семьями на пикник: пытели самовары, кругом раздавался запах свежее испечённых пирогов» [18;157]. Один из братьев-основателей Казанского химического завода, Н.К. Крестовников, уточнил, кем являлись «группы людей», указанные выше: «заводская молодёжь устраивала пикники, катанья на лодках по озеру Кабану. *Смотря на нас [выделено нами – прим. Г.Ю. Фан-Юнга],* устраивали тоже дачники противоположного берега озера – слободы Архангельской ...» [19;98]. И так, вполне закономерно, что возрастающее население города Казани, превратившегося в конце XIX столетия в крупный индустриальный центр, стремилось активно отдохнуть после трудовой недели. В свою очередь, реклама, размещённая в городской периодической печати, не только извещала жителей города о предстоящих культурных мероприятиях, но и знакомила с новыми формами досуга [20].

В ходе «локальной» промышленной революции в городе возникли такие элементы «всесословной» городской среды, пригодные для занятий спортом, как:

- парки (Русская Швейцария и Чёрное озеро);
- сады (Николаевский, Лецкой (Лядской – в просторечии), Панаевский, Эрмитаж, Соединённого Собрания);
- скверы (Николаевский и пр);
- реки (Казанка и Волга);
- озёра (Ниж. Кабан, Ср.Кабан и Верх.Кабан) [21].

Таким образом, в административном центре Казанской губернии имелись объективные предпосылки для возникновения различных спортивных обществ:

- наличие крупных «градообразующих» предприятий;
- создание и активное развитие соответствующих объектов городской «всесословной» инфраструктуры;
- рост численности городского населения;
- повышение уровня доходов населения и сокращение рабочего времени;
- популяризация новых видов активного досуга с помощью рекламы в периодических изданиях.

В результате в 1890-х годах стали возникать добровольные спортивные объединения, которые не дифференцировали своих членов, как и кандидатов в члены, по конфессиональному, этническому или сословному признаку. Об этом прямо свидетельствуют положения «Устава Казанского общества велосипедистов-любителей» [22], «Устава Казанского Речного Яхт-Клуба» [23] и «Устава спортивного общества «Сила и Здоровье»» [24].

При этом в число казанских «велосипедистов-любителей» не принимали (в 1897 году): «несовершеннолетних», «лиц женского пола», «учащихся в учебных заведениях», «состоящие на действительной военной службе нижние чины и юнкера», «лиц ..., не пожелавших оставаться членами общества», «подвергшихся ограничению по суду» [22;6]. Никаких данных об ограничении приёма в это спортивное общество по иным основаниям нами не выявлено. Важнейшей заявленной целью создания спортивного общества была популяризация «... употребления велосипеда, как удобного, приятного и полезного способа передвижения» [22;3].

Почти полностью отсутствовали ограничения (в 1911 году) для вступления в спортивное общество «Сила и Здоровье». К весьма формальному кругу лиц, которые не могли состоять членами Казанского спортивного общества «Сила и Здоровье», относились только те, чьи права были ограничены законом. В итоге, членами этой спортивной организации могли быть лица обоего пола, независимо от формально-сословной или этноконфессиональной принадлежности [24;2]. Целью создания обозначенного добровольного спортивного общества была провозглашена популяризация физической культуры. В «Уставе ...» особо оговаривалось, что «политическая агитация в обществе недопустима» [24;1].

В члены Казанского речного яхт-клуба принимались «... лица обоего пола, всех сословий, но не моложе 21 года» [23;3]. Кроме возрастного ценза членами этого спортивного общества не могли стать (в 1913 году): «воспитанники низших и средних учебных заведений», «нижние чины и юнкера» и «подвергшиеся ограничению

прав по суду» [23;3]. Судя по заявленной цели, по нашему мнению, Казанский речной яхт-клуб вполне мог превратиться в крупную и многопрофильную спортивную федерацию, т.к. ставил «... своей задачей вообще развитие всякого рода спорта, как-то: охотничьего, рыболовного, автомобильного, гимнастического, лыжного, конькобежного и других» [23;1–2].

Отсутствовали сословные ограничения и в добровольных спортивных обществах, пропагандировавших идеи панславизма и русского монархизма. Но ярко выраженной была дискриминация по этноконфессиональному признаку при вступлении в них. К таковым относились «гимнастический кружок «Беркут»» [25] и «гимнастическое общество «Сокол»» [26]. Провозглашённой целью кружка «Беркут» было стремление: «... дать русскому юношеству возможность получить правильное физическое развитие, ..., достижение ... полного сближения Славянских народностей и развитие среди молодёжи национального самосознания, мужества и дисциплины» [25;3]. Членами «Беркута» могли быть только монархисты «... славянского происхождения и христианского вероисповедания. Принимая во внимание этнографические особенности Казанской губернии, ...» было предложено «... принимать в члены кружка также и лиц магометанского вероисповедания...» [25;3–4]. Об открыто шовинистическом и антисемитском характере этой спортивной организации свидетельствовало то, что лица «иудейского происхождения [выделено в тексте – прим. Г.Ю. Фан-Юнга], хотя бы и христианского вероисповедания в члены кружка «Беркут» ни в коем случае [выделено в тексте – прим. Г.Ю. Фан-Юнга] ...» (в 1910 году) не принимались [25;4]. Тем самым авторы данного «Положения ...», де-факто, исключали евреев из числа своих соотечественников, вынуждая даже самых верных «Престолу и Отечеству», встать на противоположную «сторону».

В более обтекаемой форме было ограничено членство в панславистском «Соколе»: «членами общества

могут быть совершеннолетние лица обоего пола славянского происхождения, сочувствующие сокольской идее, ...» [26;4]. Кроме того, «в виду особых этнографических условий Казанской губернии членами Общества могут быть лица магометанского вероисповедания» [26;5]. Как и все прочие добровольные спортивные общества г. Казани, членами «Сокола» не могли быть (в 1914 году): «нижние чины» и юнкера, учащиеся средних и нижних учебных заведений, «... лица, подвергшиеся ограничениям прав по суду и исключённые из других Обществ» [26;5]. Целью «Сокола» было заявлено лишь «физическое и нравственное совершенствование через занятие спортом» [26;3].

Итак, в отличие от аграрного общества, где свободное время основной массы населения было понятием относительным, в индустриальную эпоху возникает нормированный рабочий день и законодательно охраняемое время на отдых. Закономерно, что это стало причиной появления массовой («всесословной») культуры, включая и новые формы досуга. При этом её практическая реализация была немыслима без новых, общедоступных городских пространств, обозначаемых как «всесословная городская среда».

Благодаря индустриальной революции, и в России, и в её промышленно-развитых регионах, происходили, во-первых, переход от сословной структуры общества к структуре классовой, во-вторых, рост численности населения. Так, неуклонно возрастало население городов, превратившихся в новые индустриальные центры. В них формировалась качественно новая социальная инфраструктура, включавшая и рекреационные объекты. Часть из этих объектов была приспособлена для занятий физической культурой и спортом. Таким образом, указанные виды человеческой деятельности выступали как одни из форм досуга городского населения индустриальной эпохи. Этим и объяснимо массовое появление различных добровольных спортивных обществ в крайне ограниченных временных рамках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по конституционному праву Российской Федерации / Сост.-р. юрид. наук Ю.Л. Шульженко. – М.: Юристъ, 1997. – 784 с. – Текст: непосредственный
2. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т. XXV. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
3. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т. XXVI. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
4. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т. XXXII. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
5. ГА РТ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 9
6. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 12268
7. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 5144
8. Статистический ежегодник России (год десятый). – СПб.: Изд-е Цент. Стат. Комитета МВД, 1914. – В XII разделах. – Текст: непосредственный
9. Менделеев Д.И. К познанию России (изд.-е шестое) / Д.И. Менделеев. – С.-Пб., 1907. – 157 с. – Текст: непосредственный
10. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. / Д.И. Менделеев. – В 2-тт., т.1. – Ч.1 (6–9 параграфы). – С.-Пб.: Тип. Акц. Об-ва Брокгауз–Евфрон, 1901. –

- С.91–201. – Текст: непосредственный
11. Михайловский, Я.Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. / Я.Т. Михайловский / Фабрично-заводская промышленность и торговля России // Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. / Под ред. Д.И. Менделеева. – Отд. XXIII. – СПб.: Изд. Департамента Торговли и Мануфактур Министерства финансов, 1893. – С.273–286. – Текст: непосредственный
 12. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд.-я 1907 г.) / М.И. Туган-Барановский. – В 2-х ч. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. – 430 с. – Текст: непосредственный
 13. Федотьев, П.П. Современное состояние химической промышленности в России. / П.П.Федотьев. – СПб.: типо-литография Ю.А.Мансфельд, 1902. – 143с. – Текст: непосредственный
 14. Лукьянов, П.М. История химических промыслов и химической промышленности России: монография [под ред. С.И.Вольфовича] / П.М. Лукьянов. – В VI-ти тт. – Т.I. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – 544 с. – Текст: непосредственный
 15. Пономарёв, Б.Н. и др. История Коммунистической партии Советского Союза: коллективная монография / Б.Н. Пономарёв и др. – Изд-е 7-е, доп. – М.: Политиздат, 1985. – 783 с. – Текст: непосредственный
 16. Фан-Юнг, Г.Ю. Завод-Великанъ: монография / Г.Ю. Фан-Юнг. – Казань.: Изд-во «Познание», 2020. – 234 с., с илл. – (Серия «Сокровищница Татарстана»). – Текст: непосредственный
 17. Габдрафикова, Л.Р., Измайлов, Б.И., Салихов, Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 276 с. – Текст: непосредственный
 18. Вишленкова, Е.А., Малышева, С.Ю., Сальникова, А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. / Е.А. Вишленкова и др. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2008. – 452 с. – Текст: непосредственный
 19. Крестовников, Н.К. Семейная хроника Крестовниковых / Н.К. Крестовников. – в 3-ех кн. – Кн.1. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903–1904. – 112 с. – Текст: непосредственный
 20. Галанин, С.Ф. Казань и казанцы: реклама второй половины XIX века: монография / С.Ф.Галанин. – Казань: Изд-во Каз.гос.тех.ун-та, 2008. – 238 с. – Текст: непосредственный
 21. Сады и парки Казани: коллекция фотографий и открытых писем с видами садов и парков Казани конца XIX – середины XX века / Сост.: М.П. Новикова, Г.А. Юпина. – Казань: Фолиант, 2012. – 127 с. – Текст: непосредственный
 22. Устав Казанского общества велосипедистов-любителей. – Казань: Скоропечатня Л.Л. Антонова, 1897. – 19 с. – Текст: непосредственный
 23. Устав Казанского речного Яхт-Клуба. – Казань: Тип.Д.М.Гран, 1915. – 26 с. – Текст: непосредственный
 24. Устав спортивного общества «Сила и Здоровье». – Казань: Тип.Губ.Правл-я, 1911. – 8с. – Текст: непосредственный
 25. Положение о состоящем при Казанском Обществе Русской Монархической молодёжи гимнастическом кружке «Беркут». – Казань: Типо-литография И.С. Перова, 1910. – 12 с. – Текст: непосредственный

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru), Щигорцова Елена Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА¹

Чжан Цзяньвэнь

старший преподаватель, Хэйхэский университет, Хэйхэ,
Китайская Народная Республика
5644060@qq.com

POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT TOWARDS RUSSIAN EMIGRANTS IN CHINA IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY²

Zhang Jianwen

Summary: The relevance of studying the emigration movement from Russia to China and re-emigration in the first half of the 20th century is determined by scientific and socio-political factors. These include the problems of colonization and migration policy, assessment of the role of the border and border territories in the development of the country, issues of cross-border interaction, analysis of the emergence and functioning of a large Russian diaspora in China. Cross-country migration has become an important factor in bilateral relations and stability in the region. Emigration has affected the geopolitical, economic, ethnic, cultural and social spheres of life in the eastern and Central Asian regions of Russia, the northeastern and northwestern regions of China.

Keywords: Russian emigrants, Soviet government, China, politics, repression, repatriation, historical heritage.

Аннотация: Актуальность изучения эмиграционного движения из России в Китай и реэмиграции в первой половине XX века определяется научными и общественно-политическими факторами. К ним относятся проблемы колонизации и миграционной политики, оценка роли границы и приграничных территорий в развитии страны, вопросы трансграничного взаимодействия, анализ возникновения и функционирования крупной русской диаспоры в Китае. Межстрановая миграция стала важным фактором двусторонних отношений и стабильности в регионе. Эмиграция повлияла на геополитическую, экономическую, этническо-культурную и социальную сферы жизни в восточных и среднеазиатских регионах России, северо-восточных и северо-западных регионах Китая. Политика репатриации советского правительства была весьма жесткой и состояла как из добровольных, так и принудительных мер. Таким образом, русские эмигранты в Китае прошли трудный путь возвращения на родину, а накопленный ими опыт в современных условиях приобретает важное политическое и историческое значение.

Ключевые слова: русские эмигранты, советское правительство, Китай, политика, репрессии, репатриация, историческое наследие.

Начало XX века ознаменовалось массовой эмиграцией русских в Китай. Толчком к массовому бегству русских послужила разразившаяся в России Октябрьская революция 1917 года, а затем Гражданская война. Поскольку Китай был пограничным государством, именно туда и направилась большая масса россиян в ожидании более благоприятных времен для возвращения на Родину.

По мере того, как укреплялась в России советская власть, русские эмигранты всё больше отчаивались, теряя последнюю надежду на возвращение. Им было чрезвычайно больно осознавать свое положение в ссылке. Не видя перспектив, они пытались выжить в чужой стране, сохранив при этом свои национальные традиции. Таким образом, на территории Китая образовалась крупная российская колония, состоящая из переселенных

строителей и персонала Китайско-Восточной железной дороги, а также участников «белого движения» и беженцев.

Им было мучительно больно осознавать своё положение в изгнании. Не видя перспектив, они пытались выживать в чужой стране, сохраняя свои национальные традиции. Таким образом, на территории Китая образовалась многочисленная русская колония, которая состояла из переселившихся строителей и персонала Китайско-Восточной железной дороги, а также участников «белого движения» и беженцев.

Советское правительство тем временем стало предпринимать попытки возврата бежавших соотечественников ещё в начале 20-х годов, однако весь процесс возвращения русских эмигрантов из Китая в Советский

1 Данная статья публикуется в рамках задачи научно-исследовательского проекта Министерства образования Китая в области гуманитарных и социальных наук (проект Молодежного фонда) на тему «Исследование русской военной эмиграции на северо-востоке Китая (1920-е – середина 1940-х годов)», Проект № 23YJC770015.

2 This article is published as part of the task of the research project of the Ministry of Education of China in the field of humanities and social sciences (Youth Foundation project) on the topic «Research of Russian military emigration in northeast China (1920s - mid-1940s)», Project No. 23YJC770015.

Союз затянулся на долгие годы, вплоть до 60-х годов XX века.

Политика советского правительства в отношении русских, эмигрировавших в Китай, была весьма жёсткой, как правило, возвратившиеся на Родину эмигранты, подвергались уголовному преследованию и ссылке в исправительно-трудовые лагеря на длительный срок. Начало карательных мер в отношении русских эмигрантов в Китае, приходится на 1921-1927 годы [1].

Наряду с легально вернувшимися эмигрантами на Родину были и те, кто нелегально переходил границу. За нелегальный переход границы или не предоставление информации о подлинном социальном происхождении были строго наказаны несколько тысяч русских эмигрантов. Зачастую, в Россию возвращались офицеры, выдавая себя за рядовых участников «белого движения», но, несмотря на это, им не всегда удавалось скрыться от властей. Поэтому начало 20-х годов было ознаменовано волной арестов эмигрантов, вернувшихся из Китая из числа офицеров белогвардейцев [2]. К середине 20-х годов большинство возвратившихся легально помимо перебежчиков были подвергнуты судебному преследованию и лишены избирательного права. К перебежчикам относили лица, которые попадали под политические амнистии 1920-1921 годов, но при этом въехали в страну нелегально в силу неотрегулированной на законодательном уровне процедуры въезда [3].

Новая фаза репрессий в отношении русских эмигрантов началась в 30-е годы. Она коснулась представителей технической интеллигенции, служащих на железных дорогах и вернувшихся в Советский Союз после конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году. С 1932 года в стране поднялась волна шпионажа в отношении бывших работников Китайско-Восточной железной дороги. Например, к такому делу относится судебный процесс 1933 года над шпионской контрреволюционной группой Гальмукова, действовавшей на Омской железной дороге.

1933 год был ознаменован массовыми репрессиями в отношении бывших белогвардейцев. В результате чего пострадало более 10 тысяч человек из числа эмигрантов, вернувшихся из Китая в Россию [4].

После продажи Китайско-Восточной железной дороги бывшие служащие, отправленные в Советскую Россию, подверглись массовым репрессиям. «Харбинская операция» проводилась в соответствии с приказом Народного комиссариата внутренних дел Советского Союза № 00593 от 20 сентября 1937 года, но отдельные репрессии в отношении бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги начались уже осенью 1935 года в рамках кампании «разоблачения шпионов на транспорте» [5]. В советских средствах массовой информации в 1936 году появились публикации, освещающие

деятельность иностранных разведок на территории Советского Союза, в том числе японской, которая занималась вербовкой агентуры из числа советских граждан с Китайско-Восточной железной дороги. Например, статья в газете «Правда» «Подрывная работа японской разведки», опубликованная 10 июля 1937 года, описывает деятельность японских спецслужб против Российской империи, а впоследствии и Советского Союза. В статье прямо говорится, что среди вернувшихся на родину эмигрантов немало японских агентов [6].

Народным комиссариатом внутренних дел Советского Союза был издан оперативный приказ № 00593 от 20 сентября 1937 года, в котором было указано число лиц, вернувшихся из Китая, попавших под репрессии, которое достигло 25 тысяч человек [7]. В соответствии с приказом аресту подлежали все лица из числа вернувшихся из Китая эмигрантов, служащих в Красной Армии, работавших в Народном комиссариате внутренних дел Советского Союза, в советских учреждениях, на транспорте, в промышленности и сельском хозяйстве. Расстрелу подлежали участники диверсионно-шпионских и террористических групп, а также антисоветской деятельности. Остальные получали наказания в виде лишения свободы сроком от 8 до 10 лет в исправительно-трудовых колониях.

Кроме бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги под репрессии, попали все эмигранты, вернувшиеся из Китая и причисленные к контрреволюционной деятельности. Таким образом, репрессированных из числа эмигрантов можно распределить на следующие группы:

- бывшие белогвардейцы;
- бывшие члены антисоветских организаций, политических партий;
- участники фашистских организаций;
- служащие в китайских войсках и полиции;
- служащие в иностранных фирмах;
- обучавшиеся в Харбине на интернациональных курсах;
- нелегально въехавшие и имеющие китайское гражданство [8].

Возвратившиеся эмигранты обвинялись в сотрудничестве с китайской и японской разведками. Репрессиям подверглись русские эмигранты, занятые в разных отраслях, в том числе и на железнодорожном транспорте. При аресте железнодорожников, отягощающим обстоятельством стало их поведение во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге 1929 года. Отказ от самовольного ухода со службы означал пособничество японцам, а арест китайской полицией вследствие самовольного ухода расценивался как вербовка [9].

В результате «Харбинской операции» с сентября 1937 года по ноябрь 1938 года было репрессировано 42507

человек, приговорено к расстрелу 28348 человек [10]. Такое большое количество жертв объясняется волной репрессий во время «большого террора» советского правительства против возвращающихся эмигрантов из Китая в Советскую Россию.

С началом Великой Отечественной войны процедуры возврата эмигрантов на родину стали весьма затруднительными. Этот период был ознаменован прекращением карательных мер советского правительства против русских эмигрантов. Тем не менее, в 1945 году после освобождения Советской Армией Маньчжурии, было арестовано и принудительно депортировано в СССР из Китая более 10 тысяч русских эмигрантов [11].

Во второй половине 1945 года сотрудники советских архивов работали в Китае с целью сбора информации об эмигрантах. На основании собранных документов составлялись списки эмигрантов, и осуществлялся их возврат на родину через обязательное прохождение фильтрационных лагерей. Некоторые из эмигрантов были арестованы после того, как вскрывались факты их биографии, которые они тщательно скрывали. Наряду с фильтрационными лагерями, часть вернувшихся эмигрантов, которые были неосторожны в высказываниях, критикуя советскую власть, подвергались наказанию в виде длительного срока тюремного заключения в исправительно-трудовых колониях.

Карательные меры в отношении русских репатриантов совпали с началом «холодной войны» между Советским Союзом и Соединенными штатами Америки. Репрессиям был подвергнут каждый десятый, вернувшийся на Родину эмигрант. Вместе с тем, нельзя не отметить, что большое число русских, вернувшихся в Советскую Россию после Великой Отечественной войны, избежали политических преследований.

Некоторые эмигранты, возвратившиеся в Советский Союз, предупреждали в письмах условными обозначениями об опасности тех, кто еще не успел вернуться. Вследствие чего, многие эмигранты изменили свое решение о возвращении на Родину, и остались в Китае или эмигрировали в Австралию, Канаду, США и другие капиталистические страны.

Лишь в 1954 году с началом заключительного этапа возвращения репатриантов из Китая были прекращены их преследования.

Таким образом, политику советского правительства по отношению к русским эмигрантам в Китае можно разделить на следующие этапы:

- 20-е годы XX века; преследуются переселенцы из Китая в основном из-за нелегального въезда или сокрытия фактов своей биографии, социального происхождения, а также за антисоветскую деятельность;

- 1935-1938 годы начало репрессий по разоблачению шпионов на железнодорожном транспорте, а затем целенаправленная репрессивная политика по отношению к репатриантам из Китая; «харбинская операция»; число обвиненных в антисоветской деятельности и пособничестве Японии превышает 40000 человек;

- 40-50-е годы XX века – послевоенные репрессии русских эмигрантов.

На протяжении 1920-х начала 1950-х годов реэмигранты из Китая подвергались репрессиям со стороны советских властей. Стоит отметить, что целенаправленное масштабное преследование вернувшихся из Китая на Родину эмигрантов произошло в результате «харбинской операции». Советское правительство, будучи заинтересованным в возвращении эмигрантов, больше не проводило масштабных репрессивных кампаний вернувшихся эмигрантов.

На всем рассматриваемом периоде времени страх перед репрессиями присутствовал у многих эмигрантов, имея под собой серьезные основания. Это во многом отрицательно сказалось на процессе реэмиграции из Китая в Советскую Россию. Только после исчезновения данной угрозы с 1954 года по 60-е годы стало возможным безопасное возвращение русских эмигрантов на Родину

На основании вышеизложенного, можно резюмировать, что череда военных и политических событий отрицательно сказалась на положении русского эмигрантского сообщества в Китае. Специфической чертой русской диаспоры оставалось наличие в ней двух политически противопоставленных составляющих – белой эмиграции и советской колонии, из которых в разное время доминировала то одна, то другая. Несмотря на далеко не исчерпанный политический, организационный и культурный потенциал, возвращение русских эмигрантов на Родину был обусловлен политической и экономической нестабильностью в принимающих регионах и целенаправленной политикой, проводимой обоими государствами.

Советское правительство не доверяло эмигрантам, даже сотрудничавшим с советской разведкой. Вина их определялась уже только тем, что они были эмигрантами. Репатриационная политика Советского правительства была достаточно жесткой, в ней присутствовали как добровольная, так и принудительная составляющие. При проведении репатриации доминировали политические цели, в подчиненном отношении к которым находилось решение экономических и гуманитарных задач.

Как следствие, эмиграционные и реэмиграционные процессы оказали неоднозначное влияние на межгосударственные взаимоотношения России и Китая, на этническую структуру населения, рынок труда, экономическое сотрудничество и межкультурный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей, Н.Н. Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 2. С. 80–85.
2. Комиссарова Е.Н. Амнистия рядовых белогвардейцев и их репатриация из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–52
3. Аблажей, Н.Н. Русские эмигранты из Китая: репатриация, карательная политика и трудоустройство во второй половине 1940-х годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4 (45). С. 24–35
4. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
5. Вервекина, Е.А. Миграция русских в СУАР (КНР): исторические аспекты и современное состояние / Е.А. Вервекина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 20 (79). — С. 513-515. — URL: <https://moluch.ru/archive/79/11643/> (дата обращения: 11.10.2023).
6. Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. – 182 с.
7. Горохов В. Главное Бюро по делам российских эмигрантов // Луч Азии. 1944. № 14/125. С. 22.
8. Капран И. К. Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2016.
9. Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 32 (32). С. 66–83.
10. Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е — начало 30-х гг.) / Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-х — 1940-х гг. Вып. 4. М., 2022.
11. Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2016. – 183 с.

© Чжан Цзяньвэнь (5644060@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1941-1945 ГГ.

Шматов Евгений Николаевич

Кандидат исторических наук, Самарский государственный университет сообщения
Shmatov_75@mail.ru

FOOD SUPPLY TO THE URBAN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN 1941-1945

E. Shmatov

Summary: In 1941-45, the workers of the rear cities, through their heroic work, brought the achievement of victory over the enemy closer. The food supply of the urban population was an important factor in the economic and social life of the USSR during the war period. The article uses unpublished materials from the regional archival repositories of the Middle Volga region and the central archives of the Russian Federation. This made it possible to fully recreate the picture of the food supply of the citizens of the Middle Volga region in extreme wartime conditions. The activities of central and local authorities aimed at solving problems in the food supply system of urban residents have been studied. It is concluded that, despite the difficulties of the first war years, the food crisis was overcome in general.

Keywords: The Great Patriotic War, urban population, card system, labor supply departments, subsidiary farms.

Аннотация: В 1941-45 гг. труженики тыловых городов своей героической работой приближал достижение победы над врагом. Продовольственное обеспечение городского населения являлось важным фактором экономической и социальной жизни СССР в военный период. В статье использованы неопубликованные материалы из областных архивных хранилищ Среднего Поволжья и центральных архивов Российской Федерации. Это позволило достаточно полно воссоздать картину продовольственного снабжения горожан Среднего Поволжья в экстремальных условиях военного времени. Изучена деятельность центральных и местных органов власти, направленная на решение проблем в системе снабжении продуктами питания городских жителей. Сделаны выводы, что, не смотря на трудности первых военных лет, в целом продовольственный кризис был преодолен.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, городское население, карточная система, отделы рабочего снабжения, подсобные хозяйства.

Широко распространено мнение, что продовольственный кризис в СССР 1941-45 гг. связан с воздействием на хозяйство страны экстремальных условий военного времени. Но еще до нападения фашистской Германии в Советском Союзе были проблемы со снабжением населения продуктами питания (1. С. 144). В начале 1940 г. норма отпуска продуктов питания на человека уменьшилась в 2, 3, а кое-где и в 4 раза (10. С. 87). В конце года нормы на продажу картофеля, сахара, овощей опять были урезаны. Советское правительство необходимость этих мероприятий объясняло ростом количественного состава вооруженных сил (следовательно, для возросшего контингента солдат и командиров необходимо поставлять больше продуктов) и формированием продовольственных запасов на случай большой войны. (8, С. 115)

В начальный период Великой Отечественной войны ситуация в сфере снабжения населения продуктами питания стала еще более неблагоприятной. Захват армиями фашистской Германии и ее союзников огромных территорий западной части СССР привел к утрате значительного количества сельскохозяйственных земельных площадей, с которых до войны получали почти 40 % зерна и более 80 % сахара. Мобилизация в вооруженные силы привела к сокращению числа работоспособных

мужчин, занятых в сельском хозяйстве. Для военных нужд изымалось и большое количество сельскохозяйственной техники. Все это привело к катастрофическому снижению урожайности сельскохозяйственных культур в СССР. Например, сбор зерновых культур в 1942 г. составил 38% от довоенного уровня (23, С. 80).

В экстремальных условиях военного времени производство жизненно необходимых продуктов для населения, прежде всего продовольствия, распределение продуктов питания стали важнейшими задачами для партийных и правительственных органов власти. Всю систему государственного продуктового снабжения и все формы торговли необходимо было перестроить таким образом, чтобы можно было централизованно учитывать и затем распределять среди населения продовольственную продукцию.

Первостепенное внимание уделялось обеспечению всем необходимым для поддержания жизнедеятельности жителей городских поселений. Крупные города страны являлись промышленными центрами и основными местами размещения перемещенных промпредприятий и их работников. Расположенные на их территории заводы, фабрики и рабочие коллективы должны были обеспечить всестороннее снабжение вооруженных сил.

Уменьшение плановых сборов урожая, срыв правительственных закупок продовольствия ускорили принятие центральными органами советской власти мер по формированию системы контроля распределения продовольственных товаров. Считалось, что адекватной мерой будет введения карточной системы. Это обеспечивало минимальное, но бесперебойное и гарантированное снабжение населения нужнейшими продуктами питания по государственным ценам.

Карточная система устанавливалась постепенно во всех регионах страны. Соответствующее решение Совет народных комиссаров СССР принял 19 октября 1941 г. Тогда же были определены рамки нормирования для отдельных групп населения. Жизненный уровень человека или семьи стал зависеть не только от заработной платы или других источников дохода, а от положенных норм снабжения в рамках карточной системы. Эти меры носили положительный характер, т.к. позволили обеспечить обязательным продовольственным минимумом все население. В то же время, когда дефицитом стали практически все продукты и товары, право на их распределение повысило социальный статус сотрудников распределительной структуры. Кроме того, нормы на получение продуктов варьировались в зависимости от статуса работника. Это ставило в неравное положение различные группы советского населения.

Представители советской номенклатуры, партийные и государственные деятели различных уровней и рангов вошли в привилегированные группы. Нормы на получение продуктов питания и товаров для них устанавливались более высокие, чем для основной массы непривилегированных жителей страны. Окончательное оформление состава и количества льготных групп произошло в середине 1943 г. Решением Совета народных комиссаров СССР их разделили на три категории. В первую категорию входили непосредственные руководители (первые секретари, председатели исполнительных комитетов) партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций краев, областей, городов, районов. Во вторую категорию были зачислены все другие руководящие работники тех же ведомств. В третью входили остальные сотрудники органов управления. Центральные и местные органы власти оформили льготы для перечисленных категорий в соответствующих распоряжениях.

Обычные нормы продовольственного обеспечения партийного и советского руководства в расчете на человека в месяц были следующие. Мяса и рыбы получали: первая категория – 9400 гр., вторая – 9000 гр., третья – 3600 гр; крупы и макароны соответственно – 5200 гр., 4200 гр., 2400 гр.; кондитерские изделия – 3100 гр., 1500 гр., 800 гр.; жиры – 2400 гр., 1800 гр., 800 гр.; хлеба в день – 1000 гр., 800 гр., 800 гр. (25, С. 29,30). Но, кроме этого, руководство получало второе горячее питание,

сухие пайки, специальное диетическое питание, литературные обеды. Чтобы не смущать население, питание для таких «льготников» осуществлялось в закрытых столовых (25, С. 31).

В привилегированные группы вошли многие представители творческой интеллигенции. Это научные специалисты, деятели литературы и искусства. Для них создавались столовые и буфеты закрытого типа с дополнительным питанием, открывались специальные магазины (25, С. 56). В жесточайшее военное время эти решения были необходимы, т.к. позволили сберечь интеллектуальную и культурную элиту страны.

Основная масса населения делилась на группы, нормы снабжения для которых устанавливались в зависимости от трудовой квалификации и необходимости их труда для нужд обороны страны. Так, в г. Куйбышеве (ныне Самара) с 1 ноября 1941 г. для основной массы городского населения были установлены следующей градации норм выдачи продуктов. Работающие на промышленных предприятиях оборонного значения инженерно-технические работники и рабочие могли получить: мясных и рыбных продуктов – 220 гр., продуктов-жиров – 600 гр., различных круп и макарон – 1500 гр. в месяц. Рабочие и инженеры, трудящиеся на других промышленных объектах, предприятиях транспорта и связи, могли получить по продуктовым карточкам мяса и рыбы – 1800 гр., жиров – 400 гр., крупы и макарон – 1200 гр. на месяц. В другие группы входили служащие, иждивенцы, дети до 12 лет. Нормы для них были еще более «пониженными». Служащие на месяц получали мяса и рыбы – 1200, жиров – 300, крупы и макарон – 800, иждивенцы – мяса и рыбы – 500, жиров – 200, крупы и макарон – 600, дети – мяса и рыбы – 400, жиров – 300, крупы и макарон – 800. Следует отметить, что не все продукты потребители получали в «чистом» виде. Например, мясные и рыбные консервы могли засчитываться по норме снабжения мясом и рыбой, молоко – по норме жиров.

В начале 1942 г. переход населения СССР на карточную систему снабжения основными продуктами, фактически завершился, цены были стабильными все последующие военные годы.

Но только нормированными продуктами обеспечение населения не ограничивалось. Одним из видов премирования за ударный труд было предоставление рабочим и инженерно-техническим работникам возможности дополнительно питаться. Это было необходимо и самой государственной системе. Так как для выполнения качественной работы на производстве требовалось поддерживать физические силы работников. В производственных коллективах выдавались талоны на «усиленное дополнительное питание» (УДП) ударникам труда. Участники стахановского движения получали «высококалорийные поощрения». Так, в 1942 г. на

куйбышевском заводе № 145 (относился к авиационной промышленности) для людей, имеющих стахановские книжки, была открыта спецстоловая, где отпускались высококачественные обеды из трех блюд и высококалорийные завтраки, и ужины. А лучшим стахановцам выдавались дополнительные продовольственные пайки (11, С. 83).

В продовольственной политике советского государства значительное внимание уделялось продуктовому снабжению социально не защищенных слоев населения: семьям военнослужащих (т. е. семьям фактически без основного кормильца), инвалидам, воспитанникам детских домов, детсадов, школьникам. В г. Пенза в 1942-1945 гг. в детских садах выдавали дополнительные обеды больным детям (3, Л. 243). По решению Совета народных комиссаров в 1942 г. в городах ближнего и глубокого тыла были открыты столовые, предоставляющие усиленное питание детям в возрасте от 3 до 13 лет из малообеспеченных семей. Решением Куйбышевского обкома с весны 1942 г. в городских столовых стали готовить обеды детям военнослужащих, эвакуированных и детям, у которых были проблемы со здоровьем. К столовой куйбышевского городского парка были прикреплены 6 тыс. учащихся, которые во время каникул получали там дополнительное питание (4, Л. 3).

В 1943 г. в городах Среднего Поволжья были созданы запасные фонды продовольственных товаров для семей фронтовиков. В г. Куйбышеве в 1944 г. из них выдали особо нуждающимся семьям военнослужащих картофеля и овощей - 527125 кг, зерновых культур - 26146 кг, мяса, жиров и масла - 6614 кг. (15, Л. 21 (об.)). В том же году в г. Пенза из фондов помощи семьям военнослужащих выдано: картофеля - 193294 кг - 1654 семьям; овощей - 29982 кг - 724 семьям (21, Л. 23). В средневожских городах образовывались общественные фонды помощи инвалидам. Продукты и материальную помощь для них предоставляли отдельные граждане и общественные учреждения. Определенную роль в продуктовой помощи инвалидам они сыграли. Так, в г. Кузнецке Пензенской области из этих фондов было выдано, овощей - 33690 кг, муки - 625 кг. (21, Л.23)

Оценивая мероприятия, проводимые государством и местными властями, заметим, что, не смотря на изначально неравное перераспределение продуктов питания, часть нуждающегося населения получало необходимую помощь. Это, безусловно, помогало создавать и определенную психологическую стабильность в тылу, и избегать массовых проявлений недовольства.

Но необходимо отметить, что, не смотря на усилия партийного и советского руководство наладить и контролировать весь комплекс мероприятий по продуктовому обеспечению населения, вновь созданная распределительная система давала сбои, часто работала

неэффективно. Причинами были как отдельные недостатки самой системы, так и субъективные человеческие факторы. Анализ архивных документов показывает, что государственные нормативы по отпуску продовольствия не соблюдались. Большинство городского населения по продуктовым карточкам могло получить только хлеб, да и то с трудом.

В рамках самой системы широкое распространение получили воровство продуктов, карточек, перераспределение съестных припасов между «своими». В ходе проверок в 1943 г. в г. Куйбышеве местных торговых точек выявилась недостача в 301 тыс. руб. (17, Л. 24 (об)). В г. Сызрани хищения и неплановые растраты привели к недостаче 18800 руб. (18, Л. 111-112)

Люди, пришедшие на работу во вновь созданную распределительную систему, не имели опыта, что приводило к безалаберности и разгильдяйству. Так, кладовая карточного бюро Куйбышевской области, где каждый месяц складировалось примерно 2, 5 млн. карточек, не имела замка и подпиралась доской (5, Л. 245). В карточном бюро Ульяновской области документация размещалась в шкафах и ящиках, которые не закрывались. Инвентаризации документов не проводились, на продуктовых карточках, намеченных к выдаче, отсутствовали необходимые визы. После проверки соответствующими органами выяснилось, что за несколькими работниками ульяновского карточного бюро числилась недостача в несколько тысяч карточек и талонов. У похитителей были найдены талоны на 1850 кг продуктов и 50 тыс. руб. наличными деньгами. (6, Л. 70).

Некоторые работники распределительной системы занимались подделкой карточек и талонов. Фальшивые документы выписывались на несуществующих работников и служащих. В 1943 г. в г. Сызрани было выявлено более 4000 тыс. поддельных продуктовых и товарных карточек (18, Л. 111).

Так же и простые граждане с криминальными наклонностями были причастны к злоупотреблениям. В 1943 г. работник одной из куйбышевских типографий оборудовал в подвале своего дома личную типографию. Используя похищенный шрифт, изготовил 12 тыс. продуктовых талонов. За их реализацию выручил около 200 тыс. руб. Его сообщники (рабочие одного из заводов г. Куйбышева) воспользовались фальшивыми талонами для получения более 9000 кг хлеба и более 20 тыс. дополнительных обедов. Члены преступной группы получили от 6 до 10 лет лишения свободы (6, Л. 68-69).

Но, несмотря на суровые меры, принимаемые в отношении правонарушителей, преступное перераспределение и воровство государственных продуктов продолжалось.

В куйбышевском магазине № 1/66 в 1944 г. похищены продукты на сумму в денежном эквиваленте 165 тыс. рублей. В столовой № 2 ОСМЧ-52 г. Куйбышева было расхищено 408 кг хлеба на 80 тыс. руб. (17, Л. 24).

Итак, советское правительство адекватно ответило на вызовы военного времени. Была создана такая система управления продовольственным снабжением населения, которая помогла многим людям выжить в то трудное время. Положительным моментом было и то, что не произошло массового голода, как в памятные для многих советских людей годы гражданской войны. Но созданная система имела и множество недостатков как объективного, так и субъективного характера.

Поэтому, не смотря на усилия советских властей обычная, месячная норма снабжения в городах, по расчетам У.Г. Чернявского, не превышала 1,8 кг по мясу и рыбе, 0,4 кг жиров, 1,2 кг крупы и макарон (24, С. 74-75)

Значительную роль в продовольственном снабжении городского населения играли отделы рабочего снабжения (далее ОРСы). Они создавались при крупных промышленных предприятиях. Назначение этих отделов заключалось в организации основного и дополнительного продуктового и товарного снабжения инженеров, рабочих, служащих и их семей.

В 1942 г. в Куйбышеве работало 27 ОРСов. В своей деятельности они опирались на собственные продовольственные ресурсы. ОРСам были подчинены 14 крупных совхозов и выделены земельные площади для организации подсобных хозяйств. Количество отделов рабочего снабжения росло, и в начале 1944 г. только в г. Куйбышеве их насчитывалось уже 59. (14, Л. 83).

В целях расширения возможностей обеспечения городского населения продуктами советское правительство пошло на значительное расширение системы подсобных хозяйств при промышленных предприятиях, а также поощряло и настойчиво рекомендовало увеличивать численность индивидуальных огородников среди горожан.

Количество пригородных подсобных хозяйств, индивидуальных огородов в течении войны постоянно возрастало. Только в г. Куйбышеве в 1943 г. существовало 3065 хозяйств с 4415 га земельных площадей. За горожанами числилось 212444 огородов с посевной площадью 8024 га. (15, Л. 21(б)). В г. Ульяновске на начало 1944 г. было 103 пригородных хозяйств за которыми закреплено более 11 тыс. га посевных площадей. Так же у горожан имелось 44 тыс. семейных и индивидуальных огородов (22, С. 213). Следует отметить, что между подсобными хозяйствами и огородами существовало четкое производственное разделение. На площадях пригородных хозяйств выращивали преимущественно зерновые куль-

туры. Огородники 75 – 85 % своей земли засевали картофелем.

Продукция, полученная с подсобных хозяйств, служила основным источником дополнительного питания горожан, позволяла пополнить и разнообразить их скудный рацион. В 1943 г. отдельная семья куйбышевских рабочих могла получить со своего индивидуального хозяйства более трех центнеров продукции (2, С. 174) В 1944 г. с подсобных хозяйств г. Куйбышева получен урожай в объеме 103264 тонн. Из них картофеля - 30192 тонны, овощной продукции - 49850 тонн (15, Л. 21(б)) Показатели довольно высокие, что свидетельствует о эффективности работы пригородного сельскохозяйственного сектора.

Сверхурочный труд, работа в разные смены в течении суток не позволяли горожанам интенсивно заниматься своими домашними делами. В связи с этими возросло значение системы общественного питания. В конце войны предприятия общепита обслуживали 25 млн. потребителей в стране.

Наибольшее количество предприятий общественного питания появилось в городах, являющихся индустриальными центрами средневожских областей. В Куйбышеве количество столовых за годы войны увеличилось со 108 до 358. (16, Л. 1). В Пензе - с 23 в 1940 г. до 72 в 1944 г. (19, Л. 43). В Сызрани - с 47 в 1941 г. до 83 в 1943 г. (13, Л. 111). Однако, по мнению городских властей, такого количества предприятий общепита было недостаточно. Партийные и советские городские власти регулярно обращались с запросами в областные центры о открытии дополнительных общественных столовых.

В процессе работы предприятия городского общественного питания сталкивались с большими трудностями. Обеспечить их продуктами в соответствии с нормами удавалось не всегда. Так, рабочие г. Ульяновска, прикрепленные к общественным столовым, получали лишь 1/10 часть продукции (7, С. 15).

В связи с этим предприятия общепита стали создавать собственные подсобные хозяйства для производства овощей и картофеля, что способствовало улучшению работы городских столовых. Так, пензенские столовые в 1944 г. получили с закрепленных за ними земельных площадей 1331 тонну картофеля, 68 центнеров мяса, 1137 центнеров молока, 135 центнеров крупы. Как отмечала ХШ городская партконференция, за счет введения в меню продуктов сельского хозяйства улучшилось качество изготавливаемых блюд (19, Л. 46). Однако, несмотря на принимаемые меры, питание горожан на протяжении войны оставалось малокалорийным. В результате проверок выяснилось, что в Куйбышеве в 1943 г. калорийность обедов в столовых составляла 65-55 % (17, Л. 22), в Пензе 30 - 40% (20, Л. 25).

Итак, можно сделать заключение. В 1941-1945 гг. удалось избежать массового голода. Карточная система продовольственного снабжения сыграла важную роль в обеспечении населения минимальным набором продуктов питания. Эта система была четко стратифицирована, что объяснялось производственными и политическими

потребностями государства. Ликвидировать часть продовольственных проблем помогли децентрализованные продуктовые источники, подсобные хозяйства и огородничество. Благодаря им продолжила работу сеть предприятий общественного питания, предоставляя готовое питание городскому населению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверченко, М.А. Рабочее снабжение в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. эконом. наук. - М., 1988. - 234 с.
2. Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья. Саратов, 1980. С. 174.
3. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-453. Оп. 1а. Д. 84. Л. 243.
4. Государственный архив Самарской области. Ф. Р-1692. Оп. 10. Д. 8. Л. 3.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 8300, оп. 2, д. 60, л. 245
6. ГАРФ, ф. 9415, оп. 5, д. 91, л. 70
7. Ефремов Ю.Д., Лосева В.У. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Ульяновск. 1995. С. 15.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. Т. 2. М., 1961. С. 550.
9. История Советского рабочего класса. В 6 томах: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938 - 1945 гг. -М., 1984.- Т. 3. - 544с.
10. Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. - М.: Экономика, 1970. – 391.
11. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Документы и материалы. Самара, 1995. С. 83
12. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СО ГАСПИ). Ф. 714. Оп. 1 Д. 1018. Л (об).
13. СО ГАСПИ. Ф. 1474. Оп. 1. Д. 306. Л. 111-112.
14. СО ГАСПИ. Ф-714. Оп. 1. Д. 914. Л. 83.
15. СО ГАСПИ. Ф-714. Оп. 1. Д. 1018. Л. 21 (б))
16. СО ГАСПИ. Ф-714. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1.)
17. СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1056. Л. 24 (об)
18. СО ГАСПИ. Ф. – 1477. Оп. 1. Д. 306. Л. 111.
19. Отдел фондов общественно-политических организаций при пензенской областной администрации (далее – ОФОПО ГАПО). Ф-37. Оп. 1. Д. 990. Л. 43.
20. ОФОПО ГАПО. Ф-37. Оп. 1. Д. 983. Л. 25.
21. ОФОПО ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1140. Л. 23.
22. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) Документы и материалы. Саратов, 1974. С. 213
23. Филоненко С.И. Продовольственное обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (273). С. 77-83.
24. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М., 1964. С. 74-75.
25. Шалак А.В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в условиях Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Иркутск, 1999.

© Шматов Евгений Николаевич (Shmatov_75@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМЫСЛОВОЕ ЧТЕНИЕ И АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Андреева Светлана Юрьевна

Аспирант, Санкт-Петербургская академия
постдипломного образования
79211856817@yandex.ru

SEMANTIC READING AND ANALYSIS OF A WORK OF ART IN LITERATURE LESSONS IN HIGH SCHOOL

S. Andreeva

Summary: The article talks about the analysis of a literary text as a literary discipline (the main approaches to analysis are called: historical-literary, historical-cultural, biographical, semiotic, intertext, narrative, etc.), the peculiarities of the methodology of school analysis of a work of art. The article also describes the appearance of the term "semantic reading" in the Federal State Educational Standard, provides its interpretations given by scientists and methodologists. In addition, the possibility of interpreting the meaning of the term "semantic reading" through the subject results set out in the Federal State Educational Standard and meta-subject skills indicated in the sample work programs of different subject areas is shown. The key differences between the methods of school analysis of literary text and semantic reading are shown and explained, namely: competence approach, measurability of the result, criteria, independence in choosing a reading strategy and understanding the content of the text.

Keywords: semantic reading, analysis of a literary text, competence, criteria, interpretation.

Аннотация: В статье говорится об анализе художественного текста как литературоведческой дисциплине (называются основные подходы к анализу: историко-литературный, историко-культурный, биографический, семиотический, интертекстовый, нарративный и т.д.), особенностях методики школьного анализа художественного произведения. Также в статье рассказывается о появлении термина «смысловое чтение» в ФГОС, приводятся его трактовки, данные учёными и методистами. Кроме того, показана возможность трактования смысла термина «смысловое чтение» через предметные результаты, изложенные в ФГОС, и метапредметные навыки, указанные в примерных рабочих программах, разных предметных областей. Показаны и объяснены ключевые отличия методик школьного анализа художественного текста и смыслового чтения, а именно: компетентностный подход, измеримость результата, критериальность, самостоятельность в выборе стратегии чтения и осмыслении содержания текста.

Ключевые слова: смысловое чтение, анализ художественного текста, компетенция, критериальность, интерпретация.

Введение

Смысловое чтение указано в пункте 10.8 главы II ФГОС ООО [14] как метапредметный результат освоения образовательной программы, т. е. навык, опирающийся на теоретические знания, подкреплённые умениями применять их на практике. При этом ФГОС не даёт пояснений о содержательной стороне этой компетенции. Отсутствие конкретизации создаёт множественные подходы к этому понятию, а соответственно, и к компетенции, которые нашли отражение в работах учёных и методистов. Но, несмотря на то что с момента появления этого термина в ФГОС прошло уже больше 20 лет, ясности в этом вопросе не появилось. Остались нерешёнными следующие вопросы: Что именно включает в себя навык смыслового чтения? Как измерить сформированность данной компетенции? Чем смысловое чтение художественного текста отличается от анализа произведения, заложенного в современной методике изучения литературы?

Материалы и методы исследований

Для написания данной статьи были использованы

следующие материалы и методы:

1. Изучение научных работ, связанных с методикой изучения художественного произведения.
2. Изучение монографии и учебных пособий, в которых объясняются особенности методики школьного анализа художественного произведения.
3. Обзор современных исследований в области методики смыслового чтения.
4. Изучение материалов, изложенных в Федеральном государственном стандарте.
5. Сопоставление содержательных частей методик анализа и смыслового чтения художественного произведения.
6. Синтез полученных данных и выработка новых выводов о возможной содержательной стороне как термина «смысловое чтение», так и компетенции «смысловое чтение художественного текста»

Эти методы и материалы позволили автору статьи осветить в один из подходов к пониманию содержательной части методики смыслового чтения художественного текста, выявить основные отличия методики смыслового чтения от методики анализа, предложить ответы на вопросы, связанные с содержательной частью методики

смыслового чтения художественного текста.

Результаты и обсуждения

Анализ художественного текста как особая литературоведческая дисциплина, т.е. «практика аналитического рассмотрения отдельных произведений в их внутренней целостности» [22, С. 3], образующая «область научного познания, в равной степени близкую как истории литературы, так и ее теории, но не сводимую ни к первой, ни ко второй», возникает в отечественной методической традиции в 20-х годах XIX века. Значительный вклад в становление аналитического подхода к литературным текстам вносят А.П. Скафтымов, М.М. Бахтин, представители «формальной школы»: Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский, В.В. Шкловский и др.; в дальнейшем идеи литературоведческого анализа развивают Л.Я. Гинзбург, Г.А. Гуковский, Я.О. Зунделович, А.В. Чичерин, М.М. Гиршман, Б.О. Корман, Ю.М. Лотман и др. В 1987 г. в «Литературном энциклопедическом словаре» за анализом художественного текста был закреплён статус самостоятельной области литературоведческого анализа.

Существуют разные подходы к анализу художественного текста. Так, А.Н. Семёнов [16] выделяет историко-литературный анализ (произведение литературы рассматривается как составная часть конкретного историко-литературного процесса: «проблематика художественного произведения, сюжетно-композиционные особенности, поэтика» объясняются «закономерностями отечественного или мирового литературного процесса», а также «следованием традициям или проявлением новаторства» [16, с. 15]); историко-культурный анализ («рассматривает художественное произведение как фиксацию, отражение фактов общественного развития», а характерные черты произведения «объясняются психологией художника, которая понимается как частный случай ... духовной и нравственной жизни общества» [16, с. 24]); жанровый анализ (в основе лежит родо-жанровая специфика произведения); биографический подход к анализу (биография автора: «жизненные обстоятельства, литературное и бытовое окружение» - рассматриваются как источник конкретного текста [16, с. 54]); семиотический анализ (построен на осознании, что каждое слово является «знаком» только, «будучи включённым в ту информационную систему, которую мы определяем как художественный текст» [16, с. 78]); мотивный подход («обращение к конкретным повествовательным мотивам литературного произведения» [16, с. 93]); концептуальный анализ («предметом которого являются как основные, определяющие концепты художественного произведения, так и их комплекс, определяемый как концептосфера» [16, с. 108]).

В.И. Тюпа [22] выделяет следующие виды анализа ху-

дожественного текста: семиоэстетический («учитывающий в равной степени как эстетическую специфику художественной целостности, так и семиотическую природу ее текстовой манифестации (т.е. проявления чего-то внутреннего в чем-то внешнем)» [22, с. 34]); интертекстовый (как «выявление различного рода влияний, заимствований, цитат, реминисценций, аллюзий, зафиксированных в тексте, т.е. филологическое комментирование текста», так и восприятие художественного текста в виде некоей точки пересечения «самых разнообразных межтекстовых связей и отношений» [22, с. 252]); дискурсный («рассмотрение текстов с позиций риторики», когда «художественное произведения рассматривается в качестве единого высказывания, или дискурса, — коммуникативного события между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями» [22, с. 273]); нарратологический («анализ художественного текста, по преимуществу эпического, как нарратива (рассказа о каких-либо событиях)», где «решающей оказывается двоякая событийность: «событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания», происходящие «в разные времена и на разных местах, и в то же время неразрывно объединенные в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [3, с. 403 - 404]).

При всей научности данных подходов к анализу художественного текста следует помнить, что школьный анализ, хоть и базируется на литературоведческих концепциях, но учитывает возрастные возможности школьников, поэтому не обладает полнотой литературоведческого анализа. Поэтому В.Г. Маранцман [4] выделяет следующие методы школьного анализа текста: анализ композиции, стиля, изучение творческой истории произведения, сопоставление данного произведения с другими произведениями писателя, сравнение произведений разных писателей или отдельных элементов художественных текстов, сопоставление литературного текста с произведениями другого вида искусства; а также приёмы анализа: устное словесное рисование, составление киносценария, инсценирование, мизансценирование текста, способные сформировать у школьника навык медленного вдумчивого чтения, необходимый для полноценного восприятия художественной литературы [4, с. 186] «Задача школьного анализа, как объяснял В.Г. Маранцман, не научное исследование, а практическое, читательское освоение художественного произведения. Цель школьного анализа - создание читательской интерпретации произведения и соотнесение ее с научным исследованием текста, корректирование субъективных представлений читателя объективным смыслом произведения, раскрытым литературоведением» [4, с. 152].

Это, в свою очередь, позволило Г. Топор дать следующее определение: «Анализ художественного произведения в школе – это процесс углубленного вчитывания,

умного осмысленного чтения текста, который не должен уничтожить того эмоционального впечатления, какое могло возникнуть у школьников при самостоятельном чтении» [21, с. 4].

При этом В.Г. Маранцман также указывает на то, что «анализ литературного произведения устанавливает результативность работы учеников как читателей и помогает учителю выяснить, какие элементы этой деятельности достаточно развиты, а какие требуют совершенствования», что, в свою очередь, побуждает «определить основные сферы деятельности читателя-школьника и оценить его работу по уровню развития тех или иных качеств, необходимых для чтения и анализа» [4, с. 143].

Смысловое чтение как метапредметный навык возникает в образовательном процессе Российской Федерации в начале XXI века, указание на него появляется во ФГОС 2 поколения [14]. Связано это с переосмыслением связи между письмом и чтением, а также с осознанием роли чтения в экономической, политической и культурной жизни человечества. В это же время начинают происходить и первые замеры развития функциональной грамотности учащихся по тестам для школьников 15 лет PISA (Programme for International Student Assessment, PISA - Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), которые разрабатывает (впервые в 1997 году) и проводит (первый раз в 2000 году) Организация международного сотрудничества и развития, и для учащихся начальной школы - PIRLS (создан под эгидой Международной ассоциации по оценке учебных достижений (International Association for the Evaluation of Educational Achievement, IEA). Но особенность данных тестов (блок, проверяющий грамотность чтения) заключается в том, что и определение читательской грамотности (способность человека понимать и использовать тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни), и основные подходы к оценке читательской грамотности (акценты на чтении составных текстов, что позволяет оценить умение интерпретировать и обобщать информацию, полученную из нескольких отличающихся источников; применять полученную в процессе чтения информацию в разных жизненных ситуациях; применение информации для решения широкого круга задач; не только художественные тексты и тексты, связанные с предметной областью «русский язык», это большой блок информационных текстов, текстов, относящихся к различным предметным областям, а также тексты, поднимающие темы, выходящие за рамки изучаемых в школе), и инструментарий (текст, в котором представлена некоторая ситуация; 7-10 вопросов различной степени трудности; задания близкие к реальным проблемным ситуациям, которые могут быть связаны как непосредственно с информацией предложенного текста или полученной

при изучении разных учебных предметов, так и с личным опытом учащихся) [17]. утилитарны и не связаны с теми подходами к анализу текста, которые уже сложились в отечественной методике преподавания.

При этом отсутствие указания во ФГОС 2 и 3 поколения на содержательную часть компетенции «смысловое чтение» оставляет открытыми следующие вопросы: Что является итоговым результатом данного навыка? Каковы критерии оценивания уровня владения им? От каких факторов зависит выбор стратегии смыслового чтения текстов? Каким компонентам стратегического подхода необходимо научить ученика? [1]

В начале XXI века было создано несколько монографий о методике смыслового чтения, в которых авторы: Н.Н. Сметанникова, А.К. Григорьева, И.И. Московкина, Г.В. Пранцова, Е.С. Романичева - рассматривают смысловое чтение как стратегию формирования читательской компетенции.

Так, Н.Н. Сметанникова в книге «Смысловое чтение учебного и научного текста. Теория и практика» (1 издание, 2011 г.) [18] рассматривает смысловое чтение как стратегию формирования читательской компетенции, целью которой является «мотивирование на прочтение книги» [18, с. 41], а инструментом оценки - читательская грамотность, « которая включает в себя умение поиска и анализа информации в тексте, его понимание и интерпретацию, оценку и формирование суждений о тексте» [18, с. 9]. Исходя из данной цели автор пособия предлагает следующие стратегии:

- стратегии продвижения книг («Выбор книги», деловая игра «Активный читатель», «Экран чтения», «Что нового?», «Информационная карточка книги», «Читательская конференция», «Рецензия», ролевая игра «Читательская конференция – обсуждение книги», «Дискуссия», «Дебаты»;
- стратегии предтекстовой деятельности: «Мозговой штурм», «Глоссарий», «Ориентиры предвосхищения», «Батарея вопросов», «Предваряющие вопросы», «Рассечение вопроса»;
- стратегии текстовой деятельности: «Чтение в кружок», «Чтение про себя с вопросами», «Чтение про себя с остановками», «Чтение про себя с пометками»;
- стратегии послетекстовой деятельности: «Отношения между вопросом и ответом», «Вопросы после текста», «Тайм-аут», «Проверочный лист»;
- стратегии работы с объёмными текстами: «Алфавит за круглым столом», «Соревнуемся с писателями», «Экскурсия по книгам», «Черты характера героев», «Цитаты», «Загадки», «Доклад», «Рецензия», «Синквейн» и т.п.;
- стратегии компрессии текста: «Аннотация – Краткий пересказ – Пересказ»;

- общеучебные стратегии: «Знаю – Хочу знать – Узнал», «Граф-схемы «Кольца Венна»;
- стратегии развития словаря: «Обзор словаря», «Аналогия», «Постепенная догадка по контексту».

Таким образом, Н.Н. Сметанникова описывает стратегию, как внутреннюю логику построения форм и приёмов работы с текстом в целом (не вычлняя стилистические особенности текстов; при этом в примерах применения стратегий опирается преимущественно на художественные, публицистические и учебно-научные), призванных формировать читательскую компетентность, т.е. качества человека, сформированные его культурой [18, с. 8], создающих такие «условия, чтобы учащийся хотел читать, читал много, постепенно постигая более сложные литературные и документальные формы текста, чтобы сформировалась и развилась его читательская компетентность и чтобы в итоге он стал «человеком читающим», личностью, владеющей культурой чтения» [18, с. 7].

Примерно в это же время происходит осознание, что стилистические различия текстов требуют и разных стратегических подходов смыслового чтения.

Г.В. Пранцова, Е.С. Романичева в книге «Стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом» (2-е издание, 2015 г.) [15], но уже учитывают стилистические отличия текстов, поэтому показывают стратегические подходы, построенные на особенностях стилей:

- стратегии чтения научного и учебного текстов, куда входят виды чтения (ознакомительное, просмотровое, аналитическое, а также изучающее и усваивающее); приёмы понимания и способы овладения ими, «стратегия выдвижения гипотезы, ее подтверждение или отклонение, стратегия контекстуальной и смысловой догадки и стратегия мониторинга» [15, с. 32]; предтекстовые стратегии, стратегии стадии осмысления и стадии рефлексии; стратегии послетекстовой деятельности (изучение других источников информации и вторичные тексты, созданные в процессе учебной деятельности);
- стратегии работы с художественным произведением (стратегии перехода к самостоятельному чтению: от стратегии направляемого чтения (по вопросам учителя) к стратегии читательских откликов; выбор стратегии в зависимости от типа текста (на примере повествования); стратегии послетекстовой деятельности («письмо по образцу», «письмо по правилам», рефлексивное письмо [15, с. 70].

Таким образом, Г.В. Пранцова, Е.С. Романичева показывают, что существуют существенные отличия в страте-

гиях смыслового чтения текстов разных стилей и типов, но раскрывают эту мысль так же, как и Н.Н. Сметанникова, т.е. через описание внутренней логики построения форм и приёмов работы с текстом.

А.К. Григорьева и И.И. Московкина («Смысловое чтение учебного и научного текстов»; 2-е издание, 2016 г.) [8]), указывая как на основные особенности научного текста (композицию, сложное синтаксическое целое, стилевые (высокая информативность, точность, обобщенность и т.д.) и языковые (лексические, морфологические, синтаксические), так и на различные структуры подобных текстов: сплошные без визуальных изображений) и несплошные (с визуальными изображениями типа таблиц, схем, графиков и т.п.), рассматривают смысловое чтение уже в зависимости от стиля текста, но предлагаемые ими стратегии также связаны с общими стратегиями построения приёмов работы с текстом. Так они выделяют:

- предтекстовые стратегии: «мозговой штурм», составление глоссария, постановка вопросов к тексту и т.д.;
- стратегии текстовой деятельности: таблица «толстых» и «тонких» вопросов, «ромашка Блума», «Мозаика», «Зигзаг» и т.д.;
- стратегии послетекстовой деятельности, т.е. графические способы фиксации информации: «Пирамида фактов», «Карта идей» и т.п.

Кроме того, в монографии говорится и о важности создания вторичных текстов, т.к. «смысловая переработка текста опирается на понимание», в процессе которого текстовая информация проходит сквозь своеобразный смысловой фильтр, который отделяет известное от нового, важное от второстепенного» [8, с. 128].

Данные работы послужили основой для последующих научных исследований в этой области, смысловое чтение в которых также рассматривается через приёмы работы с текстом, а именно:

- приёмы быстрого восприятия и обработки больших объемов информации, овладению современными средствами, методами и технологиями работы (Апальков В.Г.; 2014 г.) [2];
- формирование учебно-познавательных компетенций, а именно: чтения и понимания смысла текста через технологию развития критического мышления, построенной на трехфазовой структуре: вызов (актуализация имеющихся знаний), реализация смысла (получение новой информации), рефлексия (рождение нового знания) (Стасюк С.А.; 2015 г.) [19];
- организации работы с текстом (Румбешта Е.А, Швалёва Т.В.; 2020 г.) [20];
- формирование читательской компетенции и развитие критического мышления (Кипарисова С.О.;

2020 г.) [9];

- формирование аналитической и продуктивной текстовой деятельности, при котором смысловое чтение рассматривается как «осмысление цели чтения и выбор вида чтения в зависимости от цели» (Васильевых И.П.; 2020 г.) [6].

Между тем, возникают и другие взгляды на компетенцию «смысловое чтение»:

- А.А. Мосунова (2009 г.) [12] говорит о смысловом чтении художественного текста как об «уникальной деятельности, приобщающей субъекта к процессам духовного производства»;
- Н.А. Нестеркина (2016 г.) [13] рассматривает коммуникативные возможности смыслового чтения, в частности, указывая на то, что текст имеет очень широкое значение, предлагает методику создания «Речевого портрета личности» через анализ речи собеседника;
- Коник О.Г. (2019 г.) [10] отмечает, что, несмотря на то что «в концепции универсальных учебных действий выделены действия смыслового чтения, которые связаны: с осмыслением цели чтения и выбором вида чтения в зависимости от цели; с извлечением нужной информации из прослушанных текстов различных жанров; с определением основной и второстепенной информации; с формулированием проблемы и главной идеи текста, для смыслового понимания недостаточно просто прочесть какой-то текст, нужно дать оценку информации, отреагировать на его содержание. Целью такого чтения является максимально точное и полное понимание содержания текста, осмысление всех деталей и практическое усвоение информации. Это внимательное «вчитывание» и проникновение в смысл с помощью анализа текста. Овладение навыками смыслового чтения способствует развитию связной устной речи и, как следствие, – письменной приводит к овладению искусством аналитического, интерпретирующего и критического чтения».

Действительно, если сопоставить предметные результаты, изложенные в ФГОС, и метапредметные навыки, указанные в примерных рабочих программах, разных предметных областей, то можно увидеть, что «учебные предметы в зависимости от приёмов работы с информацией можно разделить на 3 основные группы: в 1 группу войдут предметы, информация учебных текстов которых структурирована, легко преобразуема в графики, диаграммы, таблицы, схемы, т.е. математика, информатика, физика, география, биология, химия. Ко 2 группе будут относиться общественно-научные предметы (история и обществознание), т.к. общее свойство информационной составляющей текстов данных предметов – это проверка их достоверности. В 3 группу будут включены предме-

ты, для которых важным в работе с текстом является выявление явной и скрытой (подтекстовой) информации, выявление авторской позиции заявленных в тексте идей, т.е. русский язык и литература» [1, с. 2039]. Кроме того, можно заметить определённую корреляцию между предметными результатами каждой группы и стилевыми особенностями текстов, составляющих учебную основу предметов каждой группы. Это, в свою очередь, приводит к предположению, что у каждого стиля и подстиля (например, научного и учебно-научного), у каждого жанра художественного стиля есть своя стратегия смыслового чтения, построенная на компетенциях, формирующихся в процессе обучения конкретному предмету.

При этом нужно отметить, что в основе методики обучения смысловому чтению художественных текстов по-прежнему лежат дидактические правила, сформулированные М.А. Рыбниковой (1885-1942): «обучение должно быть воздействующим на различные стороны восприятия учащихся; учащиеся должны ясно понимать поставленную перед ними задачу; искусство методиста - показать сложное в простом, новое в знакомом; важно соединить дедукцию с индукцией» [4, с. 7]. Сохраняются и основные подходы, методы и приёмы: например, выразительное чтение, особое внимание которому уделяла М.А. Рыбникова; элементы проектной деятельности, разрабатываемой в начале XX века группой педагогов под руководством С.Т. Шацкого; актуальна и мысль В.В. Голубкова (1880 - 1968) о том, что не может быть универсальной схемы или общего плана изучения художественного произведения, поэтому сам процесс анализа текста на уроке должен быть гибким и учитывать идеи участников урока, возникающие в процессе постижения смысла текста, взаимосвязей его компонентов, что, в свою очередь, требует высокого уровня подготовки учителя, наличия у него таланта интерпретатора; неизменной остаётся и необходимость изучения теории литературы, в которую входят и учение об особенностях образного отражения действительности, и учение о структуре литературного произведения, и учение о литературном процессе (историческое представление: проблемы литературных родов, жанров, литературных течений, общих принципов литературного процесса) [11]. В методике смыслового чтения применимы также и исторические методы анализа текста: биографический (связь биографии писателя с его творчеством; новый подход к изучению биографии писателя задаёт в своих работах Т.Г. Браже (1931-2019), культурно-исторический (А.Н. Пыпин (1833-1904), Н.С. Тихонравов (1832-18930), П.Н. Сакулин (1868-1930), историко-типологический (объяснял то, как действительность обуславливает появление произведения и как она «отражается» в нем; был эффективен при изучении литературных направлений, течений, жанров; он мог быть применен как к классике, так и к «рядовым» произведениям искусства); историко-функциональный (позволял проследить связи между

произведением и последующими периодами развития литературы, определить характер его воздействия на читателя и, наоборот, воздействия ценностно-смысловой позиции читателя на интерпретацию; использовался преимущественно по отношению к «классическим» произведениям, порождающим большое количество разнообразных интерпретаций) [7]. Актуальны для современной методики смыслового чтения и индивидуальные методические системы, создававшиеся во второй половине XX века Н.И. Кудряшевым, Г.И. Беленьким, В.Г. Маранцманом, М.Г. Качуриным, И.А. Мухиной и др.

То есть смысловое чтение включает в себя все подходы, приёмы, методы, разработанные и применяемые в рамках методики анализа художественного произведения. Но при этом многие приемы анализа и интерпретации могут быть переосмыслены и применяться иначе, чем в момент их возникновения, поскольку целью современной методики становится формирование компетенции, т.е., для методики литературы, формирование навыков самостоятельного анализа текста, включающих осознанный выбор линии его проведения, основывающийся на полученных теоретических знаниях, практическом опыте их применения, критическом восприятии получаемой информации, ответственным отношением к возникающей интерпретации.

Можно сделать вывод, что смысловое чтение, как метапредметный навык, т.е. как компетенция, включает в себя все компоненты анализа текста, но при этом анализ произведения становится итогом деятельности учащегося в рамках самостоятельного смыслового чтения текста. Поэтому основным отличием методики школьного анализа текста и смыслового чтения становится именно самостоятельность учащегося, при том, что в современной методике заложена ведущая роль учителя.

Так, А.Н. Семёнов в учебно-методическом пособии «Виды анализа художественного текста» (2016 г.) пишет следующее: «Выбор исследователем, а следовательно, и учителем, вида, типа анализа художественного произведения необходимо поставить в зависимость от его индивидуальных эстетических качеств, связанных с родом и жанром, характером картины мира, своеобразием сюжетно-композиционной организации... [16, с. 9] Учитель может априори выбрать тот вид анализа литературного текста, который представляется ему наиболее логичным, применимым в данном конкретном случае. Избираемый инструментарий должен пониматься им как основа диалога учащихся с художественным или литературно-критическим произведением» [16, с. 10].

Это созвучно с тем, что писали О.Ю. Богданова и В.Г. Маранцман в пособии для студентов и преподавателей (1994 г.) [4, с. 142-143]: «Анализ в условиях школы – деятельность коллективная и потому, что изучение

литературных произведений совершается в условиях общения классного коллектива, вбирает в себя читательский и жизненный опыт всех учеников данного класса, и потому, что школьный анализ, как всякая учебная деятельность, предполагает обогащение индивидуальных впечатлений ученика опытом других читателей и научным истолкованием текста, которое представляет учитель. Педагог высказывает в классе не только свои индивидуальные впечатления, но раскрывает научную позицию литературоведения. Художественный текст, таким образом, не изолированно, не монополюльно влияет на ученика. Мнение товарищей по классу и суждения педагога во многом определяют отношение ученика к литературному произведению».

Фактически при таком подходе учащийся учится делать анализ одного конкретного произведения, т.е. он запоминает «идейную картинку» текста, особенности стиля, композиции, средства выразительности, историческую подоплёку, отголоски биографии автора и т.д. конкретного произведения, но не овладевает инструментарием для самостоятельного анализа.

Смысловое чтение, становясь компетенцией, т.е. итоговой целью формирования знаний, умений, навыков, должно сместить именно этот вектор, т.е. направить внимание педагога на выработку у учащихся навыка самостоятельного постижения смысла текста. А для этого необходимо выделить:

1. общую стратегию анализа произведений определённого рода (жанра);
2. ключевые точки такой стратегии, т.е. промежуточные компетенции;
3. составляющие компоненты каждой промежуточной компетенции.

Например, стратегия смыслового чтения рассказа может быть построена вокруг характеристики героя. В этом случае промежуточными компетенциями станут основные компоненты характеристики литературного героя, такие как: имя, внешний вид, описание жилища, отношения с людьми и т.п.

Промежуточная компетенция «Имя героя» будет включать в себя следующие компоненты («точки» осмысления текста): Как зовут героя? Это имя или прозвище? Является ли это имя (прозвище) «говорящим»? Изменяется ли имя героя на протяжении повествования? Кто и как называет его? Что это говорит о герое?

Следовательно, в методике преподавания литературы в средней школе должно появиться, с одной стороны, больше места для самостоятельной работы учащихся, связанной с осмыслением смысла текстов, с другой стороны, это должен быть целенаправленный процесс формирования промежуточных компетенций (в 5-8

классах) и навыка выстраивания стратегий смыслового чтения (в 9-11 классах).

Кроме того, смысловое чтение, как компетенция, поддается определённому нормированию, т.е. появившаяся конкретизация содержания каждой промежуточной компетенции позволяет создать критерии оценивания сформированности компетенции, что не заложено в методике анализа произведения, т.к. анализ – это «интеллектуальная деятельность, представляющая собой рассмотрение, разбор, разделение чего-либо целостного на элементы, части с целью выделения их существенных особенностей, признаков» [5], т.е. только направление движения.

Критериальный подход в смысловом чтении помогает решить ещё одну проблему, возникающую в рамках школьного анализа художественного текста, а именно проблему интерпретации (вопрос об опасности и бес-

контрольности интерпретации поднимал У. Эко (1932–2016) в сборнике статей «Границы интерпретации» (1990) [23]). Так, в критериях может быть заложено требование опоры на текст, что побуждает как подтверждать собственные умозаключения текстом, так и формировать умозаключения, исходя из особенностей текста.

Таким образом, можно сделать вывод, что смысловое чтение художественного текста шире, чем анализ: оно включает теоретическую базу, заложенную в программе изучения литературы, методы и приёмы методики изучения литературы, при этом сам анализ произведения, как итог самостоятельного осмысления, зафиксированный письменной речью, становится конечной целью смыслового чтения. При этом, смысловому чтению, в отличие от школьного анализа художественного произведения, присущи компетентностный подход, измеримость результата, критериальность, самостоятельность в выборе стратегии чтения и осмыслении содержания текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С.Ю. Актуальные проблемы методики смыслового чтения [Текст] / С.Ю. Андреева // Научный аспект, 2024. - №3. Т. 17 – с. 2037–2045.
2. Апальков В.Г. Формирование смыслового чтения: международный и отечественный опыт (на примере обучения иностранному языку) [Текст] / В.Г. Апальков // Экономика, Статистика и Информатика, 2014. - №6 (2) – С. 235–238
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]: Исследования разных лет / М. Бахтин. - Москва: Худож. лит., 1975. - 502 с.
4. Богданова О.Ю., Маранцман В.Г. Методика преподавания литературы: Учебник для пед. вузов. Пособие для студентов и преподавателей [Текст] // Под ред. Богдановой О.Ю., Маранцмана В.Г. В 2 ч. Ч. 1.-М.: Просвещение, ВЛАДОС, 1994. - 288 с.
5. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.]; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. - Москва: АСТ-Пресс Книга, 2005. – [Электронный ресурс] URL: 862https://noun_ru.academic.ru/275/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7 (дата обращения: 15.04.2024.)
6. Васильевых И.П. Формирование аналитической и продуктивной текстовой деятельности обучающихся средствами смыслового чтения [Текст] / И.П. Васильевых // Педагогические измерения, 2020. - № 2. – с. 39-42.
7. Гашева Н.В., Кондаков Б.В. Исследовательские стратегии начала XXI века. Статья первая [Текст] / Н.В. Гашева, Б.В. Кондаков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 167-175
8. Григорьева А.К., Московкина И.И. Смысловое чтение учебного и научного текстов: уч. пособие. 5-е издание, стереотипное [Текст] / А.К. Григорьева, И.И. Московкина // М: Флинта, 2021. – 175 с.
9. Кипарисова С.О. К проблеме диагностики степени развития навыков смыслового чтения [Текст] / С.О. Кипарисова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 45–53.
10. Коник О.Г. Основы формирования навыка смыслового чтения у младших школьников в процессе изучения сказок [Текст] / О.Г. Коник // Проблемы современного педагогического образования, 2019. - С. 163–167.
11. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия [Текст] / Под редакцией проф. Горкина А.П. — М.: Росмэн. 2006. – 584 с.
12. Мосунова А.А. Смысловое чтение как деятельность: её содержание и структура» [Текст] / А.А. Мосунова // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–1. С. 151–157.
13. Нестеркина Н.А. Краткосрочный курс «Речевой портрет личности» (из опыта работы по формированию смыслового чтения) [Текст] / Н.А. Нестеркина // Пермский педагогический журнал, 2016. - № 8. - С. 159–160.
14. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 № 1897. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 09.03.2024).
15. Пранцова Г.В., Романичева Е.С. Современные стратегии чтения: теория и практика [Текст] / Г.В. Пранцова, Е.С. Романичева. – 2 изд., испр. И доп. – М: Форум, 2015. – 367 с.
16. Семёнов А.Н. Виды анализа художественного текста: учебно-методическое пособие для учителей русского языка и литературы [Текст] / А.Н. Семёнов. - Ханты-Мансийск: редакционно-издательский отдел АУ ДПО ХМАО – Югры «Институт развития образования». – 2016. – 126 с.
17. Сидорова Галина Александровна. Новые подходы к оцениванию читательской грамотности. Результаты российских учащихся в международном исследовании PISA-2018 // Всероссийский семинар «Формирование и оценка функциональной грамотности школьников». 2021 [Презентация] // [Электронный

- ресурс] URL: http://www.irort.ru/sites/default/files/%D0%A7%D0%B8%D1%82.%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC.%20%D0%A1%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%93%D0%90_01.10.2021.pdf (дата обращения: 20.04.2024)
18. Сметанникова Н.Н. Обучение стратегиям чтения в 5-9 классах: как реализовать ФГОС: пособие для учителя [Текст]/ Н.Н. Сметанникова. - М: Балласс. -2013. -126 с.
 19. Стасюк С.А. Формирование стратегии понимания целостного смысла текста через использование технологии развития критического мышления [Текст]/ С.А. Стасюк// Национальная ассоциация ученых, 2015. - № 7. - С. 60–63.
 20. Румбешта Е.А., Швалёва Т.В. Формирование смыслового чтения и умения работать с текстом в процессе применения познавательной проблемной деятельности [Текст]/Е.А. Румбешта, Т.В. Швалёва // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 6 (34). С. 52–60.
 21. Топор Г. Методология работы над художественным произведением: Дидактические материалы для учителей русского языка и литературы [Текст] / Г. Топор. - Кишинёв: КГПУ им. И. Крянгэ. - 2019. - 58 с. - С. 4.
 22. Тюпа В.И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений [Текст]/ В. И.Тюпа. — 3-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2009. — 336 с.
 23. Эко Умберто. Открытое произведение [Текст] / Умберто Эко; пер. с итал. А. Шурбелева. - М.: Академический проект. 2006. 384 с., с. 28

© Андреева Светлана Юрьевна (79211856817@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕКСТОВЫЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ В ДИСКУРСЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

USING TEXT-BASED GAMES AS A METHOD TO TEACH THE READING OF PROFESSIONALLY-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEXTS IN THE FIELD OF CIVIL DEFENSE AND EMERGENCY DISCOURSE

A. Bortnikova

Summary: In this article, the author examines text-based video games as a means of teaching a foreign language in a non-linguistic university. The author emphasizes the importance of integrating this technology into the process of learning a foreign language in a non-linguistic university, as it contributes to increasing student motivation and optimizing work with professionally oriented texts.

Keywords: text-based games, non-linguistic university, foreign language learning, CD discourse, professionally oriented reading.

Бортникова Александра Владимировна

Преподаватель, ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
a.bortnikova@agz.50.mchs.gov.ru

Аннотация: В данной статье автор рассматривает такой вид видеогр, как текстовые игры, в качестве средства обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Автор подчеркивает важность интеграции данной технологии в процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе, так как она способствует повышению мотивации обучающихся, а также оптимизации работы с профессионально ориентированными текстами.

Ключевые слова: текстовые игры, неязыковой вуз, обучение иностранному языку, дискурс ГО, профессионально ориентированное чтение.

В начале 21-го века дистанционное обучение уже пользовалось определённой популярностью; однако учителям предоставлялась возможность постепенно переходить на этот формат. Из-за пандемии COVID-19 правительство было вынуждено перевести всех на дистанционное обучение, в результате чего значительно увеличился объем научных работ, изучающих дистанционное образование в этот период. Анализ научных исследований по данной теме позволяет сделать вывод, что применение информационных технологий в образовании имеет как преимущества, так и недостатки. Среди минусов следует выделить отсутствие у многих студентов развитых когнитивных навыков, включая умение самостоятельно организовывать свою работу, концентрироваться на конкретном материале, адаптироваться к новым условиям и переключаться между различными задачами.

Иностранный язык как учебный предмет является неоднородным. По мнению Н.Д. Гальсковой, «независимо от степени владения языком, знание отдельных его элементов, таких как отдельные слова, предложения или звуки, не может быть отнесено к понятию владения языком как средством общения» [2, с. 12]. Ещё одной

ключевой характеристикой иностранного языка как академической дисциплины является его двойная роль: он служит как инструментом, так и конечной целью образовательного процесса. После того как студенты овладевают языковыми инструментами и приобретают определённые навыки в области речевой активности, которые изначально были целью обучения, они начинают использовать их для решения более сложных языковых задач. Таким образом, первоначальные задачи трансформируются в инструменты для дальнейшего обучения. Несмотря на уникальные особенности иностранных языков как учебного предмета, именно они могут существенно способствовать развитию личности, как отмечает Гальскова [2, с. 17]

Применение информационных технологий в учебном процессе для решения проблем, связанных с когнитивными умениями, уже рассматривалось в работах таких исследователей, как Вербицкий А.А., Сысоева П.В., Евстигнеева М.Н. [1, 3]. В данном исследовании мы предлагаем рассмотреть использование информационных технологий, в частности текстовых игр, как средства для преодоления проблем, связанных с работой с текстами профессиональной направленности, с целью развития

навыков читательской и дискурсивной компетенции.

На данный момент ощущается отсутствие достаточного количества методических работ, посвящённых иноязычной профессиональной подготовке будущих специалистов, посвящённых этому методическому аспекту. Это, возможно, частично объясняется скептицизмом, с которым компьютерные игры до сих пор часто воспринимаются в образовательной среде. Особенно это актуально учитывая, что в начале 2000-х годов многие исследования больше фокусировались на вредном влиянии компьютерных игр на психику и когнитивные способности. Однако в настоящее время акцент исследовательского интереса сместился в сторону изучения положительных аспектов компьютерных игр.

В ходе данного исследования были выявлены следующие преимущества применения компьютерных игр для формирования читательской дискурсивной компетенции:

- Способствуют организации самостоятельной учебной деятельности;
- Способствуют повышению мотивации;
- Способствуют формированию когнитивных умений;
- Способствуют формированию читательской дискурсивной компетенции (ЧДК), включая увеличение объема словарного запаса, совершенствование речевой деятельности и грамматических навыков.

Важно отметить, что успешное внедрение игровых технологий в обучение иностранным языкам требует тщательного планирования и подбора игр, соответствующих уровню владения языком учащихся, их интересам и учебным целям. Преподаватели должны также учитывать разнообразие типов игр, чтобы обеспечить максимальную вовлеченность и мотивацию учащихся.

Компьютерные игры — это те же игры, но в которых компьютер играет роль либо ведущего, либо партнера по игре, либо оппонента. Появившиеся с первыми компьютерами, изначально они были простыми алгоритмами, но со временем и благодаря технологическому прогрессу игры становились всё более сложными.

Исследуя внедрение компьютерных игр в образовательный процесс неязыкового вуза, мы предлагаем следующую классификацию видеоигр, направленных на обучение профессионально ориентированному иностранному языку:

1. Симуляторы реальной деловой среды: эти игры погружают студентов в виртуальные сценарии, которые имитируют реальные деловые ситуации. Игроки могут участвовать в виртуальных переговорах, управлять проектами или вести деловую

переписку, что способствует развитию навыков делового общения на иностранном языке.

2. Стратегические игры и бизнес-симуляторы: эти игры требуют от игроков разработки стратегий для управления виртуальными предприятиями или экономиками. В процессе игры студенты сталкиваются с необходимостью принятия решений на иностранном языке, что способствует улучшению их способности к стратегическому планированию и анализу в деловом контексте.
3. Ролевые игры с деловыми сценариями: в этих играх участники принимают на себя роли различных деловых персонажей и взаимодействуют друг с другом в рамках predetermined сценариев. Такой формат позволяет студентам практиковать деловое общение в различных контекстах, развивая при этом языковые навыки и понимание культурных аспектов делового общения.
4. Игры на развитие конкретных навыков: к этой категории относятся игры, направленные на развитие определенных языковых или коммуникативных навыков, таких как ведение деловых переговоров, презентаций, написание деловых писем и т.д. Такие игры могут включать различные упражнения и задания, направленные на оттачивание конкретных навыков.
5. Эдутейнмент и языковые курсы в игровой форме: эти игры сочетают в себе образовательный контент и развлекательный элемент, делая процесс обучения более интерактивным и захватывающим. Они могут включать элементы геймификации, такие как достижения, награды, уровни сложности, что способствует повышению мотивации студентов к изучению делового иностранного языка.

Мы подчеркиваем, что использование компьютерных игр в образовательном процессе может значительно улучшить качество обучения деловому иностранному языку, сделав его более интерактивным, практическим и мотивирующим для студентов. В рамках данного исследования мы считаем, что использование компьютерных игр в обучении иностранному языку является вынужденной мерой для организации эффективного процесса обучения в целом и, в частности, для обучения чтению профессионально ориентированных текстов и дискурса в неязыковом вузе, с учётом небольшого количества часов, отведённых на эту дисциплину. Совершенно очевидно, что процесс использования компьютерных игр имеет ряд преимуществ и недостатков. К преимуществам мы относим следующие аспекты:

1. Мотивация и вовлеченность. Игры могут значительно повысить мотивацию учащихся благодаря их интерактивности и развлекательному характеру. Это помогает учащимся поддерживать интерес к изучаемому языку.

2. Контекстуализированное обучение. Игры часто предоставляют контекст, в котором новые слова и выражения используются естественным образом, что способствует лучшему запоминанию и пониманию.
3. Обратная связь в реальном времени. Благодаря немедленной обратной связи, которую предоставляют многие игры, учащиеся могут быстро понять свои ошибки и работать над их исправлением.
4. Развитие навыков чтения. Игры, требующие чтения инструкций, диалогов или описаний, способствуют улучшению навыков чтения и расширению словарного запаса.
5. Адаптивное обучение. Некоторые игры адаптируются под уровень знаний пользователя, предлагая материалы, наиболее подходящие для его текущего уровня владения языком.

А к недостаткам:

1. Отвлечение внимания. Игровой процесс может быть настолько увлекательным, что учащиеся могут терять фокус с образовательных аспектов, сосредотачиваясь вместо этого на достижении игровых целей.
2. Ограниченный языковой контекст. Язык, используемый в играх, может быть ограничен определенными темами или ситуациями, что не всегда соответствует образовательным целям.
3. Недостаток глубокого понимания. Игры могут способствовать поверхностному обучению, когда учащиеся запоминают слова и фразы без полного понимания их значения и использования.
4. Технические проблемы. Доступ к качественным образовательным играм может требовать специфического программного обеспечения или мощного компьютера, что может быть проблематично для некоторых учащихся.
5. Зависимость от языка разработки. Большинство игр разрабатывается на английском языке, что может ограничивать доступность игр для изучения других языков.

В заключение, использование компьютерных игр в обучении чтению на иностранном языке может быть эффективным, если подходить к этому инструменту рационально, учитывая как его потенциальные преимущества, так и возможные ограничения. Важно найти баланс между игровым процессом и образовательными целями, чтобы максимизировать пользу от такого подхода к обучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкий, А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы / А.А. Вербицкий // Homo Cyberus. – 2019. – № 1(6). – EDN YJYUNG.
2. Гальскова, Н.Д. Содержание иноязычного образования: новый контекст и новые смыслы / Н.Д. Гальскова, З.Н. Никитенко // Шатиловские чтения. Перспективы развития парадигмы иноязычного образования. – Санкт-Петербург: Российский Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2021. – С. 11-23. – EDN JVHWWY.
3. Сысоев, П.В. Использование новых учебных интернет-технологий в обучении иностранному языку (на материале культуроведения США) / П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 2(58). – С. 363-371. – EDN IJNAGN.

© Бортникова Александра Владимировна (a.bortnikova@agz.50.mchs.gov.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ И МЕСТО ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

THE ROLE AND PLACE OF DIGITAL EDUCATION IN THE TRAINING OF FOREIGN CITIZENS AT THE PRE-UNIVERSITY STAGE OF STUDY

*I. Ignatova
S. Spesivtceva
K. Menshikova*

Summary: The purpose of the study is to analyze different opinions and approaches to the concept of "digital educational resource", determine the characteristic features of the digital educational resource, its positive and negative aspects, and outline ways to differentiate the concepts of "digital educational resource" and "digital educational environment".

The article examines and reveals the issues of digitalization of the educational process, which is the creation of a digital educational environment in which teachers and students operate. **The scientific novelty** of the research lies in the fact that for the first time it presents a created and tested model of a digital educational resource in the educational process of pre-university education of foreign citizens. **As a result** of the research, it was established that despite the contradictions and difficulties that were not revealed during the implementation of the digital educational system and the difficulties associated with the lack of necessary digital competencies among participants in the educational process, digitalization is an inevitable trajectory for the future development of both distance and classical education.

Keywords: digital educational environment, digital educational resource, distance education, digital technologies in education, digital university, digitalization of education.

Игнатова Ирина Борисовна

*д. пед. наук, заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор, Белгородский государственный
университет им. В.Г. Шухова*

Спесивцева Светлана Евгеньевна

*к. пед. наук, доцент, Белгородский государственный
университет им. В.Г. Шухова
viplana32@mail.ru*

Меньшикова Ксения Сергеевна

*старший преподаватель, Белгородский государственный
университет им. В.Г. Шухова
menshikova.ks@bstu.ru*

Аннотация: Цель исследования – проанализировать различные мнения и подходы к понятию «цифровой образовательный ресурс», определить характерные особенности ЦОР, его положительные и отрицательные стороны, наметить пути дифференциации понятий «цифровой образовательный ресурс» и «цифровая образовательная среда». В статье рассмотрены и раскрыты вопросы цифровизации образовательного процесса, представляющие собой создание цифровой образовательной среды, в которой функционируют преподаватели и обучающиеся. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлена созданная и апробированная модель цифрового образовательного ресурса в образовательном процессе довузовского обучения иностранных граждан. В результате исследования установлено, что несмотря на вскрывшиеся в процессе внедрения ЦОР противоречия и трудности, связанные с отсутствием у участников образовательного процесса необходимых цифровых компетенций, цифровизация – это неизбежная траектория будущего развития как дистанционного, так и классического образования.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, цифровой образовательный ресурс, дистанционное образование, цифровые технологии в образовании, цифровой университет, цифровизация образования.

Введение

В эпоху тотальной интеграции информационных технологий в различные сферы жизни общества особое внимание уделяется цифровизации образовательного процесса как необходимого условия современного и качественного образования. Процессы глобализации, охватывающие в настоящее время все сферы жизни общества, а также ускоряющиеся темпы технического развития касаются также технических систем. [1]. Информационные технологии (ИТ) являются неотъемлемой частью целостного образовательного процесса и существенно влияют на повышение его эффективности. Тенденции развития ИТ представляют большой потенциал в применении в повседневной жизни и образовании.

В условиях комплексной информатизации образования важность приобретает не столько техническое оснащение средствами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), сколько наличие полноценных цифровых образовательных ресурсов (ЦОР).

Цифровая образовательная среда (ЦОС) университетских комплексов выступает важнейшей средой для формирования цифровых компетенций. Формирование качественной цифровой образовательной среды образовательной организации – приоритетная задача для образовательного сообщества [2].

К цифровым образовательным средам при широкой трактовке следует отнести традиционные и цифровые

образовательные ресурсы (включая электронные курсы и средства обучения), преподавательские кадры, автоматизированные информационные системы. Они становятся объектами интеллектуальной собственности, и к ним необходимо применять экономические механизмы. В связи с этим вопросы оценки качества ЦОС приобретают высокую популярность и значимость. От того, насколько значимы их потребительские свойства и затраты, зачастую зависит результативность не только учебного процесса, но эффективность и успешность образовательного заведения [3].

Теоретический анализ проблемы

Анализ научной литературы показал, что понятие «цифровая образовательная среда» до сих пор не получило однозначного определения. Целый ряд ученых предпринимал попытки определить данное понятие: «под цифровой образовательной средой университета понимается совокупность всех информационных систем, предназначенных для обеспечения задач образовательного процесса, основными принципами которой выступают единство (согласованность используемых цифровых технологий), открытость (возможность обмена данными с внешними системами на основе опубликованных протоколов), доступность (неограниченная функциональность всех элементов ЦОС), конкурентоспособность (возможность замены одних элементов на более конкурентные технологии), ответственность (право, обязанность, возможность всех участников решать задачи в пределах своей компетенции в ЦОС), достаточность (соответствие содержания ЦОС целям, полномочиям и возможностям субъекта), полезность (создание новых возможностей и/или снижение трудозатрат пользователя)» [4].

В рамках нашего исследования необходимо выделить понятие «цифрового образовательного ресурса». Цифровой образовательный ресурс – это современное средство обучения, представленное в электронном формате, применение которого направлено на повышение эффективности образовательного процесса и выполнение основных задач обучения и воспитания [5].

Цифровой образовательный ресурс рассматривается А.С. Коротеевой как «средство повышения эффективности усвоения информации обучающимися, как содержательно обособленный информационный объект, созданный для образовательных целей и представленный в цифровой, электронной, «компьютерной» форме». После проведенного исследования автор делает вывод, что «грамотное использование цифровых образовательных ресурсов делает занятие насыщенным, разнообразным по содержанию, использованию приемов, инструментов как традиционного, так и цифрового формата. Процесс обучения, насыщенный ЦОР, является более эффектив-

ным, возрастает уровень усвоения информации» [6].

В свою очередь, Т.К. Ивашковская и С.И. Моднов представляют цифровой образовательный ресурс как средство повышения эффективности обучения иностранных студентов. Авторы пришли к выводу, что в ЦОР «средства подачи материала придают изучаемой информации такую форму, благодаря которой она быстрее и лучше воспринимается, позволяет индивидуализировать обучение каждого студента, что особенно важно для студентов-иностранцев. Множество гибких форм взаимодействия студента с учебным материалом, с преподавателем, с другими студентами, выводит учебный процесс, организованный с использованием системы управления обучением Moodle, на высокий уровень эффективности. Использование ЦОР способствует повышению мотивации обучения иностранных студентов, активизации их познавательной деятельности, увеличивает информационную емкость учебных занятий и позволяет достигнуть лучших результатов обучения» [7].

В настоящее время Россия находится в состоянии формирования новой системы образования, которое ориентировано на вхождение в мировое информационно-образовательное пространство. Согласно ст. 14 Закону «Об образовании» РФ – «содержание образования является одним из факторов экономического и социального прогресса общества и должно быть ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для её самореализации». Исходя из этого, сегодня одна из основных задач высшей школы – создание оптимальных для обучения условий, обеспечивающих не только качественное усвоение выпускником сложной системы знаний, но и его развитие.

Современный образовательный процесс невозможно представить без качественного обеспечения учебными электронными интерактивными материалами. За последнее время их видовой состав пополнился такими новейшими педагогическими программными средствами, как «электронные учебные пособия, средства компьютерного моделирования, интернет-сайты, тренажеры, обучающие программы и другие образовательные ресурсы» [8].

Вследствие «оцифровки» учебной информации и представление ее в цифровом виде осуществляется комплексное воздействие на учащегося:

- повышается интерес к обучению,
- расширяется круг знаний,
- повышается качество обучения,
- улучшается обратная связь между преподавателем и учащимся.

По нашему мнению, использование ЦОР в обучении позволяет расширить возможности учебного занятия,

при этом также повысить его эффективность. Представленные в цифровом виде учебные материалы дают возможность использовать их без затруднений на различных этапах занятия и решать поставленные задачи на различных этапах обучения (см. схему 1):

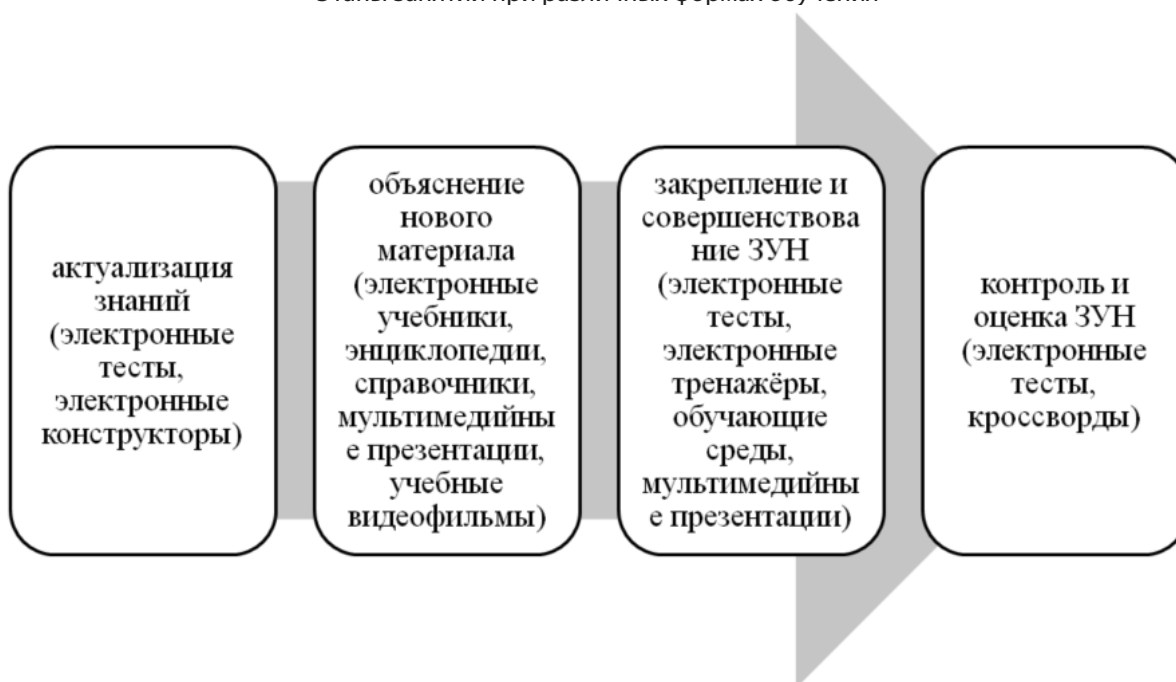
Многие авторы, имея собственный опыт разработки, внедрения и обучения на конкретном онлайн-курсе, вносят коррективы в развитие дальнейшего цифрового образования. Так, М.М. Кутепов, Л.К. Иляшенко, Д.Л. Морозов выделили преимущество использования онлайн-курса в том, что «современная система образования предполагает наличие большого количества часов самостоятельной работы студентов, поэтому электронные курсы, предоставляя необходимые материалы, задания и возможность обратной связи на удаленном расстоянии крайне важны для обучающихся. Кроме того, появляется возможность выстраивания индивидуального графика обучения, создания условий для погружения студента в профессиональную деятельность. Электронные курсы распространяются все больше, предоставляя новые возможности для реализации педагогических технологий, тем самым обеспечивая качество обучения и формирование грамотных, самостоятельных и творческих специалистов» [9]. В это же время Е.А. Алешугина вместе с коллегами делает упор на «построение индивидуальной траектории обучения с помощью онлайн-курсов, что делает образование студента более полным, поскольку за счет самостоятельного выбора курса, научной области студент расширяет свои знания в удобной форме, благо-

даря чему появляется дополнительная мотивация к изучению той или иной сферы. Обучающийся становится самостоятельным, ответственным за свою деятельность, развивает творческую составляющую. Однако построение индивидуальной образовательной траектории должно проходить постепенно... Индивидуальная траектория обучения является своеобразной матрицей индивидуального образовательного пространства, где при помощи знаков и символов студент может определить свое местонахождение, установить задачи на ближайшее время и перспективу» [8]. Параллельно с коллегами А.Д. Зыкова, апробировав электронный проект, пришла к выводу, что электронные сервисы являются «средством метапредметного обучения и результатом интеграции традиционного формата обучения и технологий киберпедагогики на основе системно-деятельностного подхода» [10].

Вышеобозначенные выводы – результат практического применения ЦОР и ЦОС в образовательном процессе на подготовительных факультетах для иностранных граждан, но предпосылки внедрения в традиционный образовательный процесс инновационных технологий и методик преподавания возникали задолго до тотального перехода на дистанционное обучение. Так, И.И. Прокопова в своей работе показывает опыт использования мессенджеров при обучении русскому языку как иностранному и после проведенного анализа обобщает их функционал:

Схема 1

Этапы занятий при различных формах обучения

Источник: составлено автором на основании собственного диссертационного исследования.

- установление контакта и организация обучающего общения;
- организация аудиторной работы;
- организация внеаудиторной самостоятельной работы слушателей;
- создание пространства для естественной коммуникации;
- использование QR-кодов [11].

При этом автор выявляет некоторые трудности: «несмотря на огромный потенциал внедрения мобильных технологий в образовательный процесс, существующие методики и активную практику, необходимо сказать о трудностях, возникающих при интеграции современных технологий: во-первых, это все еще отсутствующая методическая база и неструктурированность, а во-вторых, отсутствие у преподавателей соответствующего уровня информационно-коммуникационной компетентности» [11].

Преподаватели РКИ не оставляли попыток разнообразить традиционные занятия привлечением информационных технологий. Г.А. Асонова в своей работе попыталась апробировать эффективность использования цифровых возможностей на уроках РКИ при обучении категории вида глагола и пришла к выводу, что «выполнение лексико-грамматических упражнений по русскому языку как иностранному с использованием цифровых информационно-коммуникационных ресурсов способствуют формированию и закреплению знаний по теме категории вида у студентов различной национальной принадлежности. Цифровые технологии и ресурсы, составляющие определенную область цифровой образовательной среды, способны повысить эффективность сформированности грамматических и коммуникативных умений иностранных учащихся при изучении грамматической темы категории вида» [12].

Мобильные приложения как инструмент геймификации языкового образования в своей работе проанализировали А.П. Авраменко и В.Н. Шевченко [13]. Авторы рассмотрели приложения и сервисы, которые при тщательной разработке преподавателем стратегии обучения и выборе наиболее подходящих средств в соответствии с целями, нуждами и возрастом учащихся могут существенно помочь в процессе обучения. Современные мобильные приложения выступают инструментом геймификации и предоставляют широкие возможности для достижения высоких результатов при изучении иностранного языка в рамках коммуникативного подхода к обучению, так как позволяют плавно и гармонично внедрить элементы игры в учебный процесс, а также повысить мотивацию учащихся [13].

Формирование лексических навыков в цифровой образовательной среде рассматривали Е.Б. Володарская,

А.С. Гришина, Л.И. Печинская. Авторы, на примере виртуальной обучающей платформы Moodle, протестировали заявленную задачу и пришли к выводу, что «курс на платформе Moodle, разработанный преподавателями СПбПУ, помогает сформировать лексические навыки у студентов технического вуза, перевести словарный запас из пассивного словаря в активный и преодолеть страх студентов перед монологической или диалогической речью в связи с небольшим объемом активного словарного запаса. Это обусловлено высокой мотивацией студентов к работе над самостоятельным выполнением упражнений и дальнейшим решением тестов, а также над последующим обсуждением вопросов по заданной теме на аудиторных занятиях» [14]. В таком же направлении провела исследование В.М. Чиркова [15] и получила позитивный результат.

Глубокий анализ был проведен Е.В. Дзюбой в вопросе использования электронного образовательного ресурса в структуре урока русского языка как иностранного, которое привело к следующим выводам: «цифровой контент, вне всяких сомнений, не заменит полностью традиционные способы хранения и передачи информации – бумажные книги, учебники, журналы... Новгородские берестяные грамоты, например, сохранились с XI века – конкретный цифровой (в т.ч. учебный) контент в силу постоянной модернизации и обновления технологий (программного обеспечения, самих электронных носителей и т.п.) недолговечен, но не использовать сегодня электронные ресурсы в целях образования – значит не просто оставаться на месте, но идти, нет, стремительно бежать назад. Будущее образования, как и любое другое будущее, должно продуктивно соединять традиции и инновации» [16].

Более детально вникнуть в проблему поиска преимуществ использования ЦОР получилось у О.В. Андрушкова, М.А. Горбунова, А.В. Козлова [17]. Авторы провели сравнительный анализ отдельных платформ и их подсистем, сравнили условия авторизации, удобства интерфейса, поддержки разработчиками и сложности освоения пользователями. Проведенное исследование привело к следующему выводу: «какой бы вариант вуз не выбрал, необходимо понимать, что любая базовая платформа должна отвечать требованиям открытости, расширяемости, стабильности, документированности и постоянного развития» [17].

Отдельным этапом цифровизации образовательного процесса необходимо выделить предметы естественно-научного цикла, так как преподаватели данных дисциплин не остались в стороне и активно предпринимали попытки оцифровать свои учебно-методические материалы. Среди особенностей дистанционного обучения иностранных учащихся естественно-научным дисциплинам И.М. Лагун и Е.Н. Кузьмина выделили следующее:

- проблемы организационного плана и технического исполнения (соответствие групповых дистанционных занятий расписанию, аутентификация учащихся, рассогласованность доступа к информационно-коммуникационным приложениям);
- проблемы учебно-методического характера (ограниченное количество эффективных для дистанционного использования не только текстовых, но аудио- и видеоматериалов) [18].

Вместе с этим, авторы утверждают, что «практика работы преподавателей в традиционном и, пока еще недолгом, дистанционном формате показывает, что учащиеся с четкой мотивацией используют все доступные им возможности обучения и достигают поставленных целей в любом формате обучения» [18].

Преподаватели математики утверждают, что посредством ЦОР возможно сформировать критическое и системное мышление у учащихся. После проведенного исследования они дали позитивную оценку эксперименту [19]. В свою очередь, преподаватели физики, проработав учебный год дистанционно, решили вынести данный опыт при традиционной аудиторной системе. Преподаватели предлагают следующий механизм: «В начале изучения учебной дисциплины в интернет-мессенджере должна быть сформирована группа, преподаватель и студенты должны обмениваться электронными адресами друг друга. Это предоставит преподавателю дополнительную возможность для общения с учащимися как индивидуально, так и в группе, а учащемуся позволит не прерывать учебный процесс в случае отсутствия на занятиях по объективной причине, такой как, например, болезнь или временный отъезд на родину по семейным обстоятельствам» [6]. Авторы также предполагают, что

в будущем работа с иностранными учащимися будет строиться в смешанном формате, и дистанционная составляющая будет играть все более значимую роль, что обеспечит индивидуализацию обучения, стирание географических границ и большую свободу для обучающегося в выборе образовательной траектории.

Выводы и заключение

Рассмотрение различных точек зрения позволило нам сделать вывод, что цифровизация образовательного процесса вынудила педагогическую общественность по-иному взглянуть на организацию учебного процесса, а отсутствие необходимых технических компетенций выявило проблемные места, что привело к коллективному поиску решения проблем. Тем не менее, большинство авторов согласны с тем, что цифровой образовательный ресурс стал неотъемлемым инструментом образовательного процесса как в смешанном, так и в полноценном дистанционном формате. В монографии Н.Л. Микиденко и С.П. Сторожевой приводится максимально верное описание сложившейся ситуации: «образовательные системы в силу необходимости соответствия текущим запросам со стороны общества должны приобретать черты антихрупкости. Цифровизация становится одним из инструментов преодоления хрупкости образовательной системы вследствие нарастания цивилизационных вызовов и рисков» [2]. Подобное утверждение дает нам право говорить о том, что ЦОР в современных условиях – неотъемлемая часть образовательного процесса, которая безусловно будет трансформироваться в процессе работы, но уже не потеряет своей актуальности, в том числе и в вопросе успешного обучения иностранных граждан на подготовительных факультетах вузов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акифи, О.И. Организация обучения на неродном языке с активизацией медиаактивности иностранных студентов / О.И. Акифи // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. – 2019. – № 1(18). – С. 3-8. – EDN WPHVLD.
2. Микиденко, Н.Л. Цифровая образовательная среда: методология и практики исследования: монография / Н.Л. Микиденко, С.П. Сторожева; Сибирский гос. ун-т телекоммуникаций и информатики, Каф. социально-коммуникативных технологий. – Новосибирск: СибГУТИ, 2022. – 156 с.
3. Нарчуганов, К.Н. Оценка качества цифровых образовательных ресурсов учреждений образования: монография / К.Н. Нарчуганов, Н.И. Пак, Л.Б. Хегай; Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2022. – 124 с.
4. Borisova A.A., Mikidenko N.L., Storozheva S.P. Electronic Libraries in the Educational Environment of the University: The Usage of Practices // Proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020) Atlantis Press, 2020. – P.882-888. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200509.156eLIBRARY ID: 44200321>.
5. Киселева Л.С., Семенова А.А.: Цифровое общество. Словарь-справочник. Издательство: Проспект, 2023 г., 152 с.
6. Коротева, А.С. Цифровые образовательные ресурсы как средство повышения эффективности усвоения информации обучающимися / А.С. Коротева // Историко-педагогический журнал. – 2022. – № 3. – С. 126–133.
7. Ивашковская, Т.К. Электронные образовательные ресурсы как средство повышения эффективности обучения иностранных студентов / Т.К. Ивашковская, С.И. Моднов // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1, т. II. – С. 251–255.
8. Алешугина, Е.А. Проектирование индивидуальных траекторий обучения с использованием онлайн-курсов / Е.А. Алешугина, О.И. Ваганова, М.М. Куте-

- пов. – Текст: электронный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 185–187. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-individualnyh-traektoriy-obucheniya-s-ispolzovaniem-onlayn-kursov/viewer> (дата обращения: 10.04.2023).
9. Кутепов, М.М. Технологии организации учебного процесса с использованием онлайн-курса / М.М. Кутепов, Л.К. Иляшенко, Д.Л. Морозов. – Текст: электронный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 230–232. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-organizatsii-uchebnogo-protssessa-s-ispolzovaniem-onlayn-kursa> (дата обращения: 10.04.2023).
 10. Зыкова, А.Д. Системно-деятельностный подход в обучении иностранному языку в условиях цифровой образовательной среды / А.Д. Зыкова // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2022. – № 1. – С. 135–138.
 11. Прокопова, И.И. Использование мессенджеров при обучении русскому языку как иностранному (из опыта работы на подготовительном факультете) / И.И. Прокопова // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сб. ст. IV Междунар. конгресса преподавателей и рук. подготовительных фак. (отделений) вузов РФ и V Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан», (Москва, 17–20 нояб. 2021 г.). – Москва, 2021. – С. 672–676.
 12. Асонова, Г.А. Возможности цифровой образовательной среды при обучении видам глагола русского языка как иностранного / Г.А. Асонова // Наука и школа. – 2022. – № 3. – С. 186–196.
 13. Авраменко, А.П. Мобильные приложения как инструмент геймификации языкового образование / А.П. Авраменко, В.Н. Шевченко // Вестник МГОУ. Сер. Педагогика. – 2017. – № 4. – С. 64–71.
 14. Володарская, Е.Б. Специфика формирования лексических навыков студентов технического вуза при изучении английского языка в цифровой образовательной среде (на примере СПбПУ) / Е.Б. Володарская, А.С. Гришина, Л.И. Печинская // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 11, ч. 1. – С. 125–129.
 15. Чиркова, В.М. Обучение лексике студентов-медиков, изучающих русский язык как иностранный, в цифровой образовательной среде / В.М. Чиркова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 198–200.
 16. Дзюба, Е.В. Электронные образовательные ресурсы в структуре урока русского языка как иностранного / Е.В. Дзюба // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 6. – С. 24–32.
 17. Андриюшкова, О.В. Learning Management System как необходимый элемент Blended Learning / О.В. Андриюшкова, М.А. Горбунов, А.В. Козлова // Открытое образование. – 2017. – № 3. – С. 80–88.
 18. Лагун, И.М. Особенности дистанционного обучения иностранных учащихся естественнонаучным дисциплинам / И.М. Лагун, Е.Н. Кузьмина // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сб. ст. IV Междунар. конгресса преподавателей и рук. подготовительных фак. (отделений) вузов РФ и V Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан», (Москва, 17–20 нояб. 2021 г.). – Москва, 2021. – С. 477–480.
 19. Воробьева, О.Ю. Формирование системного и критического мышления посредством математического элективного курса, реализуемого с помощью цифровых образовательных ресурсов / О.Ю. Воробьева, А.В. Фомина. – Текст: электронный // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. – 2023. – № 1 (82). – С. 81–90. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50302881_17750527.pdf (дата обращения: 13.04.2023).

© Игнатова Ирина Борисовна, Спесивцева Светлана Евгеньевна (viplana32@mail.ru),

Меньшикова Ксения Сергеевна (menschikova.ks@bstu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ДИСТАНЦИОННОГО И ОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ГЛАЗАМИ ОБУЧАЮЩИХСЯ, РОДИТЕЛЕЙ, УЧИТЕЛЕЙ

Кондакова Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Елецкий государственный университет им. ИА. Бунина»

KondaKobra@mail.ru

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF DISTANCE AND FACE-TO-FACE EDUCATION IN EMERGENCY SITUATIONS AS SEEN BY LEARNERS, PARENTS, TEACHERS

I. Kondakova

Summary: The purpose of this article was to examine the attitudes of school students toward distance learning in emergency pandemic conditions and their preferences when compared to face-to-face learning. Data obtained from a survey of students showed that students did not find distance learning particularly engaging and interactive, feeling social isolation due to the lack of communication and interaction with peers and teachers. The majority of students preferred traditional learning to distance learning, arguing that it was easier to learn, concentrate, understand and perform tasks in the format of face-to-face learning. All students noted the friendly atmosphere in the classroom, the possibility of free communication and the fact that it is much easier to get answers to their questions in face-to-face learning. The students believe that despite the disadvantages, online learning may become more widespread in the future.

Keywords: distance learning, online learning, emergency, pandemic, form of learning, junior school students, learners.

Аннотация: Целью данной статьи стало изучение отношения обучающихся школы к дистанционному обучению в чрезвычайных условиях пандемии и их предпочтения при сравнении с очным обучением. Данные, полученные в результате опроса обучающихся, показали, что ученики не считают дистанционное обучение особенно увлекательным и интерактивным, чувствуют социальную изоляцию из-за отсутствия общения и взаимодействия со сверстниками и учителями. Большинство учеников предпочли традиционное обучение дистанционному, аргументируя тем, что в формате очного обучения было легче учиться, концентрироваться, понимать и выполнять задания. Все обучающиеся отметили дружескую атмосферу в классе, возможность свободного общения и то, что при очном обучении намного легче получать ответы на свои вопросы. Школьники считают, что, несмотря на недостатки, онлайн-обучение может получить более широкое распространение в будущем.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-обучение, чрезвычайная ситуация, пандемия, форма обучения, младшие школьники, обучающиеся.

Быстрое и глобальное распространение коронавирусной инфекции в 2020 году оказало серьезное влияние на весь мир. Образование не стало исключением. В середине апреля 2020 года учебные заведения в 195 странах приостановили свою деятельность, закрывшись на карантин (UNESCO, 2020). Учителям, ученикам, родителям и всему образовательному сообществу пришлось приспосабливаться к новым вызовам и условиям, искать не используемые до сих пор пути удовлетворения новых потребностей и требований, преодолевать неожиданные и беспрецедентные трудности. Однако быстрый переход образовательного процесса от традиционного очного обучения к дистанционному с использованием цифровой образовательной среды принес не только много проблем, но и много возможностей.

Способность обучающихся продолжать образование в нестандартных ситуациях имеет важное значение. Именно по этой причине учителям школ и преподава-

телям вузов пришлось достаточно быстро приобретать новые навыки и адаптировать свои методики и педагогические подходы к работе в условиях дистанционного обучения. Однако ситуация экстренно введенного дистанционного обучения не ставила своей задачей создание новой стабильно действующей образовательной системы, а делала упор на быструю и временную трансформацию учебного процесса в связи с чрезвычайными обстоятельствами, основной целью которой являлось предоставление доступа обучающимся к учебной поддержке. Следует отметить, что работа в системе дистанционного образования в условиях пандемии коренным образом отличалась от преподавания онлайн курсов и традиционного дистанционного образования, т.к. охватывала не только практически все учебное время школьников, но также выполнение домашних заданий и внеурочную деятельность. В связи с большой загруженностью младших школьников, родителей и учителей в условиях дистанционного обучения, для преодоления

трудностей, неизбежно возникающих в подобных ситуациях, важным является выяснение отношения к данному процессу всех заинтересованных сторон.

В силу своего юного возраста и отсутствия опыта занятий в подобном формате, обучающиеся начальных классов оказались под сильным влиянием изменений, затронувших их привычный способ обучения и общения со сверстниками. Родители младших школьников также столкнулись с нетипичной и непонятной для себя ситуацией, когда они были вынуждены параллельно с собственной работой в удаленном режиме значительную часть времени тратить на помощь детям в выполнении домашних заданий, объяснении сложных и непонятных моментов в новых темах, тогда как раньше, большую часть данной работы выполнял учитель в школе.

Опираясь на вышесказанное, мы сформулировали цель исследования. Нам было необходимо выявить отношение обучающихся к дистанционному обучению в условиях чрезвычайных ситуаций и их предпочтения в выборе форм обучения (дистанционная, либо очная).

В своем исследовании мы провели несколько опросов, направленных на то, чтобы более полно оценить влияние дистанционного обучения в условиях пандемии, понимаемой нами как чрезвычайной ситуации, на образование. При этом особое внимание уделялось изучению точек зрения родителей младших школьников, учителей начальных классов, а также обучающихся начальной школы.

В качестве материала для исследования нами были взяты результаты практической работы отечественных и зарубежных педагогов, методистов, психологов, которые рассматривали различные подходы к дистанционному образованию, а также систематизировали мнения заинтересованных сторон относительно преимуществ дистанционного и очного форматов обучения Гурьева С.В. [1], Дерюга В.Е. [2], Корнеева А.Н., Толоконниковой Е.В. [3], Полат Е.С. [4], Хуторского А.В. [5], Alkinani, A.E., Ewing L.-A., Cooper H.B., Misirli O., Ergulec F. а также материалы, полученные в ходе непосредственной практической работы с обучающимися, родителями и учителями начальных классов школ г. Ельца Липецкой области.

Применение дистанционного обучения затронуло не только Россию, но практически все страны мира. За последние 4 года появилось достаточное количество публикаций зарубежных авторов, в которых проводятся исследования с участием учащихся, родителей и учителей, направленные на выявление отношения к дистанционному обучению в общем и в чрезвычайных ситуациях, в частности.

Алкинани (2021) провел исследование в Саудовской

Аравии. По его результатам можно сделать вывод о том, что несмотря на то что обучающиеся получали поддержку от своих учителей, родителей и школ и относились к дистанционному обучению спокойно, они все же считали, что подобная форма организации учебного процесса не может заменить традиционные формы работы. Кроме того, учителя испытывали трудности с подготовкой к урокам из-за отсутствия специальных знаний в области проведения онлайн-уроков. Опрос родителей показал негативное отношение к дистанционному образованию и предпочтение очного формата обучения [6]. Юинг и Купер (2021) изучили мнения австралийских учителей, учеников и родителей. Согласно полученным результатам, наблюдалась явная нехватка социального взаимодействия, родители не были заинтересованы в общении с учителями, а учащиеся считали дистанционное обучение сложным и менее индивидуализированным по сравнению с традиционным [7]. Португальские родители были умеренно удовлетворены подобным дистанционным обучением, но считали, что их рабочая нагрузка увеличилась. Кроме того, была отмечена необходимость повышения цифровой грамотности родителей. Родители обучающихся из Турции посчитали, что подобный формат обучения не подходит для младших школьников и обучающихся с особыми образовательными потребностями. Родители также выразили негативное отношение относительно отсутствия возможностей для живого общения, а также увеличения времени, которое обучающиеся были вынуждены проводить за экранами компьютеров, ноутбуков, планшетов и телефонов [8].

Основные результаты

Для того, чтобы выявить мнение заинтересованных сторон нами был проведен опрос учителей и родителей, которые попали под дистанционное обучение в период пандемии. В исследовании использовался количественный метод обработки данных и анкета для получения ответов учащихся. Использованный опросник и исследование в целом не представляли для участников никакого риска. Опрос был анонимным, родители, администрация школы и учителя были предупреждены о проведении исследования.

Поскольку целевой группой данного исследования являлись обучающиеся 5-х классов, нами был выбран не онлайн-опросник, а его бумажный вариант, что позволяло нам убедиться в самостоятельности школьников при ответе на вопросы.

Результаты опроса родителей и учителей позволили сделать вывод, что основные проблемы в период дистанционного обучения родители связывают с необходимостью помощи обучающимся в выполнении заданий, в связи с тем, что школьники испытывали ряд трудностей, среди которых отсутствие интереса к учебе и пребыва-

ние в домашней обстановке. Также среди важных проблем было названо отсутствие, либо недостаток навыков цифровой грамотности и цифровой компетентности родителей, которые имеют большое значение для эффективного онлайн-обучения обучающихся. По мнению родителей, дистанционное образование негативно воспринимается из-за того, что режим дня стал более нестабильным, уроки менее организованными, качество обучения более низким, а школьники достаточно часто стали проявлять беспокойство, агрессивность, отсутствие сосредоточенности и энтузиазма.

По результатам опросов учителей начальных классов было выявлено, что большинство из них столкнулось с рядом трудностей, связанных с подготовкой, проведением и оценкой образовательного процесса. Учителя подчеркнули, что общение и сотрудничество являются ключевыми составляющими онлайн-уроков, а также указали на необходимость подготовки учителей к использованию цифровых технологий и внедрения новых методик обучения.

Готовность учителей начальной школы к адаптации своей деятельности к дистанционному формату и переходу на онлайн-обучение варьировалась в широких пределах. Примерно 40% учителей положительно оценили опыт дистанционного обучения в период пандемии, были готовы адаптировать свою практику и использовать различные цифровые инструменты для повышения качества преподавания. Была отмечена ключевая роль родителей в образовании детей.

В результате опроса родителей и учителей начальных классов было выделено несколько положительных и отрицательных сторон применения дистанционного обучения в условиях чрезвычайных ситуаций. Одним из отрицательных моментов, отмеченных большинством респондентов, стало наличие технических трудностей и отсутствие цифрового оборудования. Этот факт мог отрицательно сказаться на неравенстве в получении образования. Также отмечалось ограниченное участие, контроль и руководство со стороны родителей. Согласно полученным результатам, респонденты, чаще других использовавшие ИКТ ранее, более позитивно относились к дистанционному образованию и испытывали меньший стресс. Среди негативных факторов, снижающих привлекательность дистанционного обучения, были отмечены монотонность онлайн-обучения, отсутствие ежедневно личного контакта со сверстниками и учителями.

Таким образом, роль родителей и учителей, их навыки цифровой грамотности в значительной степени влияют на успешное внедрение онлайн-обучения и общий опыт учащихся. Отсутствие мотивации, оборудования, индивидуального опыта и ежедневных личных контактов и взаимодействий, а также возросшие технические

проблемы и социальная изоляция являются одними из основных недостатков использования дистанционного обучения в условиях чрезвычайных ситуаций.

В связи с тем, что у обучающихся начальной школы не было опыта онлайн-обучения, они оказались в большей степени не подготовленными к резкому переходу к дистанционной форме.

Нам было важно изучить отношение школьников к дистанционному обучению, а также провести сравнение его с традиционным очным обучением. Для этого нами был разработан опросник, который был роздан учащимся для заполнения. Стоит отметить, что опрос обучающихся проводился примерно через год после того, как было введено дистанционное обучение и школьники вернулись в учебные классы. В данном случае, обучающиеся, находящиеся на момент введения дистанционного обучения в 4 классе школы, при проведении анкетирования перешли в 5 класс. Школьники к моменту опроса уже успели приобрести достаточный опыт как традиционного очного обучения, так и онлайн-обучения, поэтому могли сравнить и сопоставить свой опыт. При ответе на вопросы анкеты более половины обучающихся (56,4%) испытывают смешанные чувства по поводу опыта дистанционного обучения в период пандемии, большинство школьников (71,9%) очень скучали по своим одноклассникам, социальному взаимодействию и общению.

Так, на вопрос анкеты: «Понравился ли вам опыт онлайн-обучения?» мы получили следующие ответы: «совсем нет» – 28,2%, «немного» – 54,8%, «очень понравился» – 17%. «Скучали ли вы по общению с одноклассниками в период онлайн-обучения «совсем нет» – 5,2%, «немного» – 21,8%, «очень» – 73%.

Большинство обучающихся согласилось с предположением, что дистанционное обучение помогает экономить время (53,3%) и способствует формированию цифровых навыков (42,6%), в то же время оно требует большей концентрации внимания (59,5%), сопряжено с техническими проблемами и трудностями (71,6%), зависит от домашних условий (52,4%) и приводит к социальной изоляции (56,2%). Около 35% школьников достаточно нейтрально отнеслись к интерактивному характеру дистанционного обучения. На то, что дистанционное обучение дает возможность продвигаться в познании в индивидуальном темпе, обратили внимание только 32,3% респондентов. Наконец, большинству школьников не понравился опыт дистанционного обучения в целом (56,1%).

Кроме того, школьников попросили выбрать предпочтительную для них форму обучения (традиционное очное обучение, дистанционное обучение) Подавляющее

большинство респондентов выбрали традиционную форму обучения, аргументируя свои ответы так: оно позволяет лучше учиться (97,2%) и успевать (89,4%), легче выполнять задания (71,7%), активнее участвовать в работе (82,1%), лучше концентрироваться (77,7%), уделять больше времени учебе (79,8%), лучше общаться с учителями (91,2%) и одноклассниками (86,8%), легче получать ответы на свои вопросы (74,7%). Кроме того, обучающиеся считают, что на уроках, которые проходят в классе в очном формате лучше атмосфера (87,6%), они более понятны (86,5%), более интерактивны (69,7%). Наконец, подавляющему большинству школьников сложнее уделять внимание урокам, которые проходят в дистанционной форме (87,2%).

При ответе на вопрос, о предпочтительной форме обучения подавляющее большинство обучающихся выбрали очное обучение (86,8%), затем смешанное обучение (9,6%) и дистанционное обучение (3,5%). Очное обучение школьники посчитали более радостным и интерактивным, а дисциплины, изучаемые в очном формате более легкими для изучения и понимания, они высоко оценили атмосферу в классе, возможность активного участия и свободного общения с учителем и одноклассниками во время очного обучения.

Образование является неотъемлемой частью жизни и развития человека на любом этапе возрастного развития, следовательно возможность обеспечения качественного образования даже в условиях вынужденной изоляции и чрезвычайных ситуаций, имеет огромное значение. Мировое образовательное сообщество в период пандемии коронавируса решало ряд проблем и трудностей, связанных с быстрым переходом от очного формата обучения к обучению в дистанционном формате. Российское образование также не осталось в стороне от мировых образовательных проблем.

Результаты, полученные в нашем исследовании, только подтверждают данные. Большинство обучающихся при высказывании своего мнения относительно опыта дистанционного обучения в период пандемии испытывали смешанные чувства. Большая часть опрошенных школьников отметила некомфортное состояние из-за отсутствия общения и взаимодействия со сверстниками и преподавателями, наличие технических проблем (нехватка техники, плохая связь, нестабильный интернет),

расслабляющие домашние условия обучения и т.д. Хотя были отмечены и положительные моменты обучения в дистанционном формате, такие как развитие цифровых навыков, обучение в своем собственном темпе, частичная экономия времени.

При сравнении отношения обучающихся к очному и дистанционному обучению выяснилось, что подавляющее большинство школьников предпочитает традиционное обучение и не считает дистанционное обучение увлекательным, приятным и интерактивным. Очное обучение в классе школьники посчитали более радостным и продуктивным, а предметы, изучаемые в очном формате, более легкими для изучения и понимания. Высоко оценивались обучающимися атмосфера в классе, возможность активного участия в обсуждениях и свободного общения с преподавателями и одноклассниками во время очного обучения. Школьники также отметили, что им было легче выполнять задания и получать ответы на свои вопросы, когда занятия проходили в очной форме. Однако при ответе на вопросы школьники отметили, что, несмотря на недостатки, онлайн-обучение может быть широко распространено в будущем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на недостатки, имевшие место во время дистанционного образования в период пандемии, существует целый ряд преимуществ, которыми можно воспользоваться при введении в образовательную практику целенаправленного и грамотно организованного дистанционного и онлайн-обучения. Данное требование отражено в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», где развитие и использование образовательных технологий, в том числе дистанционных, электронного обучения обозначено как важная составляющая информационного пространства [9]. Понимание того, что было сделано правильно или неправильно и что можно улучшить, необходимо для лучшей подготовки к потенциально возможным будущим чрезвычайным ситуациям. Образовательное сообщество, административные органы, родители и другие заинтересованные стороны должны работать вместе и прилагать совместные усилия для преодоления трудностей, обеспечения качественного образования и внедрения эффективных подходов к преподаванию и обучению даже в чрезвычайных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьев С.В. Современное дистанционное обучение. – Москва: Русайнс, 2018. – 118 с.
2. Дерюга В.Е. Образование XXI века: что достается цифре, что остается учителю? / В.Е. Дерюга // Развитие личности в условиях цифровизации образования: от начальной к высшей школе: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием 15–16 октября 2020 г. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, – 2020. – С. 13–21.

3. Корнеев А.Н., Толоконникова Е.В. Дистанционное обучение: будущее развития образования: учеб.-метод. пособие. – Москва: Мир науки, 2019. – URL: <http://izd-mn.com/PDF/13MNNPU19.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
4. Полат Е.С. Организация дистанционного обучения в Российской Федерации / Е.С. Полат // Информатика и образование. – 2005. – № 4. – С. 25–33.
5. Хуторской А.В. Дистанционное обучение и его технологии / А.В. Хуторской // Компьютерра. – 2002. – № 36. – С. 26–30.
6. Alkinani A.E. (2021). Acceptance and effectiveness of distance learning in public education in Saudi Arabia during Covid19 pandemic: Perspectives from students, teachers and parents. *International Journal of Computer Science and Network Security (IJCSNS)*, vol. 21(2), pp. 54–65. DOI: 10.22937/IJCSNS.2021.21.2.7.
7. Ewing L.-A., Cooper H.B. (2021). Technology-enabled remote learning during covid-19: Perspectives of Australian teachers, students and parents. *Technology, Pedagogy and Education*, vol. 30(1), pp. 41–57. DOI: 10.1080/1475939x.2020.1868562
8. Misirli O., Ergulec F. (2021). Emergency remote teaching during the COVID-19 pandemic: Parents experiences and perspectives. *Education and Information Technologies*, vol. 26(6), pp. 6699–6718. DOI: 10.1007/s10639-021-10520-4.
9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. – URL: <https://sudact.ru/law/ukazprezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (дата обращения: 17.02.2024).

© Кондакова Ирина Владимировна (KondaKobra@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ГИБРИДНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FEATURES OF HYBRID STUDENT LEARNING: THEORETICAL ASPECT

*E. Krug
N. Fedjukova
T. Fedorova*

Summary: In the conditions of modern digitalization, the transition to hybrid learning is one of the significant elements of higher education that affects its level of competitiveness in the educational services market. In the work, the authors emphasize the role of the teacher when introducing a hybrid format into the educational process. Psychological recommendations for teaching students in conditions of hybridization of learning are highlighted, and the aspect of independent work of students is indicated. The advantages and disadvantages of hybrid learning in the Russian education system are shown.

Keywords: educational activities, hybrid learning, informatization, digitalization, visualization of the educational process.

Круг Элеонора Александровна

кандидат экономических наук, доцент, Псковский
государственный университет
eleonora_krug@mail.ru

Федюкова Наталья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, Псковский
государственный университет
fedukova_nv@mail.ru

Федорова Татьяна Владимировна

Старший преподаватель, Псковский государственный
университет
aftor826@yandex.ru

Аннотация: В условиях современной цифровизации, переход на гибридное обучение является одним из значимых элементов высшей школы, влияющих на уровень ее конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. В работе авторы подчеркивают роль педагога при внедрении в учебный процесс гибридного формата. Выделены психологические рекомендации при обучении студентов в условиях гибридизации обучения, обозначен аспект самостоятельной работы студентов. Показаны преимущества и недостатки гибридного обучения в системе российского образования.

Ключевые слова: учебная деятельность, гибридное обучение, информатизация, цифровизация, визуализация учебного процесса.

Введение

На современном этапе развития высшей школы все более характерными становятся вопросы интеграционного процесса в образовании. Которые, несомненно, преследуют цели по оптимизации, а также повышению качественных аспектов, отражающих эффективность образовательного процесса. Многогранность образовательного комплекса является стимулирующим элементом развития, как самого комплекса, так и в целом образовательного процесса, в т.ч. преподавателей, руководителей, и в целом научных работников. В учебной деятельности в отличие от традиционных вузовских форм, применение компьютерных образовательных технологий позволяет использовать новейшие технические возможности, что в т.ч. не предполагающие непосредственного контакта между преподавателем и студентами, обеспечивая учащимся возможность свободного обучения, без посещения учебного заведения. В последние годы модернизация системы образования высших учебных заведений связана с внедрением гибридной модели обучения с целью эффективного включения студентов в образовательный процесс.

Основные результаты

Государственная политика в области образования, нацелена на поддержку таких комплексов, что отражено в программе «2030». Программным направлением которой, является трансформация университетов. Целью ее является формирование университетских кластеров, состоящих из центральных образовательных организаций высшего образования, они являются ведущими, которые направлены на обеспечение новых научных знаний, образовательных технологий и научных разработок, которые могут внедрить их в экономическую и социальную сферы деятельности [3, с. 1247].

Современная психологическая и педагогическая литература содержит множество определений и аспектов, касающихся проблемы студентов в учебной деятельности. Необходимо обратить внимание на относительно нечастое использование термина "гибридное обучение", что приводит к разнообразным толкованиям и интерпретациям этой категории.

Сегодня, с огромной скоростью распространяется информация, поэтому невозможно предположить образовательный процесс без сетевого взаимодействия.

Наиболее очевидно это стало проявляться в период новой коронавирусной инфекции COVID-19 и организации на этом фоне дистанционного обучения. Сетевое сотрудничество может отражаться при любых образовательных процедурах: от проведения учебного процесса до организации круглых столов, конференций и семинаров [1, с. 21].

Обучение с применением цифровых технологий можно классифицировать следующим образом:

Таблица 1.

Виды обучения с применением цифровых технологий*

Вид обучения	Определение
Смешанное (до 40% онлайн-обучения);	Это формальные учебные программы, в которых студенты учатся как минимум наполовину в электронном, онлайн-формате, с некоторыми элементами контроля над сроками, ходом и темпом обучения; но половина обучения все же происходит очно, за пределами дома обучающихся. В таких программах используются различные методы обучения, чтобы обеспечить интегрированный академический опыт в целом
Гибридное (от 40–80% в режиме онлайн-обучения);	Это разное по формам обучение для разных групп в одном классе, включая формальное и неформальное обучение; неформальное и самостоятельное образование; репетиторство и тьюторство, и др.
Дистанционное (более 80 % онлайн-обучения);	Это организация учебного процесса, при которой преподаватель разрабатывает учебную программу, главным образом базирующуюся на самостоятельном обучении студента
С помощью сети Интернет (100% онлайн-обучения).	Это система обучения при помощи информационных и электронных технологий

*составлено автором по [1;5;11]

Наглядность является актуальным дидактическим принципом и является базой для обеспечения визуализации обучения. В современной педагогической практике широко используются технические устройства и электронные среды для наглядного представления материала, что играет важную роль в обучении и становится основой для выполнения различных профессиональных задач, как в России, так и за рубежом. [9, с. 194].

Значимость визуализации в процессе учебной деятельности для учащихся объясняется особенностями их психического восприятия. По данным психологических исследований около 90% информации в мозг поступает через зрительные каналы. По статическим данным около 45% обучающихся являются «визуалом». Вследствие чего, использование наглядных эффектов является для

такого типа студентов реальной поддержкой в изучении разнонаправленных, в т.ч. технических дисциплин.

Гибридное обучение – это разное по формам обучение для различных групп внутри одной, включая при этом, формальное и неформальное обучение; а также информальное и самостоятельное образование; элементы репетиторства и тьюторства, и др. На организацию учебно-воспитательного процесса при гибридном формате оказывают влияние пространственные и временные факторы [8, с. 88-89].

Дефиниции понятия «гибридное обучение» представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Дефиниции «гибридное обучение»*

Автор	Определение
Д.П. Ананин, Н.Г. Стрикун	Любое сочетание контактного (face-to-face, in-person) преподавания и онлайн-обучения, т.е. сочетание синхронного и асинхронного форматов обучения
А.С. Кизилова, Г.Н. Фадеев, А.А. Волков	Результат интегрирования цифровых и коммуникационных технологий в виде онлайн-курсов
Гиматдинова Г.Н.	Обучение, при котором дистанционное обучение в его различных формах сочетается с более традиционными формами обучения, такими, как аудиторные занятия
Л.Р. Мхеидзе	Это образовательная технология, основанная на сочетании очного обучения (обучения лицом-к-лицу) и обучения компьютерными средствами
Г.Р. Стрекалова	Такая форма проведения занятия, при которой осуществляется интеграция технологий, приемов работы обучающихся и преподавателя, используемых средств обучения, отражающих традиционные и инновационные подходы, направленные на эффективное формирование необходимых компетенций студентов, вне зависимости от того, в какой формате учебного процесса
Л.Р. Мхеидзе	Это диапазон возможностей, представленных путём объединения интернета и электронных средств массовой информации, сформами, требующими физического присутствия в аудитории преподавателя и слушателей

Основываясь на данных определениях, можно сделать вывод, что гибридное обучение представляет собой образовательный процесс, который объединяет в себе элементы традиционного обучения и онлайн-обучения. Оно также позволяет студентам получать знания как в аудитории, так и через виртуальные платформы, обеспе-

чивая более гибкий и доступный способ обучения.

Ресурсы гибридного обучения применяются за счет полноты и общей доступности существующих современных научно-образовательных ресурсов. Их формирующее влияние в образовательном процессе вызвано многогранностью реальной информации и способом интерактивного взаимодействия в образовательной среде [2].

Основополагающими показателями результативности организации педагогом формата гибридного обучения способны выступать конкретные психологические качества, к примеру: профессиональная мотивация и направленность на выбранную профессиональную деятельность, индивидуальное самосознание и креативный подход, а также устремленность на образовательный результат в формате гибридного обучения, духовная готовность к познанию нового, саморазвитию профессиональных способностей и использованию актуальных образовательных форматов.

Для применения указанных психологических рекомендаций необходимо:

1. Обучение педагогов системам гибридного обучения, первоначально включая их в структуру традиционного обучения;
2. Использование компьютерных средств для создания гибридного обучения;
3. Познание способов общеметодологического и методического проведения формата гибридного обучения;
4. Постижение способов проектирования и разработки деятельности в формате гибридного обучения.
5. Развивать навыки самостоятельной работы студентов, формировать особый уровень мышления и восприятия информации [6, с.171]

Широкомасштабная осуществление гибридного обучения в период коронавирусной изоляции обнаружила сочетание образовательных рисков. У слушателей всевозможных направлений подготовки встречается снижение внимания и потребности к содержанию учебных презентаций и кейсов. Утрачивается понятие о динамике стандартных процессов. Нивелируется осмысление проблем и напряженности производства. При условии снижения выделенных негативных итогов гибридного обучения образовательный опыт акцентирует внимание на потенциале возможных визуализаций.

Таким образом, как любая другая система обучения,

гибридная форма имеет свои слабые стороны. Недостаточная оснащенность техникой и программным обеспечением как обучаемых, так и их преподавателей снижает эффективность ее применения. К недостаткам относится также большая нагрузка на педагога, готовящего наряду с аудиторными занятиями материал для дистанционного блока. Кроме того, не все участники учебного процесса в достаточной мере владеют информационной грамотностью для полноценного переключения с одних методов обучения и преподавания на другие [10, с. 99-101].

Студенту же, как и преподавателю, может не хватать финансовых ресурсов для покупки дорогостоящей техники, или необходимого программного обеспечения. [12, с.108]

В отличие от традиционной учебы в аудиторном формате, гибридное обучение лишает студентов возможности непосредственно общаться с преподавателями и своими однокурсниками. Виртуальные классы и форумы обеспечивают коммуникацию, но она не такая живая и непосредственная, как при физическом присутствии в классе. Это может привести к ощущению изоляции и отсутствия мотивации для учебы [11, с. 136].

Заключение

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволяет сделать вывод о том, что интерес к изучению условий обучения в гибридном формате повышается. Можно констатировать достаточно большое количество эмпирических исследований по проблеме мотивации учебной деятельности. Однако теоретические основы проблемы мотивации учебной деятельности в условиях гибридного обучения разработаны недостаточно.

Можно назвать одним из серьезных вопросов при внедрении данного формата в образовательную деятельность, выбор педагогических технологий. Внимание педагогического сообщества проявилось в дискуссиях и докладах на тему отбора результативных технологий проведения гибридного обучения.

Важным фактором для развития цифровых навыков является адекватная подготовка преподавателей. Образовательные институты должны инвестировать в профессиональное развитие преподавателей в области использования цифровых технологий и методов онлайн-обучения. Это поможет обеспечить качественное образование и эффективное развитие цифровых навыков у студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуева, Т.Б. Модель непрерывного гибридного обучения педагогов в системе дополнительного профессионального образования [Текст] / Т.Б. Волобуева // Педагогика и психология: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 18-29.
2. Водолад, С.Н., Зайковская, М.П., Ковалева, Т.В., Савельева Г.В. Дистанционное обучение в вузе [Текст] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. №1 (13). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://clck.ru/TUrKv> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Гнездилова, Л.Б., Гнездилов, М.А. Факторы, влияющие на развитие мотивации обучения студентов в вузе [Текст] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 1246–1250.
4. Громыко, А.А. Гибридное обучение: возможности и факторы повышения эффективности [Текст] / А.А. Громыко, В.И. Абрамов // Образование. Наука. Карьера: сборник научных статей 4-й Международной научно-методической конференции, Курск, 17 декабря 2021 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://clck.ru/382RLk> (дата обращения: 29.09.2023).
5. Захарова, А.А., Алкубаева, В.С., Блинов, В.С., Рубцов, М.А. Модели и инструменты гибридного обучения в высшем учебном заведении // Современное образование: интеграция образования, науки, бизнеса и власти: Материалы международной научно-методической конференции. В 2-х частях, Томск, 27–28 января 2022 года. Том Часть 1. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49282413> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Зобков, В.А. Педагогическая психология: учебное пособие для вузов [Текст] / В.А. Зобков, Е.В. Пронина. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 261 с.
7. Марченко, М.Г. Разновидности гибридных моделей обучения в вузе [Текст] / М.Г. Марченко // E-Scio. – 2022. – № 3(66). – С. 669-673.
8. Найденова, Н.Н., Шапошникова, Т.Д., Дудко, С.А. [и др.]. Формирование содержания образования при гибридном обучении: профессиональные и учебные трудности // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87-95.
9. Новикова, Л.И. Гибридное занятие как новая форма обучения / Л.И. Новикова, С.С. Згоржельская, Н.Ю. Соловьева // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2023. – № 2(38). – С. 192-200.
10. Регуш, Л.А., Орлова, А.В. Педагогическая психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2011. – 416 с.
11. Симановский, А.Э. Педагогическая психология: учебное пособие для вузов [Текст] / А.Э. Симановский. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 203 с.
12. Уайтли, Ф. Мотивация / Ф. Уайтли. – М: Вильямс, 2003. – 160 с.

© Круг Элеонора Александровна (eleonora_krug@mail.ru), Федюкова Наталья Владимировна (fedukova_nv@mail.ru), Федорова Татьяна Владимировна (aftor826@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИРОДООХРАННОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ В ЭКОЛОГО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Перфилов Анатолий Анатольевич

Соискатель, Курский государственный университет
perfilov7@yandex.ru

MODELING ENVIRONMENTAL EDUCATION OF ADOLESCENTS IN ENVIRONMENTAL EDUCATION ORGANIZATIONS

A. Perfilov

Summary: This work allows us to study the models of environmental education of modern adolescents, the specifics of building these models, as well as the organization of the educational process.

The specifics of the work are that it reflects the content of environmental education not just in educational institutions, but on the basis of environmental organizations. The author explores the specifics of working with teenagers, as well as the possibilities of implementing educational activities in the context of environmental education. The publication reveals the substantive aspects of modeling environmental education and examines the experience of implementing the educational process using the example of interaction between educational and environmental education organizations.

The publication includes an analysis of the implementation of several environmental projects that operate in the space of social partnership between educational institutions and environmental education organizations and shows their effectiveness in the context of the formation of environmental awareness, environmental culture.

The purpose of this study is to identify the specifics of modeling environmental education of adolescents in environmental education organizations. We have specified the activities of environmental education organizations as an object, and the content of environmental education as a subject.

At the end of the publication, the author offers recommendations on the implementation of environmental education and environmental protection activities in working with adolescents.

Keywords: environmental education, environmental education organizations, educational process, additional education, educational system, environmental culture, social partnership, value orientations, practice — oriented education, environmental awareness, environmental protection activities.

Аннотация: Данная работа позволяет изучить модели природоохранного воспитания современных подростков, специфику построения данных моделей, а также организации воспитательного процесса.

Особенности работы заключаются в том, что она отражает содержание природоохранного воспитания не просто в образовательных учреждениях, а на базе природоохранных организаций. Автор исследует специфику работы с подростками, а также возможности реализации воспитательных мероприятий в контексте экологического просвещения. В публикации раскрываются содержательные стороны моделирования природоохранного воспитания и изучается опыт реализации воспитательного процесса на примере взаимодействия образовательных и эколого-просветительских организаций.

Публикация включает анализ реализации нескольких экологических проектов, которые функционируют в пространстве социального партнерства учебных заведений и эколого-просветительских организаций и показывается их эффективность в контексте формирования экологического сознания, природоохранной культуры.

Целью данного исследования определено выявление специфики моделирования природоохранного воспитания подростков в эколого-просветительских организациях. Объектом мы конкретизировали деятельность эколого-просветительских организаций, предметом — содержание природоохранного воспитания.

В конце публикации автор предлагает рекомендации по реализации экологического воспитания и природоохранной деятельности в работе с подростками.

Ключевые слова: природоохранное воспитание, эколого-просветительские организации, образовательный процесс, дополнительное образование, система воспитания, экологическая культура, социальное партнерство, ценностные ориентации, практико-ориентированное образование, экологическое сознание, природоохранная деятельность.

Введение

Современная экологическая обстановка обуславливает необходимость не только реализации природоохранных мероприятий, но также и воспитания подрастающего поколения в свете формирования

экологического сознания. Только устойчивое осознание важности защиты окружающей среды от вредного воздействия, понимание значимости природоохранной деятельности позволяет говорить о становлении устойчивой системы природоохранного воспитания и возможности реализации программ и проектов, направленных

ных на охрану природы, восстановление и поддержание природных ресурсов.

При этом важно подчеркнуть, что данное воспитание целесообразно проводить именно в подростковом возрасте, т.к. подростки обладают определенной степенью осознанности и понимания важности природоохранной деятельности и в то же время достаточно восприимчивы к различного рода воспитательным воздействиям, с интересом выполняют задачи, связанные с принесением пользы природе, окружающему миру.

В этом случае формирование экологического сознания и природоохранное воспитание будет наиболее эффективным, если оно реализуется на базе эколого-просветительских организаций, которые на практике осуществляют подобную деятельность. Это повышает мотивацию подростков к участию в природоохранных мероприятиях, воспитывает у них чувство ответственности за окружающий мир, свои действия и позволяет понять важность эколого-ориентированной работы.

Именно поэтому важно проанализировать деятельность различных эколого-просветительских организаций, понять, какое значение они имеют в природоохранном воспитании, найти интересные модели взаимодействия образовательных и специфических экологических социальных партнеров.

Целью данного исследования мы назвали выявление специфики моделирования природоохранного воспитания подростков в эколого-просветительских организациях. Объектом конкретизирована деятельность эколого-просветительских организаций, предметом — содержание природоохранного воспитания.

Опираясь на понятийный аппарат исследования, нами были сформулированы исследовательские и практические задачи:

1. Определить специфику процесса моделирования природоохранного воспитания подростков;
2. Выявить особенности деятельности эколого-просветительских организаций;
3. Проанализировать опыт взаимодействия образовательных и эколого-просветительских организаций в сфере природоохранного воспитания подростков.

Методы и методология

Основными методами нашего исследования определены:

- теоретико-методологический анализ источников по данной теме. Публикации современных авторов посвящены как общим вопросам экологического воспитания подростков (Е.И. Абатуров,

Е.К. Зими́на, Н.В. Сырова и пр.), так и изучению опыта реализации природоохранной деятельности конкретными организациями (Ю.В. Боровицкая).

Большое значение в нашей работе имеют исследования, посвященные образовательным проблемам (Belentsov S.I., Fahrutdinova A.V., Grevtseva G.Y., Batrachenko E.A.)

Особо хотелось бы отметить наши предыдущие публикации, отражающие изучение экологических вопросов (Перфилов А.А., Беленцов С.И.);

- анализ практической реализации природоохранной деятельности на основе взаимодействия образовательных и эколого-просветительских организаций. Экспериментальная проектная деятельность проводилась на базе ФНЦ РАН Агро лесомелиорации, Природного парка «Волго-Ахтубинская пойма» и Светлоярского лесничества. Данными экологическими организациями, начиная с 2018 г. реализуются воспитательные проекты «Моя дубрава» и «Школьное лесничество».

Специфика процесса моделирования природоохранного воспитания подростков

Как мы отмечали ранее в своих работах [6], природоохранное воспитание подрастающего поколения в XX столетии было неотъемлемой частью воспитания в целом. Наибольшее распространение подобное воспитание получило в середине прошлого века и это ознаменовалось появлением в школах специального предмета «Природоведение», расширением содержания предмета «Биология». Большинство школ имели пришкольные участки, подшефные территории, на которых велась опытно-экспериментальная работа, ученикам прививалась любовь к природе и труду. Многие отечественные авторы [10], [11] отмечают значимость практического компонента во всех видах обучения и воспитания и важность сочетания различных моделей взаимодействия педагогов и обучающихся.

Воспитательный компонент усиливался расширением системы дополнительного образования, созданием кружков юннатов, туристов, которые изучали растительный и животный мир, оберегали его.

В образовательном плане подростки узнавали много нового об окружающем мире, ландшафте, флоре и фауне и это способствовало повышению мотивации к охране природы.

В то же время понималась недостаточная подготовленность учителей к полноценному осуществлению природоохранного воспитания. Поэтому актуализировалась важность работы не только с детьми, но и с педагогами, важность повышения их квалификации.

Позже, в 1990-2000е гг., как подчеркивает А.А. Нестерова [5], цели и функции дополнительного образования были конкретизированы и большое значение начало придаваться научным мероприятиям (конференции, круглые столы, семинары). Поэтому практическая направленность природоохранного воспитания дополнилась теоретико-методологической и наибольшее распространение получили экологические школы, смены в лагерях, различные природоохранные движения. Большое значение имели выезды подростков в полевые условия, когда они могли не только увидеть, но и поучаствовать в мероприятиях эколого-просветительского формата. Максимальный эффект отмечался при работе на особо охраняемых территориях, когда подростки задействовались в поддержании функционирования редких видов животных, птиц и растений и понимали всю важность данной деятельности.

Организация экологического воспитания подростков в современном образовательном пространстве обуславливает необходимость создания специальных воспитательных моделей. Природоохранное воспитание, как утверждает Е.И. Абатуров [1] имеет практико-ориентированную специфику, которая позволяет не только формировать экологическое сознание у обучающихся, но и помогает апробировать те модели природоохранной деятельности, которые будут иметь максимальный эффект не только учебного плана, но и реального поддержания и восстановления природных ресурсов.

Е.К. Зимица, Н.В. Сырова и Ю.Ю. Артемьева [3] утверждают, что именно природоохранное воспитание способствует формированию ценностей у обучающихся, позволяет расширять границы экологического сознания, а также актуализирует осознанность взаимодействия с объектами окружающего мира в контексте охраны и поддержания их функционирования.

Обращаясь к особенностям подросткового возраста, необходимо отметить, что одним из важнейших новообразований является поиск своего места в жизни, апробация вариантов деятельности, которые позволяют установить авторитет среди значимых других, а также показать свою значимость в социуме. Именно это позволяет рассматривать природоохранное воспитание с точки зрения инструментария педагогического воздействия на подростков и развития у них экологической культуры.

Природоохранное воспитание, по мнению данных авторов, которые опираются на труды З.М. Исаевой и Р.М. Абакаровой, состоит из следующих компонентов:

- формирование системы экологических и природоохранных знаний;
- становление системы ценностей, отражающих бережное отношение к окружающей природе;

— реализация полученных знаний в эколого-ориентированных моделях деятельности и получение социально значимого эффекта.

Именно поэтому важно не только рассказать об основных природоохранных мероприятиях, но и реализовать на практике различные их варианты.

Как отмечает О.Н. Тарасова [8], специфика подросткового возраста влияет на формирование системы ценностей и нравственных ориентиров. Большинство подростков, по результатам исследований данного автора, считают охрану окружающей среды одной из важнейших обязанностей человека и поэтому стремятся сделать что-то полезное в данном направлении. Специалисты [8] отмечают, что наибольшая заинтересованность в участии в экологических мероприятиях отмечается у подростков в возрасте 14-18 лет и поэтому именно с данной категорией природоохранное воспитание необходимо активизировать и ориентировать на задействие обучающихся в практических мероприятиях. И здесь теоретическая модель успешно интегрируется с моделью практической подготовки, реализуясь в едином учебно-воспитательном пространстве.

Особенности деятельности эколого-просветительских организаций

На настоящий момент деятельность эколого-просветительских организаций представлена достаточно широко. Современные экологические субъекты природоохранного воспитания, такие как лесничества, природные парки, заказники и заповедники ориентированы на взаимодействие с образовательными учреждениями (школы, колледжи, центры детского туризма и пр.). Именно это позволяет говорить о системе природоохранного воспитания подростков и апробировать различные модели ее реализации. На основании отраслевого функционирования подросткам возможно показать, рассказать специфику мероприятий по охране природы, определить основные направления, а также создать ситуации успеха, в которых подросток выполняя различные действия (посадку, кормление, полив) может почувствовать значимость совершаемых мероприятий.

Практически все эколого-просветительские организации осуществляют не только природоохранную деятельность, но и воспитание, просвещение школьников, предоставляют им возможность участия в общих мероприятиях. Особенно эффективна работа лесничеств, научно-исследовательских центров, питомников, т.к. на их базе возможно проводить интересные исследования живой природы, осуществлять экологический мониторинг, понимать, как функционируют живые организмы.

На настоящий момент данные организации успешно

реализуют различные методы воспитательного воздействия: полевую практику, исследовательские экспедиции, организацию научных сообществ, конференции. Это позволяет подросткам демонстрировать результаты своей деятельности, реализовывать интересные проекты.

На практике подростки видят взаимодействие взрослых людей с живой природой, бережное отношение к окружающему миру, принимают эти модели коммуникации и преобразуют в собственную деятельность.

Особое значение в природоохранном воспитании играет работа Центров детского туризма, Домов творчества, на базе которых реализуются воспитательные мероприятия (слеты, олимпиады, работа кружкового движения). Ребята могут найти друзей по интересам, организовывать различные сообщества и разрабатывать масштабные природоохранные проекты.

Опыт взаимодействия образовательных и эколого-просветительских организаций в сфере природоохранного воспитания подростков

Для того, чтобы выявить эффективность реализации моделей природоохранного воспитания подростков, важно проанализировать опыт взаимодействия образовательных и экологических организаций, понять специфику интеграции воспитательного и отраслевого, природоохранного компонента в их деятельности.

Нами была проанализирована модель организации взаимодействия МКОУ «Светлаярская СШ №1» и ФНЦ РАН Агро лесомелиорации, Природного парка «Волго-Ахтубинская пойма», Светлаярского лесничества. Ценность реализуемых данными субъектами партнерства проектов заключается в практической реализации природоохранных мероприятий и получении конкретных результатов экологических мероприятий.

Модель социального партнерства в контексте взаимодействия данных субъектов экологического воспитания позволяет изучать опыт различных регионов, апробировать новые формы воспитательного воздействия, вывозить обучающихся в условия живой природы, организовывать научные и практические исследования. Данная модель отражена в нескольких районных природоохранных проектах.

К примеру, воспитательный проект «Моя дубрава», как отмечает Ю.В. Боровицкая [2] имеет важное значение для Волгоградской области, т.к. обучающиеся не только участвуют в беседах с лесоводами, экологами и снимают ролики, сюжеты на природоохранную тему, проводят экологические флешмобы. Они еще и выращи-

вают сеянцы различных видов деревьев и передают их в природные парки, заказники, мемориальному комплексу «Мамаев Курган», где у каждого подростка высажено именное дерево. Безусловно, это придает важность и подчеркивает ценность экологического воспитания, показывает социально значимый эффект, ведь своими действиями подростки вносят существенный вклад в природоохранную деятельность.

Кроме того, за первый год реализации данного воспитательного проекта было проведено несколько десятков мероприятий и бесед с младшими школьниками. При этом беседы проводили не только специалисты экологоохранных организаций, но и сами подростки, которые участвуют в проекте.

Также на несколько лет (начиная с 2018 г.) было реализовано обустройство экологических троп в пойме р. Волга вдоль опытных участков школьного лесничества, что позволило разработать реальные маршруты для исследования растений, животных, наблюдения за их жизнью.

Конкретные мероприятия воспитательного проекта позволяют сформировать эмоциональное принятие природоохранной деятельности, формировать определенные когнитивные навыки применения полученных знаний на практике. Данная модель взаимодействия получила общественное признание и в 2020 г. был выигран грант в конкурсе социальных проектов НП «Лукойл», который позволил школе организовать собственный участок в питомнике лесничества и выращивать там редкие виды деревьев, полноценно осуществлять наблюдение за их ростом, консультироваться у специалистов лесничества и представлять результаты своей деятельности на различных мероприятиях регионального и федерального уровня.

В дальнейшем проект «Моя дубрава» был дополнен созданием школьного лесничества, которое расширило свою деятельность на другие районы Волгоградской области и получило возможность привлечения дополнительных социальных партнеров.

Модель организации природоохранного воспитания, которая позволяет сочетать теорию с практикой, является наиболее эффективной, т.к. позволяет не только осмыслить важность подобных мероприятий, но и эмоционально воздействовать на подростков, определяя ключевые моменты воспитания.

Заключение

Подводя итоги нашей работы, необходимо подчеркнуть важность сочетания экологического и педагогического компонентов в природоохранном воспитании

подростков. При этом взаимодействие с эколого-просветительскими или отраслевыми экологическими организациями является важнейшим фактором эффективности подобного воспитания.

Модели воспитательной деятельности, ориентированные на получение конкретного результата в сфере охраны природы позволяют подросткам почувствовать важность таких действий, создают ситуации успеха и способствуют личностному развитию обучающихся. Для того, чтобы воспитательная деятельность была максимально эффективной, мы можем предложить ряд рекомендаций, направленных на оптимизацию взаимодействия с эколого-просветительскими организациями:

1. Активное участие в воспитательном процессе как педагогов, так и отраслевых специалистов в сфере экологии, что позволяет грамотно транслировать экологические знания, сопровождать природоохранную деятельность подростков;
2. Создание эмоционально-творческой атмосферы воспитательного процесса, которая позволяет

разрабатывать модели природоохранной деятельности разнопланового характера, организовывать взаимодействие педагогов и обучающихся;

3. Обязательная апробация разработанных проектов, программ, мероприятий в природоохранной практике, и экспертная оценка специалистами их реальной и потенциальной эффективности;
4. Концептуальное обоснование природоохранной деятельности — включение в воспитательный процесс знаний по естественнонаучным дисциплинам и формирование теоретической базы в экологической сфере.

Подобные рекомендации не только позволят создавать различные модели воспитания подростков, но и корректировать их по мере необходимости, организовывать гармоничное взаимодействие обучающихся с окружающей средой и транслировать полученные знания среди сверстников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абатуров Е.И. Методика воспитания экологической культуры подростков средствами учебной и внеучебной деятельности // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012. №10. С. 2-15.
2. Боровицкая Ю.В. Проект "Моя дубрава" — пространство социального партнерства в дополнительном образовании школьников, в том числе, с ограниченными возможностями / Ю.В. Боровицкая // *Рефлексия*. — 2018. — № 6. — С. 6-8.
3. Зимина Е.К., Сырова Н.В., Артемьева Ю.Ю. Формирование ценностных ориентаций гармоничного взаимодействия с природой на творческих занятиях // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. №77-2. С. 180-182.
4. Корневская М.Е. Практико-ориентированный компонент образовательного процесса в современной высшей школе в контексте современных ФГОСов // *Проектирование. Опыт. Результат*. 2024. №2. С. 51-56.
5. Нестерова А.А. Экологическое просвещение школьников в системе дополнительного образования в 1990-2000-х гг // *КПЖ*. 2023. №2 (157). С. 177-184.
6. Перфилов А.А., Беленцов С.И. Содержание природоохранного воспитания 1950-1960 годов // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2023. №2 (66). С. 1-7.
7. Скрипова Н.Е., Ильясов Д.Ф. К вопросу о значимости экологизации общего образования // *Современное педагогическое образование*. 2023. №12. С. 139-144.
8. Тарасова О.Н. Подростковая аудитория экологического просвещения // *Мониторинг*. 2016. №2 (132). С. 193-207.
9. Токарев А.А. Формы практической работы по экологическому воспитанию детей // *Гуманизация образования*. 2017. №3. С. 101-105.
10. Free education: fundamentals of humanistic pedagogics (on the example of activity of the german public figures of the second half of xix - the beginning of the xx centuries of f. Gansberg, I. Gurlitt, g. Sharrelman) Belentsov S.I., Fahrutdinova A.V., Grevtseva G.Y., Batrachenko E.A. // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. T. 8. № 1. С. 201-207.
11. A probe into the teaching comprehended reading to students in Russia of the second half of the XIX century Belentsov S.I., Ilyina I.V., Malykhina O., Guliyankova T. *International Transaction Journal of Engineering, Management and Applied Sciences and Technologies*. 2020. T. 11. № 11. С. 1-8.

© Перфилов Анатолий Анатольевич (perfilov7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭЛЕКТРОННЫЙ ОБУЧАЮЩИЙ КУРС ДЛЯ САМОПОДГОТОВКИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ¹

ELECTRONIC LEARNING COURSE FOR SELF-EDUCATION: EXPERIENCE OF USING AND IMPLEMENTATION CHALLENGES

**E. Pokrovskaya
L. Lychkovskaya
N. Khankishieva**

Summary: This article discusses the characteristics, advantages and disadvantages of distance learning. The paper offers various elements of digital transformation in the education. The authors of the article provide the sequence of extramural students in Tomsk State University of Control System and Radioelectronics. The article gives the survey results on the best education form among students of Tomsk State University of Control System and Radioelectronics.

Keywords: electronic learning course, educational process, foreign language, university, quality of education.

Покровская Елена Михайловна

Кандидат философских наук, доцент, Томский
Государственный Университет Систем Управления и
Радиоэлектроники
elena.m.pokrovskaya@tusur.ru

Лычковская Людмила Евгеньевна

Доцент, Томский Государственный Университет Систем
Управления и Радиоэлектроники
liudmila.e.lychkovskaia@tusur.ru

Ханкишиева Наиля Рамизовна

Преподаватель, Томский Государственный Университет
Систем Управления и Радиоэлектроники
nailia.r.khankishieva@tusur.ru

Аннотация: В статье рассматриваются характерные черты, преимущества и недостатки дистанционного обучения. Представлены различные элементы цифровой трансформации в образовательном процессе. Предложена последовательность обучения студентов заочной формы в ТУСУР. Также представлены результаты опросов по оптимальному формату обучения среди студентов ТУСУР.

Ключевые слова: электронный курс, организация учебного процесса, иностранный язык, вуз, качество обучения.

Система высшего образования сегодня требует поиска новых форм обучения, вариативности реагирования на социокультурные вызовы, другие форс-мажорные обстоятельства и пр.

Учитывая «уроки» пандемии и с целью удовлетворить требования времени в вузах широко используются электронные обучающие курсы по различным дисциплинам. Данный аспект востребован, поскольку обеспечивает постоянный доступ к учебным материалам, возможность как синхронного, так и асинхронного взаимодействия преподавателя и студентов, индивидуальный ритм работы, систематичность и регулярность оценивания.

При переходе на полное дистанционное образование необходимо учитывать такой фактор как, наличие соответствующего ПО, установленного на компьютерах студентов. Васюков О.Г. прогнозирует, что «государство потеряет от 19,8 до 69,7% хорошо подготовленных студентов только по причине несоответствия ПО их компьютеров современным требованиям» [1].

Характерными чертами дистанционного обучения являются гибкость, модульность, экономическая эффек-

тивность, асинхронность, новые задачи для преподавателя, специализированный контроль качества образования, использование специализированных технологий и средств обучения [2].

Внедрение дистанционного образования в ВУЗах в период пандемии предоставило следующие преимущества: высокая посещаемость студентов, повышенная активность и включенность студентов в процесс обучения, актуализация компетентностного подхода. Но дистанционное обучение имело и ряд недостатков: негативное влияние на здоровье, не всегда надежное соединение Интернет, отсутствие общения в реальности, виртуальное прохождение производственной практики, энергозатратный процесс создания учебных материалов и проверки работ студентов [3].

Отличительными особенностями дистанционного обучения являются: параллельность, социальность, рентабельность, новые информационные технологии, дальное действие, интернациональность, охват [4].

Также отмечаются не менее важные факторы, такие как предотвращение проблем межличностных отноше-

1 Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013.

▼ Теоретический материал и тесты для самоконтроля, 4 семестр (учебный блок)

 Презентация грамматического материала (см. слайды Participle, Gerund, Infinitive)

UNIT 3 Television (RC)

Text "History of Television"

Grammar: participle I (active forms), participle II

 Text "History of Television"

Ознакомьтесь с текстом **History of Television** и выполните тестовые задания.

 VIDEO: TV in Our Life

 GRAMMAR_1: Participle I and Participle II

 Participle I

 Participle II

Рис. 1.

 Оценивание презентаций (с комментариями)

К защите презентации должны быть подготовлены следующие файлы:

- **презентация** по теме, соответствующей профилю ТУСУРа в целом или конкретному направлению подготовки, выполненная в PowerPoint; за основу берется интернет-источник на АНГЛИЙСКОМ языке, ссылка на него указывается на последнем слайде; допускается, но не приветствуется, выбрать тему об известном ученом, но в этом случае нужно сделать акцент на суть его научных работ, а не на биографические данные.
- **доклад** в формате docx, представляющий собой комментарии к слайдам презентации.

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ высылается в виде pdf-файла, который представляет собой объединенный вариант презентации с докладом (после каждого слайда презентации размещен слайд с фрагментом доклада) и оценивается от 1 до 5 баллов. Образец ответа - см. вложенный файл.

Устная защита презентации осуществляется на зачете и оценивается также от 1 до 5 баллов.

 Пример презентации

Обратите внимание на оформление презентации:

- на слайдах минимум текста, максимум наглядного материала;
- первый и последний слайд обязательны.

 Пример доклада

В докладе приводится полный текст с указанием слайдов (объем может быть меньше - 1 страница) Доклад устный!

Рис. 2.

Рис. 3.

ний и субъективное оценивание достижений студента [5].

Для преодоления рисков современности, обусловленных причинами различного генезиса, ТУСУР активно использует различные элементы цифровой трансформации в образовательном процессе, развивает электронную информационно-образовательную среду. Внедрен генератор рабочих программ, реализованы «журнал успеваемости» и «журнал посещаемости» в электронном виде и пр.

Дисциплина «Иностранный язык» относится к дисциплинам базового блока и обеспечивает языковую подготовку студентов на первом, втором курсах по всем направлениям бакалавриата, специалитета, магистратуры.

Преимуществами обучения в дистанционном формате являются: экономия времени и ресурсов (возможность подключаться к занятию в платформе Big Blue Button из дома и не тратить время на дорогу в вуз); доступность преподавателей (студенты получают оперативные ответы и необходимые пояснения); повышение технической грамотности (и педагоги, и студенты научи-

лись пользоваться новыми программами и технологиями).

Отмечаются следующие недостатки удалённого обучения: проблемы, связанные с техникой (медленный интернет, плохое качество камеры и т.п.); отсюда вытекает следующая - отсутствие живого контакта, слабая обратная связь (не все студенты могут подключиться с микрофоном и камерой, поэтому преподаватель не чувствует аудиторию).

В настоящее время обучение студентов заочной формы осуществляется в электронных курсах, прошедших экспертизу по модели «онлайн-обучение», или «полное электронное обучение», в такой последовательности:

1. выполнение заданий для самоконтроля в модуле «Учебный блок» с результатом не менее 60% верных ответов в каждом тестовом задании (по окончании видны верные и неверные ответы); (Рис. 1)
2. выполнение контрольной работы в соответствии с рабочей программой;
3. подготовка презентации и доклада, следуя рекомендациям, представление в виде ответа на задание «Оценивание презентаций с комментариями».

ми»; (Рис. 2)

4. сдача зачета, который состоит из двух частей:
 - письменный тест (Credit Test) - 20 баллов (выполняется в онлайн, но преподаватель может воспользоваться правом получить от студента пояснение по выбору своих ответов для проверки самостоятельности выполнения);
 - устная презентация (проводится в ЭОИС, с подключением микрофона и видеочамеры, либо в очном формате) – 5 баллов + 5 баллов за оформление (ответ на задание «Оценивание презентаций»). (Рис. 3)

В целях улучшения качества процесса обучения в марте 2024 г. был проведен опрос «активных» студентов (те, кто получил зачет / зачет с оценкой) первого (82 чел.) и второго (75 чел.) курсов по окончании весенней сессии 2023-2024 учебного года. Результаты его следующие:

Какой формат занятий по ИЯ вы считаете наиболее оптимальным во время сессии?

Рис. 4. Первый опрос

Оптимальный формат занятий по ИЯ во время сессии

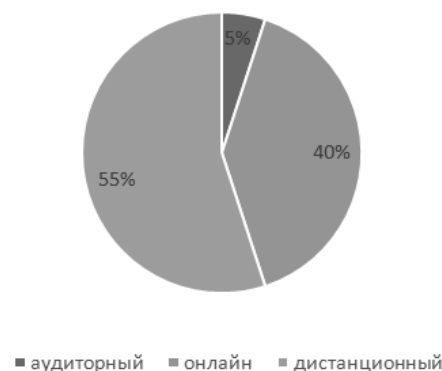

Рис. 5. Второй опрос

Большинство студентов 1 курса отдали предпочтение дистанционной форме, поскольку промежуточная аттестация включает в себя только зачетный тест. Устная часть отсутствует, что существенно упрощает сдачу зачета. Онлайн-обучение выбрали лишь 20%, аудиторный режим – 2%.

55% респондентов – студентов 2 курса – тоже отдали предпочтение дистанционной форме занятий, но 40% - выбрали онлайн-формат, предусматривающий активную обратную связь с преподавателем (объяснение ошибок, допущенных в контрольных работах, получение рецензии на представленную презентацию и доклад). Как показала практика, мотивированные студенты активно готовились к устной сдаче презентаций с подключением микрофона и камеры.

В заключение отметим, что в настоящее время ЭОК обладают высоким потенциалом, широкими ресурсами для осуществления образовательного процесса на качественном уровне, их использование позволяет максимально гибко реагировать на внешние обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюков О.Г. О готовности студентов перейти к дистанционному обучению сегодня //Alma mater (Вестник высшей школы). – 2021. – №. 3. – С. 55-59.
2. Буриев, К.С. Роль дистанционного обучения в современном образовании / К.С. Буриев. — Текст: непосредственный // Образование и воспитание. — 2016. — № 4 (9). — С. 4-6. — URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/39/1045/> (дата обращения: 25.02.2024).
3. Глузман А.В., Горбунова Н.В. Дистанционное образование: реалии и перспективы //Гуманитарные науки. – 2020. – №. 2 (50). – С. 51-57.
4. Давлетова А.А., Алексеев О.А. Дистанционное обучение //Достижения науки и образования. – 2021. – №. 1 (73). – С. 35-38.
5. Korepanova N.V., Starodubova E.A. Дистанционное обучение: проблемы и перспективы //Cross-cultural studies: Education and Science. – 2020. – №. 2. – С. 139-149.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ И МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Полюдова Елена Николаевна

доцент, кандидат педагогических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет транспорта», Москва
epolyudova@gmail.com

GAMIFICATION AND MOBILE APPLICATIONS AS A MEANS OF ACTIVATING STUDENTS' LINGUISTIC EXPERIENCE IN ENGLISH CLASSES AT UNIVERSITY

E. Polyudova

Summary: The article considers different possibilities of using the principles of gamification with modern teaching of foreign languages in higher education. The conditions of use of gamification, the direction of optimization of the educational process with the help of interactive games, and the capabilities of computer applications for the organization of gamification in foreign language training are given in terms of the didactic properties and functions of interactive applications. The author analyzes the practical functions of several popular applications as well as the possibility of using these applications for various educational activities in the English language classes for specific purposes.

Keywords: gamification, mobile applications, digital environment, augmented reality, foreign language (English) in higher education, interactive applications, methodology of teaching foreign languages, higher education.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению возможностей использования принципов геймификации с современным преподаванием иностранных языков в высшей школе. Условия использования геймификации, направления оптимизации учебного процесса с помощью геймификации и возможности компьютерных приложений для организации геймификации в обучении приведены с точки зрения дидактических свойств и функций интерактивных приложений. Проведен практический анализ некоторых приложений, с использованием которых были созданы интерактивные задания, а также возможности использования этих приложений для различных видов образовательной деятельности на занятиях английского языка для специальных целей.

Ключевые слова: геймификация, мобильные приложения, цифровая среда, дополненная реальность, иностранный (английский) язык в вузе, интерактивные приложения, методика преподавания иностранного языка, высшее образование.

Целями изучения ИЯ в нелингвистическом вузе являются передача теоретических знаний и практических умений по английскому языку для специальных целей, развитие компетенций в области иностранного языка и межкультурной деловой коммуникации в сфере профессиональной деятельности, совершенствование умений владения устной и письменной формами иноязычной речи в ситуациях профессионального и научного общения, увеличение активного лексического запаса, расширение кругозора и повышение общей культуры. Очевидно, что достижение этих комплексных целей невозможно путем использования лишь традиционных учебников на бумажных носителях без привлечения современных средств информационно-компьютерных технологий.

Внедрение мобильных технологий в настоящее время основывается и на международном опыте, где эти методики рассматриваются в самых различных аспектах, таких как развитие умений академического письма [1], создание обстановки интерактивности и индивидуализации процесса обучения [2], организация

преподавателями видов работы с помощью мобильных устройств, которые активизируют учебную деятельность [3]. Российская система высшего образования не только допускает такие возможности, но в последнее время все более активно интегрирует их в учебный процесс, предлагая использование мобильных приложений при изучении иностранного языка [4] и даже допускает возможность признания мобильных приложений как компонента системы вузовского образования [5], [6].

К сожалению, до настоящего времени использование мобильных устройств на занятиях является нежелательным, несмотря на то, что их использование создает «персонализированную мобильную среду для обучающихся, позволяющую учитывать их индивидуальные особенности, вовремя производить диагностику проблем, выстраивать индивидуальный темп обучения, организовывать автономное и групповое обучение» [7, С. 8]. Уникальность использования мобильного обучения в целом и геймификации, в частности, заключается в целом комплексе преимуществ:

1. Использование средств, которые формируют мировое образовательное и общественное пространство.
2. Предоставление равного доступа к образованию и образовательным ресурсам, вне зависимости от того, где происходит обучение, так как главным средством является наличие мобильного устройства и подключение к интернету.
3. Персонализированный характер обучения, поскольку предоставляет возможность двигаться в своем темпе изучения и подбирать материал, соответствующий уровню и этапу обучения.
4. Рациональное использование временного ресурса не только для обучающихся, но и для преподавателя. Можно работать с материалами в любое время, в любом месте, - такая доступность дает возможность для постоянного обучения. При этом преподаватель видит результаты, нет необходимости в большом объеме проверять бумажные носители, но есть множество способов отслеживать работу и получать статистические данные работы каждой группы.

Очевидно, что все вышеуказанное позволяет преподавателю быть на одной волне со студентами, заинтересовать предметом с помощью объединения видео лекций и проверочных материалов, предлагать и реализовывать проекты, быстро реагировать на изменения, исправлять ошибки, обеспечивать обратную связь.

При определенных условиях игровые приложения и компьютерные игры могут серьезно изменить учебный процесс в преподавании ИЯ. Оптимизация учебного процесса предполагает выбор оптимальных форм и методов. Одним из наиболее актуальных направлений в образовательных технологиях сегодня является геймификация [5]. Геймификация - это процесс включения игровых элементов в обучающий курс. Такая практика повышает вовлеченность и мотивацию обучающихся, позволяет более эффективно усваивать материал. Ранее эту технологию использовали преимущественно в обучении детей дошкольного и младшего школьного возрастов. Сегодня геймификацию с успехом применяют в учебных курсах для всех возрастных групп, в том числе в образовании взрослых [8].

В статье будут рассмотрены условия использования геймификации, направления оптимизации учебного процесса с помощью геймификации и возможности компьютерных приложений для организации геймификации в обучении.

Основные условия, при которых процесс обучения с элементами использования приложений и компьютерных игр становится более оптимальным:

1. Автономность: в геймифицированном образовании, как в игре, дальнейший шаг зависит от выбора участника. Вовлечение учащихся в образовательный процесс и нацеленность на результат возрастает, когда каждый чувствует свою значимость, ответственность за конечный итог.
2. Образовательная ценность: при построении гейм дизайна следует помнить, что образование с игровыми элементами кардинально отличается от игры. Его цель – развитие учащегося, получение и закрепление новых знаний и навыков, полезных в реальной жизни, профессиональной деятельности.
3. Постепенное развитие компетенции: учебный курс разбивают на несколько уровней – от простого к сложному. Чем лучше студент справляется с текущей частью задачи, тем охотнее продолжает дальнейшую работу над ней. По завершению очередного уровня ученик получает объективное представление о собственном прогрессе и стимул двигаться дальше. Это условие обеспечивает развитие эксплуатационных результатов при сохранении пользовательской вовлеченности.
4. Свобода потерпеть неудачу: у учащихся должен присутствовать риск, но более низкий, чем в обычных играх. При этом каждому предоставляется возможность предпринять несколько попыток, чтобы добиться успеха. Это поощряет намерение экспериментировать, творить, рисковать, но не приводит к разочарованию, не отвращает от учебы.
5. Оперативная обратная связь: мгновенная обратная связь в режиме «24/7» помогает быстро принимать игровые решения. Это ускоряет процесс образования, помогает ученику хорошо закреплять пройденный материал.
6. Наглядное представление прогресса, одновременно выполняющее соревновательную функцию: различные виртуальные награды порождают азарт, заинтересовывают в результате, побуждают прилежно учиться. Важным пунктом работы в среде является отслеживание успехов друзей, что стимулирует изучение материала. Также система включает элементы социальных сетей, что делает обучающую среду более гибкой и привычной для широкого круга пользователей.

Можно выделить следующие направления оптимизации обучения ИЯ с помощью геймификации:

1. *Развитие лексики и грамматики.* Игры могут предложить упражнения с определенным контекстом, в которых целью является расширение словарного запаса и освоение грамматических конструкций. Несмотря на то, что игровой процесс увлекает учащихся, он подспудно предоставляет возможность использовать новые лек-

сические единицы, а также воспринимать грамматические конструкции для достижения результатов игры. Запоминания как такового нет, есть активное использование в эмоциональном контексте, что создает благоприятные условия для формирования ситуативной и контекстуальной памяти. (Примеры: *quizlet, eslgamesplus.com, learningApps, wordwall, игры на britishcouncil.com* , *learningApps, wordwall, игры на britishcouncil.com* e.g. <https://learnenglishteens.britishcouncil.org/vocabulary/vocabulary-games/sushi-spell>)

2. *Улучшение произношения и аудирования.* Многие игры могут включать аудио- и видео-материалы, что помогает улучшать навыки восприятия речи на иностранном языке. Использование аутентичных материалов как основы игровых элементов позволяет студентам включиться в восприятие иноязычной речи. Несмотря на то, что подбор материалов может быть серьезным препятствием для студентов с низким уровнем языка ввиду сложности темпа речи и конструкций, многое зависит от типа задания, которые нужно разрабатывать в соответствии с уровнями владения иностранным языком. Включение аудиоматериалов в игровые сюжеты стимулирует сконцентрированное активное слушание, учить распознавать детали и формулировать общие идеи в контексте определенных условий. Игровая ситуация, ролевые речевые высказывания, повторение за образцами в игре снимают языковой барьер, страх неверного произношения или ошибки, так как на первое место выходит процесс игры и достижение определенного игрового результата. (Примеры: *ELSA speak*, <https://improveyouraccent.co.uk/games/>, <https://www.eslkidsgames.com/esl-say-it>,)

3. *Практика навыков чтения и письма.* Игры могут включать задания на чтение и письмо, например, через интерактивные квесты, эссе и виртуальную переписку. Чтение эффективно отрабатывается с помощью геймификации, так как от точности понимания зависит многое: понимание формулировки задания, восприятие общего значения текста, его идеи, деталей, а также регистра и стиля. Задания множественного выбора служат для проверки понимания текста. Сложностью заданий на письмо является необходимость проверки написанных текстов. Однако в некоторых случаях на помощь могут прийти приложения, которые могут проверить грамматику и синтаксис написанного текста. Но в целом письменные задания требуют особого внимания преподавателя. Тем не менее, несмотря на сложность проверки таких заданий, необходимость мгновенного ответа в письменном виде активизирует и консолидирует все грамматические и лексические знания и навыки студента. Стремясь достичь определенного уровня в игре, преодолеть препятствие или решить очередную задачу, возникает потребность использовать весь арсенал своих знаний языка, а при необходимости - расширить спектр знаний. (Примеры: <https://breakingnewsenglish.com/2310/231019-grapes-and-eyesight-reading-100.html> , [\[britishcouncil.org/fun-games/games/story-maker-1\]\(https://www.britishcouncil.org/fun-games/games/story-maker-1\) , <https://www.oxfordowl.co.uk/for-home/find-a-book/library-page/>\)](https://learnenglishkids.</p>
</div>
<div data-bbox=)

4. *Развитие коммуникативных навыков.* Игры предлагают взаимодействие нескольких участников, что может способствовать практике устной и письменной коммуникации на иностранном языке. Если игра предполагает взаимодействие с определенными условиями, то играющий должен понимать, в каком стиле или регистре общения она должна проходить. Если его ответы не соответствуют шаблонам, заложенным в игре, то продвижение будет невозможно. Такими условиями могут быть определенные модели общения, например, фразы приветствия, формы вежливости, выражения своего мнения и так далее. Геймификация позволяет войти в определенную роль, общаться с позиции разных героев игры, развивать коммуникативную гибкость в режиме реального времени. (Примеры: <https://www.jopardy.com/play> , <https://jeopardylabs.com/> , <https://www.twinkl.com/resource/esl-whats-that-sound-household-objects-t-eal-124> , https://www.twinkl.com.tr/resource/roi-l-0712-dont-say-it-oral-language-game-powerpoint?sign_in=1)

5. *Интеграция в культурную среду.* Игры могут либо полностью основываться на использовании материалов культуры страны, либо на ее элементах. С одной стороны, это погружает студентов в атмосферу культурной жизни (насколько это возможно), знакомит их с особенностями культурных и прецедентных феноменов, а с другой - мотивирует узнавать больше для успешного освоения игры, а в дальнейшем - о культуре страны. Такой подход формирует общее представление о культуре страны, дает визуальную и информационную опору для понимания культуры страны изучаемого языка. При создании подобных игр важно осторожно подходить к подбору материала, чтобы не остаться в рамках шаблонов и стереотипов восприятия иной культуры. (Примеры: <https://www.mes-games.com/valentines.php> , <https://play.freerice.com/categories>)

Использование приложений дополненной реальности (далее – AR) в процессе обучения и изучения иностранных языков с точки зрения создания искусственной коммуникативной среды для консолидации изучения ИЯ позволяют активно внедрять элементы геймификации в учебный процесс. Рассмотрим несколько приложений с точки зрения их дидактических функции в учебном процессе. Приложения дополненной реальности (AR) открывают новые возможности в области образования и обучения иностранных языков, так как предоставляет уникальную возможность объединения виртуальной и реальной среды. Это обогащает процесс обучения и делает его более увлекательным и эффективным. Такой подход к изучению ИЯ открывает новые горизонты для погружения студентов в языковую среду, обогащает визуальные и интерактивные аспекты. Однако более всего

Таблица 1.

Приложение	Функции	Особенности использования
Google Translate (Google Lens – Гугл Объектив)	<ul style="list-style-type: none"> • "Перевод текста с помощью камеры", которая позволяет считывать текст с помощью камеры смартфона и переводить его на другой язык в режиме реального времени • Изучение новых слов и фраз • Адаптация в иноязычной среде (или подготовка к адаптации) 	Не ограничен дополнительными условиями использования. Бесплатно.
Google Arts & Culture	<ul style="list-style-type: none"> • изучение культуры и искусства, позволяющее проводить виртуальные экскурсии по объектам всемирного наследия, посещать музеи и художественные галереи, расположенные по всему миру. разработка заданий для формирования социально-культурной компетенции учащихся; • развитие устно-речевых умений на уроках по темам культуры и искусства, дизайна, моды и истории в курсах CLIL; • повышение мотивации к изучению культуры и искусства, развитие метапредметных умений • С помощью камеры приложение позволяет преобразовывать свои фото согласно стилям разных художников (Art Transfer), дает возможность проектировать картины на стены своего дома, рассматривать мировые шедевры до мельчайших подробностей (Art Projector); находит исторического двойника по фотографии и дает информацию о его жизни (Art Selfie); приложение также - это и картинная галерея в кармане (Pocket Gallery), и возможность изучать и разбираться в цветовой гамме (Color Palette); 	Не ограничен дополнительными условиями использования. Бесплатно.
MondlyAR	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечивает обучение языку через интерактивные сценарии и визуальные инструкции: • вступать в виртуальное взаимодействие с объектами, • указывать на предметы и выполнять задания на другом языке, • общаться в режиме реального времени и взаимодействия с ассистентом, который не только отвечает на вопросы и модерирует диалог, но и корректирует ошибки. • Можно использовать при самостоятельном изучении языка. 	Ограничен дополнительными условиями: принадлежит компании Pearson, требует подписки. Минимальное количество бесплатных уроков. Доступ к основному контенту платный.
Cospace Edu	<ul style="list-style-type: none"> • создание виртуального пространства для работы как со школьниками, так и со студентами и взрослыми в дистанционном формате. • В бесплатной версии дается возможность создать 1 класс, 1 задание, 2 пространства, пригласить в класс до 29 учеников и загрузить до 10 внешних файлов. • Главное преимущество платформы CoSpaces Edu – доступность на любом устройстве (мобильные версии Google Play и App Store). Также ученикам дается доступ к набору инструментов для создания 3D фигур, виртуальной и дополненной реальности. Платформа позволяет: • создавать задания для развития устно-речевых умений по разным темам и уровням; • повышать мотивацию обучаемых с помощью участия в 3D играх и уроках; • развитие ИКТ компетенций обучаемых при работе на платформе, создание цифровых историй, видео, рассказов, фото по заданным темам; • повышение мотивации и интерактивности; • индивидуализация и дифференциация процесса обучения. 	Минимальное количество бесплатных уроков. Доступ к основному контенту платный.

такой подход влияет на повышение мотивации обучающихся, так как задействует все аспекты восприятия материала на ИЯ и при этом создает ситуацию, в которой необходим ответ с использованием всех видов речевой деятельности в настоящий момент.

Дополненная реальность может быть использована для следующих видов деятельности:

- для запоминания новой лексики и фраз - создание интерактивных "AR-словарных карт".

- для активизации восприятия информации на ИЯ – поиск скрытых подсказок и заданий на иностранном языке в AR-приложениях с последующим выполнением этих заданий.

- для развития коммуникативных умений с активизацией всех ВРД – работа в группах над совместным проектом на иностранном языке, включающим в себя элементы AR-интерактивности.

В Таблице 1 приведены примеры AR-приложений, за-

даний для развития иностранного языка и особенности использования ресурсов.

Итак, современные приложения и компьютерные игры могут оптимизировать учебный процесс по изучению иностранного языка через интерактивность, индивидуальный подход, обратную связь и использование мультимедийных ресурсов, поддерживая различные аспекты языкового обучения и приумножая мотивацию к изучению. И поскольку наиболее важной особенностью использования ИКТ технологий в высшей школе при изучении иностранных языков является создание виртуальной образовательной среды определенной учебной группы, важно создавать учебные материалы как канала взаимодействия, в котором можно делиться информацией, общаться, мгновенно реагировать на изменения, проверять результаты и сопровождать учебный процесс обратной связью. Как показывает практика, на данный момент использование таких приложений значительно активизирует процесс интерактивного

общения преподавателя и студентов, а также студентов между собой. Несмотря на отмеченные недостатки в организации работы на основе приложений и игр, их использование повышает мотивацию студентов, интерес к изучению предмета, оптимизирует процесс проверки работ и обратной связи. Однако не стоит забывать, что использование мобильных приложений эффективно лишь как элемент обучения и не может полностью заменить весь комплекс учебной деятельности на основе учебников и пособий на бумажных носителях, работы в тетрадях, создания конспектов и других традиционных видов учебной деятельности.

Автор статьи благодарит слушателей программы профессиональной переподготовки «Преподаватель иностранного языка» ФИЯиР МГУ имени М.В. Ломоносова Воеводу Викторию Валерьевну и Курал Алину Анатольевну за совместную работу над анализом приложений по геймификации и дополненной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zaki, A.A. and Yunus, M.M., 2015. Potential of Mobile Learning in Teaching of ESL Academic Writing. *English Language Teaching*, 8(6), pp.11-19.
2. Embi, M.A., 2018. Factors influencing polytechnic English as second language (ESL) learners' attitude and intention for using mobile learning. *The Asian ESP Journal*, 195.
3. Ng, S.F., Azlan, M.A.K., Kamal, A.N.A. and Manion, A., 2020. A quasi-experiment on using guided mobile learning interventions in ESL classrooms: Time use and academic performance. *Education and information technologies*, 25, pp.4699-4719.
4. Канцур А.Г., Бердникова Н.С. Использование мобильных приложений на уроках иностранного языка // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2019. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-mobilnyh-prilozheniy-na-urokah-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 23.04.2024).
5. Бисимбаева П.М., Илюшкина М.Ю. Мобильные приложения в обучении иностранному языку как компонент системы вузовского образования // *Studia Humanitatis*. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-prilozheniya-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-kak-komponent-sistemy-vuzovskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 23.04.2024).
6. Мазелис А.Л. Геймификация в электронном обучении. – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Владивосток [Электронный ресурс]. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-elektronnom-obuchenii/viewer> (дата обращения 30.04.2024).
7. Титова С.В. Мобильная среда для обучения иностранным языкам. - М.: Эдитус, 2019. – 284 с.
8. Большаков Н. Как применять геймификацию в онлайн образовании. URL <https://www.calltouch.ru/blog/kak-primenyat-geymifikaciyu-v-onlajn-obrazovanii/> (Дата обращения 30.04.2024).

© Полюдова Елена Николаевна (epolyudova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ДЕФЕКТОЛОГОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАСТЕР-КЛАССА «КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ РАННЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»

IMPROVING THE PROFESSIONAL
COMPETENCIES OF STUDENTS
OF SPEECH PATHOLOGISTS DURING
THE MASTER CLASS "CORRECTIONAL
AND DEVELOPMENTAL WORK WITH
YOUNG CHILDREN IN AN EDUCATIONAL
ORGANIZATION"

*E. Rykova
A. Mironova*

Summary: The article presents an example of conducting a master class to improve the professional competencies of students of speech pathologists. An example of conducting correctional and developmental classes with children of the first years of life using speech therapy rhythmic, musical games, interaction games and finger games is considered. The methods used in the process of work are described. The main stages of the master class, its content, description of the participants' activities and the materials used are highlighted.

Keywords: master class, speech pathologists, professional competencies, early age, speech therapy rhythmic, interaction games, round-robin classes.

Рыкова Елена Алексеевна

*старший преподаватель, ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет
elena-rykova@mail.ru*

Миронова Ангелина Валерьевна

*старший преподаватель, ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет
mironovaav@mgpu.ru*

Аннотация: В статье представлен пример проведения мастер-класса для совершенствования профессиональных компетенций студентов-дефектологов. Рассматривается пример проведения коррекционно-развивающего занятия с детьми первых лет жизни с использованием логопедической ритмики, музыкальных игр, игр на взаимодействие и пальчиковых игр. Описываются используемые в процессе работы методы. Выделяются основные этапы мастер-класса, его содержание, описание деятельности участников и используемые материалы.

Ключевые слова: мастер-класс, студенты-дефектологи, профессиональные компетенции ранний возраст, логопедическая ритмика, игры на взаимодействие, круговые занятия.

Готовность к профессиональному саморазвитию, а также к профессиональному самосовершенствованию является одной из актуальных проблем в области специального (дефектологического) образования. Современный специальный педагог должен не только владеть актуальными технологиями, методами и приемами работы, а также должен уметь легко адаптироваться к изменяющимся условиям работы в организации (образовательная или медицинская организация, учреждение соцзащиты).

В настоящее время отмечается увеличение роста рождаемости детей с ОВЗ, в связи с чем, состав групп или классов для детей, посещающих различные организации, неоднороден и постоянно усложняется. Выпускник – специальный педагог должен уметь использовать профессиональные компетенции, сформированные у

него во время обучения, а также регулярно их расширять. Большинство обучающихся педагогических вузов готовы к профессиональному росту и понимают необходимость регулярного совершенствования своих знаний в разных формах своего профессионального саморазвития: деловые игры, мастер-классы, конференции, курсы повышения квалификации, профессиональная переподготовка и т.д.

Одним из способов получения новых профессиональных компетенций у студентов-дефектологов является проведение тематических мастер-классов. Предлагаем рассмотреть пример подобного мероприятия – авторского мастер-класса «Коррекционно-развивающая работа с детьми раннего возраста в условиях образовательной организации» для обучающихся по направлению «Специальное (дефектологическое) обра-

зование».

В раннем возрасте происходит бурное развитие ребенка, которое

проходит ряд этапов. Основная задача педагогов и родителей – способствовать развитию ребенка и эмоционально взаимодействовать с ним. В период раннего возраста ведущей деятельностью становится предметная деятельность. В процессе данного вида деятельности дети приобретают знания об окружающем мире, развивают двигательные и моторные навыки, а также речь. Помимо этого, у детей развивается зрительное, слуховое и другие виды восприятия. Одной из ключевых задач специалистов, работающих с детьми, является помощь семье в создании специальных развивающих условий, которые будут соответствовать возрасту и особенностям развития ребенка [1].

Создание подходящей развивающей среды является важным аспектом успешного развития и интеграции детей в общество. Специалисты по сопровождению должны учитывать все аспекты средового подхода, чтобы обеспечить наилучшую поддержку и помощь этим детям и их семьям. Понимание и устранение проблемных зон в логопедической и другой коррекционно-развивающей работе с детьми в возрасте от 1 года до 3 лет требует комплексного подхода, учитывающего уникальные потребности, способности ребенка, а также основные факторы, способствующие возникновению речевых и языковых трудностей. Уделяя внимание этим проблемам на ранних этапах, специалисты могут оказать ценную поддержку детям в развитии эффективных коммуникативных навыков, улучшая общее качество их жизни. Для понимания того, какими традиционными и новыми способами и формами взаимодействия с детьми первых лет жизни должен обладать педагог-дефектолог, каким образом можно наладить взаимодействие, общение и коммуникацию, а также как проводить интересные и методически правильные занятия с детьми раннего возраста, специалисту необходимо расширять свои компетенции. Одной из таких форм повышения своих компетенций является мастер-класс «Коррекционно-развивающая работа с детьми раннего возраста в условиях образовательной организации».

Детей с психоречевыми, поведенческими, эмоционально-личностными и двигательными отклонениями необходимо готовить к поступлению в детское образовательное учреждение, чтобы предотвратить возможные стрессовые ситуации.

Цель мастер-класса – совершенствование профессиональных компетенций у участников в области организации и проведения коррекционно-развивающей работы с детьми раннего возраста в условиях образова-

тельной организации.

Мастер-класс разработан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. N 123 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование" (с изменениями и дополнениями) Редакция с изменениями N 1456 от 26.11.2020).

Задачи мастер-класса:

- повышение уровня теоретической подготовки у участников в области закономерностей психофизического и речевого развития детей раннего возраста;
- освоение практических навыков групповой коррекционно-развивающей работы с детьми в условиях образовательной организации;
- применение системного подхода для решения задач групповой коррекционно-развивающей работы;
- осуществление взаимодействия с коллегами и родителями детей, посещающих занятия, с учетом межкультурного разнообразия общества;
- умение эффективно планировать и распределять время занятия в соответствии с его частями;
- умение правильно организовывать безопасную развивающую предметно-пространственную среду для детей раннего возраста;
- проведение оценки результативности проведенного мероприятия и собственного профессионального мастерства.

В ходе мастер-класса у участников есть возможность свободно изучать все материалы, представленные в конкретных местах зонирования предметно-пространственной среды; познакомиться с различными приемами взаимодействия (в том числе, с использованием логоритмики) с детьми и правилами работы с детьми раннего возраста и семьей; участвовать в открытой дискуссии и предлагать свои решения проблемных ситуаций (практических кейсов).

Мероприятие проводится в форме лекционно-практического занятия продолжительностью 1 час 30 минут.

При проведении мастер-класса используются следующие методы работы:

1. Интерактивный:

- Словесный – представление теоретической части лекционного материала участникам мастер-класса.

Ход мастер-класса

Этапы работы мастер-класса	Содержание этапа	Деятельность участников	Используемый материал
Подготовительно-организационный: Постановка целей и задач мастер-класса (5 минут)	Приветствие, вводное слово ведущих мастер-класса и знакомство с аудиторией	Знакомство с ведущими мастер-класса и с его участниками	Презентация
Теоретическая (лекционная) часть (15 минут)	Представление материала: рекомендации по взаимодействию родителей с ребенком раннего возраста в домашних условиях и на занятиях; описание правил посещения групповых занятий для взрослого и ребенка; знакомство со структурой группового занятия. Методические рекомендации педагога [2].	Знакомство с лекционной частью мастер-класса, дискуссия по возникающим вопросам	Презентация
Практическая часть	Проведение группового занятия ведущими мастер-класса с его участниками: Круг 1 (10 минут). • приветствие (знакомство с участниками группы с помощью неизменной песни - приветствия)	Участники делятся на подгруппы в соответствии с частями занятия и одновременно играют две роли: детей на занятии и участников мероприятия, присутствующих на открытом занятии. Участники, выполняющие роль детей, рассаживаются на полу по краю ковра. Данная тактика создает не только возможность удобного распределения на ковре, но и дает возможность видеть и взаимодействовать друг с другом. Тем самым вышперечисленное способствует созданию условий для комфортной коммуникации, развитию навыков произвольной регуляции деятельности. Ведущий поет песню-приветствие, здоровается по очереди с каждым участником, после чего они берут колокольчик. В конце приветствия все дружно звенят в колокольчики и кладут их на место [3].	Ковер, колокольчики, емкость для колокольчиков
	• логопедическая ритмика представляет собой систему упражнений для развития моторных и речевых функций (зарядка, игры на развитие двигательных навыков у детей).	Участники встают по краю ковра и повторяют за ведущим двигательные упражнения: «Хома-хома-хомячок» (зарядка); «Пузырь», «Карусели» и т.д.	Ковер, музыкальный материал по методике С. Железнова и Е. Железновой.
	• игры на взаимодействие	Участники садятся по краю ковра и играют с ведущим в игры: «Прятки», «Бубен» и т.д.	Ковер, мягкий лабиринт для игры «прятки», бубен
	• музыкальные игры	Участники садятся по краю ковра и играют с ведущим в музыкальные игры: «Совушка», «Танцы под музыку», игры на музыкальных инструментах под музыку и т.д. При этом могут использоваться различные вариации хороводных фольклорных игр, включающие в себя простую песню, несложные движения, короткий диалог, несложную пантомиму.	Различные музыкальные инструменты, плюшевая игрушка – сова, запись музыкального сопровождения

Этапы работы мастер-класса	Содержание этапа	Деятельность участников	Используемый материал
	Творческая (продуктивная) деятельность (20 минут)	Участники рассаживаются за стол и выполняют предлагаемое творческое задание (Например, разукрасить пластилином рисунок).	Стол, стулья, пластилин, листы с черно-белым рисунком
	Свободная игровая деятельность (20 минут)	Для проведения свободной игровой деятельности помещение группы делится на несколько зон, в каждой из которых находится тот предметно-развивающий материал, который способствует развитию конкретных умений и навыков ребенка раннего возраста [3]. У участников есть возможность познакомиться с материалом каждой зоны. При этом работают основные правила группы: «Пользуйся всеми свободными материалами, но не мешай другим», а также: «Можно свободно выбрать себе партнера и место для работы с переносным материалом». Задача ведущих при этом - наблюдение за деятельностью участником мастер-класса и при необходимости координировать их работу для оказания соответствующей помощи [4]. Обычно в каждой зоне может свободно действовать 2-3 человека.	Миски, жидкое мыло, вода, кувшины, стаканы, пальчиковые краски и гуашь, восковые мелки и пастель, акварельные и простые цветные карандаши, крупа, пластилин, пирамидки, матрешка, блоки цилиндров М. Монтессори, сортеры, мелкие игрушки, книги, наборы фигурок животных, муляжи овощей и фруктов, копилка, игровой материал с пинцетом, шумовые цилиндры и т.д.
	Круг 2 (10 минут) • театрализованное представление (сказка)	Ведущие совместно с участниками проводят сказку, например, «Курочка Ряба»	Куклы би-ба-бо, ширма, ковер
	• пальчиковая гимнастика	Участники садятся по краю ковра и повторяют за ведущим пальчиковые игры, например, «Помощники», «Ежик», «Апельсин» и др.	Ковер
	• прощание	Прощание проходит в конце занятия и является неизменным в своем проведении: участники и ведущие, садятся на ковер в круг и по очереди задувают свечу, прощаясь друг с другом. При этом каждый из участников задувает свечу и говорит слова прощания. Итог занятия всегда носит позитивный характер и направлен на создание положительных эмоций.	Ковер, свечка, зажигалка
Рефлексия	Дискуссия по результатам совместной деятельности ведущих и участников мероприятия (10 минут)	Проводится обсуждение проведенного мастер-класса.	

- Наглядный – представление и использование наглядных пособий, игрового материала, книг и т.д. в ходе проведения практической части мастер-класса.
- Практический – актуализация имеющихся знаний и применение в практической части мастер-класса новых умений и навыков.

2. Исследовательский:

- умение организовывать свою работу самостоятельно (во время свободной игровой деятельности по различным зонам специально организованной развивающей предметно-пространственной среды мастер-класса).
- выбор действия и его способа (во время проведения различных этапов работы).
- свобода творчества – использование разнообразных материалов для продуктивной (изобразительной) деятельности в практической части мастер-класса.

Далее мы рассмотрим конспект мероприятия, выделим этапы мастер-класса, его содержание, описание деятельности участников и используемые материалы.

Проведение мастер-класса имеет большое значение для развития практических навыков взаимодействия специалиста с детьми раннего возраста и расширения практических компетенций его участников. Можно обозначить следующие причины:

- Мастер-класс позволяет участникам стать активными участниками процесса, а не просто пассивными наблюдателями. Это помогает родителям лучше понять потребности и интересы своих детей, а педагогам — освоить новые методики и подходы к обучению и воспитанию.
- Мастер-класс способствует обмену опытом между участниками, что в свою очередь может стимулировать развитие профессиональных компетенций и повышение качества образовательного процесса.

- Участие в мастер-классе помогает родителям научиться самостоятельно развивать и воспитывать своих детей, что повышает их педагогическую компетентность и уверенность в собственных силах.
- Мастер-класс даёт возможность педагогам и родителям совместно работать над решением конкретных задач и проблем, связанных с развитием и воспитанием детей раннего возраста. Это укрепляет сотрудничество между родителями и педагогами и способствует созданию единой образовательной среды для детей.

В связи с чем хотелось бы отметить, что в целом организация и проведение педагогического мастер-класса представляет собой эффективный инструмент обмена опытом и повышения профессионального мастерства педагогов, участие в нем может способствовать развитию творческого потенциала и повышению мотивации специалистов, работающих с детьми раннего возраста, а также их родителей. Вместе с этим хотелось бы подчеркнуть, что данный формат работы с обучающимися педагогических колледжей и вузов благоприятно влияет на позитивное формирование образа себя как будущего специалиста. В нашей практике были случаи, когда обучающиеся говорили, что они не готовы работать с детьми такого маленького возраста. Однако после участия в мероприятии, в рамках рефлексии подчеркнули, что это был интересный опыт, погружающий в профессию, после чего накал «страхов и неуверенностей» в своих силах значительно спал.

Можно сделать вывод, что мероприятия подобного профиля способствуют педагогическому общению и сотрудничеству между его участниками, а также формируют базовые представления о профессиональной деятельности специалиста, проводящего коррекционно-развивающую работу с детьми раннего возраста в условиях образовательной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкина, В.А. Оценка готовности к профессиональному саморазвитию у обучающихся по направлению "Специальное (дефектологическое) образование" / В.А. Галкина // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 198-204.
2. Миронова, А.В. Использование здоровьесберегающих технологий в работе с детьми раннего возраста / А.В. Миронова, Е.А. Рыкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 3-3. – С. 86-88.
3. Рыкова, Е.А. Специфика и организация развивающей предметно-пространственной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья / Е.А. Рыкова, А.В. Миронова // Актуальные проблемы обучения различных категорий детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном пространстве: Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции, Москва, 31 марта 2022 года. – Москва: Издательство ПАРДИГМА, 2022. – С. 219-224.
4. Рыкова Е.А. Игры и упражнения для развития речи у детей раннего возраста / Е.А. Рыкова. – Москва: Издательство ПАРДИГМА, 2019. – 84 с.

© Рыкова Елена Алексеевна (elena-rykova@mail.ru), Миронова Ангелина Валерьевна (mironovaav@mgpu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПИСЕЙ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ УПРАЖНЕНИЙ ГИМНАСТИКИ И АКРОБАТИКИ НА УЧЕБНЫХ И УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ

FORMATION OF RECORDS OF GYMNASTICS EXERCISES IN EDUCATIONAL AND TRAINING SESSIONS

A. Sokolov

Summary: The harmonious state of the younger generation of young athletes is an integral part of the Russian system of physical training and competition in the sports arena. This is reflected in the development of technology for training preparation for competitive events. The substantiation of the level of intellectual preparedness of gymnasts and acrobats is the technology of mastering the figurative representation of performed movements through the control and accounting of knowledge of terminological records of exercises.

Keywords: artistic gymnastics, intellectual abilities, educational and training process, terminology, thesaurus, technological organization of classes, control and accounting of the level of training.

Соколов Александр Сергеевич

кандидат педагогических наук, доцент,
Филиал Кубанского государственного университета
Славянск-на-Кубани
sokolovas01@yandex.ru

Аннотация: Гармоничное состояние подрастающего поколения юных спортсменов является составной частью российской системы физической подготовки и конкуренции на спортивной арене. Это выражается в разработке технологии учебно-тренировочной подготовки к соревновательным мероприятиям. Обоснованием уровня интеллектуальной подготовленности гимнастов, акробатов становятся технологии освоения образного представления выполняемых движений через контроль и учёт знаний терминологических записей упражнений.

Ключевые слова: спортивная гимнастика, интеллектуальные способности, учебно-тренировочный процесс, терминология, тезаурус, технологическая организация занятий, контроль и учёт уровня подготовки.

Гармоничное состояние подрастающего поколения юных спортсменов является составной частью российской системы физической подготовки и конкуренции на спортивной арене. Это выражается в разработке технологии учебно-тренировочной подготовки к соревновательным мероприятиям. Обоснованием уровня интеллектуальной подготовленности гимнастов, акробатов становятся технологии освоения образного представления выполняемых движений через контроль и учёт знаний терминологических записей упражнений.

Уровень состояния подготовленности и эффективность выполнения координационных связок элементов и соединений, определялось требованиями правил соревнований по трудности действий. Превращаемость их в двигательные навыки происходила с выработыванием психолого-физиологических стереотипа качеств центральной нервной системы организма. Однако, зачастую тренировочный процесс на этапе многолетней тренировки, протекающий в стандартных условиях, не вызывает достаточного интереса у занимающихся, что может тормозить процесс подготовки спортсменов [6].

От качества знаний, умений и навыков, сформированных на этапе подготовки гимнасток, зависит успешность их соревновательной деятельности на этапе максимальной реализации индивидуальных возможностей [2].

Специально подготовительный период направлен на дальнейшее повышение общей физической подготовленности и совершенствование физических качеств, лежащих в основе высоких спортивных достижений в спортивной аэробике [5].

В основе координационных способностей лежит процесс сложного взаимодействия центральных и периферических звеньев моторики на основе обратной афферентации. Это и обеспечивает высокую точность управления силовыми, пространственными и временными параметрами движения [1].

Возникшей целью раскрываются форма и структура методических приёмов изменения интеллектуальных способностей гимнастов в достижении личных результатов. Субъективной задачей определяется последовательность форм записи терминов двигательных действий. Этим последовательно проявляются способности к интегрированию мышления технологии тренировочной деятельности в учебно-тренировочных занятиях.

В идее формируется связь символов терминологии (тезаурус) гимнастического словаря и технических действий исполнителей. В них отражаются функционально внутренние и внешние изменения координации в зоне ближайшего освоения сложности упражнений, а также подвод к организации освоения заданий записи упраж-

нений. Контроль и учёт хода деятельности сведёт результативность к анализу, корректировке, предвидению и упрощению технологии занятий. Значимость записей предполагает освоение теории движений и гипотезу рациональной связки работоспособности тренеров-преподавателей и спортсменов.

У спортсменов должно возникать стремление к закреплению физических качеств, владение волей и точностью выполнения заданий. Уровень подготовленности определяется действиями тренера-преподавателя (наставника), повышающего работоспособность, образное восприятие и сосредоточенность внимания спортсменов.

На базе программ и планов учебно-спортивных занятий необходимо реализовывать профессиональным образованием комплекс специальных записей упражнений. Дозировка нагрузок преподавателем устанавливает коррекцию заданий терминологических символов. Рост освоения форм записей составляет основу контроля, учёта и анализа достижений эффекта исполнений. Подбор рациональных записей комплексов упражнений для решения задач изменения индивидуальной деятельности спортсменов в зоне ближайшего развития организуется методическими приёмами деятельности.

Организатор занятий сводит умения и навыки в единый образ последовательности движений, их реальность предвидений будущих структур действий. Применяется сочетание движений по частям и в связывании, обеспечивая выполнение. Создают формы прописных и строчных символов и сокращения продолжительности работы спортсменов. Работа объединяет результативность и эффективность технологий учебно-тренировочных занятий.

Последовательность технологий воображения ведёт к логике ощущения структурных комбинаций действий. Эффективность занятий требует тезаурусное понятие терминов, доведённых до сознания на доходчивом русском языке. Символы движений используются преподавателями вовремя выполнения спортсменами на оборудовании спортивного зала.

Создание структуры упражнений спортсменов требует краткую запись связующих действий. Терминологию изображать в записи прописными и строчными буквами структуры связок из элементов движений. Например: «переворот назад в равновесие на левой, правая, назад, руки в стороны». Краткая запись прописными буквами: «ПН-РП-ЛН-РС» – «связка» элементов на акробатической дорожке.

Комплексы упражнений в трёх вариантах записи:

- а) полное терминологическое название упражнения;
- б) обозначение прописными и строчными буквами;

в) обозначение прописными буквами.

Комбинации упражнений на акробатической дорожке:

1. Сальто назад, в группировке – СлтНазГрп – СНГ;
2. Переворот, с поворотом кругом – ПвтВлв180° (рондат-Р) – ПВ180°;
3. Переворот назад – ПрвНзд (фляк-Ф) – ПН;
4. Сальто назад прогнувшись – СлтНздПрг – СНП;
5. Переворот с поворотом кругом (рондат) – ПрвВлв180° – ПВ180°;
6. Переворот назад (фляк) – ПрвНзд – ПН;
7. Сальто назад, прогнувшись с поворотом на 180° (полпируэта) – СлтНздПрг180° – СНП180°;
- 8а Переворот с поворотом кругом – переворот назад (фляк) – сальто назад, прогнувшись с поворотом на 360° (пируэт);
- 8б. Прв180° (рондат) – СнзПрг360
- 8в. Прв180° – ПН – СНП360°;
- 9а. Рондат – фляк – темповое сальто назад, согнувшись – фляк – сальто назад, прогнувшись;
- 9б. Р – Ф – ТмпСлтНздСгн – Ф – СлтПрг;
- 9в. РФТФСНП.

Комбинации упражнений мужчин на гимнастической перекладине:

1. Подъём переворотом в упор – ПдмПрвУпр – ППУ;
2. Перемах правой – ПмхПрв – ППР;
- 3а. Упор ноги врозь – перехват правой – поворот влево в упор – ПврВлвУпр – махом назад соскок;
- 3б. УпрНвр – ПрхПрв – МахНздСск;
- 3в. УНВ – ПП – МНС;
- 4а. Мах дугой назад – подъём махом назад в стойку;
- 4б. МахДугНзд – ПдмМахНазСтк;
- 4в. МДН – ПМНС;
- 5а. Махом вперёд перелёт, назад прогнувшись противовращением в вис;
- 5б. МахВпдПрлНздПргПрвВис;
- 5в. МВПППВ;
6. Оборотом назад – ОНз – Соскок двойное сальто назад прогнувшись с поворотом 720° – ДвСлтНздПрг720° – ДСНП720°.

Упражнения мужчин на гимнастических (параллельных) брусьях:

1. Подъём махом вперёд – ПдмМахВпр – ПМВ;
2. Подъём разгибом в упор – ПдмРзгУпр – ПРУ;
3. Махом вперёд подлёт с поворотом кругом в стойку – МахВпрПдлПвт180°Стк – МВПП180°С;
4. Махом вперёд поворот 360° в стойку – МахВпрПвт360°Стк – МВП360°С;
5. Махом вперёд сальто назад, прогнувшись в стойку на руках – МахВпрСлтНазПргСтк – МВСНПС.

Упражнения мужчин на гимнастическом снаряде «конь-махи»:

1. Скрестный перемах влево – СкрПмхВл – СПВ;

2. Обратный скрестный перемах вправо – ОбрСкрПмхВпр – ОСПВ;
3. Круг двумя вместе продольно – КргДвмВмсПрд – КДВП;
4. Круг двумя врозь поперёк – КргДвмВрзПпр – КДВП;
5. Круг двумя врозь продольно выходом в стойку врозь – КргДвмВрзПпрВхдСткВрз – КДВПВС;
6. Круг двумя вместе – вход в упор сзади продольно – КргДвм ВхдУпрсСздПрд – КДВУС.

Упражнения в опорном прыжке:

1. Переворот вперёд – ПрвВпд – ПВ;
2. Переворот назад (фляк) – ПрвНзд – ПН;
3. Переворот вперёд с поворотом кругом (рондат) – ПрвВпд180° – ПВ180°;
- 4а. Переворот вперёд с поворотом кругом (рондат) – переворот назад (фляк) – сальто назад с поворотом на 360° (пируэт);
- 4б. ПрвВпд180° – ПрвНзд – СлтНзд360°;
- 4в. ПВ180° – ПН. – СН360°.

Упражнения на кольцах

1. Подъём махом назад в стойку – ПдмМахНздСтк – ПМНС;
2. Подъём махом вперёд в упор, согнувшись – ПдмМахВпрУпрСгн – ПМНУС;
- 3а. Большой оборот вперёд – большой оборот назад – опускание в упор руки в стороны (Д-Зс);
- 3б. БлшОбртВпрд – БлшОбртНзд – ОпскУпрРукСтрн (Д-Зс);
- 3в. БОВ – БОН – ОУРС (Д-Зс).

В основу технологического принципа использования индивидуального словарного тезауруса положены составляющие: технологические подходы к обучению гимнастическим упражнениям «... который строится на

индивидуализированном, осознанном взаимодействии преподавателя и ученика с учётом подготовленности участников, ... – это творческий процесс интеграции различных знаний и превращение их в технологические новации». Тезаурусные подходы создают «... представления о двигательном действии. Педагог, ориентированный на глубокое познание личности, общается с учеником на уровне представления окружающей действительности в голове человека» [4].

Объективный тезаурус – система научной информации в той сфере деятельности человека, где решающее значение имеет объективная логика, нормы, каноны в выбранной области знания, в данном случае – биомеханические закономерности движений. Совместная деятельность педагога и ученика является собой информационные модели, которые диалектически интегрируют оба тезауруса. Индивидуальный тезаурус представляет собой устойчивую совокупность слов, понятий, терминов, категорий, имеющих для гимнаста определённый личностный смысл и используемых для описания им конкретных гимнастических элементов, движений [3].

Содержание и структура терминологии (тезаурус) носит вариативный характер записи в планировании выполнений групповых и индивидуальных заданий. Уровень подготовленности достигает роста умениям и навыкам интеллектуальных способностей преподавателей и обучающихся.

Рекомендуем включать:

- комплексы упражнений для освоения двигательных действий;
- систему терминологии (тезаурус);
- контроль и учёт результатов;
- поиск форм записей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланда, Б.Х. Методика комплексной оценки физического развития и физической подготовленности: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2011. 348 с.;
2. Иванова, Е.В. Методика развития координации движений рук у девочек, занимающихся художественной гимнастикой, на этапе начальной подготовки: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Чебоксары, 2009. – 23 с.
3. Гагин, Ю.А. Духовный акмеизм биомеханики / Ю.А. Гагин, С.В. Дмитриев; Балт. Пед. Академия. – СПб.: [б.и.], 2000. – 308 с.
4. Бордовская, Н.В. Диалектика педагогического исследования: логико-методологические проблемы / Н.В. Бордовская. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 512 с.
- Извозчиков, В.А. Слово об информации // Наука и школа. – 2000. – № 1. – С. 34-44.
5. Бобровская О.В., Арсентьева А.В., Воробьева Е.В. Методика повышения физической подготовки юных гимнасток, занимающихся спортивной аэробикой // Психологические и педагогические аспекты научного становления личности: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 28–32.
6. Khiat B. Mehdioui H. Effect of Pubertal Maturation on the Development of Anaerobic Power (in College students 11–16 years of Algeria) // European Journal of Physical Education and Sport. 2015. № 4 (10). P. 186–191.

© Соколов Александр Сергеевич (sokolovas01@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФОРМ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Станкович Диана Фёдоровна

Аспирант, концертмейстер, Саратовская
государственная консерватория им. Л.В. Собинова
diana.stankovich@mail.ru

DEVELOPMENT STRATEGIES MOTIVATING STUDENTS' LEARNING ACTIVITIES THROUGH ADDITIONAL FORMS OF INTERPERSONAL INTERACTION

D. Stankovich

Summary: This article presents the results of the theoretical and methodological analysis conducted by the author on the problem of formation of motivation of students' educational activities based on the study of domestic and foreign pedagogical practice. The author describes the main characteristics of motivation, shows the relevance of the formation of positive motivation in students, in particular in music education. The text of the article also emphasizes the need to use additional forms of interaction as strategies for developing student motivation. Possible conditions are proposed for the formation of motivation for students' educational activities in such additional forms of work as an "educational project". As an example, the author summarizes his personal experience of preparing and implementing an educational project with students of the conservatory in the form of musical and educational programs. In such co-creative practices, students' creative initiatives are supported. The joint organization and implementation of educational projects is aimed at developing students' self-determination, mastering their profession, and as a result, the motivation of educational activities develops.

Keywords: strategies, motivation of educational activities, forms, educational project, co-creativity, initiative.

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты проведённого автором теоретико-методологического анализа по проблеме формирования мотивации учебной деятельности студентов на основе изучения отечественной и зарубежной педагогической практики. Автором описаны основные характеристики мотивации, показана актуальность формирования положительной мотивации у обучающихся, в частности в музыкальном образовании. Также в тексте статьи подчёркивается необходимость использования, в качестве стратегий развития мотивации студентов, дополнительных форм взаимодействия. Предлагаются возможные условия для формирования мотивации учебной деятельности студентов в таких формах взаимодействия как «просветительский проект». В качестве примера, автор обобщает личный опыт подготовки и реализации со студентами консерватории просветительского проекта в виде музыкально-познавательных программ. В подобных практиках со-творчества поддерживаются творческие инициативы студентов. Совместная организация и реализация просветительских проектов направлена на развитие самоопределения обучающихся, овладение ими профессией, и как следствие формируется мотивация учебной деятельности.

Ключевые слова: стратегии, мотивация учебной деятельности, формы, просветительский проект, со-творчество, инициатива.

Введение

На сегодняшний день приоритетной задачей образования, в том числе музыкального, становится создание полноценных условий для личностного развития обучающихся, формирование их активной жизненной позиции, а также мотивации учебной деятельности.

Например, в Указе Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается необходимость создания новых технологий обучения, направленных на «совершенствование творческого мышления, практических навыков и мотивации»¹.

Исходя из этого постановления, необходимо не только внедрять, но и совершенствовать формы взаимодействия педагога и студентов, подходы, принципы, а также методы их обучения, в том числе музыкальном образовании, создавать мотивационные стратегии учебной деятельности, отвечающие настоящим требованиям.

Поэтому **цель статьи** заключается в выявлении стратегий развития мотивации учебной деятельности посредством дополнительных форм на основе анализа отечественных и зарубежных научных теорий в области мотивации. Для достижения цели сформулированы следующие задачи: проанализировать основные концепции учебной мотивации в отечественных и зарубежных ис-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 10.09.2023).

следования; определить стратегии развития мотивации учебной деятельности в музыкальном образовании; сформулировать возможные условия для развития мотивации учебной деятельности студентов консерватории в таких формах работы как «просветительский проект».

Рассуждая о *мотивационных стратегиях в педагогическом ключе, подразумеваются такие подходы, принципы и методы, которые будут способствовать формированию положительной мотивации обучающихся.*

Поэтому считаем, что основное внимание педагога в стратегиях развития положительной мотивации обучающихся необходимо направлять на воспитательную цель и выстраивание таких педагогических форм работы, которые позволят достичь проецируемой цели.

Следует обратить внимание, что мы рассматриваем понятие «учебная деятельность» как процесс овладения субъектами образования способами учебных действий и саморазвития для решения профессиональных задач, что в результате помогает им осуществить самоконтроль и самооценку. В данной интерпретации «учебная деятельность» распространяется на все возрасты, в частности, на студенческий [1].

В свою очередь самостоятельная деятельность обучающегося, как его непосредственное учение, заключается в «освоении глубоких системных знаний, отработку обобщённых способов действий и их адекватного и творческого применения в разнообразных ситуациях.

Слово «мотивация» абстрактное, которое часто употребляют, чтобы объяснить поведение человека. В этом смысле термин включает в себя побуждающий комплекс, определяющий целенаправленное движение (главный мотив-потребность, интерес, значимость, эмоция) [2].

Важно уточнить, что единого определения термина «мотивация учебной деятельности» не существует, это частный вид мотивации, поэтому учебная мотивация и мотивация учебной деятельности нередко отождествляются.

В свою очередь стратегии развития мотивации учебной деятельности определяются нами как целенаправленные действия преподавателей для достижения улучшенных результатов для получения студентами более высоких показателей процесса их учения.

Методология

Компаративный анализ показал, что вопросы, связанные с мотивацией, волновали исследователей, как отечественных: А.Н. Леонтьев [3], Л.И. Божович [4], А.К. Маркова [5], П.М. Якобсон [6], М.В. Матюхина [7], Т.О. Гордеева [8]; так и зарубежных Б.Ф. Скиннер [9],

К. Левин [10], А. Маслоу [11], К. Роджерс [12], Э. Диси [13; 14; 15], Р. Райан [13; 14; 15], Р. де Чармс [16], З. Дорне [16].

Примечательно, что в российской и зарубежной практике существует разделение мотивации на внешнюю, которая связана с окружающим социумом (автономную и контролируруемую), а также внутреннюю, которая заключается в интересе к познавательной деятельности (достижение, компетентность, познание) [8].

Отметим, что в российской науке накоплен внушительный теоретический и эмпирический материал. Например, об особенностях становления и функционирования учебной мотивации рассуждали А.К. Маркова [5], И.А. Зимняя [17]. Психолого-педагогическое содержание понятия «учебная мотивация» и «учебный мотив» раскрыты в работах Л.И. Божович [4], П.М. Якобсона [6], М.В. Матюхиной [7]. Классификация учебных мотивов описывается в трудах А.Н. Леонтьева [3], А.К. Марковой [5], П.М. Якобсона [6]. Кроме того, сформулированы положения относительно условий и путей формирования положительной мотивации учения Т.Д. Молодцовой [18], разработаны методы диагностики учебной мотивации Т.О. Гордеевой [8], Д.А. Леонтьевым [19].

Стоит заметить, отечественные исследователи характеризуют учебную мотивацию как систему побудительных мотивов (познавательных и социальных), определяющих учебную деятельность [1; 3; 4; 6; 17; 19].

На основе этого обозначим авторское понимание «*мотивации учебной деятельности*» как *побуждение обучающихся к активным действиям направленным на получение знаний и соответствующих компетенций приёмами самообразования, самовоспитания при помощи педагога, т.е. создание педагогом благоприятных условий для фасилитации у обучающихся стремления к учебной деятельности.*

В отличие от российской практики, зарубежные исследования в области учебной мотивации имеют следующие направления: бихевиористическое (Б.Ф. Скиннер [9]), когнитивное (Р. де Чармс [16], Э. Диси [13; 14; 15], Р. Райан [13; 14; 15]), гуманистическое (А. Маслоу [11], К. Роджерс [12]).

Каждое направление развивает определение мотивации учебной деятельности в рамках своей практической школы, будь то бихевиоризм, когнитивная психология или гуманистическая психология.

Опишем их кратко

В бихевиористической практике поведение обучающегося основывается на положительном подкреплении желаемого поведения. По мнению Б.Скиннера, поведе-

ние базируется на четырёх видах подкреплениях позитивное поощрение, негативное поощрение, позитивное наказание, негативное наказание, поведение зависит исключительно от стимулов [9];

В когнитивном направлении подход к обучению фокусируется на мыслительных процессах человека, где он является активным познающим субъектом. В основе понимания этой практики удовлетворение базовых потребностей в автономии, компетентности, общении [13; 14; 15; 16];

В гуманистическом направлении существует иерархическая теория мотивации, которая состоит из пяти основных ступеней пирамиды (по А. Маслоу): физиологические потребности, потребности в безопасности и уверенность в будущем, социальные потребности, потребность в самоуважении, потребность в самореализации. Поведение определяет неудовлетворённая потребность в иерархической структуре. Удовлетворение дефицитарных потребностей (нужд) приводит к снижению мотивации (по принципу снятия напряжения), а удовлетворение более высших потребностей приводит к повышению мотивации [11; 12; 16].

По мнению Р. Райана несмотря на то, что когнитивное направление продолжает господствовать, наблюдается возрождение интереса к роли эмоций в мотивационной педагогике, т.е. подъём «позитивного» направления, который повышает интерес к изучению личного значения, мотивов и эмоционального благополучия [13].

Возрождение интереса к эмоциональному аспекту мотивации учебной деятельности не означает, что когнитивный аспект больше не важен. Скорее, сейчас эти два направления интегрируют, связывая два подхода: когнитивный и позитивный. Надо отметить, что Э. Диси и Р. Райан предложили свою концепцию мотивации, которую они назвали «теорией самодетерминации» [13; 14].

Данный подход базируется на понимании базовых потребностей, лежащих в основе внутренней мотивации (переживание интереса к выполнению учебной деятельности) и внешней мотивации (достижение результата за счёт деятельности). Нововведением является то, что учёные два вида мотивации рассматривают как части единого целого.

Так, например, обучающийся выполняет задание потому, что ему интересно его делать, и он получает удовольствие от процесса выполнения, или же выполняет задание, чтобы получить одобрение со стороны, оценку.

Поскольку мотивация функционирует в циклической связи с обучением, их можно представить в виде двух циклов: положительных: высокая мотивация → высокие

достижения → высокая мотивация или отрицательных: низкая мотивация → низкие достижения → низкая мотивация.

Результаты

Проанализировав отечественный и зарубежный опыт по вопросам учебной мотивации, постараемся сформулировать основные педагогические **стратегии развития именно положительной мотивации обучающихся:**

- во-первых, ориентироваться на основные компоненты мотивации учебной деятельности, а именно *главный мотив (для чего?), познавательный интерес (почему?), значимость-результат (что?), эмоция (какая?)*; Отвечая на эти вопросы, выстраивать план действий для развития индивидуальных траекторий обучающихся, вести дневники наблюдений, рефлексивные заметки и т.д.
- во-вторых, опираться на комплекс внешней и внутренней мотивации, поскольку внешняя мотивация позволяет ориентировать студентов на самостоятельность в большей степени, чем на контроль за ними, а внутренняя мотивация связана с непосредственным их познавательным интересом, потребностью в познании и компетентности, а также благоприятным эмоциональным состоянием. Имея в виду обучение в вузах творческой направленности (консерватории, институты искусств, музыкальные академии), можно использовать подходы, принципы и методы в рамках педагогических традиций определённого учебного заведения. Скажем, применять в педагогической практике *индивидуальные, групповые, практико-ориентированные формы работы со студентами на основе проектных, проблемных, деятельностных событийных, средовых, рефлексивных подходов*, опирающиеся на *познавательные, социальные, эмоциональные, волевые методы мотивации*. Это может быть выполнение творческих (практических) заданий, развитие ситуации сотрудничества (со-творчества), при педагогической поддержке (создание ситуации успеха) с ориентацией на самооценку своей деятельности.
- в-третьих, организовывать *дополнительные формы* взаимодействия с обучающимися, например, практикумы, симпозиумы, клубы по интересам, просветительские проекты: встречи с интересными людьми, открытые уроки, лекции-концерты, музыкально-познавательные программы, творческие лаборатории и т.д.

Поэтому определяя стратегии развития мотивации студентов в музыкальном образовании необходимо учи-

тывать прежде всего специфику, связанную с творческой направленностью вуза, «глубокую» преемственность и преимущественно индивидуальный характер обучения.

Следовательно, инновационный поиск организации учебно-творческой деятельности в вузе музыкально-исполнительской направленности (консерватории) позволяет осознать необходимость использования новых форм взаимодействия [1; 20; 22; 24].

Уточним, что мы под этим понимаем. Прежде всего это альтернативные формы, например, «просветительские проекты», в которых развивается ситуация сотрудничества (совместная подготовка и организация музыкально-познавательных программ), это новые возможности для творческой реализации студентов внутри образовательной среды вуза (проявление себя в другом репертуаре), создание ситуаций успеха, а также их самооценка деятельности [22].

Организовывая со студентами просветительские проекты, в виде совместного творческого продукта на уникальную тему с разработанным сценарием и яркой визуализацией, педагог проявляет заинтересованность не только к обучению и прогрессу обучающихся, но также делиться своими наблюдениями, поддерживает и направляет их. Опыт, приобретаемый в процессе подготовки просветительских проектов, базируется прежде всего на интересах студентов, их инициативности и активности. Как следствие у них развивается творческое самоопределение, овладение профессией, познавательная потребность, эстетическое воспитание и положительная мотивация. При этом педагог занимает позицию со-участника, со-творца, он вместе со студентами открыт новому опыту, опосредованно участвует в обсуждении тем и программ [22].

При совместной организации просветительского проекта важно придерживаться общей цели, необходимо распределять обязанности внутри группы, организовывать время для занятий как самостоятельных, так и совместных и поощрять за проделанную работу. Межличностные контакты, доверительное общение ориентируют студентов на том, чем может быть интересна их музыкальная профессия.

Межличностное взаимодействие при этом является мощным стимулом для творческого роста студентов, формированию их учебной мотивации, а практика работы в диалоге с детской аудиторией позволяет представлять музыку и искусство простым, доступным языком с помощью иллюстрации и визуализации.

Посредством организации и реализации просветительских проектов у студентов развивается активность на занятиях, инициативность, происходит изучение дополнительного музыкального репертуара. Таким образом учебная и исполнительская деятельность приобретает качественные изменения.

В виду этого эффективность развития мотивации учебной деятельности студентов консерватории посредством просветительских проектов, определяется в соответствии с педагогическими условиями, а именно: создание разновозрастных групп и мотивирующей образовательной среды, возможность выбора тем просветительских проектов, ситуаций со-бытийности и успеха, а также эмоциональная включённость участников.

Заключение

Учебная деятельность обучающихся поддерживается целым мотивационным комплексом: внутренней и внешней мотивации, об этом утверждали исследователи как отечественные, так и зарубежные, о чём более подробно было описано выше.

Из этого следует, что развитие мотивации учебной деятельности студентов – взаимообуславливающий процесс: внешний, побуждение к активной учебной/творческой деятельности, и внутренний, их стремление к получению знаний, творческой самореализации, овладению профессией через позитивно-эмоциональное состояние.

Приведённые рекомендации по развитию мотивации учебной деятельности с помощью дополнительных форм взаимодействия, таких как просветительские проекты, являются авторскими предложениями, которые могут создавать педагогические условия для фасилитации стремления к учебной деятельности студентов творческих вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимняя И.А. Учебная деятельность – специфический вид деятельности // *Инновационные проекты и программы в образовании: Теория инновационной деятельности*. 2009. №6. С. 3-12.
2. Станкович Д.Ф. Формирование положительной мотивации учения студентов консерватории посредством просветительских проектов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2022. Том 22. № 3. С. 350 – 354.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие для студентов вузов по направлению и спец. «Психология», «Клин. психология». М.: Academia, 2004. 345 с.
4. Божович Л.И. Проблемы развития мотивационной сферы // *Вестник практ. психологии образования*. 2012. Т. 33. № 4. С. 65 – 67.

5. Маркова А. К. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1983. 96 с.
6. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969. 316 с.
7. Матюхина М.В. Мотивы учения учащихся с разным уровнем успеваемости // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2021. №4 (75). С. 54 – 60.
8. Гордеева Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. Т. №6. С. 38 – 53.
9. Skinner B.F. The behavior of organisms. An experimental analysis // New York: The century psychology series, 1938. 460 p.
10. Левин К.Ц. Динамическая психология / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. 572 с.
11. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2013. 351 с.
12. Роджерс К.Р. Гуманистическая психология: теория и практика / под ред. А.Н. Сухова. М.: МПСУ, 2013. 450 с.
13. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. V. 25. P. 54 – 67.
14. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. V. 55, No. 1. P. 68-78.
15. Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // Canadian Psychology. 2008. V. 49. P. 14 – 23.
16. Dörnyei Z., Ushioda E. Teaching and Researching Motivation. United Kingdom: Edinburgh Gate. Harlow, 2011. 326 p.
17. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 480 с.
18. Молодцова Т.Д. Формирование положительной мотивации учения младших подростков в процессе внеклассной работы: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. (13.00.01) / науч.-исслед. ин-т общих проблем воспитания Акад. пед. наук СССР. М.:1973. 23 с.
19. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Моск. ун-та. Серия: 14. Психология. 2016. № 2. С. 3 – 18.
20. Станкович Д.Ф. Просветительский проект как условие формирования положительной мотивации учения студентов консерватории // «Азимут научных исследований: педагогика и психология». 2023. Том 12. № 1 (42). С. 125 – 129.
21. Станкович Д.Ф. Обзор некоторых психолого-педагогических теорий формирования положительной мотивации учения // Международный журнал «Наука Плюс». Саратов, 2022. №13(14). С. 75 – 81.
22. Станкович Д.Ф. Просветительский проект как новая форма взаимодействия педагога и учащегося в музыкальной школе // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2022. № 2 (29). С. 49 – 54.
23. Александрова Е.А., Григорьева М.В., Селиванова Ю.В., Плешкевич Е.А. Гуманизация образовательной среды. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 160 с.
24. Елина Е.Г., Александрова Е.А. Новые формы взаимодействия со студентами: научно-образовательный фестиваль «Неделя педагогического образования» в СГУ им. Н.Г. Чернышевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 2. С. 163 – 168.

© Станкович Диана Фёдоровна (diana.stankovich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Черницына София Юрьевна,

Аспирант, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», (г. Кострома)
sophis@mail.ru

THE EXISTENTIAL APPROACH IN THE CONTEXT OF THE ADDITIONAL EDUCATION SYSTEM

S. Chernitsyna

Summary: The article «The existential approach in the context of the additional education system» examines the topical issues of social development of primary school children in the context of modern educational practices. The article offers an analysis of the effectiveness of the existential approach in organizing the process of education and upbringing in institutions providing additional education services.

The influence of pedagogical conditions on the social development of children is studied, the key components of the support system are highlighted, which include: creating a trusting atmosphere, individualizing the approach, stimulating self-realization and self-determination of the individual.

Particular attention is paid to the role of the teacher in the process of developing social skills and value orientations in children, as well as methods and techniques that contribute to the development of their social competence.

The study is based on an analysis of teaching practice and the results of empirical research conducted within the framework of additional education.

The article is addressed to specialists in the field of education, teachers, psychologists, as well as anyone interested in the issues of social adaptation and development of children.

Keywords: social skills, children of primary school age, existential approach, additional education.

Аннотация: Статья «Экзистенциальный подход в условиях системы дополнительного образования» рассматривает актуальную проблематику социального развития детей младшего школьного возраста в контексте современных образовательных практик. В статье предлагается анализ эффективности экзистенциального подхода в организации процесса обучения и воспитания в учреждениях, предоставляющих услуги дополнительного образования.

Исследуется влияние педагогических условий на социальное развитие детей, выделяются ключевые компоненты системы сопровождения, к которым можно отнести: создание доверительной атмосферы, индивидуализация подхода, стимулирование самореализации и самоопределения личности.

Особое внимание уделяется роли педагога в процессе формирования социальных навыков и ценностных ориентаций у детей, а также методам и приемам, способствующим развитию их социальной компетентности.

Исследование базируется на анализе педагогической практики и результатов эмпирических исследований, проведенных в рамках учреждений дополнительного образования.

Статья адресована специалистам в области образования, педагогам, психологам, а также всем, кто интересуется вопросами социальной адаптации и развития детей.

Ключевые слова: социальные навыки, дети младшего школьного возраста, экзистенциальный подход, дополнительное образование.

Начало нового тысячелетия отмечено как геополитическими изменениями мировой карты, так и активным внедрением инновационных решений во все сферы жизнедеятельности человека. Цифровизация технологий привела нас к информационной революции, которая сильно видоизменила характер и форму взаимоотношений социальной группы. Если в рамках промышленной революции ключевой задачей считалось развитие социально-коммуникативных навыков личности, поскольку требовалось перерабатывать терабайты информации, то при информационной революции все обстоит иначе. Сегодня главная задача – это обретение личной трансформации личности. Следует подчеркнуть, что развивающие действия, которые затрагивают индивидуальность каждого, выступают значимым явлением не только для отдельно взятого человека, но и для всей социальной группы [10, С. 99].

Вследствие этого необходимо сформулировать новые стратегии развития, которые позволят впоследствии переосмыслить и осознать ключевые процессы педагогики для личностного развития и когнитивного роста.

Теоретико-методические аспекты педагогики представляют особую ценность, поскольку основаны на грамотных позициях экзистенциальной философии. И, исходя из содержания данных принципов, важно с учетом инновационных решений цифрового мира образовательной системы сформировать новый методологический аппарат, обеспечивающий личностное развитие ребенка в системе дополнительного образования.

Общефилософской причиной, аргументирующей позиции педагогической теории, сегодня выступает эк-

зистенциальное учение. Основные принципы данного философского учения позволяют утверждать, что существование человека всегда предшествует его бытийной сущности. Из этого следует, что свобода человека определяется смыслом его существования. И бытие, то есть судьбу, человек определяет самостоятельно, как, впрочем, и самостоятельно ею управляет.

Французский философ Ж.-П. Сартр утверждал, что «для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам» [Цит. по: 7, С. 78].

Большое количество известных философов и ученых иной специальности, затрагивающей позиции педагогики, являлись сторонниками экзистенциального учения. Появившись в эпоху нового времени, идеи экзистенциализма впоследствии затронули все институты человека, определив иные устои развития. Стоит отметить, что в научный оборот термин экзистенциальное учение ввел датский ученый С. Кьеркегор. Далее К. Ясперс развил христианское направление экзистенциального учения, а М. Хайдеггер – антипод – атеистическое.

Идеология экзистенциального учения своей целью ставит возобновление «растерянных» связей, определяющих характер сознания личности и бытия природы. Экзистенциализм применяет все знание, носящее объективный характер мыслительной деятельности. Эти философские аспекты выводят сознание личности за границы познания. Но это важно для обретения собственного «Я».

Следует отметить, что все ученые, являющиеся сторонниками экзистенциализма, наиболее важным категориальным признаком, характеризующим впоследствии сущность бытия и личности, признают разносторонность событий, которые происходят в разные моменты жизни человека. Рождение и смерть – это две наивысших точки экстремума, определяющие линию жизни. Большое внимание уделено также креативности и чувствам.

Н.А. Бердяева считал, что «в отсутствии чувств и смерти свобода личности невозможна». Согласно его философии, мир является непосредственной частью для человека, а не наоборот.

Ж.-П. Сартр также утверждает, что человек – это открытая личность, которую надо развивать. Человек не такой, какой есть и каким представляется, а тот, кого хочет из себя сделать. Ж.-П. Сартр считал, что «поскольку человек представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то

он есть лишь то, что сам из себя сделал» [8, С. 113].

Стоит отметить, что многообразие экзистенциальных идей объединяет один общий аспект – осознание человеком своего «Я» и, как следствие, самого себя. Это понимание доминирует над иными и оказывает воздействие на развитие других качеств личности, определяющих общий характер индивидуальности.

Психологи, использующие экзистенциальные идеи, всегда стремились использовать данные философские принципы для обеспечения сути терапевтических процессов рефлексивной психологии.

Американский психотерапевт Р. Мэй выделил принципы экзистенциального учения, обеспечивающие эффективность психологической терапии. В частности, психолог особенно подчеркивает внимание на субъективном желании личности центрировать смысл своего существования. Центрированность бытия определяется сознанием, которое оказывает помощь человеку в эмоциональном изучении социальной группы [3, С. 24-33].

Чтобы полноценно осознать сущностную природу главных идей экзистенциализма в рамках начальной педагогики, необходимо обратиться к трудам В. Франкла. Известный психолог стремился изучить смысл жизни человека, который выступает главным категориальным признаком экзистенциальной философии.

В. Франкл считал, что свобода человека – это психологический инструмент, позволяющий стать личностью иначе. Конструктивный анализ личности посредством принципов экзистенциализма позволяет считать человека именно тем существом, который ориентирован на воплощение идей смысла в жизнь, тем, который всегда стремится к нравственным ценностям. С данной точки зрения для человека свойственно две позиции:

- умение к самостоятельной трансценденции;
- умением к самостоятельному отстранению [2, С. 52].

Для комплексного изучения экзистенциальной педагогики начальной школы в рамках дополнительного образования необходимо планомерно и поочередно изучить сущность следующих основных терминов: бытие, смысл жизни, цель жизни, свобода, ответственность, решение и выбор, жизненная позиция, представление о человеке.

Подчеркнем, что идеи экзистенциализма в общей педагогике находят большое количество предпосылок, объясняющих цели и задачи организации учебно-воспитательного процесса. Они отображены в философских и психологических работах. Практически все ученые, занимавшиеся разработкой идеологических принципов и технологий экзистенциального подхода в рамках фило-

софской науки, успешно экстраполировали их на проблемные вопросы, касающиеся обучения и воспитания в рамках дополнительного образования.

Следует отметить, что скрытый характер идей экзистенциализма отображен в большинстве научных работ. Причем как работ, опубликованных в прошлом времени, так и сегодня.

Так, французский философ М. Монтень ещё в XVI столетии отметил, что для успешного развития ребенка важно грамотно организовать передачу опыта на практике. Перенимая опыт старших поколений, ребенок посредством постоянной практики развивает собственные навыки намного лучше и эффективнее, чем выучивание научных основ.

Швейцарский философ эпохи Просвещения Ж.Ж. Руссо в своих работах многократно отмечал, что воспитательный процесс имеет огромное значение на личностное развитие, поскольку предопределяет цели, задачи и умения, которые впоследствии обеспечивают его свободу выбора.

В новое время экзистенциальный подход не утратил своей актуальности. В публикациях Д. Дьюи, Р. Штайнера, М. Монтессори идеи экзистенциального учения широко отразили основные аспекты, обеспечивающие развитие педагогики в рамках дополнительного образования.

Важно также отметить труды Л. Колберга, считающего, что развитие справедливости в период раннего онтогенеза обозначает развитие их нравственной культуры. Впоследствии ученый разработал и особую методику, которая обеспечивала эффективное развитие нравственного выбора.

Коммунистическая педагогика освободила советского человека от идей экзистенциализма, поскольку свела к нулю субъективное значение личностного развития и не обеспечивала решение задачи, касающееся совершенствование индивидуальности человека.

Однако, несмотря на все возникающие трудности, некоторые учителя внедряли экзистенциальный подход в рамках дополнительного образования (П.Ф. Каптерев, В.А. Сухомлинский, И.П. Иванов, С.Т. Шацкий и др.).

Интеграцией экзистенциальных идей в педагогику активно занялись только после проигрыша Советского Союза в холодной войне и, как следствие, смены политического и экономического режима. Здесь важно отметить труды таких отечественных ученых, как О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк и их учеников.

Монография О.С. Гребенюка стала одной из первых

работ, где было обращено особое внимание на формирование индивидуальных качеств детей младшего школьного возраста. И это впоследствии выступает как одна из главных задач педагогики. Ученые акцентировали личностное развитие ребенка именно на совершенствовании экзистенциальной сферы, опустив остальные семь.

А.В. Шершнева в своей диссертации рассматривает концепции экзистенциальной сферы как особый процесс педагогики, обеспечивающий высокое качество личностного развития ребенка [9, С. 46-49].

Следует подчеркнуть, что практически все педагогические труды рубежа тысячелетий отображали стратегии развития дополнительного образования под влиянием экзистенциальных идей.

В трудах Б.З. Вульфова, Д.В. Вилькеева, А.А. Кирсанова, Л.Ф. Спирина, Н.М. Таланчука, Л.И. Уманского, Е.Н. Щурковой можно найти конкретные установки, обеспечивающие в учебно-воспитательном процессе индивидуализацию педагогики, выявление и последующую систематизацию различных обстоятельств, развитие позиции рефлексивного характера и использование синергетического подхода.

Отметим, что в 1990-е годы была сформирована инновационная школа, автором которой является М.И. Болотова. Экзистенциальное учение в педагогике стало главным инструментом, сформировавшим новую методическую базу. Впоследствии были разработаны и успешно апробированы идеи социального взаимодействия под редакцией Л.В. Байбородовой; программированного вариативирования в рамках дополнительного образования; прогностический и деятельностный подходы, обеспечивающие развитие партнерства и жизненного самоопределения у детей младшего школьного возраста (Е.Е. Чепурных, А.П. Чернявская, Т.Н. Сапожникова) [1, С. 57-61].

Из вышесказанного следует, что в течение исторического развития была сформирована достаточная теоретико-методическая база, позволяющая рассматривать экзистенциальный подход в педагогике как актуальный инструмент, обеспечивающий эффективное личностное развитие ребенка. Теоретические основы, эффективно обеспечивающие организацию учебно-воспитательного процесса, именуется как теория экзистенциальной педагогики. Экзистенциальный подход успешно оперирует такими же категориальными признаками, что и общая педагогика. Главная идея экзистенциального подхода в рамках общей педагогики состоит в развитии такого человека, который умеет правильно организовать жизненную линию, максимально эффективно применив собственной потенциал.

Однако, можно ли говорить об эффективном следовании принципам экзистенциализма, если речь идет о детях младшего школьного возраста? Говорить о правильном развитии, в том числе социальном, обучающихся начальных классов, можно только в том случае, если в их окружении есть «сопровождающий». Такое сопровождение могут осуществлять: педагоги, тьюторы, родители, наставники, тренеры и другие взрослые, готовые помочь ребенку с самоопределением. Такое «сопровождение» рассматривается в педагогике как особый метод, который позволяет обеспечить формирование благоприятных условий для того, чтобы субъект развития принимал верные, правильные решения. С точки зрения экзистенциального подхода процесс сопровождения в педагогике представляет собой взаимодействие ведомого и ведущего. Также процесс сопровождения в педагогике носит циклический характер, поскольку содержит ряд важных этапов в организации обучения при дополнительном образовании. Первый этап – установка главной проблемы, которой требуется найти верное решение. При сотрудничестве учитель наравне с ребенком выявляет предмет сопровождения, его сложность, суть и условия, при которых он возник. Следующий этап – поисковый, на котором также в рамках сотрудничества учитель и ребенок совместно пытаются найти подходящий инструмент, обеспечивающий эффективное решение проблемы. В рамках третьего этапа – практического – происходит реализация определенных действий, благодаря которым ребенок уже самостоятельно решает проблемный вопрос. На завершающем этапе – аналитическом – учитель совместно с ребенком проводит конструктивный анализ всех совершенных действий. Это позволяет выявить возникшие сложности и выработать рекомендации для несовершенных их в дальнейшем.

Главной задачей с точки зрения экзистенциальной педагогики является изменение личностных качеств в человеке. Ожидаемые изменения должны произойти под целенаправленным воздействием учителя. В связи с этим основные условия, обеспечивающие эффектив-

ность и качество воспитания личности в раннем онтогенезе основаны на социально-государственных задачах, прописанных во ФГОС.

Резюмируя, стоит отметить, что в современном обществе важно уделять должное внимание сопровождению социального развития детей младшего школьного возраста. Одним из подходов, который может быть успешно применен в данной сфере, является экзистенциальный подход. Экзистенциальный подход основан на идеях философии экзистенциализма и призывает воспринимать человека как субъекта своей жизни, способного принимать свободные и ответственные решения. В контексте сопровождения социального развития детей младшего школьного возраста, экзистенциальный подход подразумевает создание условий, в которых ребенок сможет осознать и принять свою индивидуальность, развивать навыки самоопределения и саморегуляции.

Одним из ключевых выводов исследования данной статьи является то, что экзистенциальный подход способствует формированию у детей младшего школьного возраста позитивного самоотношения и восприятия самого себя. В рамках экзистенциального подхода дети учатся оценивать свои достижения и недостатки, стремиться к саморазвитию и самовыражению, а также находить собственные жизненные цели и смыслы. Благодаря экзистенциальному подходу в сопровождении социального развития детей младшего школьного возраста удастся создать атмосферу доверия и уважения к индивидуальности каждого ребенка. Это позволяет формировать у детей осознанное отношение к своей социальной среде, развивать навыки эмоционального интеллекта, справляться с конфликтами и находить пути к взаимопониманию. Исследование также подтверждает, что экзистенциальный подход способствует развитию у детей младшего школьного возраста чувства ответственности и самостоятельности. Ребенок, осознающий свою свободу выбора и ответственность за свои поступки, более активно включается в социальный процесс, проявляет инициативу и самоорганизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина, И.З., Ефремова, Н.П. Психолого-педагогическое сопровождение социального развития детей младшего школьного возраста // Вопросы психологии. – 2017. – № 2. – С. 56-64.
2. Белкина, Е.А. Организация дополнительного образования: теория и практика. – М.: Изд-во «Просвещение», 2017. – 352 с.
3. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М., 2008 – 243 с.
4. Волков, М.П. Методы социометрических измерений в социально-психологических исследованиях. – Л.: Изд-во «Нева», 1972 – 147 с.
5. Гордеев, А.В. Педагогические условия социализации детей младшего школьного возраста в организациях дополнительного образования // Вестник образования. – 2018. – № 5. – С. 46-57.
6. Дмитриева, Н.В. Психолого-педагогическое сопровождение детей младшего школьного возраста в дополнительном образовании. – М.: Изд-во «МГУ», 2019. – 176 с.
7. Иванова, О.Н. Организация образовательной среды для детей младшего школьного возраста в дополнительном образовании // Педагогика и психология. – 2021. – № 1. – С. 76-89.

8. Крапивина, Т.А. Психолого-педагогические условия эффективного сопровождения социального развития детей младшего школьного возраста в дополнительном образовании // Вопросы образования и науки. – 2019. – № 1. – С. 112-126.
 9. Лебедев, В.В. Дети младшего школьного возраста в дополнительном образовании: проблемы и перспективы // Педагогика. – 2018. – № 6. – С. 45-54.
 10. Орлова Е.С. Психолого-педагогические условия эффективного сопровождения социального развития детей младшего школьного возраста в организации дополнительного образования // Педагогическое образование и наука. – 2020. – № 5. – С. 98-113.
-

© Черницына София Юрьевна (sophis@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫК И СЕМАНТИКА: АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ РУДОЛЬФА КАРНАПА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИИ В ОБРАБОТКЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ НАТУРАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Агошкова Татьяна Валерьевна

Преподаватель, Московский Авиационный Институт,
(г. Москва)
agoshkovatv@mai.ru

LANGUAGE AND SEMANTICS: ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL THEORY OF RUDOLPH CARNAP AND ITS APPLICATION IN PROCESSING AND COMPARATIVE ANALYSIS OF NATURAL LANGUAGES

T. Agoshkova

Summary: Rudolf Carnap's philosophy of language is one of the theories that can significantly influence the way natural languages are processed. R. Carnap is one of the founders of logical positivism, who developed the theory according to which language should be presented in the form of a formal system that allows one to accurately describe its semantics. This theory implies the formalization of language and its description using formal means. This will allow us to subsequently create precise language models and algorithms that can process natural language texts. The philosophy of Rudolf Carnap offers also an analysis of language and its semantics using a logical-philosophical concept, based on concepts such as extension, intension and equivalence, which can be applied in the processing and comparative analysis of natural languages.

Keywords: formal logical system, philosophical and linguistic category, semantics, R. Carnap, extension, intension, designator, comparative analysis of natural languages.

Аннотация: Философия языка Рудольфа Карнапа является одной из теорий, которая способна существенно повлиять на способы обработки натуральных языков. Р. Карнап является одним из основателей логического позитивизма, разработавшим теорию, согласно которой язык должен быть представлен в виде формальной системы, позволяющей точно описать его семантику. Данная теория подразумевает формализацию языка и его описание с помощью формальных средств. Это позволит впоследствии создать точные модели языка и алгоритмы, которые могут обрабатывать тексты на натуральном языке. Таким образом, философия Рудольфа Карнапа предлагает анализ языка и его семантики при помощи логико-философской концепции, основываясь на таких понятиях, как экстенционал, интенционал и эквивалентность, которые возможно применить при обработке и сравнительно-сопоставительном анализе натуральных языков.

Ключевые слова: формальная логическая система, философско-языковая категория, семантика, Р. Карнап, экстенционал, интенционал, десигнатор, сравнительно-сопоставительный анализ натуральных языков.

В настоящее время с развитием компьютерных технологий появились перспективы применения концепций философии языка для обработки и сравнения натуральных языков. Машинное обучение и алгоритмы глубокого обучения позволяют создавать более гибкие и контекстуально осознанные системы обработки языка с опорой на определенные философские и лингвистические категории. Комбинирование формальной семантики с методами машинного обучения может привести к более точному и эффективному анализу, а также разноплановому сопоставлению структуры натуральных языков. По мнению Р. Карнапа, язык имеет способность подстраиваться под потребности человека [1, С. 79]. Иными словами, формальная структура языка может быть гибкой и разнообразной в определенных контекстах, но в то же время должна быть поддерживаема общими правилами. В таком случае компьютерный анализ даст бо-

лее точные результаты исследования при анализе как нормативных, так и окказиональных форм.

В данной статье мы рассмотрим некоторые ключевые понятия, которые вводит в терминосистему философии языка Р. Карнап [2, 4] и которые впоследствии позволят провести сравнительно-сопоставительный анализ натуральных языков. В своей работе «Значение и необходимость» (1947) он рассматривает понятия экстенционала и интенционала, как составляющие метода, позволяющего анализировать и описывать языковые выражения: «... предлагаемый здесь метод рассматривает выражение не как имя чего-либо, а как имеющее интенционал и экстенционал» [3, С. 24]. Таким образом, мы наблюдаем новый подход, отличающийся от традиционного подхода к рассмотрению выражений как имен объектов и понятий. Вместо этого автор рассматривает выражение с точки

зрения двух аспектов – интенционала и экстенционала во взаимосвязи и, соответственно, понятие эквивалентности.

Данная теория может быть применена для анализа натуральных языков, так как предлагает метод семантического анализа значения различных десигнаторов (designators), таких как декларативные предложения, индивидуальные выражения и предикаторы. Метод позволяет определить эквивалентность двух десигнаторов и описать их экстенционалы и интенционалы. Понятие экстенционала относится ко множеству объектов, которые попадают в поле данного выражения или предикат. Экстенциональное значение определяется классом объектов, которые оно обозначает. Понятие интенционала же относится к качественным или действенным характеристикам выражения и отражает его свойства, концепты или идеи. При этом ученый указывает на то, что для языковых систем объектов и синтаксиса достаточно интенционального и экстенционального поля [5, С. 109]. По мнению исследователя Е.В. Борисова «мы не отождествляем значение с интенционалом и, соответственно, не противопоставляем его экстенционалу» [6, С. 47].

Метод семантического анализа значения применяется к выражениям семантической системы S – десигнаторам. Декларативные выражения представляют собой высказывания, которые могут быть истинными или ложными в соответствии с фактами или обстоятельствами, на которые они ссылаются. Анализ значений декларативных предложений позволяет выявить их экстенционалы и интенционалы, то есть, определить, какие значения они передают. Индивидуальные выражения представляют собой знаки, относящиеся к конкретным индивидуальным объектам, или описывают их. Например, это могут быть дескрипции, идентифицирующие объекты. Анализ значений индивидуальных выражений позволяет определить, о каких объектах идет речь и какие значения они передают. Так, Р. Карнап говорит о семантическом понятии истинности и логической истинности, которую он называет L -истинностью [3, С. 27]. Истинность означает, что предложение соответствует действительности/фактам. L -истинность означает, что его истинность вытекает из семантических правил, независимо от внеязыковых фактов. При анализе значений утверждений в различных языках мы фокусируемся на L -истинности. Это позволяет нам сравнивать значения предложений на основе их логической структуры и семантических правил, вне зависимости от фактических обстоятельств [4]. Это означает, что оценка истинности предложения основана на его семантических свойствах и логической структуре, а не на внешних факторах или контексте, что позволяет нам проводить сравнительно-сопоставительный анализ значений предложений в разных языках, сосредотачиваясь на их логической структуре и семантических правилах [7]. В таком случае, мы можем определить, являют-

ся ли предложения логически эквивалентными, имеют ли одинаковые семантические значения, основываясь на их L -истинности.

Два предложения являются эквивалентными, если они оба истинны или оба ложны. При этом понятие эквивалентности распространяется на другие десигнаторы. Два индивидуальных выражения считаются эквивалентными, если они обозначают один и тот же индивид. Два предикатора считаются эквивалентными, если они оба истинны или оба ложны. Два десигнатора считаются L -эквивалентными, если их эквивалентность вытекает только из семантических правил, таким образом, они имеют одинаковые значения на основе логической структуры и семантических правил, независимо от фактических обстоятельств.

Для различных видов десигнаторов мы определяем экстенционалы и интенционалы на основе их семантических свойств и логической структуры. Например, в качестве экстенционала предикатора мы берем класс индивидов, для которых он истинен, а в качестве интенционала – свойство, которое он выражает. Аналогично, для предложений экстенционалом будет являться их логическая валентность, а интенционалом – суждение, выраженное предложением. Для индивидуальных выражений экстенционалом будет являться конкретный индивид, к которому он относится, а интенционалом – понятие нового рода, называемое индивидуальным концептом [3, С. 27-28].

Эти понятия позволяют нам определить значения различных десигнаторов и применить определения и теоремы к экстенционалам и интенционалам различных типов, что поможет проводить обработку и сравнительно-сопоставительный анализ натуральных языков на основе их семантических свойств и логической структуры [8].

Экстенциональные предложения относятся к десигнаторам, которые они включают. Они являются экстенциональными относительно десигнатора, если экстенционал предложения является функцией экстенционала десигнатора. Это означает, что если мы заменим десигнатор эквивалентным ему десигнатором, то предложение останется эквивалентным. Например, если у нас есть предложение «Все птицы поют», то оно является экстенциональным относительно десигнатора «птицы», потому что, если мы заменим его на эквивалентный десигнатор, например, «животные, которые поют», предложение останется эквивалентным.

Интенциональные предложения, напротив, не являются экстенциональными относительно входящего в них десигнатора. Такие предложения являются интенциональными, если их интенционал является функцией интенционала десигнатора. Если мы заменим этот десигнатор на L -эквивалентный ему десигнатор, то предложе-

ние останется L-эквивалентным. Например, модальное предложение «необходимо, что/чтобы...» является интенциональным относительно подчиненного ему предложения, потому что замещение десигнатора в подчиненном предложении эквивалентным ему десигнатором не изменит интенционал модального предложения.

Психологическое предложение, как «Джон считает, что сейчас идет дождь» [3, С. 28], не является ни экстенциональным, ни интенциональным относительно подчиненного ему предложения. Для анализа таких предложений, выражающих мнение, используется понятие интенциональной структуры, которое помогает разрешить проблемы семантического анализа таких предложений.

Такой анализ дает возможность определить, какие объекты могут быть выбраны в качестве экстенционала или интенционала для различных видов десигнаторов. Экстенционал, таким образом, будет состоять из множества значений, которые оно может принимать. Например, если у нас будет переменная x , то ее экстенционал будет состоять из множества всех возможных значений, которые может принимать x . Интенционал же будет связан с качественными или действительными характеристиками [9]. В таком случае, интенционалом будет являться сумма всех свойств или действительных характеристик.

Формально-логический метод основан на применении формальных и логических инструментов, таких как логические операции, формальные грамматики, моделирование и выводы на основе заданных правил. С его помощью можно выразить и формализовать различные языковые конструкции и их значения [10].

Сравнительно-сопоставительное языкознание натуральных языков может использовать понятия экстенционала и интенционала для анализа значений и свойств языковых выражений между различными языками или вариантами одного языка. Например, можно сравнивать экстенционалы слов или фраз в натуральных языках с эквивалентными выражениями в других языках или диалектах, чтобы определить, какие классы объектов они могут обозначать в различных языках. Помимо этого, можно сравнивать интенционалы слов или фраз в натуральных языках с их эквивалентами в других языках, чтобы определить, какие свойства и концепты они выражают. Для этого необходимо создать приписанную ментальную карту, которая позволит сначала изучить иерархию понятий логики языка, а затем применить эту иерархию к форме натурального языка с целью выявления языковых закономерностей, которые впоследствии можно сопоставить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Думов А.В. Реф. Ст.: Эдер А.-М.А. Экспликация понятия эпистемической рациональности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2023. – №3. – С. 77–83.
2. Гранин Р. С. Реф. ст.: Лопес-Асторга М. Модельный метод интенции и экстенции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2022. – №4. – С. 32–34.
3. Карнап, Р. Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. – Москва: Изд-во иностр. лит. – 1959. – 381 с.
4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Исследователь/Researcher. – 2009. – №1. – С. 89–95.
5. Нехаев А.В. Рудольф Карнап и «Вавилонские башни» мира логики // ОНВ. ОИС, 2018. – №2. – С. 106–110.
6. Борисов Е.В. Проективность значения: взаимодействие интенционала и экстенционала имени // Вестн. Том. гос. ун-та, 2009. – №321. – С. 47–50.
7. Яндиев А.Р., Дадашев А.А. Основные тенденции неопозитивизма: (М. Шлика, Р. Карнапа, И.Л. Витгенштейна) Экономика и социум, №12 (67). – 2019. – С. 1228–1232.
8. Веретенников А.А. Философия модальности: аналитическая философия и логика // История философии. – 2008. – №13. – С. 26–48.
9. Суворягин Д.П. Физикалистский редукционизм Рудольфа Карнапа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – №2. – С. 87–97.
10. Никифоров А.Л. Неосознанное поражение: критический пункт в развитии доктрины логического позитивизма // Epistemology & Philosophy of Science. – 2005. – №4. – С. 223–225.

© Агошкова Татьяна Валерьевна (agoshkovatv@mai.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕДИА

SCIENTIFIC RESEARCH AS MEDIA

A. Atanov
O. Zvereva

Summary: The article discusses the features of the editorial policy of scientific journals, the criteria for structuring manuscripts. The use of the IMRAD structure in the design of articles in publications indexed in the WoS and SCOPUS databases is analyzed. The author concludes that science is turning into media before our eyes, with all the inherent features of media.

Keywords: media, scientific research, scientific journals, IMRAD.

Атанов Андрей Алексеевич

доктор философских наук, Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
atanovaa777@gmail.com

Зверева Ольга Юрьевна

старший преподаватель, Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
zverevaou@bgu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности редакционной политики научных журналов, критерии структурирования рукописей. Анализируется использование структуры IMRAD при оформлении статей в изданиях, индексируемых в базах WoS и SCOPUS. Автор делает вывод, что наука на наших глазах превращается в медиа, со всеми присущими медиа особенностями.

Ключевые слова: медиа, научные исследования, научные журналы, IMRAD.

В нашей статье хочется обозначить проблему, связанную со спецификой подачи информации в научных журналах, которая, на первый взгляд, кажется не слишком актуальной, но имея в виду будущее, если мы не решаем эту проблему, создается целая группа рисков. Причем рисков, которые не могут быть формализованы (из-за отсутствия допуска к определенным технологиям) или же уже формализованы, но информация об этом пока не стала общим достоянием.

Возьмем редакционную политику многих научных журналов при определении структуры современных исследовательских статей. Рукопись, предлагаемая журналу, должна быть структурирована по следующим критериям: введение, постановка задачи исследования, методика исследования, обсуждение результатов, заключение, литература. То есть текст статьи должен быть жестко зафиксирован и привязан к определенной форме. Форма и содержание как понятия или категории, в данном контексте, свободно не взаимодействуют, они оказываются смещенными и смешанными в угоду задачи (задач), которая нигде не декларируется.

Если перевести структуру научной статьи, оформленной по таким правилам на язык информатики, то любой текст, составленный в соответствии с этими критериями и правилами, в обобщенном виде несет в себе структуру электронного документа, с четко выделенными тегами, позволяющими его обрабатывать соответствующими электронными устройствами как элемент базы данных, причем структурно четко определенный не для человеческого, а машинного интеллекта, хотя бы из-за объема информации.

Есть еще более жесткая форма оформления статей - IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion),

Она используется при оформлении статей в изданиях, индексируемых в базах WoS и SCOPUS. Стоит напомнить, что никто не скрывает, что базы WoS и SCOPUS - это базы данных, которые постоянно увеличиваются в размерах, а, следовательно, в них должен присутствовать инструментарий обработки информации, учитывающий фактор постоянного увеличения объема информации в базах данных, то есть мы не фиксируем и не можем зафиксировать их информационный статус, так как статус постоянно изменяется, даже в режиме текущего времени, а это подразумевает другие результирующие основания прошлого, не характерные для человека, то есть прошлое, в данном контексте, не самобытно и может быть подвержено изменению. Кроме того, информация не только накапливается, но и обрабатывается. Резонный вопрос какими алгоритмами? И каков результат обработки?

Кроме того, нужно помнить, что существует и развивается такой инструментарий, как Big Data. По сути дела, получается, что сложившиеся в науке массивы информации - это база (базы) данных (постоянно увеличивающаяся, лишенная статуса определенности) плюс инструментарий Big Data, то есть, можно предположить, что строится особая система (системы) искусственного или, что еще более вероятно, машинного интеллекта (о которой пока ничего не известно, но, исходя из того, что мы наблюдаем в реальности (относительно индексируемых изданий), ее существование вполне вероятно).

Ведь машинный интеллект не ограничивается биологически правдоподобными методами. В смысловом плане, нужно помнить, что в системе английского языка интеллект - это умение рассуждать разумно, без антропоморфизма, характерного для русского языка. Если мы систематизируем информацию об индексируемых базах данных на уровне фактов: 1) у нас есть данные в опре-

деленной форме (структурированного документа); 2) есть алгоритмы; 3) есть электронные устройства; 4) есть базы данных по профилям научного знания; 5) есть инструментарий Big Data – но при этом неизвестно, какой подход использован при создании искусственного или машинного интеллекта (и неизвестно есть ли этот инструментарий существует в полном объеме). Вы можете сказать, что это выдумки автора, но документы баз данных WoS и SCOPUS обустроены и проиндексированы не для человеческого сознания, ключевое ограничение которого как раз заключается в невозможности обработать большой объем информации как сумму информации. Человеку просто физически невозможно прочесть миллион статей. Человек работает с информацией иначе.

Еще нужно помнить, что качественно новая научная информация (научная теория, гипотеза, эксперимент и т.д.) не всегда согласуется и даже не всегда связана с предыдущими разработками. В индексируемых базах данных все научные мероприятия осуществляются в рамках имеющейся (сложившейся) научной определенности, системы ценностей и научных традиций, то есть закрепляется статус научной рациональности в его полной определенности, что совершенно не научно даже для инструментария науки, так как не работает система опровержения и исчезают возможности смены парадигм.

Рассмотрим на практике, как используется структура IMRAD на примере практики одного российского журнала, главный редактор которого весьма уважаемый ученый (область знания - экономика). Russian Journal of Economics and Law. Будем анализировать каждый пункт структуры IMRAD используемой в журнале [7].

Структура imrad

Введение должно содержать ввод в проблематику без подробного обзора литературы с обязательным завершением формулировкой проблемы (оглашением вопросов исследования; гипотез для проверки), целей и задач исследования – *формулировка проблемы, цели и задачи исследования – это не последовательность в системе логики (как это кажется в формальной данности введения), а творческий процесс, приведенный к соответствующей форме элемента структуры статьи, то есть обозначенный как система тегов для машинного интеллекта.*

Исследование должно включать релевантный обзор литературы, включающий в себя исследования проблемы как зарубежными, так и отечественными авторами с указанием их конкретного вклада. Следует избегать простого перечисления фамилий в стиле «этой проблемой занимались И.И. Иванов, С.С. Сидоров, и др.». По сути, создается еще одна база данных, но в рамках текста

*статьи, происходит реферирование источников, возможно не включенных ни в какие базы данных, это, в том числе, и монографии. Рекомендуется указывать ресурсы для сбора релевантных публикаций, критерии их отбора и общее число найденных. Журнал приветствует обширные обзоры литературы и, осознавая растущий объем научно-технической информации, понимает, что релевантных источников может быть много. **В связи с этим издание не имеет ограничений по количеству источников в списках литературы, тем не менее считает, что при текущем уровне разработанности тем список литературы из менее 30 источников ставит вопросы к полноте обзора автора и к новизне исследования** (если автор предлагает оригинальную идею, но проверил не все источники на ее наличие у других исследователей, то как он может быть уверен в новизне статьи?). *Снова очень мягкая отсылка, что нужно увеличивать количество эмпирических данных, отображенных в других источниках. Аргумент об оригинальности, который определяется через проверку ВСЕХ источников, звучит несколько странно. Проверка – это информационный процесс, тогда как созидание нового – творческий. То есть научность и ученость определяется через знание истории вопроса, и только через применение исторического метода может быть определена новизна, что, на наш взгляд, несколько сомнительно.**

Метод исследования должен быть прописан. Автор должен обосновать, почему используется именно этот метод в сравнении с другими методами. В статьях с моделированием необходимо раскрыть базовую формулу и ее модификации, а также сопутствующие математические выкладки. В случае, если используются методы социальных исследований, должны быть прописаны дизайн исследования, описание критериев по формированию выборки, процедуры опроса/анкетирования/интервьюирования, задаваемые вопросы и статистический инструментарий анализа.

Данные должны содержать информацию о ресурсах (базах данных, статистических отчетах и т.п.) с указанием точного адреса локации используемой в исследовании информации; особенностях подготовки данных для исследования. При использовании нестандартных методов подготовки необходимо указать источники, где ранее он использовался.

Исходя из изложенных выше фактов, нужно прописать не просто методологию, а методику исследования, с обязательным указанием, где это ранее использовалось и с обязательной локацией информации – идет структурное оформление базы данных с использованием информации, которая может быть рассмотрена как система связей, не актуализируемая в имеющихся базах данных. Методика – это уже технология, кроме того, нужно помнить о необходимости раскрытия базовой

формулы в системе математических выкладок. Методика превращается в систему алгоритмов.

Результаты исследования должны быть ясными для понимания и четко прописанными. По всем полученным результатам должна быть соответствующая авторская интерпретация. Ответы на вопросы исследования должны быть четко зафиксированы. *Снова результаты переводятся в итоговые данные, жестко связанные с используемыми алгоритмами.*

Секция **Обсуждение/Discussion** должна пояснять важность полученных результатов и их соотношение с ранее опубликованными работами. Секция обеспечивает место данного исследования в ансамбле уже проведенных исследований, конкретно указывая чем данное исследование дополняет выводы ранее опубликованных работ. Секция может быть частью раздела «Обсуждение результатов». *Следующий шаг – это установление внутренних связей результатов с другими работами, работает алгоритм преемственности результата с первичными данными. Все больше машинной логики. Машинной не как данной в системе повторения, а как связанной с машинной информацией.*

Список литературы завершает исследование. Он приводится на русском и на английском языках (References). Все русскоязычные источники в References должны быть описаны так, как указано в разделе «Как цитировать публикацию на английском». *Снова принцип единообразного кодирования.* В списке литературы каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Все работы перечисляются в порядке цитирования, а **НЕ в алфавитном порядке**. Не рекомендуется делать ссылки на нецензурируемые источники. В тексте статьи ссылки на источники приводятся в квадратных скобках арабскими цифрами (правила оформления списка литературы, образец). *Последовательность выстраивания информации по форме разворачивания статьи как информационная данность в исторической определенности событий статьи, А НЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, кроме того, обязательное условие, наличие только рецензурируемых источников, идет отсылка к обязательной форме подачи информации.*

Допустимо использование в статье приложений для сопутствующих материалов. *Снова расширение базы.*

- Раскрытие информации о конфликте интересов. *То есть снова информационный паттерн, который нужно обработать автору*
- Секция **Вклад авторов** в статье должна завершать оформление статьи.
- **В редакцию материал поступил** (дата ставится ответственным секретарем журнала в день получения материалов).

Статья по этой логике, характерной для ее оформления, единица в базе данных. Возникает резонный вопрос: в каком объеме такого рода информацию может обработать человеческое сознание? Насколько такая подача информации связана не только с ее функционированием в базах данных, а и насколько она обеспечивает возможность научного творчества? Вопросов больше, чем ответов.

Приведем несколько примеров из системы организации научного знания и затем перейдем современным журнальным публикациям.

К. Поппер в книгах «Логика научного исследования», «Предположения и опровержения: рост научного знания» [4 и 5] замечает, что подтверждений (верификации) теорий можно набрать сколько угодно, почти для любой теории. К сожалению, так устроено человеческое сознание, которое может обосновать все, что угодно. Принцип реальности, зачастую, при таком подходе, не является актуальным. Во внимание следует принимать **подтверждающее свидетельство** только в тех случаях, когда оно является результатом реальной **попытки опровергнуть теорию**, которая оказалась безуспешной. Теория, не опровергаемая никаким мыслимым способом (событием), является **ненаучной**. **Неопровергаемость** теории представляет собой не достоинство теории, а ее порок. Критерием научного статуса теории является ее проверяемость и принципиальная опровергаемость (**фальсифицируемость**). Наука, в отличие от псевдонауки, делает **проверяемые предсказания**, причем предсказания эти должны быть **рискованными**, а не очевидными априори (снег растает, трава зеленая). Такие констатации не могут быть отнесены и к научным фактам.

Согласно методологическим правилам Поппера, если теории противоречит некий факт, то теория становится фальсифицированной и должна быть немедленно отброшена. Однако научное сообщество вынуждено сохранять «фальсифицированные» теории до тех пор, пока не появятся новые, более совершенные теории; с этим был вынужден согласиться и сам Поппер. Можно выделить основные положения теории Поппера остающиеся актуальными и в наше время (в современности – если рассматривать как адекватную временную корреляцию): 1) цена непроверяемой гипотезе, сколь бы красива она ни была, ничтожна; 2) суть научного исследования – не в подборе примеров, подтверждающих теорию, а в поиске всё новых способов ее критической проверки. Как с этими положениями теории К. Поппера коррелируют индексированные научные работы (в системе представления информации), исходя из информации по структуре научных публикаций в рецензируемых изданиях, большой вопрос.

В контексте временной данности, возникает несколько

вопросов о времени, но не только о времени, отражаемом в исследовании, но и о времени в науке (науках). Переходя к проблеме времени в науке и к тому, как это время отражается в системе исторической методологии научного исследования, необходимо прояснить следующее:

Если говорить про время, описываемое в различных науках, то мы сталкиваемся с тем, что, например, физики (но не все) мыслят в категориях **абсолютного времени**. Для физики существенно, когда именно произошло некое событие. При этом, главной проблемой, оказывается не проблема времени как такового, а проблема часов, но только в том случае, если мы говорим о событии. Однако для науки очевидно, что время существует вне зависимости от того, есть ли у нас приборы для его измерения. Сложность определения усугубляется еще и тем, что речь начинает идти не просто о времени, а о существовании времени и его определении. Во множестве случаев для науки (а не только для человеческого восприятия) существенна лишь очередность событий («это произошло после..., но до..., когда..., в период...»). Строгие датировки событий менее важны; рассказывая о некоем происшествии, часто говорят не в 15 часов, а после обеда, или днем, не 25 марта, а когда сошел снег, или весной, в зависимости от контекста и характера события, и в этом есть достаточно глубокий смысл. То есть скорректирована система точности временного определения события. Время и события могут оказаться не связанными, или предельно слабо связанными, что весьма характерно для гуманитарных и социальных наук.

Любая последовательность событий для неточных наук, уже сама по себе является временем – **относительным временем**. Об этом рассуждает Еськов К.Ю. в книге «Удивительная палеонтология» [1]. Так вот, геологи всегда работали в мире относительного времени. Точность, с которой определяется положение некоего события на шкале относительного времени, прямо зависит от **числа** составляющих шкалу событий и полноты, события должны распределяться по шкале более или менее равномерно, не оставляя пустот. Поэтому геологи видели свою задачу не в поиске часов (характерных для научных дисциплин, где используется абсолютное время), а в том, чтобы совершенствовать в указанных направлениях шкалу относительного времени – **палеонтологическую летопись** (это не метафора, а термин). Радиоизотопные методы дают нам датировку с точностью до 1–2%, которая кажется вполне приемлемой. Но на отрезках времени в сотни миллионов лет, которыми оперирует геология – эта погрешность измерения тоже будет исчисляться миллионами лет. Пусть мы определили абсолютный возраст некой осадочной толщи как $200 \pm 2(4)$ миллиона лет; в течение этих двух миллионов лет могли накопиться **многие сотни метров** (километры) осадков. Палеонтологи способны распознать в этой толще однообразных пород слой толщиной всего в **не-**

сколько метров, руководствуясь известным им «адресом»: верхняя юра, оксфордский ярус, зона *Cardioceras cordatum* (ибо только в это «мгновение» геологической истории жил на Земле головоногий моллюск *Cardioceras cordatum*). Определить столь ничтожный отрезок времени методами **абсолютных** датировок нельзя ни в каком приближении.

Исходя из вышеизложенного, при определении времени в науке (абсолютное и относительное время) получается, что, когда в публикациях используется исторический метод (как последовательность), а скорее на практике, вместо метода, применяют «исторически» определенную подачу информации в научных журналах в соответствии с редакционной политикой, при этом зачастую совершается методологическая ошибка (из-за различной в научных дисциплинах (и даже в научных концепциях в рамках одной науки) концептуальной определенности времени), даже если мы ограничиваемся только системой естественных наук. Возникает резонный вопрос: «Что делать с социальным и биологическим временем и с событиями человеческой жизни?»

С другой стороны, под основание объективизма научного знания закладывается мина, так как полностью «вроде бы» исключается человеческий фактор и особенности именно человеческой обработки информации. Даже форма подачи и обработки информации становится другой, игнорирующей временные основания наук. К чему это может привести? К утрате специфических, неформализуемых в машинном интеллекте оснований человеческого мышления и творчества. То есть мы стоим перед гигантской проблемой, что человеческое научное творчество должно фундаментально отличаться от машинного, и у нас должны быть критерии этого различия. Или же мы понимаем и принимаем, что человеческое творчество тождественно искусственному интеллекту. Тогда нет нужды акцентировать определение творчества. Но как это сделать на практике, если искусственный интеллект искусно (имея в базах данных соответствующие записи) подражает человеку, опираясь на логику вероятностного суждения из гигантского массива информации, а не на логику творчества. Нужно помнить, что у искусственного интеллекта на выходе всегда готовая технология или же, что более вероятно, все сделано в соответствии с готовой технологией. Поэтому можно задать вполне резонный вопрос: «Какая страна (страны) контролирует индексируемые базы данных?»

Есть еще ряд вопросов, обращенных именно к рецензируемым журналам и к состоянию науки в контексте статистики. Например, мы с удивлением узнаем, что количество докторов и кандидатов наук в России, определяется по результатам всероссийской переписи, а не по данным ВАК. По информации НИУ ВШЭ в России 24,8 тысячи докторов наук, 75,1 тысячи кандидатов наук со-

стоят в числе исследователей.

Можно в количественном аспекте отразить систему слепого рецензирования и редактуры характерную для современных журналов. Исходим из фактов: 1) в мире огромное количество журналов, только в России более 30 000 (30 040) в ноябре 2022 года журналов попали в «Белый список»; 2) то есть по меньшей мере должен быть 30 040 рецензент, но с учетом того, что журналы обычно издаются по нескольким областям знания, то количество рецензентов не менее 90 000, а может и больше; 3) еще минимум 150 000 членов редакционных коллегий, а на самом деле значительно больше. То есть работают количественные, а не качественные параметры. Поэтому возникает усредненные характеристики рецензирования, отображаемые в обобщенных процедурах, а не личное рецензирование, характерное для творческих процессов.

Возникает ряд вопросов

Первый, насколько корректно рецензент отразит действительную новизну исследования, которая никак не связана с прошлыми разработками в рамках научного направления, и не будет ли это простым соответствием не линии развития науки, а редакционной политике?

Второй, насколько корректно то, что рецензент, что явствует из приведенных цифр, с очень большой вероятностью, будучи кандидатом наук, пишет рецензии на разработки доктора наук, скрываясь за маской анонимности и не зная, что рецензируемый доктор? Этот вопрос, на первый взгляд, статусности, а не научности, хотя требования, предъявляемые к кандидатским и докторским диссертациям, отличаются не на уровне подготовки статей, а на уровне построения системы исследования и концепций исследования, этот аспект исследования гораздо легче отражается не в статье, а в монографии. Кроме того, возникает вопрос хватает ли квалификации у рецензента? Умение публиковать статьи, вовсе не тождественно умению проведения научных разработок, так как это разные умения. Дополнительно возникает ряд вопросов к рецензентам, прежде всего, при междисциплинарном подходе к научным разработкам, что проверяется - научность, или наукообразность?

Другая проблема, это массовость и обязательность научных публикаций, с этим связаны эффективные контракты ученых и преподавателей. Но навыки публикации статей не связаны с наукой и научными исследованиями – ключевой навык, это умение размещать статьи в рецензируемых научных журналах, то есть идет подстройка не к науке, а к рецензенту. Системные научные разработки могут быть корректно изложены, особенно в гуманитарной сфере, отнюдь не статьях, а только монографиях. С другой стороны, прорывные исследования могут быть и в научных статьях. Причем статей такого уровня за всю

историю человечества было написано не так уж много.

Ну и последняя новация, пишущий статьи может купить себе нейросеть или доступ к искусственному интеллекту. Оригинальность публикаций будет максимальной, форма изложения полностью соответствующей редакционной политике. Что делать с этим?

Концепция требует обоснования, в том числе, и как концепция, а это значительный объем информации, носящий целостный, объединяющий характер. Любое полноценное открытие в научной области, чаще всего весьма опосредованно связано с историей вопроса, по своей природе, это качественно новое понимание научной проблемы, как в этом может помочь рецензирование, большой вопрос. Можно предположить, что при слепом рецензировании будет получен отрицательный отзыв на «революционную» статью. Достаточно вспомнить, что общую теорию относительности, в момент ее создания, понимали три человека. Другой вопрос, что в настоящее время теория относительности для большинства новых теорий выполняет замещающее значение предельной теории, рецензент будет проверять научную разработку по критериям теории относительности, вопрос, подходит ли теория относительности для анализа новых физических теорий абсолютно (если она сама относительна)? Не нужно требовать от рецензента чуда, что он увидит новое, поймет новизну, слишком уж массовыми стали рецензии, в них гораздо легче проверить форму, определяемую имеющимися концепциями, а не содержание, тем паче, что форма закладывается, уже на уровне редакционной политики, отсылающей нас, в том числе к искусственному интеллекту.

События из сферы учебной практики: профессора в США за написанные **университетским ИИ** (за 20 секунд) «студенческие» эссе ставят хорошо и отлично, то есть традиционная для американских университетов форма контроля за успеваемостью студентов посредством написания эссе – почилла. А ChatGPT? Что ждет научные журналы в их нынешней форме?

Приведем несколько примеров как выстраивается информация в научных статьях. Колесник Ю.И. отмечает: «Таким образом, при росте количества малых и микропредприятий в России в целом наблюдается сокращение согласно официальной статистике числа занятых в них работников. Одновременно удельный вес численности занятых сокращается (18,3 % в сравнении с целевым в 35 % к 2023 г.), показатель же вклада малого бизнеса в ВВП России остается на низком уровне, практически не изменяясь (20 % в сравнении с целевым в 40 % к 2030 г.)» [2].

То есть, имеется тенденция увеличения количества малых предприятий и уменьшения занятых в них работ-

ников, а также удержание уровня их вклада в ВВП России. В системе экономических показателей, ключевым, на наш взгляд, является вклад в ВВП России, но изменений в этой области нет. Мы имеем точку фиксации роста, а, следовательно, имеющиеся факторы роста и повышения экономической эффективности просто не работают. О чем мы и предупреждали в тексте нашей статьи, что если не меняется парадигма, то нет и оснований для роста и самого роста. Поэтому факты в исследовании, к сожалению, старые, а данные новые, новые факты невозможно выделить, так как новая парадигма отсутствует. Отсюда и отсутствие изменений. Или же статистические данные не совсем достоверны. Какой из этих факторов (новая парадигма или недостоверная статистика) ключевой? Или хотя бы корректный. Поэтому описание в статье, происходящих в малом бизнесе процессов предельно идентично, но не аналитично.

Послушаем других авторов. «В бушующей дерзкими помехами среде мировой и отечественной экономики региональная индустрия испытывает воздействие потоков возмущений, вызываемых влиянием как деструктивных глобальных и национальных факторов, так и смены технологических укладов и трендов инновационного развития. В этом нестационарном пространстве деятельность промышленных предприятий отличается перемежающейся — то синхронной, то асинхронной — сменой медленных и быстрых, плавных и резких темпов изменения показателей и возросшей хаотичностью поведения индустриальных систем. Подвергая их риску вялого функционирования, депрессии и угасания, сплетение тревожных трендов среды обнаруживает их наложение с возможностью резонанса в переживаемых региональной промышленностью нелинейных метаморфозах и типичных комбинациях устойчивых и неустойчивых стадий ее функционирования» [6].

Формализовать такой текст достаточно сложно, с другой стороны, отсутствие понятийной определенности создает сложности не только с получением результатов, но и с последовательностью построения цепочек понятий.

Может быть у историков дела обстоят лучше, так как они имеют доступ к эмпирической базе исследования. Возьмем статью о публикации архивных материалов.

«Успешное развитие крупных интеграционных объединений: БРИКС, ШОС, ЕАЭС диктуют необходимость внимательного изучения позитивного опыта экономического сотрудничества СССР с развивающимися странами Востока в рамках Совета экономической взаимопомощи. В этой связи заслуживает пристального внимания и вдумчивого изучения сборник документов «Монголия в СЭВ: на пути евразийской экономической интеграции. 1961–1991 гг.», основу которого составили документы из фондов «Секретариат Совета экономической взаимопомощи» и «Постоянное представительство СССР при Совете экономической взаимопомощи», находящиеся на хранении в Российском государственном архиве экономики. Представлены в нем также ранее не публиковавшиеся документы из фондов других ведущих российских и монгольских архивов» [3].

Актуальность информации в тексте статьи определяется не в отношении прошлого, а применительно к настоящему. Речь идет про архивные материалы, но эти материалы уже скомпонованы и образуют кем-то созданное описание «исторической» данности, причем без описания системы ограничений, которая применялась в подборе информации (какие материалы были исключены и почему, какие отражены и почему). Возникает вопрос о смысловой определенности «исторической» данности, которая появляется, в том числе, и как результат компоновки текста сборника документов, осуществляемый с целями, относящимися к современности, а не к прошлому. Думаем, это достаточное обоснование «современности» и прошлого, о чем ранее мы говорили в тексте нашей статьи.

Поэтому можно считать, что и наука на наших глазах превращается в медиа, со всеми присущими медиа особенностями. Мы можем наблюдать, что статьи строятся не в соответствии с принципами К. Поппера, а начинают напоминать не научные, а медийные статьи, причем в формах удобных не для восприятия людьми, а для машинного интеллекта. То есть в науке, благодаря такому подходу, мы имеем дело не с фактами и данными, а с информацией. Начинает оформляться не процессуально-процедурная реальность, а реальность информации, имеющей только информационные входы и выходы. На наших глазах оформляется мир нового медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еськов К.Ю. Удивительная палеонтология. История Земли и жизни на ней. М.: Энас-книга, 2020. 312 с.
2. Колесник Ю.И. Тенденции развития малого предпринимательства в России и Байкальском регионе в 2017–2023 гг. // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 4. С. 1502–1511.
3. Кузьмин Ю.В. Монголия и СЭВ: опыт успешного сотрудничества // Историко-экономические исследования. 2023. Т. 24, № 4. С. 682–693.
4. Поппер К. Логика научного исследования. М.: АСТ, 2010. 576 с.
5. Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. 640 с.

6. Чупров С.В. Тенденции и «странности» эволюции промышленности Иркутской области в пространстве инновационных и деструктивных возмущений // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 4. С. 685–694.
 7. Russian Journal of Economics and Law. URL: <https://www.rusjel.ru/jour> (дата обращения: 16.04.2024).
-

© Атанов Андрей Алексеевич (atanovaa777@gmail.com), Зверева Ольга Юрьевна (zverevaou@bgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЮРКИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)

Багирли Севиндж Эльбурус кызы

Аспирант, Государственный Институт Русского Языка
Имени А.С. Пушкина
Sevinc.samedova@mail.ru

TURKISMS AS ELEMENTS OF THE LEXICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE REGIONAL PRESS)

S. Bagirli

Summary: This article highlights the issues of interaction of the Turkic peoples and languages over the centuries with the Russian language culture, since the study of Turkisms in the Russian language is important not only for linguistics, but also for cultural studies and history. The object of the study is Turkisms as lexical elements that have become part of the Russian language directly from the Turkic languages or from other languages through the Turkic medium, which is actualized in the language of the regional press.

Keywords: Turkisms, regional press, linguoculturology, Turkic peoples.

Аннотация: В данной статье освещаются вопросы взаимодействия тюркских народов и языков в течение веков с русской языковой культурой, т.к. изучение тюркизмов в русском языке важно не только для лингвистики, но и для культурологии и истории. Объектом исследования являются тюркизмы как лексические элементы, которые вошли в состав русского языка непосредственно из тюркских языков либо из других языков через тюркское посредство, актуализующийся в языке региональной прессы.

Ключевые слова: тюркизмы, региональная пресса, лингвокультурология, тюркские народы.

Как известно, региональные этнические общности представляют собой прочные социальные связи, которые обусловлены не только общей культурой данного региона, но и взаимодействием, вызванным сходством географических и климатических условий, а следовательно, экономическими и хозяйственными формами деятельности.

Интеграция этнических групп в сообщества часто зависит от преобладающей культуры и языка, на котором они обычно общаются. Однако современные территориальные объединения не являются полностью однородными. В пределах этих объединений этническая специфика, язык, менталитет и поведенческие особенности сохраняются в разной степени, но в то же время культурное расхождение между этническими группами уменьшается.

Язык транслирует культуру и менталитет народа, его единицы обозначают важные понятия и определяют современные тенденции развития межэтнического взаимодействия на разных уровнях общества. В свете вышесказанного базовыми элементами сознания являются этнические элементы, характерные для представителей определенных этнокультурных групп и носителей определенных языков, и именно они зачастую составляют основу специфического речевого поведения, формирования мышления, мировоззрения и миропонимания конкретного этноса.

Е.В. Маринова подчеркивает, что лексическое за-

имствование в языке часто происходит из-за того, что определенные категории слов не могут быть переведены и поэтому заимствуются при переходе в другую языковую систему. К таким категориям относятся имена собственные, экзотические слова, специальные термины и номенклатурные обозначения. Это подчеркивает важность межкультурных и межполитических связей, которые играют ключевую роль в процессе обогащения языка новыми терминами и выражениями [2, с. 91- 92].

В данной статье освещаются вопросы взаимодействия тюркских народов и языков в течение веков с русской языковой культурой, т.к. изучение тюркизмов в русском языке важно не только для лингвистики, но и для культурологии и истории.

Объектом исследования являются тюркизмы как лексические элементы, которые вошли в состав русского языка непосредственно из тюркских языков либо из других языков через тюркское посредство, актуализующийся в языке региональной прессы. Изучение тюркизмов позволяет лучше понять современное состояние русского языка и его динамику развития.

«Тюркизмы как заимствования, отражающие социокультурную реальность тюркоязычных обществ, является лингвокультурным феноменом. В советское время многие тюркские языки находились на периферии лексической системы и считались наименее ассимилированными языками в силу своей неактуальности. В условиях

современной языковой действительности они стали социально и лингвистически значимыми» [3, с. 142].

Хотя тюркизмы попали в русский язык в разные исторические эпохи и в разных языковых контекстах, их «инаковость» практически не осознается носителями русского языка, поскольку процесс адаптации тюркских диалектов длится уже несколько столетий. В некоторых тюркских языках присутствуют этнографические термины, иноязычные суффиксы и относительно поздние заимствования, называющие те или иные явления жизни тюркоязычных народов, компенсирующие асимметрию языковой и когнитивной картины мира: *мулла, имам, ураза-байрам, кунак, айран, каймак, баурсак* и т. п. Все это показывает, что доля тюркских заимствований на исследуемой территории гораздо выше, чем, например, русских лексем, используемых в Центральной России, на которые тюрки не оказали столь сильного влияния.

Кроме того, в сознании людей укоренилось представление о том, что представители той или иной этнической группы обладают отличительными чертами, которые отражаются в деталях их образа жизни, традициях и поведении. В основном заимствовалась лексика определенных тематических групп: названия географических, социальных и бытовых объектов (еда, напитки, одежда, посуда и т.д.), животных, рыб, растений, типы земель, явления тюркской культурной жизни (религиозные верования, ритуалы, традиции, родственные и социальные отношения).

В настоящее время наблюдается активное взаимодействие различных культур – прежде всего, русской и татарской. Это приводит к тому, что определенные уникальные предметы материальной и духовной культуры одной из взаимодействующих сторон переходят в сферу другой. В таких ситуациях новые понятия могут быть названы с использованием иностранных слов или путем перевода иноязычных терминов или их компонентов.

«В советское время многие тюркизмы находились на периферии лексической системы из-за своей неактуальности и считались наименее ассимилированными заимствованиями по семантике. Однако в современной языковой среде они приобретают социальное и культурное значение как лингвокультурные элементы» [1, С. 1663].

Язык печатных изданий предоставляет богатый материал для изучения эволюции языка, в основном в его лексическом аспекте, поскольку значения слова, будь то печатное или устное, и их восприятие постоянно меняются. Изменения в языке российской и региональной прессы требуют детального анализа, осмысления и разработки рекомендаций по улучшению уровня языковой культуры. Тематика региональной прессы, где соприкасаются тюркский и русский языки, обычно отражает осо-

бенности жизни местного населения. В таких материалах авторы часто используют заимствованные элементы, которые помогают подчеркнуть восточное наследие и точнее описать происходящие события.

В ходе исследования нами были выявлены определенные лексико-тематические группы: «Религия», «Быт», «Праздники», «Еда и напитки» и т.д. Некоторые заимствования тюркского происхождения зафиксированы в единственном употреблении в проанализированных источниках, что затрудняет их отнесение к определенной группе.

Если тюркизм является малоупотребительным и его значение невозможно понять из контекста, сам автор вносит поправки. Журналист специально включает тюркизм в текст статьи, тем самым подчёркивая гордость за свой народ: *Двенадцать стартапов получили поддержку по миллиону рублей от государства. К примеру, студентка вуза создала стартап по технике джамалт (искусство татарского шамаля — прим. Т-и) в цифровом формате, нашла инвестора* (Татар-Инфо, 22.03.2024); *Список национальных блюд этого праздника — сумальяк, туграма-палов (особый плов), халим (халиса, халим аши), кук-самса (она же самса с зеленью)* (Татар-Инфо, 20 марта 2024); *Юноши и девушки в пёстрых костюмах играют на гармониях и предлагают желающим отведать национальные чувашские блюда – колбасу (ширтан), вареники с толчёным картофелем (хуран кукли), запеканку из творога (чигит)* (Газета «Республика Татарстан», 11.07.2022).

В русскоязычной прессе Татарстана можно встретить различные фразеологизмы, испытывавшие на себе влияние тюркских языков. Особое место среди них занимают языковые кальки, к таким можно отнести широкоупотребительное выражение «*Аллах даст/смилоствился*», аналогичное русской форме «*Бог даст*»: *Все равно Аллах даёт облегчение тем, кто верит* (Татар-Инфо, 23.03.2024); *Он напомнил о великом испытании пророка Ибрагима, который во имя веры готов был отдать жизнь собственного сына. Но Аллах смилоствился, и жертва была заменена бараном* (Татарстан-24, 11.08.2019); *В первую очередь мы просим у Аллаха мир»: как бойцы СВО держат уразу в месяц Рамадан* (Татар-Инфо, 23.03.2024); *Сейчас, слава Аллаху, клубы ремонтируют* (Татар-Инфо, 20.02.2024). Во всех этих примерах сочетание с компонентом 'Аллах' (арабское слово, проникшее к русский язык посредством тюркского) используется для выражения благодарности судьбе или Всевышнему.

Чаще всего тюркизмы-ориентализмы в русскоязычной прессе встречаются в названиях национальных праздников, блюд, музыкальных групп: *Гости праздника могут отведать узбекского, таджикского, азербайджанского плова, а также традиционной у татар и башкир обрядовой каши «Карга боткасы»; В рамках праздника пройдут конкурсы «Нәүрүз гүзәле» и «Нәүрүз батыры»*

(Татар-инфо, 26 марта 2024); *Это и известный во всем мире татарский Сабантуй, русские Масленица и Каравон, удмуртский Гырон Быдтон, марийский Семык, мордовский Балтай, чувашский Уяв* (Татар-инфо, 17.03.2024); *Образцы татарского костюма, хранящиеся в Российском этнографическом музее, представлены в новом альбоме-каталоге, который издан на трех языках и называется «Татар киеме» («Татарский костюм», Tatar Clothes); Крупный торговый базар-ярмарка находился рядом с древней Бишбалта на острове Тажи («Маркиз»); «Кирэкле кишер яфрагы»: как выглядит постановка мензелинского театра в сельском клубе* (Реальное время, 15.03.2024); *Своим мнением с «Татар-информом» также поделился председатель Национального совета «Милли шура» Всемирного конгресса татар Василь Шайхразиев* (Татар-инфо, 17.03.2024).

Например, наиболее частотная лексема *мулла*, помимо обычного значения 'служитель мечети', иногда имеет значение 'грамотный человек', но при рассмотрении статей в русскоязычной прессе Татарстана актуализируется его первоначальное значение 'владыка': *Как в этих условиях выживали татарские муллы, которых, по разным подсчетам, на начало 1920 годов насчитывалось от 2 до 4 тысяч...* (Реальное время, 15.03.2023); *Главное правило: мулла, не знающий татарского языка, не должен работать имамом в Татарстане* (Татар-Инфо, 10.10.2016); *Мулла Абделхай Сабиров и его жена Гульнур из села Нижние Тиганы Алексеевского района Татарстана передали на склад гуманитарной помощи...* (Татар-Инфо, 02.12.2022).

Журналисты активно используют тюркские выражения на русском языке, чтобы сделать свои тексты более понятными для читателей, включая названия конкурсов и номинаций, хотя переводить их нельзя: *В Советском районе Казани началась подготовка к весеннему национальному празднику – Карга боткасы, или праздник прилета птиц, который пройдет 19 апреля* (Татар-инфо, 24.04.2017); *В селе Пимери состоялся народный праздник «Карга боткасы» («Грачиная каша»)* (Татар-инфо, 24.04.2019) и др.

В процессе сохранения и продвижения этнокультурных традиций и ценностей татарского народа, а также стимулирования использования татарского языка, тюркизмы в значительной мере интегрированы в русский язык, применяемый на территории Татарстана (что можно заметить в языке газет). Некоторые экзотические слова, требующие более глубокого понимания, остаются менее воспринимаемыми.

Наиболее укоренившиеся и широко используемые в русском языке тюркизмы содержат важную культурную информацию: как правило, это термины, связанные с родственными связями, национальными обычаями, обрядами, а также социально-политической сферой.

Активизация духовных ценностей и возвращение к религиозно-нравственным корням как особому виду мировоззрения способствовали увеличению употребления тюркизмов с религиозной семантикой, обозначающих религиозные обряды, ритуалы и праздники, которые являются неотъемлемой частью национальных культур. В русскоязычных СМИ Татарстана большое внимание уделяется возрождению духовной культуры татарского народа, исламской религии, национальным праздникам, особенностям восточной цивилизации. В результате такие термины, как *исламский, медресе, муфтий, Сабантуй*, стали одними из самых употребляемых в публикациях.

Исследование показало, что интернет-издания стараются избегать тюркизмов-ориентализмов и это объясняется основной целью языка СМИ – быть доступным и понятным для своих читателей. В то же время, в русскоязычных изданиях некоторых поселков и деревень Татарстана тюркизмы-ориентализмы встречаются очень часто, поскольку они хорошо знакомы с целевой аудиторией газеты.

Таким образом, несмотря на то что на современном этапе процесс заимствования из языков тюркской группы не отличается интенсивностью, тем не менее тюркские заимствования активно функционируют в современной русской речи, а также в языке региональной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жауыншиева Ж.Б. Социокультурная маркированность тюркизмов в русскоязычной прессе Казахстана / Ж.Б. Жауыншиева, Ж.К. Кинова, Г.С. Кыдырбай // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса Нур-Султан, Казахстан: «МАПРЯЛ», 2019. – С. 1662-1666
2. Маринова, Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие [текст] / Е.В. Маринова // 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 292 с., с. 91- 92
3. Сулейменова Э.Д. Регионализация стандартных языков: от 'советского' к 'казахстанскому' варианту русского языка? // Материалы IX Международной научно-исследовательской конференции «Центральная Азия: регионализация и глобализация». Астана, 2012. С. 142–144
4. <https://www.tatar-inform.ru/>
5. <https://realnoevremya.ru/>

© Багирли Севиндж Эльбурус кызы (Sevinc.samedova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ, А ТАКЖЕ НОВЫХ МЕДИА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Баскина Элина Семеновна

ГУП «Московский метрополитен»

baskinaelina@gmail.com

OVERVIEW OF MODERN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA AND NEW MEDIA OF THE STATE OF ISRAEL ON THE EXAMPLE OF MATERIALS: PROSPECTS AND TRENDS OF DEVELOPMENT

E. Baskina

Summary: Subject, aim of the work: to study the agenda of Russian-language traditional and new (digital) media in the State of Israel, to draw conclusions about trends and prospects of development of Russian-language media in Israel based on the results of the study. Methods of work with texts are used. Journalistic materials of 3 modern Russian-language media in Israel were analysed: the Internet portal www.vesty.co.il, multimedia Internet platform of TV channel 9 www.9tv.co.il, Internet portal of the community of mountain Jews www.stmegi.ru for a five-year period (2018-2024 - to the present), in total more than 2 thousand publications. The method of content analysis allowed us to identify and structure the key topics of publications, correlate them with spheres of life (politics, economy, culture, Diaspora), analyse the connection of the topics of publications with the internal life in the State of Israel, as well as with the life of the global Jewish Diaspora and individual states from which Jews came to Israel in the 1990s-2000s.

Keywords: Russian-language media, Russian-language media, media in Israel, State of Israel, new media, diaspora, diaspora media, public field, local media.

Аннотация: Предмет, цель работы: изучить повестку русскоязычных традиционных и новых (цифровых) медиа Государства Израиль, на основе результатов исследования сделать выводы о тенденциях и перспективах развития русскоязычных медиа Израия. Используется методы работы с текстами. Проанализированы журналистские материалы 3 современных русскоязычных медиа Израия: интернет-портала www.vesty.co.il, мультимедийной интернет-платформы 9 телеканала www.9tv.co.il, интернет-портала общины горских евреев www.stmegi.ru за пятилетний период (2018-2024 – по настоящее время), всего более 2 тыс. публикаций. Метод контент-анализа позволил выделить и структурировать ключевые темы публикаций, соотнести их со сферами жизни (политика, экономика, культура, диаспора), проанализировать связь тематики публикаций с внутренней жизнью в Государстве Израиль, а также с жизнью глобальной еврейской диаспоры и отдельных государств, из которых в 1990-е-2000-е гг. евреи прибыли в Израиль.

Ключевые слова: русскоязычные СМИ, русскоязычные медиа, медиа Израия, Государство Израиль, новые медиа, диаспора, медиа диаспоры, публичное поле, локальные медиа.

1990-е гг. в истории Государства Израиль отмечены как время репатриации евреев или алия (возвращение евреев на историческую родину в Государство Израиль) из стран бывших СССР [1, 5]. Это прежде всего Россия, Украина, Беларусь, Азербайджан, Литва – страны, на территории которых исторически проживали крупные еврейские диаспоры. Важно отметить, что на европейских территориях исторически проживали и в этот период в Израиль возвращались евреи-ашкеназы, а с восточных территорий бывшего СССР в Израиль направились так называемые горские евреи, на территории Государства Израиль их чаще именуют «кавказские евреи» [2, 5]. Последние отличались свободолюбивым и вспыльчивым характером, и этот темперамент стал новым явлением для израильского общества [3, 23].

Объединяющим фактором для всех этих людей, при-

бывавших в Государство Израиль с Запада и Востока, но с общей целью и общими вызовами, стал русский язык [4, 157]. В этот период в Израиль прибыло более 1,6 млн человек [5, 12]. При этом в целом

Репатрианты сформировали потребность в получении информации о жизни в Израиле, официальной информации от органов государственной власти, о мировых событиях на русском языке. Этим языком они владели как родным, русский язык объединял евреев «постсоветской волны» иммиграции. В то время как иврит большинству из них пришлось изучать после репатриации с нуля [6, 42]. Поэтому они не были готовы к получению общественно-значимой информации на государственном языке. Исследователь Н. Элиас отмечает, что вопреки всем усилиям власти по ассимиляции репатриантов, их интеграции в социальную жизнь страны посредством методов Министерства алии и интеграции,

«иммигранты не спешат переходить к СМИ на иврите» [7, 85]. В другой работе Н. Элиас говорит о русскоязычных СМИ Израиля, что они «с одной стороны, укрепляют культурные рамки русскоязычной общины, но с другой – способствуют интеграции иммигрантов на основе формирования нового самосознания, включающего еврейские и израильские нормы и ценности, а также актуальную общественную проблематику» [8, с. 165].

Репатрианты были представлены конкурентоспособными профессионалами в своих областях деятельности: медики, летчики, предприниматели, интеллигенция – учителя, переводчики, журналисты. Их знания и профессионализм привнесли значительный вклад в экономическую, социальную и культурную жизнь страны. Именно русскоязычные журналисты из числа репатриантов продолжили свое дело уже в русскоязычных СМИ Израиля. На местном медиарынке, который существовал в парадигме западных журналистских традиций, появилась новая, постсоветская журналистская традиция. Подход к работе с информацией и текстами ориентирован в большей степени на героя – обычного человека, а не на власть или крупный бизнес, тексты отличались литературностью и очерковостью. При этом исследователи Ангельчев Н.В. и Безрукавая М.В. пишут, что многие журналисты Израиля из числа репатриантов должны были сделать выбор между принятием локальных правил профессии или полным уходом из нее [9, с. 328].

1990-е-2000-е гг. – самый яркий период в развитии русскоязычных СМИ Израиля. Были созданы и развивались преимущественно газеты, поскольку создание радиостанции или телеканала требовало значительно больших финансовых вложений, а также GR-возможностей. В этот период в Израиле выходит порядка 15 русскоязычных газет, в том числе ежедневных, дайджестов и альманахов. Среди них ежедневное издание «Время» (1991), в 1992-ом г. была переименована в газету «Вести» (существует до сих пор), еженедельное издание «Русский Израильянин» (1997-2007), «22: Москва-Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало», «Евреи в русском зарубежье» и др.

Общественно-политическая ежедневная газета «Вести» стала самой влиятельной среди русскоязычной прессы. Она входит в медиахолдинг «Едиот ахронот» («Последние известия»), который издает одноименную ежедневную газету на иврите. Освещаемые тематики: новости Израиля, новости и аналитические статьи о событиях в регионе Ближнего Востока, материалы о жизни русскоязычной общины и ее связях с первой родиной, еврейской культуре, туризме, здоровье, традиционной еврейской кухне. В 2017-м г. газета с ежедневного формата переходит на еженедельный, поскольку основная часть читателей сконцентрировалась на открытом в этом году интернет-портале www.vesty.co.il.

В период с 1990-х гг. до середины 2000-х гг. русскоязычные СМИ Израиля обеспечивали коммуникацию репатриантов, насчитывавших более 1,6 млн человек.

Однако к середине 2000-х гг. численность репатриантов из стран постсоветского пространства сократилась. За 3 года (2000-2002 гг.) в Израиль прибыло порядка 100 тыс. человек, в последующие годы иммиграция из стран СНГ и Балтии в год не превышала 10 тыс. человек [5, 14].

Во второй половине 2000-х гг. русскоязычные газеты Израиля стали постепенно входить в фазу кризиса. Автор выделяет 3 ключевых причины этого процесса:

1. Развития цифровых медиа и доступности устройств для выхода в интернет. Русскоязычная аудитория Государства Израиль предпочитала получать информацию онлайн, поскольку переход медиа в диджитал стал в 2000-е г. повсеместным трендом [10, 44]. Вместе с тем русскоязычные израильяне благодаря сети Интернет получили доступ ко всем ключевым российским медиа, которые предоставляли на родном языке ключевые мировые новости, информацию о жизни в России, а также часть досуга: фильмы, сериалы, развлекательные телевизионные шоу. Потребность в объеме локальных русскоязычных СМИ стремительно сокращалась. Мировые новости можно было получить из любых русскоязычных источников онлайн. А для получения местных новостей было достаточно нескольких локальных русскоязычных медиа [11, 391].
2. Старение населения. Возраст репатриантов 1990-х гг. и 2010-х гг. объективно повышался, число экономически активного населения по объективным причинам сокращалось, активная потребность у них в информации тоже. А их дети, родившиеся уже в Израиле и ощущавшие себя израильянами, русский язык знали хуже иврита и английского, изучали русский язык дома, поддерживали его только для общения со старшими взрослыми (бабушками и дедушками, которые так и не выучили полноценно иврит) или родственниками, которые остались проживать на территории бывшего СССР. Новые поколения предпочитают узнавать информацию, во-первых, из цифровых медиа и социальных сетей, во-вторых, на родном для них иврите.
3. Государственная политика Израиля по ассимиляции репатриантов. Помимо создания условий для изучения языка, погружения репатриантов в социальную жизнь страны, государство заинтересовано в том, чтобы все население получало информацию о внутренней и внешней политике страны, о событиях в мировой политике из СМИ на иврите, которые преимущественно транслируют официальный вектор.

В целом важной особенностью развития еврейской периодической печати является разрозненность еврейских общин мира и связанное с ней многоязычие, о чем пишет исследователь Е. С. Федоренко. И, таким образом, русскоязычная пресса в Израиле – это феномен не только медийных исследований, но культурологических [12, 189].

Сегодня русскоязычный медиаландшафт Израиля представлен всего несколькими наименованиями: еженедельная газета «Вести», связанный с ней цифровой портал www.vesty.co.il, журналы «22: Москва-Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало», «Евреи в русском зарубежье». Присутствует русскоязычный телеканал – 9 канал, а также связанная с ним мультимедийная интернет-платформа: www.9tv.co.il.

Собственное медиа общины есть у горских евреев Израиля. Среди общины горских евреев распространяется печатаемая в Москве газета STMEGI, большое влияние среди общины горских евреев имеет новостной международный новостной портал www.stmegi.com, который публикует контент на русском языке и имеет собственный пул корреспондентов в Израиле, Германии, Азербайджане и США, освещающих жизнь горских евреев Израиля в интересах транснациональной общины горских евреев, которые помимо Израиля и России широко представлены в Германии, США, Франции и Азербайджане.

В русскоязычном сегменте Израиля развиты социальные сети Фейсбук и Инстаграм (принадлежат компании Meta и запрещены в России). В социальной сети Фейсбук популярны группы: Русскоязычные евреи Израиля, Горские евреи Израиля. Здесь происходит активная коммуникация между активистами русскоязычной общины, размещается информация из русскоязычных медиа, поддерживаются связи с русскоязычными родственниками, проживающими в других странах – России, США, странах ЕС, Азербайджане. Аккаунты в соцсети Инстаграм на русском языке ведут те блогеры Израиля, которые заинтересованы в развитии отношений с Россией, ведут торгово-экономическую деятельность на российском рынке.

Феномен современных русскоязычных СМИ и новых медиа Государства Израиль важно рассматривать не только с точки зрения исторического контекста и значительной роли СМИ как объединяющего фактора для репатриантов, но и с точки зрения актуальной повестки русскоязычных СМИ. Контент-анализ материалов русскоязычных медиа Израиля позволит сделать выводы о глубине интеграции репатриантов в общественно-политическую, социальную и культурную жизнь современного Израиля, а также о наличии до сегодняшнего времени и общей повестки со странами бывшего СССР.

В статье проанализированы материалы интернет-

портала www.vesty.co.il, мультимедийной интернет-платформы 9 телеканала www.9tv.co.il, а также интернет-портала общины горских евреев www.stmegi.com за пятилетний период (2018-2024 – по настоящее время), всего более 2 тыс. публикаций. Метод контент-анализа позволил выделить и структурировать ключевые темы публикаций, соотнести их со сферами жизни (политика, экономика, культура, диаспора), проанализировать связь тематики публикаций с внутренней жизнью в Государстве Израиль, а также с жизнью глобальной еврейской диаспоры и отдельных государств, из которых в 1990-е-2000-е гг. евреи прибыли в Израиль. Результаты контент-анализа также позволили автору статьи определить перспективы и тенденции развития современных русскоязычных СМИ Израиля.

Ключевые политические темы: геополитическая нестабильность на Ближнем Востоке, отношения Израиля и арабских стран (отдельно следует выделить кейс потепления отношений между Израилем и ОАЭ в 2022 г.), армия и национальная безопасность, международная безопасность, терроризм как глобальный вызов.

Ключевая новостная программа 9 телеканала, которая также размещается на мультимедийной интернет-платформе www.9tv.co.il и на отдельном канале этого медиа на платформе YouTube, – ежедневный вечерний выпуск «Итоги дня». Это новостная программа с элементами жанра международного обозрения хронометражем до 7 минут, в которой обзревается ключевые события мировой политики за день с акцентом на международную ситуацию на Ближнем Востоке, политическую ситуацию в ключевых государствах региона. В особенности внимание уделяется ситуации в Иране, Сирии, Йемене, Ливане, Секторе Газа, дается актуальная информация об ИГИЛ (международная исламистская суннитская террористическая организация, запрещена в России), ХАМАС (палестинская исламистская террористическая политическая и военная организация, управляющая Сектором Газа).

После обострения конфликта между Израилем и Палестиной в октябре 2023 года повестка конфликта в программе 9 канала «Итоги дня» присутствует ежедневно.

Также в выпуск «Итоги дня» на 9 канале регулярно включаются самые актуальные события ведущих стран мира (США, Китай, Россия), освещается актуальный статус событий в мировых точках напряженности (СВО, торговая война США и Китая). Внутриполитическая и международная повестка России представлена также насыщенно.

Повестке глобального терроризма уделяется отдельное внимание. Теракту в Москве в Крокус Сити Холле 9 телеканал посвятил несколько выпусков: «Версии теракта в «Крокусе», «Кто стоит за терактом в «Крокусе», «ФСБ

назначила заказчиков теракта в «Крокусе». В выпусках рассматривались разные версии инициаторов террористического акта в Крокус Сити Холле и его причин, выпуски объединены в целом осуждением практики терроризма, однако это явление рассматривается как объективная часть современной мировой политики.

Интернет-портал www.vesty.co.il также сфокусирован на повестке стран Ближнего Востока в контексте безопасности Израиля. Информация обновляется на портале в формате 24/7. Есть несколько типов новостных рубрик. В рубрике «Коротко» публикуются в непрерывном формате (с максимальным промежутком в 10 минут) новости в жанре молнии, то есть только заголовки новостей без сопровождения визуальным контентом (фото или видео). Здесь размещаются все мировые новости, имеющие отношение к вопросам мировой безопасности, терроризма, ситуации на Ближнем Востоке и в Израиле, в том числе, заявления по этим темам ключевых политических фигур и спикеров мировой политики. Фактически в онлайн-формате идет освещение израильско-палестинского конфликта. В другой рубрике «Новости» размещаются самые интересные события уже в жанре информационных сообщений, которые сопровождаются визуальным контентом – фото или видео. Рубрика «Новости» структурирована по темам: «В Израиле» (здесь освещаются общественно-политические события на территории Израиля); «В мире» (публикуются самые значимые новости мировой политической повестки); «Ближний Восток» (политическая повестка стран региона); «Еврейская жизнь» (напутствия раввинов, правила шабата, подготовка к еврейским праздникам). Еще одна новостная рубрика www.vesty.co.il «24/7» аккумулирует от 10 до 15 самых значимых событий за день из рубрики «Новости». Популярностью на портале www.vesty.co.il пользуется рубрика «Комментарии», в которой публикуются аналитические комментарии лидеров мнений Израиля и мировой политики по вопросам событий дня.

Ключевые экономические темы: касаются внутренней экономики Израиля и фактически идентичны с тематикой медиа Государства Израиль, выходящих на иврите. Это вопросы развития малого и среднего бизнеса, который популярен среди населения Израиля как вид экономической деятельности, вопросы импорта и экспорта товаров массового потребления, в особенности из стран региона Ближнего Востока, стран-партнеров Израиля. В качестве отдельных рубрик на портале www.vesty.co.il, в частности, выделяются темы: «Деньги», «Недвижимость», «Технологии», «Транспорт» и «Пенсия». Последняя тема особенно примечательна, поскольку подтверждает факт объективного старения русскоязычного населения Израиля, которое получает информацию из местных русскоязычных медиа. Наличие еще одной рубрики, в частности, на портале www.vesty.co.il, указывает на то, что целевой аудиторией русскоязычных медиа

Израиля является преимущественно старшее и пожилое поколение около пенсионного и пенсионного возраста, это рубрика «60+». Здесь в жанрах экспертных статей, комментариев экспертов размещается информация о возрастных изменениях здоровья и способах первой помощи в домашних условиях, вопросы страхования здоровья, социальных программ для пенсионеров в Государстве Израиль, государственных льгот и скидок для пенсионеров, обстоятельства выхода на пенсию.

Ключевые темы культурной повестки: еврейские праздники, культурные события, происходящие на территории Израиля, связанные с деятелями культуры и искусства Израиля. Находят освещение события, связанные с еврейской историей, культурой и искусством, происходящие в странах бывшего СССР (преимущественно Россия и Азербайджан). Например, широко в русскоязычных медиа Израиля освещалось открытие в 2020-м г. в Иерусалиме монумента, посвященного подвигу жителей блокадного Ленинграда; в 2022 г. освещалась выставка еврейского художника Рами Меира, которая состоялась в Баку, в Азербайджанском национальном музее Ковра. Это говорит о расположенности руководства Государства Израиль поддерживать в контексте культурно-политической повестки отношения с государствами, откуда в Израиль прибыли репатрианты. Репатрианты, у которых на «малой родине» продолжают жить родственники, для официального Израиля – объективный фактор, объясняющий в любом контексте мировой политики намерение поддерживать отношения с государствами, являющимися «малой родиной» для части граждан Израиля, которую формируют репатрианты.

Культурная повестка также тесно связана с религиозной тематикой. Большинство традиционных еврейских праздников связаны с религией – иудаизмом. Также в медиа широко публикуются наставления еврейский раввинов, их отношение к мировой политической ситуации и внутренней жизни Государства Израиль.

Ключевые темы из жизни общины и диаспоры: присутствует информация о значимых достижениях, памятных событиях из жизни ключевых деятелей русскоязычной диаспоры Израиля. Это информационные сюжеты, очерки и интервью из жизни, как простых, так и известных израильтян русскоязычной диаспоры, их достижениях, образе жизни, интересах. Популярностью пользуются истории новых репатриантов, которые продолжают возвращаться из зарубежных государств в Израиль и делятся причинами такого решения, своими актуальными вызовами и эмоциями. Также освещаются самые значимые события из жизни русскоязычных еврейских диаспор других государств – России, США, Германии, Франции, Азербайджана.

В контексте тематики жизни общины и диаспоры требует отдельного внимания контент газеты и интернет-

портала горских евреев Израиля www.stmegi.com. При том, что контент для портала создают корреспонденты, проживающие в Израиле, России, Германии, Азербайджане и США, рубрики структурированы не по государствам, в которых проживают горские евреи, а по темам: «Новости», «Мнения», «Иудаизм», и контент в них касается повестки не горских евреев, а всей международной еврейской общины. И только в отдельной рубрике «Горские евреи» размещается контент, касающийся узких событий жизни международной общины горских евреев. Интересны также рубрики «Библиотека», в которой собраны самые значимые и одновременно размещаются актуальные издания, связанные с еврейской историей, культурой, литературой. В рубрике «Stmegi Junior» размещается информация о деятельности международного клуба молодежи горских евреев.

Ключевые выводы исследования:

1. Доминирующая тема в современных русскоязычных традиционных и цифровых (новых) медиа Израиля – геополитическая нестабильность на Ближнем Востоке, национальная и мировая безопасность. В этом смысле русскоязычные медиа в полной мере повторяют повестку медиа Израиля, издаваемых на иврите и английском языке. Внешняя политика региона была ключевой темой за весь исследуемый период. Однако после обострения конфликта между Израилем и Палестиной в 2023-м г. эта тема стала доминирующей во всех русскоязычных медиа Израиля.
2. В части культурной жизни, досуга, образа жизни в русскоязычных медиа Израиля преобладают материалы о еврейских праздниках, традициях, кулинарии (кошерной кухне). Однако встречаются материалы, которые рассказывают о двусторон-

них культурных мероприятиях Израиля и одной из стран бывшего СССР, когда на ее территории происходит событие, связанное с еврейской культурой.

3. Спектр тем русскоязычных медиа Израиля представляется в целом достаточно узким, но функционально верным с точки зрения задачи аудитории быть интегрированными в социально-политическую жизнь Государства Израиль, быть израильтянами наравне с евреями, родившимися в Израиле.
4. Русскоязычная еврейская община ведет коммуникацию посредством цифровых (новых) медиа по принципу «сетевого общества». Согласно определению автора термина «сетевое общество» М. Кастельса, «главная черта такого общества – сети, связывающие между собой людей, институты, государства» [13, 135]. Находясь на территории Израиля, русскоязычные евреи через цифровые медиа, сообщества диаспоры в социальных сетях взаимодействуют с русскоязычными диаспорами других государств: Россия, США, Франция, Германия, Азербайджан и др.

Несмотря на сокращение в Государстве Израиль после середины 2000-х г. русскоязычных медиа, сегодня в стране русскоязычные медиа продолжают осуществлять журналистскую деятельность и пользуются значительным влиянием. Русскоязычные медиа Израиля продолжают оставаться важнейшим средством коммуникации русскоязычных израильтян, а цифровые русскоязычные медиа и сообщества в социальных сетях, авторы которых проживают на территории Государства Израиль как главной земли для всех евреев, к тому же стали инструментами для «сетевого» взаимодействия мировой диаспоры русскоязычных евреев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стровский Д.Л., Антошин А.В. Советская алия как важнейшая тема русскоязычной периодики Израиля: на примере журналов «Время и мы» и «22» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 2. С. 320–356. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-320-356
2. Евреи на Кавказе. По страницам русско-еврейской периодики. 1862-1930 / авт.-сост. Е.Н; Улицкий, Р.Н. Мигиров. – М.: Народное просвещение, 2022, С. 5 – 384
3. Горские евреи в русской периодической печати 1853-1917. Авт.-сост. Е.Н. Улицкий // Под общ. Ред. Е.Н. Улицкого. – М.: Летний сад, 2017, С. 23 –336
4. Морозов В.М. Русский язык и русскоязычные средства массовой информации как фактор выживания русскоязычной общины Израиля / Арабский мир и сопредельные страны: история и современность. Межвузовский сборник. Ответств. Редактор В.П. Румянцев. – Т.: Изд-во Томского университета 2008, С. 157-165
5. Immigration Absorption Survey 2010-2011, Central Bureau of Statistics, Mode of access: https://old.cbs.gov.il/publications13/1520_seker_olim/pdf/intro_e.pdf
6. Морозов В. «Русские» в Израиле. Азия и Африка сегодня. 2008. № 11 (616), С. 41-45
7. Elias, N (2006) *Diasporas*. Vol.4, pp 85-104
8. Элиас Н. Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. – М., 2007, С. 164–193
9. Ангельчев Н.В., Безрукавая М.В. Структура русскоязычных СМИ в израильском медиа-пространстве / Медийная регионалистика: история и современность: Материалы первой региональной научно-практической конференции и круглого стола, посвященного журналистскому и научному наследию профессора А.В. Осташевского, Краснодар, 10 декабря 2022 года. – Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА», 2023, С. 323-330
10. Интернет-СМИ: Теория и практика: Учеб. Пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2010, С. 44 - 348
11. Moshkova T.D. Russian-Israeli Relations: The Role of the Russian-speaking community of the State of Israel / Vestnik RUDN. International Relations. 2018. T. 18. № 2. P. 387-399

12. Федоренко Е.С. Специфика русскоязычных печатных СМИ в Израиле / Образование и наука в современных реалиях. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. 2019, С. 188-191
 13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; Под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004, С. 135-400.
-

© Баскина Элина Семеновна (baskinaelina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕХОД ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВОФОРМЫ *В ПОИСКЕ*)

Го Сяоюй

Аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва)
guoxiaoyu150@gmail.com

TRANSITION OF PREPOSITIONAL FORMS OF A NOUN INTO THE CATEGORY OF STATE (ON THE EXAMPLE *В ПОИСКЕ*)

Guo Xiaoyu

Summary: In this article the basic provisions on the category of state are presented. The reasons for the transition of a noun in the prepositional form into the category of state are summarized. The stages of transition of the phrase *в поиске* in combination with different copulas and objectives are analyzed on the transitivity scale. This analysis contributes to deepening the knowledge of the state category, especially those linguistic units located on the peripheral zone of the state category.

Keywords: category of state, semantics of state, noun, prepositional form, copula.

Аннотация: В статье излагаются основные положения о категории состояния. Обобщаются причины перехода имени существительного в предложно-падежной форме в категорию состояния. Анализируются этапы перехода словоформы *в поиске* в сочетании с разными связками и дополнениями на шкале переходности. Данный анализ способствует углублению знания о категории состояния, особенно о тех языковых единицах, находящихся на периферийной зоне категории состояния.

Ключевые слова: категория состояния, семантика состояния, имя существительное, предложно-падежная форма, связка.

Еще во второй половине XIX века русские лингвисты начали уделить внимание словам, выражающим состояние. Такие слова в более поздних исследованиях были подведены под сравнительно новую самостоятельную часть речи – категорию состояния, описание которой характеризуется сложностью, так как ее состав непрерывно пополняется другими категориями, в том числе именем существительным. Цель исследования заключается в выявлении сути перехода имени существительного в предложно-падежной форме в категорию состояния на примере словоформы *в поиске*. Новизна проявляется в обнаруживании новых факторов, влияющих на изменение пропорции совмещающихся свойств в предложно-падежной форме. Данный анализ углубляет познание о категории состояния и утверждает возможность пополнения категории состояния из имени существительного. Исследование данного процесса перехода помогает в решении вопроса о классификации языковых единиц, подвергающихся транспозиции из одной категории в другую и создающих трудности во время обучения.

Первое определенное положение и описание формальных свойств слов категории состояния были сделаны Л.В. Щербой. Рассматриваемые ученым слова могут быть разделены на четыре ряда: 1) слова, функционирующие в качестве сказуемого безличных предложений и представляющие как действие, такие как *нельзя, можно, надо* и др; 2) слова на *-о*, сочетающиеся со связкой: *холод-*

но, светло, весело и т.д.; 3) слова в личной конструкции: *готов (-а, -ы), рад (-а, -ы), способен (-бна, -бны)* и т.д.; 4) предложно-падежные выражения имени существительного и слова, образованные от объединения предлога и падежной формы имени существительного в одну языковую единицу: *в состоянии, без чувств, в сюртуке, на веселе, наготове, замужем* и т. д. [15, с. 74-75] В эти ряды слов включаются неизменяемые слова, слова с категориями рода и числа, и слова, употребляемые в личных или безличных конструкциях предложения. Следовательно, Л.В. Щерба так определяет категорию состояния: «это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полным прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями ... или формой творительного падежа существительного» [15, с. 76]. Если категория состояния не может быть выделена как самостоятельная часть речи, то вышеуказанные слова остаются вне категории.

В.В. Виноградов, исследуя грамматические и синтаксические признаки слов категории состояния и их взаимосвязи с другими частями речи, отметил, что «употребление их или исключительно, или преимущественно в функции сказуемого, их неизменяемость по падежам – при близости к именам прилагательным и существительным – и значение времени, неотрывное от их грамматических форм» [2, с. 330]. Так что в категорию состояния

входят несклоняемые существительные и наречия, имеющие временную категорию и употребляющиеся в функции сказуемого [2, с. 332].

Из вышеуказанных положений мы можем обобщить основные семантические и синтаксические признаки категории состояния: она семантически выражает состояние и синтаксически выступает в качестве сказуемого.

Традиционным ядром категории состояния, несомненно, являются безлично-предикативные слова с окончанием «-о», образованные от краткой формы прилагательных среднего рода и качественного наречия, и сохраняющие с ними омонимическую связь [2; 8]. Маркером их перехода в категорию состояния можно считать их «способность создавать дативно-предикативные конструкции» [8, с. 5], составленной из «неканонического подлежащего» (или без него), выражаемого дательной формой имени существительного, и сказуемого, в роль которого выступают слова на -о со (нулевой) связкой *быть*: *Мне холодно. Мне было стыдно.* «Любое прилагательное (форма на -о) и / или производное от него наречие, имеющее оценочную или потенциально-оценочную сему в лексическом значении, способно перейти в разряд предикативов – слов категории состояния» [8, с. 5]. Между тем, по исследованиям лингвистов, выражение семантики состояния не ограничивается структурным типом предложения, и состояние может быть выражено и в двусоставном, и в односоставном предложениях. При этой предпосылке в русской грамматике обнаруживается новая активная тенденция пополнения состава категории состояния из имени существительного в предложно-падежной форме, семантика состояния которого может быть реализована в «номинативно-предикативной конструкции, компонентами которой являются подлежащее, представленное И.п. существительного со значением лица (=человек) или личным местоимением, и сказуемое, оформленное предикативно-падежной формой существительного со связкой *быть*, служащей не только грамматическим показателем времени и наклонения, но и синтаксическим “узлом” между подлежащим и предикативно-падежной формой» [7, с. 50-51].

Связка играет важную роль в процессе категоризации семантики состояния имени существительного и представляет собой необходимую часть именного составного сказуемого. Связка определяется А.А. Потемной как «особое слово, заключающее в себе предикативную связь, но важное не само по себе, а как средство присоединения атрибута к подлежащему» [11, с. 116]. А.М. Пешковский отметил, что в позиции связки составного сказуемого вещественное значение глаголов ослабевает и их значение меняется в сторону большей отвлеченности. По степени отвлеченности глаголы-связки (*быть, являться, казаться, оказываться, считаться, оставаться, делаться и т. д.*) могут быть разделены на две

неравные группы: идеальная связка *быть*, лишенная словарной индивидуальности и обозначающая самое общее понятие человеческой мысли в несвязочном-то виде, и все остальные глаголы-связки, сохраняющие крупницы словарных значений [9, с. 215-254]. Н.А. Герасименко разделил связки на специализированные и неспециализированные. Первый тип связок «характеризуются максимально обобщенным характером значения, отсутствием ограничений в сочетаемости, стилистической нейтральностью ... Неспециализированные связки сохраняют некоторые оттенки конкретного значения, тяготеют к употреблению в определенных семантических типах высказываний, иногда являются стилистически окрашенным» [4, с. 54]. К предыдущему типу относятся *быть, являться, становиться, казаться* и т.д. и их совершенный вид, к последующему – *заклаться, называться, находиться, состоять в* и т.д. Н.С. Поспелова отметила, что словам категории состояния присущи «специфические для них аналитические формы выражения грамматических категории времени и наклонения, причем связка или ее значимое отсутствие является необходимым компонентом такой аналитической формы» [10, с. 56]. Настоящее время выражается спрягаемыми формами глаголов-связок или их значимым отсутствием, а прошедшее и будущее время актуализируются присоединением парадигматических форм глаголов-связок. При соединении форм связок с частицей *бы* или без нее категория состояния еще выражает изъявительное или сослагательное наклонение [14, с. 74]. Если не ограничивается тип конструкции предложения, то в формах связок еще находит отражение категории рода и числа: *Я был в восторге. Она была без ума. Мы были в печали.* Так что, связка является необходимым компонентом в выражении времени, наклонения, рода и числа категории состояния, и они сами по себе также неодинаковы по степени отвлеченности и утраты лексических значений.

Причины возникновения данной продуктивной тенденции могут быть разделены на экстралингвистические и лингвистические. Предыдущие в основном отражаются в конфликте между растущей потребностью самопознания и самовыражения человека и нехваткой средств языкового выражения. «Стремительное обновление жизни приводит к тому, что существующие в языке безличные конструкции с компонентом безлично-предикативных слов на -о уже не удовлетворяют потребности говорящего в воплощении мысли об актуальных вариантах состояния» [6, с. 42], в результате чего все более распространяются номинативно-предикативные конструкции. Лингвистические причины заключаются в следующих факторах:

1. наличие семы состояния в семантике имени существительного. По словам В.В. Бабайцевой, лексическое и грамматическое значения слов являются предпосылкой перехода слов из одной категории в другую [1, с. 189]. Грамматическое значение име-

ни существительного отражается в ее способности указывать на предметы. Между тем «при ее посредстве мы можем любые лексические значения, и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, представлять как предметы» [15, с. 68]. С этим характером в имени существительного обнаруживается потенциальная способность переходить в другие категории.

2. функционирование предлогов. Каждый предлог с пространственным значением способен на переносный смысл при тех же словарных условиях [9, с. 305]. А.М. Пешковский видит процесс перехода имени существительного в «изоляции» отдельного падежа из общей системы склонения. «Изолированный падеж, теряя свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к глаголу» [9, с. 143].
3. отвлеченность значения связок. Как упомянуто в предыдущем тексте, глаголы-связки в разной степени потеряют словарное значение, что влияет на пропорцию совмещающихся свойств в падежной форме. Чем выше отвлеченность глагольного значения связок, тем больше значения состояния проявляется в падежной форме.
4. изменение синтаксической функции языковой единицы. «Синтаксическая функция является основным условием для перехода слов и групп слов из одного структурно-семантического класса или разряда в другой» [1, с. 187]. Падежная форма имени существительного в предложении часто выступает в качестве дополнения и обстоятельства, а в позиции именной части составного сказуемого она приобретает значение предикативности, которое еще может усиливаться при эллипсисе глаголов-связок. «При эллипсисе какого-либо члена предложения (подчиняющей словоформы) оставшаяся часть берёт на себя функции эллипсированной (опущенной), сохраняя и свою первоначальную функцию» [1, с. 464-465], в результате чего появляются синкретичные члены предложения. Значимое отсутствие глаголов-связок в составном сказуемом актуализирует структурные и семантические свойства сказуемого в предложно-падежной форме, сохраняющей свое первичное значение.

Хорошим примером для показания процесса перехода имени существительного в падежной форме в категорию состояния служит словоформа *в поиске*, которая в предложениях часто функционирует как дополнение и обстоятельство: *Они специализировались на посреднических операциях и главную свою задачу видели в поиске покупателя на продукцию сразу нескольких поставщиков.* (НКРЯ) *Обе организации экономически заинтересованы в поиске и установлении новых кооперационных связей.* (НКРЯ) *Многие члены кафедры проявили самое*

активное участие не только в выполнении текущих научных работ, но и в поиске наиболее актуальной, злободневной тематики, направленной в будущее. (НКРЯ) *В поиске смысла жизни, общения, источников знания, самовыражения человек все чаще обращается не к реальной, а к виртуальной сфере, которая уже доминирует по ряду параметров среди пользователей интернета.* (НКРЯ) В первых трех предложениях предложный падеж существительного определяется управлением глагола *видеть*, краткой формы причастия *заинтересованы*, и отглагольного существительного *участие*. В этих примерах сочетание *в поиске* не является устойчивым и слово *поиск* может быть заменено другими существительными: *заинтересованы в качестве, участие в конкурсе* и т.д. В последнем примере словоформа *в поиске* указывает на цель действия, обозначаемого спрягаемым глаголом *обращается*.

Сема состояния в семантике слова *поиск* реализована отвлеченностью его лексического значения и словообразовательной приставкой *по-*. Посмотрим однокоренные глаголы *искать, поискать*. *Искать* означает «стараться найти что-л», т. е. данный глагол указывает процесс на некоторое время, а не результат действия, который часто выражается глаголом *найти*. Процессуальное значение глагола *поискать* укрепляется с помощью приставки *по-*. Глагол с приставкой *по-* может обозначать «действие, названное мотивирующим глг, совершить в течении какого-л. времени (чаще – недолго)» [13, с. 159]. Сема состояния в существительном *поиск*, образованном от глагола *поискать* актуализируется, особенно при сочетании с временными наречиями и отвлеченным дополнением, потому что «в отличие от действий и процессов, состояния непосредственно лежат на временной оси, длящиеся в отрезки времени» [7, с. 49]: *Она всегда в поиске нового, умеет довести начатое дело до конца.* (НКРЯ) *Анатолий Григорьевич – человек беспокойный. Он постоянно в поиске новых жанров.* (НКРЯ) Сравнивая *в поиске работ* и *в поиске самопознания*, заметим, что в сочетании с дополнением, обозначающим более конкретный предмет, слово *поиск* указывает на внешнее действие, а в сочетании с абстрактным дополнением, такие как *смысл, ценность, самоопределение* и т. д., *поиск* чаще указывает на внутреннее состояние человека.

A ⇒ Аб ⇒ AB ⇒ аБ ⇒ Б

Схема 1. Шкала переходности [1, с. 15]

Для того чтобы наглядно показать степень ослабления лексического значения, появления и усиления семантики состояния имени существительного в предложно-падежной форме, в анализе применяется шкала переходности, разработанная В.В. Бабайцевой (Схема 1) и составленная из двух конечных звеньев и зоны синкретизма. «Слова в конечных звеньях, обозначаемых большими буквами А и Б, обладают полным набором

дифференциальных признаков и являются типичными представителями той или иной части речи» [5, с. 69]. Между ними располагаются переходные звена, характеризующиеся синкретизмом и совмещающиеся в себе противоположные свойства по разной пропорции. «В одних случаях больше признаков типа А (Аб), в других – преобладают свойства типа Б (аБ), в-третьих – наблюдается примерное равновесие сочетающихся свойств (АБ). Колебания в “удельном весе” признаков А и Б находят отражение в характере буквенных символов» [1, с. 133]. Приведем примеры, хорошо отражающие изменение категориального значения в словоформе *в поиске* на шкале «имя существительное – категория состояния»:

- А – **В поиске** участвовали взводный и мой сосед;
 Аб – По книге заметно, что ее автор еще находится **в поиске** своей поэтической манеры, и поэтому пытается писать совершенно по-разному;
 АБ – Он находится **в поиске**, в процессе самоопределения, в пути;
 аБ – Он был **в поиске**, он был в дороге и видел мир глазами человека, мир преобразующего;
 Б – Пример отсутствует.

В звене А *в поиске* выступает в качестве дополнения, свойственного имени существительного, и примыкает к глаголу *участвовать*. В этом звене также можно привести пример, в котором *в поиске* выступает в роли обстоятельства: **В поиске** смысла жизни, общения, источников знания, самовыражения человек все чаще обращается не к реальной, а к виртуальной сфере, которая уже доминирует по ряду параметров среди пользователей интернета. В данном примере *в поиске* указывает цель действия, обозначаемого глаголом *обращаться*.

Примером звена Аб служит предложение, в которых сказуемым является сочетание полужнаменательного глагола и имени существительного в предложно-падежной форме. По анализу классификации связок в предыдущем тексте, «неспециализированный» глагол *находится* в какой-то степени сохраняют свое лексическое значение действия, что приведет к сохранению объективного значения в словоформе *в поиске*. Функционируя как именная часть составного сказуемого, *в поиске* берет на себя часть предикативной функции категории состояния.

В отличие от примера в звене Аб, в промежуточном звене словоформа *в поиске* характеризуется отвлеченностью значения, актуализированной однородными членами *в процессе самоопределения* и *в пути*: «он» не ищет какого-то конкретного предмета, и не находится в какой-то реальной пути, а находится в процессе самоопределения и поиске смысла жизни. В данном примере предложно-падежная форма *в поиске* описывает психологическое состояние субъекта, так что в ней наблюдается примерное равновесие совмещения свойств имени существительного и категории состояния.

На основании Аб, словоформа *в поиске* в звене аБ сочетается со связкой *быть*, характеризующейся полной отвлеченностью значения и служащей посредническим “узлом” между подлежащим и именной частью составного сказуемого. Главная предикативность падает на словоформу *в поиске*.

В звене Б невозможно привести пример, потому что центральное место категории состояния занимают безлично-предикативные слова на -о, имя существительное в предложно-падежных форме только «подойдут» к ним.

В зоне синкретизма находятся бесконечное количество переходных звеньев, в результате чего «шкала переходности может быть дополнена и другими звеньями (Аб₁, Аб₂ и т.д.), связана с другой шкалой, если в слове или синтаксических конструкциях синтезируются свойства нескольких типов» [1, с. 134]. И.В. Высоцкая в своем исследовании предложила другую систему выражения: «Ааб – между А и Аб, Абб – между Аб и АБ, ааб – между АБ и аБ, абб – между аБ и Б» [3, с. 10], но без помощи цифр этот вариант не удобен еще распространяться, когда нужно описывать несколько подзвеньев (ср.: Аб₁, Аб₂, Аб₃ ... и Ааб, Аааб, Ааааб ...). Среди предложений, в которых употребляются словоформа *в поиске* как категория состояния, также обнаруживаются нюансы в пропорции совмещающихся свойств. Посмотрим примеры:

- аБ – Он был **в поиске**, он был в дороге и видел мир глазами человека, мир преобразующего;
 аб₁ – Он был – **в поиске**, в процессе самоопределения, в пути.
 аб₂ – Но этот портрет не устоялся, новый тип еще не сложился, он – **в поиске**.
 Б – Пример отсутствует.

Сравнивая с звеном аБ, в звене аб, между связкой *быть* и именной частью *в поиске* ставится знак препинания «–» (тире), выделяющий две части составного сказуемого, при этом сема состояния в словоформе *в поиске* усиливается. Как правило, «**тире** между подлежащим и именным сказуемым **не ставится**, если подлежащее выражено личным или указательным местоимением» [12, с. 207-208]. Однако в звене аб₂ тире ставится для подчеркивания указания на подлежащего и укрепления связи между подлежащим и сказуемым, выраженным предложно-падежной формой существительного. Предикативность словоформы *в поиске* укрепляется.

Категория состояния является особой частью речи, характеризующейся выражением состояния в семантике и функционированием в качестве сказуемого в синтаксисе. В языковой системе происходит непрерывный переход слов из других частей речи в категорию состояния, в том числе из имени существительного в предложно-падежной форме. Причины такого языкового явления могут быть разделены на экстра-

лингвистические и лингвистические. Предыдущие отражаются в растущей потребностью самопознания и самовыражения человека, последние состоят из наличия семы состояния в семантике, функционирования предлогов, отвлеченности значения глаголов-связок и изменения синтаксической функции. Анализ по процессу перехода конкретной языковой единиц *в поиске*

показывает, что сема состояния еще может быть реализована посредством использования пунктуации, наличия однородного члена и анализа значения подчиненного дополнения (если есть). Чем теснее связь между подлежащим и предложно-падежной формой в позиции сказуемого, тем выше пропорция свойств состояния в данной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. Москва: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов. Москва: Высшая школа, 1986. 640 с.
3. ЗВысоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: дис. ... доктора фил. наук. Москва, 2006.
4. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в современном русском языке: структура, семантика, функционирование. Москва: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
5. Милованова М.С., Го Сяоюй. Учение инь-ян как мыслительная основа китайцев для восприятия теории переходности В.В. Бабайцевой // Русский язык за рубежом. 2023. № 6. С. 66-73.
6. Милованова М.С., Хуан Яньюй. Актуальные транспонированные формы имени существительного (семантика состояния) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология 2021. № 2. С. 40-50.
7. Милованова М.С., Хуан Яньюй. Транспозиция форм имени существительного: семантика и функционирование актуальных единиц (шкала переходности «имя существительное – категория состояния») // Русский язык за рубежом. 2022. № 2. С. 48-56.
8. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4-10.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
10. Пospelов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55-65.
11. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике 1958. Том I-II. Москва: Учпедгиз, 1958. 536 с.
12. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. Москва: Эксмо, 2006. 480 с.
13. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
14. Хуан Яньюй. Глагол-связка и формирование новых способов выражения семантики состояния // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020. № 4. С. 73-77.
15. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1957. 188 с.

© Го Сяоюй (guoxiaoyu150@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ

MEANS OF STRENGTHENING NEGATION IN THE LEZGIAN AND RUSSIAN LANGUAGES IN COMPARISON

K. Kerimov
G. Fatalieva

Summary: The boundaries between syntax and semantics in different languages are often blurred, since there is still no methodology for their clear definition. Against this background, various problems of increasing denial arise, which will be discussed in this article. Various types of negations will also be analyzed in a comparative analysis of the Lezgian and Russian languages as a means of reinforcing negation.

Keywords: reinforcement of negation, double negation, cumulative negation, logical complement, negative meaning, concept of negation, negative interpretation, negative elements.

Керимов Керим Рамазанович

Доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
kerimk@mail.ru

Фаталиева Гулисер Арсеновна

Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
guliser29icloud@gmail.com

Аннотация: Границы между синтаксисом и семантикой в различных языках зачастую размыты, так как пока еще нет методологии их четкого определения. На этом фоне возникают различные проблемы интерпретации способов выражения усиленного отрицания, которые рассматриваются в этой статье. Будут проанализированы типы двойного и усиленного отрицаний в лезгинском и русском языках в сопоставлении, а также средства их построения. Мы также рассмотрим примеры межъязыковых коррелятов, которые можно будет использовать в учебном процессе по этим языкам и в теории перевода.

Ключевые слова: усиленное отрицания, двойное отрицание, кумулятивное отрицание, логическое дополнение, отрицательный смысл, концепция отрицания, отрицательные элементы.

В коммуникативных актах очень важно правильно строить отрицательные предложения, поскольку их использование чрезвычайно распространено в речи как на родном (лезгинском) языке, так и на русском. Способы построения отрицательных высказываний в разных языках не совпадают, что может приводить к ошибкам в построении отрицательных высказываний, межъязыковой интерференции моделей отрицания, а следовательно, и к коммуникативным неудачам. Особенно часто такое может происходить в случае, если контактируют такие разные в структурном отношении, а также в степени теоретической разработанности языка, как лезгинский и русский. Теория отрицания в русском языке хорошо разработана, построена типология отрицания, исследованы средства построения отрицательных предложений. В описании лезгинского языка такая работа начата относительно недавно, поэтому при интерпретации отрицательных конструкций лезгинского языка важно избежать и такого явления, как механический перенос трактовок способов отрицания русского языка на менее изученные отрицательные конструкции лезгинского языка.

Отрицание – это универсальная категория языка. Кроме того, это категория не только лингвистическая, но и логическая, которая характеризует все наше мышление и наш способ понимания мира. Важно понимать, что понятие отрицания тесно связано с понятием истины, понимаемым как соответствие между ментальным пред-

ставлением (или его выражением) и его объектом в референтном мире, когда мы говорим о семантике условных выражений. Наши речевые акты или высказывания можно в общих чертах свести к двум основным модальностям: утвердительным и отрицательным.

Сфера или объем отрицания – это синтаксический уровень, на который оно воздействует. Посредством усиления отрицания изменяется истинное значение языковой единицы, к которой оно применяется. Это изменение влияет не только на грамматическое предложение, но и на второстепенные синтаксические элементы, такие как предложения, фразы, слова и т.д. [4, с.71]

В некоторых языках двойным, кумулятивным или множественным отрицанием порождаются утвердительные высказывания, т.е. отрицание как таковое отменяется; в других языках применение двойного отрицания усиливает отрицательный смысл предложения [8, с.82].

Обычно усиление отрицания используется для указания на полный охват или множественность субъектов, обстоятельств, в отношении которых применяется отрицание, либо, напротив, для указания на ограниченность сферы действия отрицания. Например, в русском языке существует много средств усиления отрицания, которые употребляются в предложении вместе с отрицательной частицей *не*, словами *нет*, *нельзя*, *невозможно*, *ничего*. Например, *я знаю, как это произошло* мы получаем *я не*

знаю, как это произошло. Из фразы *я мог многое сделать, чтобы избежать этого* мы получаем: *я ничего не мог сделать, чтобы избежать этого*. Из выражения *я всегда думал, что что-то подобное может случиться* мы получаем *я никогда не думал, что что-то подобное может случиться*. Из выражения *это повторится снова* мы получаем *это больше никогда не повторится*. Из *были хорошие прогнозы* мы получаем *нельзя полагаться на хорошие прогнозы*.

В лезгинском языке при наличии в высказывании отрицательного слова (*-ни*) обязательна и отрицательная форма глагола. При отсутствии отрицательного слова употребляется только отрицательная форма глагола, т.е. предложение строится с одним отрицанием [2, с.67]. Рассмотрим отрицание на лезгинском языке: *За ихьтин кар жеда лагыана гьич фикирнавачир 'Я совсем не думал, что так получится'*. Здесь одно отрицательное предложение с усиленным, кумулятивным, отрицанием, состоящим из отрицательной формы глагола и отрицательного слова наречной семантики *гьич (гьич-ч)* 'совсем-не' (*гьич* и *фикирнавачир* 'совсем не думал'). Отрицательная форма глагола и отрицательное слово (*гьич*). Во фразе *Заз и кар гьич1 хьанат1а чидач* 'Я это дело как случилось не знаю' одиночное, простое отрицание.

Однако грамматика не всегда так проста, и в конце концов всегда возникают сложности при понимании отрицательного высказывания. Дело начинает усложняться, когда мы останавливаемся, чтобы проанализировать предложение и выражения, подобные следующим: *Я не мог оторвать глаз; Души в этом человеке не было видно; Я не мог видеть того, чего нет*. Сравним с лезгинским *Авачир кар заз акунач*. Данные отрицания не имеют своей прямой утвердительной трактовки.

Таким образом, не каждое отрицательное утверждение происходит от утвердительного и существуют структуры или конструкции, которые обязательно нуждаются в существовании усиления отрицания. Таким методом усиления можно считать двойное или кумулятивное усиление отрицания [7, с.88].

Двойное отрицание – это очень характерная возможность усиления отрицания для русского и лезгинского языков, заключающаяся в использовании двух отрицательных элементов в одной и той же отрицательной структуре: *Чтобы никто не приходил; Больше ничего не было нужно*. Или тройное отрицание: *Я никогда никуда их не беру*.

Важно понимать, что как в русском, так и в лезгинском, языках средства усиления отрицания используются для усиления отрицательного смысла высказывания. Мы можем говорить такие фразы, как *Никто не приходит, Он ничего не говорит* или *Я ничего не хочу*, не допуская при этом ошибки.

Сопоставим отрицания с такими же фразами на лезгинском языке

Садни кьвен тийидавал 'Никто не приходил чтобы', Мад са зат1ни герек авачир 'Больше ничего не нужно было'. Здесь кумулятивное усиление отрицания обусловлено двумя присловными (*-ни*) при разных второстепенных членах предложения. Местоименный элемент *са* 'один' в контексте отрицаний *-ни, -ч* выполняет усилительную функцию и является факультативным. Например, предложения типа *Заз санани касни акунач 'Я нигде никого не видел'* принципиально не отличаются от кумулятивного отрицания.

Сопоставим подобные высказывания на лезгинском и русском языках: *Я никогда не думал, что что-то подобное может случиться 'За ихьтин кар жеда лагыана гьич фикирнавачир'; Чтобы никто не приходил; Больше ничего не было нужно, Садни кьвен тийидавал, 'Мад са зат1ни герек авачир*.

Таким образом, оба языка допускают использование в одном предложении отрицания *не*, лезгинское *-ч, -ч-* в сочетании с другими элементами (наречиями, местоимениями, прилагательными, существительными или выражениями, имеющими отрицательное значение) [3, с.72].

Как видим, двойное отрицание, или 'кумулятивное отрицание происходит из-за обязательного отрицательного соответствия, которое должно быть установлено в различных языках при определенных обстоятельствах, что приводит к совместному присутствию в высказывании наречия *нет* и других элементов, которые также имеют отрицательный смысл [4, с.73].

Говоря об усилении отрицания, нельзя не привести общую концепцию усиления отрицания: существуют специальные слова, которые добавляются к субъекту открытого высказывания, чтобы преобразовать его в предложения. Эти типы предложений называются категорическими, которые утверждают или отрицают некоторое количество подлежащего предложения, то есть сказуемое утверждает или отрицает для всех или некоторых категорию (в данном случае подлежащее). Предложения-категории имеют следующую форму [5, с.28]:

- Все S равно P
- Никакое S не является P
- Некоторый S равен P
- Некоторый S не является P

И именно здесь возникает логическое отрицание, отрицание предложения категории 1 равно 2, а отрицание 3 равно 4 и наоборот, т.е.:

- Отрицание 'все S есть P – это ни одно S не является P'.
- Отрицание 'нет S есть P – это все S есть P'.
- Отрицание 'некоторый S равен P' – это 'некоторый S

не равен Р'

Отрицание 'некоторый S не является Р' – это 'некоторый S является'.

Может показаться логичным, что, отрицая отрицание, мы на самом деле утверждаем: «если никто не приходит, значит, на самом деле, кто-то приходит»; если «я ничего не хочу», значит, «я на самом деле чего-то хочу». Но иногда логика вступает в противоречие с языком, и происходит обратное тому, что могло бы показаться, как в данном случае. Поэтому можно утверждать, что в русском языке двойное отрицание не становится утверждением, а функционирует как элемент подкрепления и усиления: *Я не пролью ни одной слезы*. В синтаксических контекстах двойное отрицание также усиливает отрицательный смысл. Хотя существует несколько форм отрицания, где сочетание элементов будет зависеть от выразительности говорящих: *Я никогда его не навещу; Он никогда этого не получит; Они тоже не придут* и другие. Можно привести и другие, более сложные примеры отрицания других утверждений этого типа, но для этого требуются другие логические связки на аналогичных примерах, такие как, например: *У моей собаки есть лапы и хвост*. Его отрицание было бы: *У моей собаки нет ни лап, ни хвоста*. Чтобы объяснить эту номенклатуру, требуется изучение логического соединения и дизъюнкции, как в русском, так и в лезгинском языках.

Например, наречие *нет* имеет некоторые недостатки в отрицании предложений такого типа. Правильный способ опровергнуть утверждение *У некоторых собак есть хвост* – это: *Это неправда, что у некоторых собак есть хвост*. Это то же самое, что сказать: *Ни у одной собаки нет хвоста*. Таким образом, частица **ни** также служит усилением отрицания: *Я не читал ни одной из этих книг; Я бы не согласился ни с его планом, ни с его матерью; Это не был ни один из них; Я не слышал ни о ком из них; Я не верю ему ни на минуту*. Форма и интерпретация этих негативных контекстов определяются положением, которое занимают указанные элементы, и их отношением к лексическим свойствам сопровождающих негативных слов в структуре предложения.

Также, как и в русском языке, для усиления отрицания в лезгинском используются неопределенные элементы: *никто, ничто*: *На вечеринку никто не пришел* (ср. лезг.: *Вечеринкадиз касни атанач*); *Мой брат не сделал ничего из того, что ему было сказано* (ср. лезг.: *Зи стхади адаз лагъай крарикай са карни авунач*); То, что ты предлагаешь, никто не примет (ср. лезг.: *Вуна лугъузвайди садани фикирдив къадач*); *Никто не знает, что на самом деле произошло той ночью* (ср. лезг.: *А йифиз вуч хъанайт1а садазни чидач*); Ничего из того, что он сказал, не соответствует действительности (ср. лезг.: *Ада лагъай гафарикай садни гъакъитдив тук1вейбур туш*); Никто не приходил за призом' (ср. лезг.: *Приз къачун хъийиз садни*

къвезвачир); *Этого никто не хочет* (ср. лезг.: *И кар садазни к1анзвач*). Как мы видим, в зависимости от логики высказывания в лезгинском языке используются наречия **садни, садани, садазни**, а в некоторых случаях с дополнительной частицей *туш* 'не есть, не является'.

Усиление отрицательной семантики предложения достигается за счет использования, во-первых, отрицательных местоимений, образуемых, как известно, от числительного **са** с помощью частицы **-ни**: *Это не был ни один из них*, (ср. лезг.: *Ам абурукай садни тушир*).

Это изменение объясняется с двух точек зрения. С одной стороны, необходимо постоянно менять термины, используемые в качестве подкрепления, поскольку это единственный способ добиться усиления негативного значения, которого предполагается достичь за счет их использования. С другой стороны, необходимо, чтобы используемые термины соответствовали схемам оценки, существующим на момент их использования. Логически было бы бесполезно ссылаться на объекты, малость или незначительность которых не всем известна и должны быть поняты людьми, участвующими в языковом диалоге. Поэтому наличие двух отрицательных элементов может зависеть от различных факторов. *Мухаммад прождал один час, но этот человек так и (вообще, совсем) не пришел*. Нередко в отрицательных предложениях отрицание логически эквивалентно утверждению: *Акьулдиз текъведай кар авач* 'Нет ни чего, что не могло бы прийти на ум'.

Лезгинские предложения типа *Заз санани касни акунач* 'Я нигде никого не видел' в принципиальном плане не отличаются от кумулятивного отрицания.

В самой простой форме усиление отрицания в лезгинском языке можно выразить с использованием следующих конструкций: финитных глагольных форм, образующих отрицательные корреляты с помощью суффикса **-ч** или отрицательной связки **туш**: *За и ктабрикай садни к1ел авурди туш* 'Я не читал ни одной из этих книг'; *Зун садрани операдиз фейиди туш* 'Я никогда в оперу не ходил'; *Заз ам гъинват1а чизвач* 'Я ничего не знаю о его местонахождении'; *Заз садрани физический упражнения ийизвач* 'Я никогда не занимаюсь физическими упражнениями'; *Зун адахъ гъич са декъикъани инанмиш туш* 'Я не верю ему ни на минуту'; *За и кар садрани хиве къадач* 'Я этого дела никогда на себя не возьму'.

Средства усиления отрицания в лезгинском и русском языках строят одно отрицательное предложение с одним усиленным кумулятивным отрицанием: одним фразовым (**-ч**) и двумя присловными (**-ни**) при разных второстепенных членах предложения. Кумулятивное отрицание в лезгинском языке можно представить следующими примерами: *Са гафни масабуравай жузамир* 'Ни

слова у других не спрашивай'. Это предложение содержит два средства выражения отрицания: 1) *са гафни* 'ни слова' (одно слово даже // и одного слова), 2) *жузамир* 'не спрашивай'. Сравнение лезгинского предложения и его перевода показывает, что наличие слов с формально неотрицательным, 'внутренним' отрицанием типа 'одного слова даже', по смыслу соответствует русскому 'ни слова' и предполагает обязательность отрицательной формы сказуемого. Сочетания типа: *са гафни* 'одного слова даже', *са ст1ални* 'одной капли даже', *са югъни* 'одного дня даже', *са касни* 'одного человека даже', – очень похожи по функциям на русские *ни слова, ни капли, ни дня, никто*.

Логическое отрицание обычно рассматривается как связующее, но как монадический оператор, поскольку оно влияет только на предложение, оно также носит название логического дополнения. Учитывая важность отрицания по смыслу предложения, и учитывая, что оно обычно обозначается второстепенными элементами предложения, которые имеют отрицательную форму. Это явление встречается во многих языках, в том числе и лезгинском [2, с.99]. Если эти элементы поставлены перед глаголом, он не сопровождается наличием отрицания *нет*: *Ада лугъузвай са зат1унизни мана авач; Абурукай садни актер туш*. Но если они переходят к глаголу, то ему обязательно должно предшествовать наречие *нет*: *Зун садрани театрдиз фидач; За садрани и кар ийидач; И кар садазни чизвач* – ('Я никогда не пойду в театр', 'Я никогда больше так не сделаю', 'Этого никто не знает'). Здесь совпадение этих двух отрицаний не отменяет негативного смысла высказывания, а наоборот его усиливает.

Таким образом, с помощью агглюкативного суффикса *-ч* в лезгинском языке образуются отрицательные формы сказуемого, а с использованием отрицательной формы связки *туш* можно наблюдать отрицательные формы зависимых предикатов. В свою очередь, наречия, такие как *никогда* или *ни то, ни другое*, или слова *никто, ничто* или выражение *в жизни* (эквивалент *никогда*), как и группы, содержащие отрицательное совокупительное соединение *ни*, могут появляться объединенными в предложения с отрицательным значением.

Однако, чтобы это было возможно, элементы в предложении должны быть расположены определенным образом. Например, в русском языке будет двойное отрицание, когда глаголу в предложении предшествует наречие *нет* (*не*), в то время как второй отрицательный элемент может стоять в разных частях предложения. В лезгинском же языке отрицательный элемент находится после глагола, а усилительное наречие всегда перед смысловым глаголом. Следовательно, второе отрицание в лезгинском языке используется только для усиления отрицания, то есть для кумулятивного отрицания.

Для сравнения приведём параллельно примеры с усиленным отрицанием на русском языке и их переводы на лезгинском языке.

<p>У меня нет никаких сомнений в его национальности. <i>Изабелла никогда не каталась на лыжах</i> <i>Он сказал, что никогда не вернется в старый дом своих бабушки и дедушки.</i> <i>Я бы не согласился ни с его планом, ни с его матерью.</i> <i>Я не верю ничему из того, что он сказал</i></p>	<p><i>Заз адан миллет гым ят1а са шакни авач</i> <i>Изабеллади садрани лыжаяррал авахьунар авур туш</i> <i>Ада вичин бадедин иски к1вализ вич садрани хкведач лагъана</i> <i>Зун я адан фикиррихь, я адан диде-дихь галаз рази жедачир</i> <i>Ада лагъай са гафинихьни зун аنا-миш жезвач</i></p>
---	--

Таким образом, в лезгинском, как и в русском языке усиление отрицания выражается с помощью различных средств, среди которых независимые частицы (*нет, никогда, никто, никто и т.д.*) являются самыми распространенными, сюда также можно отнести словосочетания и выражения, которые логически и по смыслу выражают значение этих наречий. То есть объем отрицания соответствует совокупности слов, на которые оно влияет, в то время как фокус соответствует слову или фразе в пределах объема, которые явно отрицаются. Наиболее распространенная процедура грамматического отрицания в лезгинском языке состоит в добавлении наречия не к глаголу: отрицание предложения. Функция этого недвербального выражения состоит в том, чтобы выразить противоречие тому, что утверждается глагольной фразой, на которую оно влияет. В тоже время в рамках понятия 'отрицание' концепции отрицания, 'не' и 'нет' тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга. Как мы убедились в лезгинском и русском языках не существует таких форм, которые были бы лишены отрицательного значения.

Выводы

В лезгинском языке двойное отрицание используется для усиления отрицательного смысла высказывания. Можно сказать 'никто не приходит', 'он ничего не говорит' или 'я ничего не хочу', не допуская при этом ошибки. Лезгинский язык допускает использование в одном предложении наречия отрицания не в сочетании с другими элементами (наречиями, местоимениями, прилагательными, существительными или словосочетаниями), имеющими отрицательное значение. Поэтому такие наречия 'никогда', как и группы, содержащие отрицательное совокупительное соединение не могут появляться объединенными в предложения с отрицательным значением. Однако, чтобы это было возможно, элементы в предложении должны быть расположены определенным образом. Форма и интерпретация этих негативных контекстов определяются положением, ко-

торое занимают указанные элементы, и их отношением к лексическим свойствам сопровождающих негативных слов в структуре предложения. С лингвистической точки зрения отрицание, в конечном счете, не так просто, как сказать всему 'нет'. Язык допускает множество других, более оригинальных, смелых и даже забавных альтернатив в каждом конкретном случае как на русском, так и на лезгинском языках. Другими словами, усиление отрицания должно рассматриваться как явление, относящееся к конкретному языку, посредством которо-

го изменяется истинное значение языковой единицы, к которой оно применяется. Это изменение влияет не только на грамматическое предложение, но и на второстепенные синтаксические элементы невербального характера, такие как синтаксисы, предложения, фразы, слова и т.д. Учитывая тот факт, что в русском и лезгинских языках все отрицания можно разделить частные и общие, специфической чертой кумулятивного отрицания является взаимодействие отрицательных элементов в пределах предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.Н. Лезгинский язык/У. А. Мейланова - Москва: Academia, 1997 - 174 с.
2. Алигусейнова Ф.Ш. Типология отрицания в лезгинском и английском языках. Диссертация ... кандидата филологических наук. Махачкала, 2007. - 132 с.
3. Ахмедов Т.Н. Коммуникативные типы высказывания в лезгинском языке (в сопоставлении с русским). М.: Академия, 1999. - 88 с.
4. Бахарев А.П. отрицательные односоставные предложения в современном русском языке//Русский язык в школе. -1981. - № 5. - С.70-73.
5. Бондаренко В.Н. отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983. - 58 с.
6. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б. Б. современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. - 482 с.
7. Керимов К.Р., Севзиханова Э.М. К сопоставительному изучению общего и частного отрицания в лезгинском и русском языках. Мир науки, культуры, образования. № 2,2021 - С.88.
8. Казимьянец Е.Г. способы выражения отрицания в современном русском языке: билингвальный анализ. Диссертация... кандидата филологических наук. Языкознание, №3, 1987 - 102 с.
9. Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002. - 78 с.

© Керимов Керим Рамазанович (kerimk@mail.ru), Фаталиева Гулисер Арсеновна (guliser29icloud@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОР ЦВЕТА КАК ЭКСПЛИКАТОР НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В РОМАНЕ САЛМАНА РУШДИ «MIDNIGHT'S CHILDREN»

Колесникова Анна Викторовна

*Аспирант, Балтийский Федеральный Университет имени
Иммануила Канта, (г. Калининград)
kolesnikova192015@gmail.com*

COLOR FACTOR AS AN EXPLICATOR OF NATIONAL-HISTORICAL COLOR IN SALMAN RUSHDIE'S NOVEL "MIDNIGHT'S CHILDREN"

A. Kolesnikova

Summary: Examines the features of the use of the lexemes green, saffron and black as means of realizing national and cultural flavor in the text of S. Rushdie's novel "Midnight's Children". The ambivalence of the adjective green is noted, which acquires a positive connotation in combination with the adjective saffron and functions in combination with the adjective black as a marker of negative connotation characteristic of certain episodes of the text of the novel. The importance of color symbolism for conveying the author's personal point of view on fateful events in the history of India and in the life of the main characters of the novel is stated.

Keywords: national-cultural aspect, symbolism of color, history of India.

Аннотация: Рассматриваются особенности употребления лексем green, saffron и black как средств реализации национально-культурного колорита в тексте романа С. Рушди «Midnight's Children». Отмечается амбивалентность прилагательного green, приобретающего в сочетании с прилагательным saffron положительную коннотацию и функционирующего в сочетании с прилагательным black в качестве маркера отрицательной коннотации, характерной для определенных эпизодов текста романа. Констатируется значимость символики цвета для передачи личной точки зрения автора на судьбоносные события в истории Индии и в жизни главных героев романа.

Ключевые слова: национально-культурный колорит, символика цвета, история Индии.

В последние десятилетия особую популярность в сфере лингвистики приобретают когнитивно ориентированные научные исследования, в рамках которых, по определению В.З. Демьянкова и Е.С. Кубряковой, язык изучается как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [6]. Н.Н. Болдырев подчеркивает, что одной из центральных задач лингвистов-когнитологов является рассмотрение особенностей взаимодействия языка с «различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью» [2]. При этом в качестве объекта, согласно Н.Ф. Алефиренко, выступают «различные структуры знания и языковые способы и механизмы их обработки, хранения и передачи, способы познания и концептуализации окружающего мира и их отражение в языковых единицах и категориях» [1]. Центральной проблемой когнитивной лингвистики в целом является познание субъектом реальной действительности, способствующее моделированию языковой картины мира [10]. По словам А. Вежбицкой, языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [4].

В своей работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» О.А. Корнилов

подчеркивает множественность языковых картин мира, подразумевая при этом научную картину мира, которая заключается в совокупности научных знаний о мире для развития человеческого общества, картину мира национального языка как совокупность лексических эквивалентов, существующих в коллективном национальном сознании, и, наконец, индивидуальную языковую картину мира, которая представляет собой воплощение сознания отдельного человека, носителя того или иного национального языка [9].

Характерной особенностью индивидуальной картины мира является то обстоятельство, что она отражает особенности человеческого восприятия сквозь призму личностного мировидения. В данной связи вполне понятно, что модель мира автора любого литературного произведения получает свое воплощение в соответствующем тексте.

Одной из важных эстетических категорий текста, эксплицирующих авторскую модель мировосприятия, является категория цвета [7]. В свое время важность и актуальность символики цвета как эстетического способа создания образа отмечал еще известный русский филолог В.В. Виноградов, который писал следующее: «Цветовосприятие и цветопонимание писателя являются одним из показателей его внутреннего духовного склада... С

этой точки зрения изучение цветовой палитры писателя представляет собой специфический метод познания его собственной психологии; способности воспринимать и отображать мир художественной выразительности его произведений» [3].

Не случайно поэтому номинации цвета стали своеобразным лейтмотивом в романе «Midnight's Children», созданном всемирно известным британским писателем индийского происхождения, лауреатом Букеровской премии Салманом Рушди. Именно эта книга вывела индийскую литературу на английском языке на международную литературную арену. В романе описывается современная история Индии с начала двадцатого века до чрезвычайной ситуации 1976 года, введенной Индирой Ганди.

Следует отметить, что это произведение написано в жанре магического реализма, который представляет собой сочетание реальных событий с вымышленными фактами. Данное обстоятельство предполагает, как пишет П.А. Губич, «принятие действующими лицами магических элементов или событий» [5]. В результате С. Рушди комбинирует исторические факты и действия значимых в истории Индии политических личностей с жизненными обстоятельствами своих вымышленных героев, которые наделены магическими способностями [8].

Роман, являющийся предметом нашего исследования, носит название «Midnight's Children», что в переводе на русский язык означает «дети полуночи». Метафорический характер заголовка обусловлен принадлежностью рассказчика - главного героя Салема Синая, способного к телепатическому общению, к числу 1000 и 1 младенцев, рожденных в полночь на территории страны в первые часы существования независимой Индии. В этой ситуации достаточно отчетливо просматривается аллюзия на известный сборник восточных сказок «Тысяча и одна ночь», что служит экспликатом волшебных переплетений судеб реальной Индии и вымышленных персонажей С. Рушди.

Таким образом, сюжет повествования неизбежно развивается на фоне реалий жизни и быта индийского народа в указанный исторический период. В процессе создания национально-культурного колорита автор активно использует в тексте романа номинации цветообозначения, которые становятся маркерами его индивидуальной художественной картины мира.

В рамках цветовой символики важная роль в романе С. Рушди принадлежит трем цветам – зеленому (*green*), шафрановому (*saffron*) и черному (*black*), которые функционируют в тексте в различных комбинациях. Сразу необходимо подчеркнуть, что зеленый и шафрановый, которые являются ведущими цветами в произведении,

входят в индийский триколор (шафрановый, белый, зеленый). Зеленый цвет является стержневым и на протяжении всего романа идет в паре с шафрановым, приобретающая положительную коннотацию, а в паре с черным он приобретает противоположное значение.

Комбинация зеленого и шафранового цветов упоминается в романе с первых строк, когда описывается рождение «полуночных детей» в час провозглашения независимости Индии. Вполне очевидно, что такая аллюзия на два цвета индийского флага должна маркировать описание начала новой эпохи в жизни как всего индийского народа, так и главных героев произведения.

Сочетание номинаций *green* и *saffron* сопровождает изображение первых минут появления на свет рассказчика и главного «ребенка полуночи» Салема Синая, а также его будущего заклятого врага Шивы:

Suddenly everything is saffron and green. Amina Sinai in a room with saffron walls and green woodwork. In a neighboring room, Wee Willie Winkie's Vanita, green-skinned, the whites of her eyes shot with saffron, the baby finally beginning its descent through inner passages that are also, no doubt, similarly colorful. Saffron minutes and green seconds [...] to the colors of the night—saffron rockets, green sparkling rain; the men in shirts of zafaran hue, the women in saris of lime. On a saffron-and-green carpet [13, p.125].

Как свидетельствует данный текстовый фрагмент, функционирующие в нем цветовые номинации соотносятся не только с атрибутами объективной действительности, но и с абстрактными явлениями, что способствует созданию целостного локально-темпорального континуума.

Так, атрибутика реального мира касается описания помещения роддома, в котором находятся две женщины, две будущие матери «особенных» детей - Салема и Шивы. Все пространственные параметры изображаются только в двух цветах, которые соответствуют цветам национального флага, что символизирует единство судеб главных героев и индийского народа. Прилагательное *saffron* референциально соотносится со стенами комнаты (*saffron walls*), ковром в сочетании с прилагательным *green* (*a saffron-and-green carpet*) и даже со зрачками Ваниты (*her eyes shot with saffron*) – биологической матери Салема.

Любопытной деталью данного фрагмента повествования является цветовая метафоризация темпоральных параметров текста: в первый час рождения «детей полуночи» минуты становятся шафрановыми (*saffron minutes*), а секунды – зелеными (*green seconds*).

Подобная цветовая атрибутика сохраняется в произведении С.Рушди при описании внешней для главных героев романа реальной действительности, то есть улиц

Бомбея в торжественную ночь принятия Индией национальной независимости. Об этом свидетельствуют «цвета ночи» (**colors of the night**) - шафрановые фейерверки (**saffron rockets**) и зеленый искрящийся дождь (**green sparkling rain**), упоминаемые в вышеописанном текстовом примере. Важным атрибутом этой праздничной атмосферы служит одежда ликующих горожан, среди которых мужчины нарядились в шафрановые рубашки (**shirts of zafaran hue**), а женщины в зеленые сари, или, точнее, сари цвета лайма (**saris of lime**). При этом обращает на себя внимание лексема **zafaran**, представляющая собой англизированный вариант индийской номинации шафранового цвета. Весь мир становится в эту ночь для жителей Бомбея двухцветным, наполненным шафраново-зеленым светом:

It is twenty-nine minutes to midnight. [...] Saffron-shirted, green-skirted, they throng in the illuminated streets, [...] wicks float in the lamps, which line every balcony and rooftop, and these wicks, too, conform to our two-tone color scheme: half the lamps burn saffron, the others flame with green [13, p.127].

В приводимом ниже фрагменте текста цитируется один из следующих эпизодов воспоминаний рассказчика о том, что на следующий день после его рождения общее ликование продолжается и усиливается внимание к нему самому, рожденному в эту самую ночь. В дом к Салему приходят репортеры из местной газеты, которые берут интервью у матери малыша, лежащего в комнате шафраново-зеленого цвета в зеленой люльке и завернутого в шафрановую пеленку:

But I've saved the most interesting snippet for the last. So let me reveal now that, on the day after I was born, my mother and I were visited in a saffron and green bedroom by two persons from the Times of India (Bombay edition). I lay in a green crib, swaddled in saffron, and looked up at them. [13, p. 130].

Для усиления эффекта в эту фантастическую картину автор вводит историческое лицо – Джавахарлала Неру, который как будто на самом деле комментирует факт рождения Салема Синая в связи с важностью этого события для жителей всей страны. Вполне понятно, что подобный сюжетный ход является очередным свидетельством принадлежности романа к жанру магического реализма.

Следует упомянуть то обстоятельство, что Джавахарлал Неру — лидер национально-освободительного движения Индии, а также отец Индиры Ганди изображен в произведении С. Рушди как великий оратор, произносящий речь сразу после принятия Индией независимости. Неслучайно поэтому во время его речи поднимается индийский триколор, который является ознаменованием успешного правления Дж.Неру:

No time for ill-will. We have to build the noble mansion of free India, where all her children may dwell." A flag unfurls: it is saffron, white and green [13, p. 128].

Комбинация зеленого и шафранового цветов как символ светлого будущего индийской нации неоднократно используется автором на протяжении всего романа, что наблюдается, в частности, в следующем текстовом примере, в котором первое поднятие национального флага сопровождается появлением на небе радуги, окрашенной в национальные цвета Индии:

... when the Indian flag was first raised, for instance, a rainbow appeared above that Delhi field, a rainbow of saffron and green; and we felt blessed [13, pp. 315-316].

Однако, как указывалось выше, сочетание лексемы **green** с лексемой **black** функционируют в тексте романа при описании событий, отмеченном явно выраженной авторской негативной коннотацией.

Вполне наглядно это проявляется при изображении времени правления другого известного политического деятеля - Индиры Ганди, которая пришла на смену своему отцу Дж. Неру. Автор произведения символично называет ее «Вдовой» (Widow) не только из-за реального статуса этой женщины, но и потому, что понятие вдовы является знаком дурного предзнаменования в индийской культуре. По мнению индийского литературоведа Д.К.Р.А. Гуннетелика (D.C.R.A. Goonetellieke), образ Индиры Ганди в определенной степени напоминает злую ведьму из романа известного немецкого писателя 20 века Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» [12].

Данный факт обусловлен тем обстоятельством, что правление И. Ганди было осложнено рядом антигуманных шагов, а также, как указывает Е.С. Юрлова, оно «сопровождалось строжайшей цензурой, массовыми арестами оппозиционных лидеров, коррупцией, подрывом основ демократии, насильственной стерилизацией миллионов мужчин» [11]. Неслучайно поэтому «Вдова» как олицетворение зла является в кошмарах Салему Синаю:

NO COLORS EXCEPT green and black the walls are green the sky is black (there is no roof) the stars are green the Widow is green but her hair is black as black. [...] chair is green the seat is black the Widow's hair has a center-parting it is green on the left and on the right black. High as the sky the chair is green the seat is black the Widow's arm is long as death its skin is green the fingernails are long and sharp and black. Between the walls the children green the walls are green the Widow's arm [...] is green the children scream the fingernails are black [...] the Widow's hand curls round them green and black. [...] Widow's hand is lifting one by one the children green their blood is black unloosed by cutting fingernails it splashes black on walls (of green) [...]the sky is black [...] her tongue is green but her teeth are black. [...]the balls are green the night is black. [...] And in a corner the Monkey and I (the walls are green the shadows black) cowering crawling wide high walls green fading into black [...] splashing stains of black. [...] the skin is green the nails are black towards [...] skin is green our fear is black [...] splash of black and up into

the high as sky and laughing Widow tearing I am rolling into little balls the balls are green and out into the night the night is black ... [13, p.222].

В цитируемом фрагменте содержится описание сна главного героя во время лихорадки, которая произошла с ним накануне дня его рождения. Автор уделяет самое пристальное внимание всем мельчайшим деталям жуткого сновидения с особым акцентом на их цветовых составляющих. Так, в этом эпизоде стены комнаты окрашены в черные и зеленые цвета, черным является небо, а звезды на нем зеленые. Волосы Вдовы, сидящей на зеленом троне, обладают черным и зеленым оттенками. У нее зеленый язык и черные зубы, и трижды в описании внешности Вдовы упоминается зеленый цвет ее ногтей и черный цвет пальцев: именно этими руками она разрывает на куски в сновидении Салема его самого и всех «детей полуночи», превращая их в зеленые шарики, брызгающие черной кровью. Уничтожая детей, обладающих магическими способностями и олицетворяющих надежду нации, Вдова превращается в разрушительную силу, лишаящую страну светлого будущего.

Подводя краткие итоги вышесказанному, представляется возможным констатировать факт несомнен-

ной важности цветовой символики в фабуле романа С.Рушди, в котором наряду с фантастическими эпизодами описываются фрагменты реальной действительности из истории Индии. Экспликаторами этой символики являются номинации *green*, *saffron*, *black*, которые на протяжении всего повествования употребляются в двух вариантах: парная комбинация *green* и *saffron* референциально соотносится с положительными событиями, в то время как комбинация цветовых номинаций *green* и *black* характерна для эпизодов, связанных с отрицательными моментами. Кроме того, цвета индийского триколора *green* и *saffron* становятся своеобразным символом эпохи правления Дж. Неру, верившего в самобытность индийской нации, способной противостоять враждебным влияниям, и оставшегося в благодарной памяти индийского народа. Для описания времени правления Индиры Ганди автор выбирает сочетание зеленого цвета как цвета надежды с черным цветом, уничтожающим эту надежду. Немаловажным является и то обстоятельство, что эти цветовые маркеры в некоторой степени определяют жизненный путь главных героев романа, в особенности самого Салема, поскольку, по мнению писателя, судьба каждой отдельной личности неразрывно связана с судьбой ее родного народа и страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта: Наука, 2005. С.174 – 199.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Изд. 2-е, стер. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
3. Виноградов. В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
4. Вежицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33-38.
5. Губич П.А. Магический реализм в романе «Дети полуночи» Салмана Рушди // Скориновские чтения – 2021: роль книги в современном обществе: материалы V Междунар. форума, 07–08 окт. 2021 г. / под ред. В.И. Куликовича, О.А. Данько. Минск: БГТУ, 2021. С. 205–208.
6. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 53–55.
7. Капнина Г.И., Коротяева И.Б. Концепт «цвет» в языковой картине мира // Филология и лингвистика. 2016. № 1 (3). С. 20-23. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/23/505/> (дата обращения: 03.02.2024)
8. Колесникова А.В. Магический реализм в произведении Салмана Рушди «Дети полуночи» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. № 1(25). С. 361 – 366.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие]. 3-е изд. испр. М.: ЧеРо, 2011. 350 с.
10. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия». 2001. 208 с.
11. Юрлова Е.С. Индира и Санджай Ганди – трагическая связь, приведшая к катастрофе // Историческая психология и социология истории. 2018. №2. С. 191– 201.
12. Goonetilleke, D. C. R. A. Salman Rushdie Modern Novelists. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 168 p.
13. Rushdie, S. *Midnight's Children*. New York: Random House Inc., 1991. 484 p.
14. URL: https://www.coursehero.com/lit/Midnights-Children/character-analysis/#Saleem_Sinai (дата обращения: 05.02.2024).

© Колесникова Анна Викторовна (kolesnikova192015@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И ВООРУЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

SPECIFICS OF MILITARY TERMINOLOGICAL VOCABULARY FUNCTIONING IN THE MODERN WORLD (ON THE EXAMPLE OF MILITARY EQUIPMENT AND WEAPONS NOMINATIONS IN ENGLISH AND RUSSIAN)

*L. Kopreva
E. Shpalchenko*

Summary: This article discusses the specifics of the functioning of the main conceptual categories of special military terminology vocabulary in the modern Russian and English information discourse. The cognitive vector of interpretation made it possible to combine general scientific and linguistic research methods – methods of analysis, systematization, descriptive and interpretive, a categorization method, logical comparison and a derivational method, the use of which made it possible to solve the problem. The role and functions of metaphor in the process of terminological derivation in the information discourse of the integrative military field of knowledge have been identified. It was concluded that one of the current types of terminological modeling in the language of mass communication military discourse is the semantic-metaphorical modeling.

Keywords: military terminology, information discourse, conceptual category, terminological derivation, functions of the term, metaphor, terminological modeling, semantic-metaphorical modeling.

Копрева Лариса Геннадиевна

кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
successalways42@mail.ru

Шпальченко Элина Петровна

кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
elina2229@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика функционирования основных понятийных категорий специальной лексики военной терминологии в современном информационном дискурсе русского и английского языков. Когнитивный вектор интерпретации позволил сочетать общенаучные и лингвистические методы исследования – методы анализа, систематизации, описательный и интерпретационный, метод категоризации, логического сопоставления и деривационный метод, применение которых позволило решить поставленные задачи. Выявлены роль и функции метафоры в процессе терминологической деривации в такой сфере употребления языка как информационный дискурс интегративной военной области знания. Сделан вывод, что одним из актуальных типов терминологического моделирования в языке средств массовой коммуникации военного дискурса является семантико-метафорическое моделирование.

Ключевые слова: военная терминология, информационный дискурс, понятийная категория, терминологическая деривация, функции термина, метафора, терминологическое моделирование, семантико-метафорическое моделирование.

В настоящее время лингвистическая ситуация, характеризующаяся «информационным взрывом» – интенсивным ростом средств и способов межнационального общения, вынуждает нас акцентировать внимание на расширении и изменении лексических значений слов, а также на роли терминов и терминологической системы в языке.

Военная терминология во многом связана с политическими событиями современного общества, необходимостью силового разрешения геополитических и экономических противоречий, другими экстралингвистическими факторами. Стремление наций построить более совершенную военную организацию предпо-

лагает более эффективное государственное и военное управление, военное и экономическое развитие, основанное на научно-техническом прогрессе, расширение и модернизацию военного арсенала и информационное взаимодействие.

В свою очередь, реформирование и модернизация военной сферы государства приводит к расширению системы специальных терминов. Военная терминология пополняется большим количеством лексических единиц, структурирующих также и смежные предметные области знания. Терминологическая активность напрямую зависит от продуктивности военной и технологической сфер, в которых создаются новые понятия, вербализуе-

мые в языке в виде терминов-слов. Термины-неологизмы, заполняющие информационное пространство военного, научно-публицистического и информационного дискурса средств массовой информации (СМИ), в дальнейшем упорядочиваются и фиксируются в специальных словарях, пройдя определенные этапы когнитивного осмысления, отбора и закрепления в языке.

Целью данной статьи является исследование функционирования военной терминологической лексики в современном информационном дискурсе русского и английского языков.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть существующие определения понятия «военная терминология»;
2. рассмотреть категориальную классификацию понятий в системе военной терминологии;
3. проанализировать функции лексических единиц-неологизмов военной терминологии в информационном дискурсе на примере номинации военной техники и вооружения;
4. определить специфику метафоры как одного из способов терминологического моделирования при изменении семантики общеупотребительной лексики для нужд военной терминологии.

В статье использовались общенаучные методы исследования: метод анализа, систематизации, интерпретационный метод и метод категоризации. В качестве основного из лингвистических методов исследования применялся описательный метод, а также метод логического сопоставления и деривационный метод, применение которых позволило решить поставленные задачи.

Исследуемый аспект нашел свое отражение в научных трудах М.Ю. Блоха, Л.Ю. Буяновой, С.В. Гринева, Е.Д. Исаевой, Л.Р. Исаевой, Е.Г. Пырикова, Г.М. Стрелковского, В.Н. Шевчука и др., взятых нами за теоретическую основу. В работе были также проанализированы диссертационные исследования в теории языка по интересующей нас тематике.

Несмотря на глубокое изучение данной проблемы, в современном терминоведении еще не существует единого подхода к определению понятия «военная терминология», не проведено комплексное исследование военно-терминологической системы современного русского и английского языков. Более того, встречаются термины «военно-техническая терминология» [10], «общевойсковая терминология» [21], терминологии предметных областей «Военная авиация» [14, 28], «Военная вертолетная авиация» [20] «Военная артиллерийская терминология» [7] и другие. Полагаем важным обратиться к вопросу определения статуса термина «военная терминология».

Рассмотрим следующие дефиниции данного понятия, взятые из энциклопедических, переводоведческих источников и диссертационных работ по теории языка.

Военная энциклопедия предлагает следующее определение: «военная терминология – формализованная система установленных военных терминов (слов, словосочетаний и т.п.), каждый из которых имеет строго определенное значение с четко очерченными рамками применения и научным обоснованием».

В.Н. Шевчук утверждает, что военная терминология – это «упорядоченная совокупность военных терминов языка, отражающих понятийный аппарат военной науки, связанный с формами и способами ведения войны» [26, с. 97].

Согласно определению Г.М. Стрелковского, «общевойсковая терминология» – «слова, имеющие конкретную однозначную соотнесенность в пределах одной области военного дела» [21, с. 56].

В исследованиях Р.Р. Исеева на базе электронной версии словаря «Война и мир» под ред. Д.О. Рогозина в качестве рабочей дефиниции термина «военно-техническая терминология» принята совокупность терминов, репрезентирующих профессиональные понятия области «Вооружение, военная и специальная техника (ВВСТ)». Сопоставляя военную терминологию в русском и иранском языках, Р.Р. Исеев изучает такие понятийные единицы, как *совокупность оружия и технических средств*, обеспечивающих его применение: ракеты, боеприпасы всех типов и средства их доставки к целям и т.п. Данные элементы функционально могут объединяться в комплексы или системы вооружения, а также в разнообразные технические средства вооруженной борьбы: оружие, боевые и транспортные носители оружия наземного, воздушного, морского и космического базирования, агрегаты, приборы, устройства и др.

В словарных источниках на английском языке нами обнаружены следующие определения понятию «военная терминология»: *Military terminology refers to the terms and language of military organizations, personnel, and military doctrine. Much like other forms of corporate jargon, military terminology is distinguishable from colloquial language by its use of new or repurposed words and phrases typically only understandable by current and former members of the military or associated companies and agencies* («Военная терминология относится к терминам и языку военных организаций, личного состава и военной доктрины. Подобно другим формам профессиональных подъязыков, военная терминология отличается от разговорного языка использованием новых или переработанных слов и фраз, которые обычно понятны только нынешним и бывшим военнослужащим или связанным с ними компаниям и агентствам» – *перевод авторов*). Следовательно, авторы словарной статьи

относят военную терминологию к подъязыкам профессиональной лексики. Размышляя о возможности дать исчерпывающую систематизацию военной лексики как одного из множества специальных языков, лингвист Национального оборонного колледжа в Софии, Болгария (National Defence College, Bulgaria, Sofia) пишет: «военная терминология связана с описанием военного языка» [33] и, как правило, относится к военным действиям на обобщенном уровне.

По мнению Е.Г. Пырикова, «военная терминология определяется как система конкретной области знаний, закрепленная уставами и наставлениями за одним из понятий в системе понятий военной науки, ограниченная в своем применении военным подъязыком в значении, строго регламентированном дефиницией» [18, с.34]. Следует добавить, что основанием принадлежности слов к группе стандартизированных терминов является их фиксация в специальных военных словарях.

Среди множества дефиниций такого обширного и социально-значимого пласта специальной лексики, как «военная терминология» на русском и английском языках, наиболее близкой для цели нашего исследования является позиция М.Я. Блоха, полагающего, что военная терминология – «это система терминов, связанная одной областью знаний, обладающая профессионально дефинированным понятием в военной области» [1, с. 176]. В данном исследовании информационного дискурса авторы опираются на представление терминов в официальных словарях, выявляя и сопоставляя бытование терминов-неологизмов в языке СМИ на современном этапе.

Категориальная классификация понятий в системе военной терминологии

Язык как сложная семиотическая система и общественное явление отличается многообразием функций. Н.Н. Болдырев и другие ученые-когнитологи утверждают, что познание и его результат предстают в различных языковых явлениях и категориях, а интерпретация и оперирование человеком разными типами знания о мире в дискурсивной деятельности позволяют выявить основу антропоцентрической сущности языка [2]. Особая когнитивная процедура интерпретации понимается нами как познавательная активность по установлению содержания понятий, фактов и явлений посредством их аппликации на ту или иную предметную область, а также результат этой активности. «При интерпретации языковых и внеязыковых явлений предметной области лингвистики предполагается включение полученных результатов в систему существующих знаний (универсум рассуждений), что способствует либо уточнению ранее полученных знаний, расширению границ научного познания, либо созданию новой теории» [30]. Языковая интерпретация, проводимая в когнитивной лингвистике на уровне познавательных процессов, предлагает выра-

зить результат данной интерпретации в языковых единицах и категориях.

Категории языка – это объединённые общим языком группы однородных языковых единиц, взаимодействующих между собой посредством языковых отношений. В пространстве функционирования английского языка выделяется три категории военной терминологии:

1. Военная, иначе – специальная военная терминология. Используется главным образом в военном контексте (*например: military, command, target, tactical, combat, weapon, NATO – вооруженные силы, командование, цель, тактический, боевой, оружие, НАТО*).
2. Научно-техническая – также «общая военная терминология специального военного значения», применяемая в научных областях (*например: operation, mine, force, nuclear, system, radio, intelligence – эксплуатация, мина, сила, ядерный, система, радио, разведка*).
3. Общая – со специализированным военным использованием в результате терминологизации (*например: fire, control, area, point, support, safe, plan – огонь, контроль, зона, точка, поддержка, безопасность, план*) [33].

Ю.Н. Сдобнова предлагает классификацию русской и французской военной терминологии, распределив ее по военным отраслям, обозначив их как «терминсферы: 1) рода войск и виды вооруженных сил; 2) военная техника; 3) организационная терминсфера» [19, с. 199]. Следовательно, категориями при данном подходе становятся такие явления, как «вид вооруженных сил», «род войск», «военная техника», «организация вооруженных сил».

Военную терминологию японского языка Е.Д. Исаева классифицирует согласно тематическому отраслевому признаку, выделяя в ней 1) военно-технические; 2) оперативно-тактические; 3) военно-административные; 4) военно-топографические термины [8, с. 31]. По нашему мнению, данные понятия соответствуют лексическим понятийным категориям «техника», «тактика», «управление», «топоним», в свою очередь, наполняемым специальными лексическими единицами военной терминологической системы, бытующим в специальном дискурсе СМИ.

Интерпретация феномена военного дискурса как единого когнитивно-смыслового конгломерата (в теории множеств концепция конгломерата была создана для изучения групп классов в теории категорий, чтобы каждый класс можно было рассматривать как элемент более общего множества – т.н. конгломерата) с категориальных позиций позволяет раскрыть содержание понятия текстовых категорий и свойств в процессе оптимизации информации в военно-научном тексте [17]. Полагаем данный метод интерпретации частично релевантным применительно к нашему исследованию ин-

формационного дискурса.

Известно, что насыщенная специальными понятиями военная сфера подразделяется на самостоятельные предметные области знания, в связи с этим формируя системы терминов: военно-технических, тактических, организационных, имеющих отношение к различным родам войск и видам вооруженных сил. Согласно утверждению Хуана С. Сагера: «...we divide knowledge up into subject areas, or disciplines, which is equivalent to defining subspaces of the knowledge space» («...мы делим знания на предметные области, или дисциплины, что эквивалентно определению подпространств пространства знаний». – *перевод авторов*) [34, с. 16]. Следовательно, каждая предметная область научно-технического знания в военной сфере оперирует собственной уникальной терминологией и принципами ее структурирования и моделирования. В то же время принцип интегративности знания заставляет прибегнуть к междисциплинарным методам исследования в языке СМИ.

Междисциплинарные концепции исследования при формировании подязыковых систем и номинативной организации такой развивающейся молодой терминосферы как терминология предметной области «Военная авиация» – предмет изучения Н.В. Левандровской [14, 15]. Автор исследует категорию глагола и его прагматику в терминологии, обращается к проблеме его функционирования в специальных текстах.

Научно-популярный дискурс предметной области «Военная авиация» выступает объектом исследования в семиотико-прагматическом, информационном и функциональном аспектах с целью изучения и описания языка предметной области «Военная авиация» и её терминологического основания. Выявлен способ адаптации изучаемой области к новым условиям функционирования в языке научно-публицистического дискурса. По мнению автора, язык текста представляет собой функциональную систему семиотического (знакового) характера, а его особенностью является неразрывная связь с определённой предметной областью, свойства которой он отражает [31]. На основе когнитивного и семиотико-прагматического подхода рассматривается особенность репрезентации терминологическими единицами предметной области «Военная авиация» уникальной категории «защита»; представлены лингвистические и экстралингвистические факторы, оказавшие существенное влияние на формирование специальной лексики данной терминосистемы [4].

В исследованиях [28, 29] описаны принципы категориально-понятийного структурирования терминосферы предметной области «Военная авиация», разработана категориально-понятийная, тематическая и деривационная классификация английских и русских военно-авиационных терминов.

Учитывая данные классификации, можно сделать вывод о том, что все они практически неэквивалентны, поскольку каждая обладает своими особенностями и аспектностью изучения.

В данной работе авторы опираются на классификацию, предложенную Ю.О. Лукьянчуком [16, с. 66], который предлагает систематизировать термины и понятия военной области, опираясь на структуру вооруженных сил по следующим категориям: «сухопутные войска», «военно-морской флот», «военно-воздушные силы».

Функции лексических единиц-неологизмов военной терминологии в информационном дискурсе

По утверждению С.В. Гринева и других ученых, «на сегодняшний день увеличение числа терминов определенных наук превышает рост общеупотребительных слов языка, в связи с этим количество терминов отдельных наук превосходит число общеупотребительных слов» [5, с. 8]. Вследствие этого, не удивительно, что данная тенденция в значительной степени оказывает влияние на лингвистическое пространство средств массовой информации, расширяя как число, так и функционал специальной военной лексики. Воздействие современных массмедиа на протекание языковых процессов следует рассматривать как в позитивном, так и в негативном ключе с учетом того, что в публицистике и журналистике, печатных и электронных изданиях, на радио и телевидении авторы и репортеры не просто отражают события, а фактически конструируют их виртуальное отображение на основе медиатехнологий воздействия, интерпретации, формирования образов и стереотипов. Согласимся с мнением, что функционирование удачных терминов-неологизмов в информационном и публицистическом дискурсе может способствовать развитию науки, а неудачные – «стагнировать развитие научных знаний» [10, с. 2].

Как отмечает С.Д. Шелов, военный термин, попадая в информационную среду – узкоспециальный контекст, может быть подвергнут изменению своей терминологической сущности, порождая новые закономерности функционирования данного термина [27]. Теория языковой системы (теория языка) и теория речевой деятельности неразрывно связаны сложнейшей системой функций, а теория текста представляет продукт такого функционирования. Ряд ученых по-разному освещает различные интерпретативные грани дискурса – комплексного феномена. Поскольку сам термин «дискурс» отличается многообразием интерпретаций и параметрирования, то его специфичность всегда предполагает выбор особого научного подхода. Так, социокоммуникативный, прагматический, социолингвистический, семиотический и др. подходы применяет в своих исследованиях Л.Ю. Буянова [3]. Сферу функционирования терминов

автор интерпретирует как «порождающее деривационное поле», позволяющее проследить процессуальность создания нового термина и определить тип терминологического моделирования. Согласимся с автором, что при исследовании проблемы терминологического моделирования в информационном или ином дискурсивном пространстве наиболее актуален функционально-динамический подход, отражающий значимость сферы функционирования терминов в речи (языке).

Описывая главные функции военной терминологии в военно-политическом дискурсе англоязычных СМИ, Н.В. Фомашина выделяет номинативную, эмфатическую, пояснительную, ассоциативную, оценочную, эмоциональную и функцию экономии речевых средств. Отмечая, что применение лексики военной сферы в СМИ вызвано необходимостью передачи информации о военных действиях, значимых военных событиях, созданию определенных ассоциаций у читателей, ученый пишет, что при этом важно еще и «репрезентировать авторское отношение к описываемым военным событиям, внушить нужные чувства для манипуляции, отразить общечеловеческую ценность» [23, с.748]. Н.В. Фомашина среди наиболее частотных понятийных категорий военно-политического дискурсивного пространства упоминает «военные действия», «военные подразделения» и «оружие».

Итак, дискурс, в частности, информационный, не только оперирует специальными понятиями, но и становится полем моделирования, создавая новые термины-слова. Л.Ю. Буянова доказывает, что наиболее актуальными видами терминологического моделирования являются: понятийно-категориальное моделирование; формантно-частеречное моделирование; моно- и полиструктурное (моно- и поликомпонентное); семантико-метафорическое моделирование» [3, с.149]. Наши наблюдения позволяют утверждать, что деривативная функция метафорического терминологического моделирования весьма ярко представлена в современном информационном пространстве в сравнении со сферой фиксации термина в специальных военных словарях.

Так, официальный ресурс на русском языке «Справочник военной терминологии в оборонной сфере МО РФ» фиксирует военные термины, употребляемые в официальных документах. Термины распределены по двум основным категориям «виды вооруженных сил» и «рода войск», расположены в алфавитном порядке, не имеют грамматических и иных помет, предоставляют дефиницию термина на русском языке, часто с приведением технико-тактических характеристик: *Ракета РТ-2ПМ1 РК «Тополь-М» – Трёхступенчатая, твёрдотопливная, межконтинентальная Р. Разработана в МИТ. Генеральный конструктор – Ю.С. Соломонов. Способ базирования – мобильный, ПУ – подвижная, грунтовая. Способ старта – активно-реактивный (миномётный). Топливо – смесе-*

*вое. Принята на вооружение в 2006 г. Максимальная дальность – 11500 км. Длина Р. – 21,0 м. Максимальный диаметр – 1,86 м. Стартовая масса – 47,2 т. Масса полезной нагрузки – 1,2 т. Головная часть – моноблочная, термоядерная, отделяемая. Аббревиатуры в данном справочнике встречаются редко (напр., *зенитный ракетно-пушечный комплекс – ЗПРК*), почти не приведены номены. Другие электронные справочники и энциклопедии по военной технике, напротив, изобилуют аббревиатурами, номенами, дополнительной экстралингвистической информацией: «Тунгуска» (по классификации НАТО «SA-19 Grison» – советский и российский зенитный ракетно-пушечный комплекс (ЗПРК), боевая машина (зенитная самоходная установка (ЗСУ)) разработки Тульского КБ приборостроения (имеет индексы 2С6 и 2С6М) [http://www.swampfox.info/miltermgloss/complete_glossary.html].*

Подход к организации словника-гlossария военных терминов в интернет-источниках на английском языке обнаруживает большое количество аббревиатур, номенов, кратких дефиниций, приведение сопутствующей экстралингвистической информации о военном понятии или технике: *CAR-15 (Colt Automatic Rifle-15) – An M-16 carbine with a metal telescoping butt stock and a shortened barrel. [miltermgloss/complete_glossary.]. CAR-15 (автоматическая винтовка производства «Колт»-15) – карабин M-16 с металлическим телескопическим прикладом и укороченным стволом. Американский карабин, созданный на основе винтовки M16. Принят на вооружение под обозначением XM-177E1 Commando [<http://old.nationaldefense.ru/757/760/index.shtml?id=7010>].*

При анализе словаря военных терминов издательства Macmillan Dictionary of military terms [<https://vdocuments.mx/campaign-dictionary-of-military-terms.html?page=1>], нами выявлено 8 % метафорических терминов вооружения и техники, а также способов ведения боя и поведения военнослужащих в различных ситуациях. Третье издание «Словаря военных терминов» Р. Бауэра включает 9% метафорической лексики, например: *arrowhead /rauhed/ noun a tactical formation of men or vehicles, in the form of an inverted letter V. The platoon moved across the open ground in arrowhead formation /rauhed/ (суц. тактическое построение людей или транспортных средств в форме перевернутой буквы V. Взвод двигался по открытой местности в строю в виде наконечника стрелы) [Бауэр, с.17].*

Отметим, что основную массу изученных терминов-примеров с использованием метафоры из официальных словарей следует отнести к жаргонизмам, а не к стандартизированной профессиональной лексике военных. Например, *chopper (a helicopter) – вертолет*, здесь с помощью метафоры винт летательного аппарата сравнивается с приспособлением для рубки, резки, а официальным названием летательного аппарата является термин

«вертолет» (helicopter).

Приступая к изучению функционирования лексики военной терминологии в языке средств массовой информации, нами была рассмотрена обширная эмпирическая база данных из источников на русском [РИА-Новости, ИноСМИ, Russia Today, Телеграмм-каналы военкоров и др.] и английском языках [Feedspot Today, Soldier of Fortune, New York Times, the Washington Post].

Исследование современного информационного дискурса на русском языке выявило употребление 94 единиц военной терминологии, номинирующих военную технику. В категории «сухопутные войска» это: броневые автомобили: «Тигр», «Рысь», «Тайфун», «Линза»; самоходная артиллерия «Тюльпан», «Пион», «Гиацинт», «Акация», «Гвоздика», «Флокс», «Василек»; противотанковые средства: «Хризантема» (самоходный противотанковый ракетный комплекс), «Штурм»; противотанковые гранатометы и реактивные гранаты: «Крюк», «Клюква», «Копье», «Штурм»; противотанковая артиллерия: «Рапира» (противотанковая пушка); пулемёты: «Корд», «Утес», «Печенег». Стрелковое оружие: пистолет Сердюкова «Гюрза», автомат Никонова «Абакан», снайперская винтовка Драгунова, армейский пистолет «Грач»; высокоточная снайперская винтовка «Астарта» и новый «АК-19 Калашников». Системы радиоэлектронной борьбы: «Палантин», «Торн», «Таран», «Борисоглебск» (комплекс радиоэлектронного подавления); радиолокационные станции: «Небо», «Гармонь», «Леопард», «Пантера», «Аргус», «Аистенок»; системы управления: «Барнаул», «Конгломерат». Системы вооружения: тяжёлая огнемётная система «Буратино»; модернизированная реактивная система залпового огня «Торнадо»; боевая техника: «Шмель» (реактивный огнемёт), «Варна» (помповый огнемёт). Машины РХБ разведки: «Кашалот» (разведывательно-поисковая система); устройства поиска и обнаружения: «Коршун», «Скарабей (разведывательно-досмотровый робототехнический комплекс), робот-сапер «Шмель»; ремонтные машины: «Десна»; Артиллерийский тягач: «Медведь»; Танки: «Прорыв» (новый), «Армат»; «Накидка» и др. Помимо этого, статьи военкоров содержат от 3 до 10% метафорической лексики при описании событий и личностного отношения авторов к тому или иному событию военной сферы.

Среди современного вооружения на флоте (категория лексики «военно-морской флот») чаще всего упоминаются береговые ракетные комплексы: «Бал», «Бастин»; ледокол «Илья Муромец»; тяжёлый авианесущий крейсер: «Адмирал Кузнецов»; линейный крейсер: «Киров»; атомные подводные лодки: «Дельта», «Тайфун», «Долгорукий», «Оскар», «Сьерра», «Виктор», «Кило», «Акула», «Ясень»; подводная лодка К-554 «Император Александр III»; крейсера: «Петр Великий», «Кара», «Слава»; атомный ракетный крейсер «Адмирал Нахимов», «Москва»;

Эсминец класса «Современный», Эсминец класса «Удалой». Фрегаты: класса «Буревестник», «Неустрашимый», «Гепард», «Адмирал Касатонов», «Адмирал Горшков». Корветы: класса «Стерегущий», «Пархим», «Нанучка», «Тарантул», «Гриша», «Буян», «Гремящий», «Проворный»; десантные корабли: «Аллигатор», «Иван Грен», «Дюгон»; универсальный корабельный артиллерийский комплекс А-192-5П-10Э «Армат-Пума»; многоканальный корабельный зенитный ракетный комплекс средней дальности «Штиль-1»; корабельный комплекс ракетного оружия с противокорабельной крылатой ракетой «Яхонт»; интегрированная ракетная система «Club-5»; многоцелевой малый ракетно-артиллерийский корабль «Каракорт» и др.

Новейшее вооружение зачастую не имеет устоявшейся дефиниции и точного термина, поэтому об одних и тех же единицах вооружения, вводимых в строй, информационные тексты пишут по-разному, обнаруживая вариативность термина (*опытное судно / опытовое судно; беспилотный / необитаемый / дистанционно управляемый / безэкипажный и др.*). Многофункциональность и сложность термилируемого понятия приводит к необходимости создания поликомпонентного термина, а принцип экономии языковых средств вынуждает к употреблению большого количества аббревиатур в СМИ (*многоцелевой малый ракетно-артиллерийский корабль – МРК, ММРК и т.д.*). В свою очередь, увеличение длины терминологического сочетания повышает его семантическую ёмкость [6].

В категории «военно-воздушные силы» в силу интегративности данной области нами рассмотрены лексические единицы-термины военной авиации, военной техники ПВО и РВСН. Отнесем к ним зенитные ракетные комплексы: «Бук», «Оса», «Тунгуска»; переносные зенитные ракетные комплексы: «Стрела», «Игла», «Верба»; подвижный ракетный комплекс «Сирена» и др.

Номинации военной техники стран НАТО в российских СМИ встречаются как на английском языке («Patriot, NASAMS, Abrams, Archer, Paladin, CAESAR»), так и в транслитерации данных наименований кириллицей, расшифровке аббревиатур. При этом в традиции русского языка не принято изменять номены иностранной военной техники (напр., танк «Bradley»), однако всегда уделяется внимание переводу прозвищ российской военной техники по классификации НАТО. Отметим, что перевод не всегда точен вследствие разницы ассоциативного мышления носителей русского и английского языков. Например, дальний стратегический ракетоносец ТУ-160М по кодификации НАТО – «Blackjack», различные источники истолковывают по-своему: «пиратский флаг», «дубина», «Черный Джек» и даже карточная игра в долгую.

В информационном пространстве средств массовой информации на английском языке обнаружено 56 терминов военной техники в категориях понятий военной

терминологии, из них в категории «сухопутные силы» наиболее полно представлены: бронетехника: «Abrams» – основной боевой танк США, назван в честь генерала Крейтона Абрамса, «Bradley» – боевая машина пехоты США, названная в честь генерала Омара Брэдли, armored recovery vehicle «Hercules» – (бронированная эвакуационная машина, названа в честь мифического силача Геркулеса, обладает большой вместимостью и мощным двигателем), the M109 turreted self-propelled howitzer Paladin – самоходная гаубица (название ассоциируется с образом средневекового странствующего рыцаря, святого воина). Боевые бронированные машины – eight-wheeled armored fighting vehicles Stryker, созданные в начале 2000-х годов, получили свое название в честь двух американских военнослужащих, награжденных посмертно высшей военной наградой США в разное время, но имевших фамилию Страйкер. The wheeled mine resistant ambush protected (MRAP) armored vehicle «Buffalo» – «Буйвол», колесный бронетранспортер с противоминной защитой. «Husky» Towing/Mine Detection Vehicle (T/MDV) / Mounted Detection System (HMDS) – машина буксирования/обнаружения мин «Хаски», TALON robot for EOD “Explosive Ordnance Disposal”, – дистанционно управляемый робот-сапер «Талон».

В категории «военно-морские силы» чаще всего упоминаются новые надводные и подводные корабли: Multipurpose ship «Navaho» – спасательный буксир класса «Navaho» (Навахо – один из самых многочисленных индейских народов Северной Америки); testing and development of autonomous systems vessel «Patrick Blackett» – новое опытовое судно для проведения испытаний перспективных автономных необитаемых надводных/подводных систем и беспилотных летательных аппаратов в интересах ВМС (Патрик Мейнард Стюарт Блэкетт в 1914 г мичман Королевских ВМС, участник Фолклендского боя и Ютландского сражения, позже – ученый-физик); a fully autonomous extra large unmanned undersea vehicle (XLUUV) class UUV «Echo Voyager» – тяжелый автономный необитаемый подводный аппарат, безэкипажная, полностью автономная подводная лодка-робот; Aegis Ballistic Missile Defense System – корабельная многофункциональная система управления оружием «Иджис» (Aegis (Эгида) – имя щита Зевса и Афины), the Arleigh Burke class destroyers – эскадренные миноносцы класса «Арли Бёрк», the Ticonderoga class of guided-missile cruisers ракетных крейсера «Тикондерога» (Тикондерога – пограничная крепость у реки Гудзон, США).

Военные самолеты и ракеты, средства ПВО представлены в текстах и видео СМИ на английском языке в категории «военно-воздушные силы»: rocket launcher Javelin (от англ. «метательное копьё, дротик») – американский переносной противотанковый ракетный комплекс «Жавелин», the light multiple rocket launcher M142 HIMARS (High Mobility Artillery Rocket System) – легкая реактивная

система залпового огня M142 HIMARS (высокомобильная артиллерийская ракетная система), the Army Tactical Missile System (ATACMS) – армейский тактический ракетный комплекс (ATACMS) и другие ракетные системы, стоящие на вооружении западных стран.

In 2023, Allies continued to provide unprecedented levels of support to Ukraine. Mr Stoltenberg said, “for the first time, a number of Allies also sent long-range systems, UK Storm Shadow and French SCALP missiles and Allies agreed to send F-16 aircraft and the M142 High Mobility Artillery Rocket System, commonly known as HIMARS. (В 2023 году союзники продолжали оказывать беспрецедентный уровень поддержки Украине. Г-н Столтенберг сказал: “Впервые ряд союзников также отправили системы дальнего радиуса действия, британские ракеты Storm Shadow и французские SCALP, и союзники согласились отправить самолеты F-16 и высококомобильную артиллерийскую ракетную систему M142, широко известную как HIMARS).

Таким образом, в современном информационном пространстве актуально моделирование и функционирование новой военной терминологии, не зафиксированной в словарях, в связи с чем необходимо продолжить изучение терминологических процессов именования боевой техники и вооружения в русском и английском языках. Анализируя язык информационных текстов военного дискурса, важно отметить, что в исследуемых категориях военной терминологии официальный термин употребляется далеко не всегда. Терминологическое сочетание сокращается до аббревиатуры, номен становится эквивалентом полному термину, легко узнается реципиентом-читателем. Номинация военной техники во всех трех категориях лексики военной терминологии происходит по модели семантико-метафорической деривации. Основным гносеологическим основанием для терминологирования понятий военной терминологии служат онимы: топонимы, фитонимы, зоонимы, персонимы.

Оним способствует выделению именованного объекта среди других, придания ему индивидуальных характеристик и узнаваемости. Среди номинаций военной техники сухопутных сил преобладают фитонимы («Тюльпан», «Пион», «Гиацинт», «Акация», «Гвоздика», «Флокс», «Василек») и зоонимы («Кашалот», «Коршун», «Скарабей», «Шмель» и др.), то есть номены, образованные по принципу семантико-метафорической деривации. В английском языке тенденция иная: преобладают зоонимы («Buffalo», «Leopard») и персонимы («Abrams», «Bradley»), а также лексемы из древнегреческой и европейской мифологии, индейские реалии.

Персоним – термин, впервые введенный в обиход лингвистом-терминоведом Л.Ю.Буяновой (1996), выступает ведущей моделью для номинации военной техники Военно-морского флота в нашей стране («Адмирал Касатонов», «Адмирал Горшков» и др.). В английской воен-

ной терминологии выявлена та же тенденция (*U.S. Navy's Newest Aircraft Carrier «Gerald R. Ford»*).

Обширную группу онимической лексики, обозначающей продукцию военного назначения в категории понятий «военно-воздушные силы», – интегративной области, включающей не только летательные аппараты, но и ракеты, ракетные комплексы, иные средства ПВО и ВКС, занимают а) топонимы: названия горных вершин, островов, городов (*противоракетный комплекс «Азов», комплект средств противовоздушной обороны «Барнаул», армейский оперативно-тактический ракетный комплекс «Эльбрус» и др.*); б) топонимы и знаки-морфы («*Тунгуска-М*», *С-125 «Нева», С75 «Десна», ЗСУ-23-4 «Шилка»* и др.); в) зоонимы («*Скарабей», «Шмель»* и др.), г) персонимы и знаки-морфы, включая числительные и аббревиатуры названий конструкторских бюро «*Сухой*» – Су, *Туполев* – Ту и т.д. (*Ту-160М «Александр Молодчий», Су-35*). В номинациях военно-авиационной техники в английском языке фитонимы, а также персонимы встречаются реже, за исключением имен героев древнегреческой и европейской мифологии (*Hercules, Pegasus, Paladin*). Зато весьма популярны зоонимы (*F-22A «Raptor», RQ-4B «Global Hawk»*) и аббревиатуры с использованием чисел – сокращения типа летательного аппарата (*КС-46А*).

Сравнивая полученные данные, мы делаем вывод о более широком спектре использования метафор на основе переосмысления семантики слова из общеупотребительной лексики для номинации военных технических объектов в русском языке в сравнении с английским на данном этапе развития языковых процессов, с учетом современных достижений и разработок в военной сфере.

Существенная роль метафоры в структурировании и функционировании военных терминов детерминирована рядом факторов, среди которых можно подчеркнуть следующий: текстовый контент СМИ о военных конфликтах и боевых действиях, как правило, оказывает воздействующую, то есть эмфатическую функцию, на основе которой и реализуется выбор определенных терминов и лексических единиц. Как показывает исследование, метафора сегодня выступает одним из основных приёмов переосмысления и наименования объектов действительности, порождения новых значений не только в научном, но в большей степени и в информационном дискурсе. Метафоры, актуализируя понятийную систему логической структуры мышления человека – не только элемент языка, но и универсальный способ осознания мира, способный охватывать все объекты действительности [22].

Далее перейдем к рассмотрению специфики метафоры как одного из способов терминологической деривации при изменении семантики общеупотребительной лексики для нужд военной терминологии. В результате тщательного анализа научных статей, монографий и

диссертационных работ обнаруживается, что многие исследователи отмечают различную степень метафоричности военной терминологии. Так, при анализе лингвистической репрезентации понятий военной тематики в текстах англоязычных интернет-изданий приводится комплексное описание лексического материала в виде языковых средств номинации авиационной техники, аббревиатур, терминологической и фразеологической лексики [11, 12, 13]. Авторы делают вывод о том, что лексика военно-политических текстов включает нейтральные, общевоеенные и терминологические единицы для наиболее полного выражения замысла автора. Показаны особенности использования лексического материала на функционально-коммуникативной основе на примере структурных моделей атрибутивных фраз. Выявлено, что метафоризация часто применяется в качестве основного метода описания (описательная функция) преимуществ военных самолетов: «*nation's keystone air superiority capability – главное средство достижения воздушного превосходства в стране, fifth generation crown jewel in the nation's military arsenal – драгоценный камень пятого поколения в короне военного арсенала страны*» [11].

Метафоричность того или иного термина – предмет исследования лингвистов в области терминологической деривации. Так, З.Р. Хачмафова актуализирует признаки метафорического терминоподобразования, изучая такой языковой феномен, как метафорический термин, то есть термин, «построенный путём метафорического переосмысления лексической единицы, привлечённой из определённой области-источника и входящей в состав определённой терминологии» [25, с. 132]. Говоря о номинативных терминах и их довольно сильных связях с именем-«исходником», ряд ученых склоняются к признанию такой единицы полноценным термином, поскольку военным термином может считаться самостоятельная лексическая единица языка с определенным значением, обладает дефиницией и выполняет терминологическую функцию [24].

Более того, исследование метафоризации в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, теории языка доказывает, что данный лингвистический механизм занимает ведущее место в когнитивных процессах терминологической деривации.

Терминологическая деривация – это образование вторичных единиц – терминов той или иной предметной области знания с помощью уже существующих в языке лексических единиц по существующим в нем моделям. Данный процесс обусловлен категориально-понятийной взаимосвязью, определяя место, функцию и статус отдельного понятия в соответствующей терминосистеме.

Метафоризация может интерпретироваться как процессуальность, при которой метафора выступает в роли когнитивно-ментальной структуры, репрезентирующей

переработанное специальное знание определенной предметной области. Ассоциативный метафорический образ «представляет собой уникальное когнитивное ядро, мигрируя с помощью знаков языка из одной гносеологической сферы в другую, способствуя восприятию и пониманию нового семиотического конструкта...» [3, с. 153].

Основными функциями метафорического термина в военном деле являются «номинация, характеристика и эмоционально-экспрессивная оценочность. Одной из основных функций военно-технического наименования следует признать когнитивно-семантическую соотнесенность с производящим словом. При первоначальном обозначении понятия, объекта и действия, ранее не существовавшего, используя слова из общеупотребительной или научно-технической лексики, метафорическое интерпретирование существующего и нового понятий способствует переносу лексемы из одной предметной области в другую, но с новым терминологическим значением. Отметим, что метафора фиксирует промежуточное знание научного понятия, выраженное посредством термина-деривата, связывая номинируемое понятие с предшествующим опытом человека.

Как видно из нашего исследования, язык информационного дискурса гораздо в большей степени представлен метафорами, чем сфера фиксации или тексты науки. Новые термины-дериваты образуются по семантико-метафорическим моделям и в русском, и в английском языках. Это можно объяснить тем, что военная лексика в большей степени (если сравнивать ее с другими лексическими группами, ограниченными в использовании) ориентирована на лексику общеупотребительную.

На основании проведенного изучения обнаруживается множественная полисемия термина «военная терминология» в пределах одной терминосистемы не только в русской, но и международной терминологической практике. Данное наблюдение объясняется тем, что военная лексика в большей степени ориентирована на техническую и общеупотребительную лексику.

Обнаруживается вариативность понятия «военная терминология» как в отечественной, так и в зарубежной терминологической науке. Это объясняется различием тематики и подходов интерпретации обширного терминологического и научно-технического знания. К военной терминологии следует относить систему терминов, связанных и обладающих точной дефиницией в военной области.

Языковая интерпретация военной терминологии в информационном дискурсе и в военных словарях с позиций когнитивной лингвистики позволяет осмыслить и выразить

результат данной интерпретации в языковых единицах и категориях. В терминологическом пространстве военной терминологии выделяется от двух до пяти категорий. В нашей работе рассмотрены три основные понятийные категории терминологической лексики, систематизацию которых следует проводить в русле базовых категорий структурирования вооруженных сил мира: *сухопутные войска, военно-морские силы, военно-воздушные силы.*

Основными функциями употребления специальной военной лексики в языке информационных сообщений являются информационная и коммуникативная, номинативная, и эмоционально-оценочная и функция экономии речевых средств. В отношении функционала военно-технической номинации в языке СМИ как в русском, так и в английском языках выявлена когнитивно-семантическая соотнесенность с производящим словом с высоким коннотативно-эмоциональным компонентом, что проявляется в наличии большого количества эмоционально или оценочно-ориентированных лексических единиц – метафорических терминах и номенах, метафорических словосочетаниях с использованием как военной, так и общеупотребительной лексики. Следовательно, основными функциями метафорического термина в военном деле являются номинация, характеристика и эмоционально-экспрессивная оценочность. В отличие от стандартизированной лексики военной области знания, приводимой в отраслевых словарях, метафорический термин в языке СМИ выполняет функцию фиксации промежуточного знания, требующего дальнейшего осмысления и стандартизации.

В сравнении со сферой фиксации термина в специальных военных словарях, деривативная функция метафорического терминологического моделирования весьма ярко представлена в современном информационном пространстве СМИ. Спецификой военной терминологии, используемой СМИ, следует признать высокую степень метафоричности. Метафоризация активно применяется при наименовании военно-технических объектов в трех понятийных категориях военной терминологии: «сухопутные войска», «военно-морские силы», «военно-воздушные силы». Метафорическое терминообразование как один из способов терминологической деривации возможно представить в виде особой когнитивной стратегии интерпретации понятийного пространства военной сферы, обогащенной за счет понятий из других сфер человеческой деятельности, научных и технических предметных областей. Метафоричность военной терминологии английского и русского языков объясняется тем, что военная лексика в целом, по сравнению с другой лексикой специального назначения, ориентирована на общеупотребительные слова, где одним из основных способов наименования служит метафора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. Пособие / М.Я. Блох. 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.
2. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Н.Н. Болдырев. Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskaya-suschnost-yazyka-v-ego-funktsiyah-edinitah-i-kategoriyah> (дата обращения: 08.03.2024).
3. Буянова Л.Ю. Терминологическое моделирование как когнитивно-семиотический механизм познания / Л.Ю. Буянова // Лингвистическое моделирование в теории коммуникации: Материалы Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Грозный, 15–17 января 2021 года / Чеченский государственный педагогический университет. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2021. – С. 149-155.
4. Буянова Л.Ю. Военноавиационная терминология как репрезентация категории «защита»: лингвистический и экстралингвистический аспекты / Л.Ю. Буянова, Э.П. Шпальченко // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24 апреля 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 90-94.
5. Гринев С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Москов. Лицей, 1993. – 309 с.
6. Дегтяренко К.А. Структурно-семантические особенности и способы перевода терминологической лексики военного дискурса (на материале англоязычных периодических изданий) / К.А. Дегтяренко // Научный диалог. – 2017. – № 5. – С. 33-43. – DOI 10.24224/2227-1295-2017-5-33-43.
7. Зенкова Л.Н. Структурно-семантическая характеристика военной артиллерийской терминологии: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зенкова Людмила Николаевна. – С-Пб, 1991. – 18 с.
8. Исаева Е.Д. Особенности японской военной терминологии / Е.Д. Исаева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. №4. С. 29–34.
9. Исаева Л.Р. Деривационные особенности военной авиационной лексики / Л.Р. Исаева, Е.В. Шестакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 1(447). – С. 61-66. – DOI 10.47475/1994-2796-2021-10108.
10. Исеев Р.Р. К вопросу о дефиниции термина «Военно-техническая терминология» / Р.Р. Исеев // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2012. – № 3(31). – С. 30-36.
11. Калашникова О.А. Лингвистический аспект описания военной авиационной техники в зарубежном медийном дискурсе / О.А. Калашникова // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 1. – С. 36-43.
12. Калашникова О.А. Жанровые особенности новостных текстов военно-авиационной тематики в зарубежном медийном дискурсе / О.А. Калашникова, А.В. Самойлова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, № 5. – С. 987-996. – DOI 10.35634/2412-9534-2021-31-5-987-996.
13. Калашникова О.А. Военно-научный текст как объект лингвистического анализа / О.А. Калашникова А.В. Самойлова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4(157). – С. 124-130.
14. Левандровская Н.В. Глагол в терминологии военной авиации: когнитивный аспект / Н.В. Левандровская // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 5(24). – С. 79-81.
15. Левандровская Н.В. Глагол как вербально-когнитивное средство формирования лексикосферы военной авиации (на материале английского и русского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Левандровская Нина Витальевна. – Ставрополь, 2010. – 19 с.
16. Лукьянчук Ю.О. Способы классификации военных терминов / Лукьянчук Ю.О. // Научные записки национального университета «Острожская академия», Киев. 2017. № 66. С. 65–67.
17. Максимова И.В. Универсальные категории и свойства научного текста (на примере научного текста военного дискурса) / И.В. Максимова // Инновационные технологии в образовательном процессе: сборник материалов XXII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 01–02 июня 2021 года. – Краснодар: КВВАУЛ, 2021. – С. 4-13.
18. Пыриков Е.Г. Исследование военной терминологии / Е.Г. Пыриков // Военному институту 50 лет. – М., 1990. – 79 с.
19. Сдобнова Ю.Н. Некоторые дискурсивные особенности современной военной терминосистемы вооруженных сил Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. №10 (696). – С. 195–209.
20. Соловьева А.Е. Терминология военной вертолетной авиации как объект лингвистического исследования (на примере английского, русского и турецкого языков) / А.Е. Соловьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4-1(82). – С. 172-176. – DOI 10.30853/filnauki.2018-4-1.40.
21. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. – 272 с.
22. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – 176 с.
23. Фомашина Н.В. Функции военной терминологии в текстах СМИ / Н.В. Фомашина // Новый мир. Новый язык. Новое мышление, Москва, 03 февраля 2023 года. – М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2023. – С. 744-748.
24. Фомина Д.Г. Номен в терминологической системе (на материале русского и английского языков) / Д.Г. Фомина // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. XXXI Межвузовской науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 01 марта 2022 года. – С-Пб: Военный институт ФГК ВОВО «Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева» МО РФ, 2022. – С. 136-143.
25. Хачмафова З.Р. Актуализируемые признаки метафорического терминообразования (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли) /

- З.Р. Хачмафова, А.А. Ефремов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствознание. – 2013. – № 3(126). – С. 106-112.
26. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. д-ра филол. наук / В.Н. Шевчук. – М., 1985. 488 с.
27. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения [Текст] / С.Д. Шелов. – СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2003. – 280 с.
28. Шпальченко Э.П. Структурно-содержательные характеристики предметной области «Военная авиация»: когнитивно-деривационный аспект (на материале английского и русского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шпальченко Элина Петровна, 2022. – 213 с.
29. Шпальченко Э.П. Категориально-понятийное сегментирование терминологической лексики (на примере терминологии предметной области «Военная авиация» в русском и английском языках) / Э.П. Шпальченко // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: Сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции, Москва, 25 октября 2023 года. – М.: ООО «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 169-179. – DOI 10.34755/IROK.2023.59.81.148.
30. Шпальченко Э.П. Когнитивная процедура интерпретации предметной области научного знания / Э.П. Шпальченко // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 23–24 июня 2022 года. – Краснодар: ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова» МО РФ, 2022. – С. 211-222.
31. Шпальченко Э.П. Текст как семиотический знак, отражающий специфику предметной области «Военная авиация» / Э.П. Шпальченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 243-248. – DOI 10.30853/finnauki.2020.6.46.
32. Яковлева Е.А. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе / Е.А. Яковлева, Э.Н. Ирнарзоров // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 132-140. – DOI 10.15643/libartus-2018.2.5.
33. Georgieva V. Systematization of military terminology: mission (im)possible? // Conference: Foreign Language Competence as an Integral Component of a University. 2007. University of Defense, Brno, Czech Republic. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/274711085> (дата обращения 18.01.2024).
34. Sager, J.A Practical Course in Terminology Processing. John Benjamins, Amsterdam/Philadelphia, 1990. – 254 p.
35. Военная энциклопедия в 8 т. / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории; гл. ред. комис.: С.Б. Иванов - пред. [и др.]. – М.: Воениздат, 2004. Т. 8. 579 с.
36. Справочник военной терминологии в оборонной сфере МО РФ <https://dictionary.mil.ru/dictionary>
37. Война и мир в терминах и определениях [Электронный ресурс] / под ред. Д.О. Рогозина. М.: Изд. дом «ПоРог». 2004. URL: <http://www.voina-i-mir.ru/>.
38. Bowyer R. Dictionary of Military Terms. 3d edition. A & C Black London – 265 p.
39. Campaign Dictionary of Military Terms Dictionary. Macmillan, 2004. – 288p.
40. Military terminology https://en.wikipedia.org/wiki/Military_terminology.
41. Glossary of Military terms http://www.swampfox.info/miltermgloss/complete_glossary.html
42. Nation defence <http://old.nationaldefense.ru/757/760/index.shtml?id=7010>
43. <https://ria.ru>
44. <https://inosmi.ru>
45. <https://russian.rt.com>
46. <https://www.nytimes.com>
47. <https://www.washingtonpost.com>

© Копрева Лариса Геннадиевна (successalways42@mail.ru), Шпальченко Элина Петровна (elina2229@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАЛЕКТЫ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА – ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО УСТНОЙ РАЗГОВОРНОЙ ФОРМЫ

DIALECTS OF THE KHAKASS LANGUAGE ARE THE BASIS FOR THE FORMATION OF ITS ORAL COLLOQUIAL FORM

A. Kyzlasov
P. Beloglazov

Summary: The article is devoted to the description of the results of a language expedition conducted by researchers of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Khakniiyali) to the Tashtypsky district of Khakassia. The characteristic lexical features of the Sagai and Shor dialects of the Khakass language are highlighted and described. Statistical data on the degree of use of the Sagai and Shor dialects in communication between its speakers are given. The article also contains the colloquial speech of some informants recorded on a dictaphone by the authors of the study. Modern data on the Sagai and Shor dialects of the Khakass language are collected. The linguistic materials of the Sagai and Shor dialects were recorded and a questionnaire was conducted to identify the language situation in the villages of compact residence of speakers of these dialects. On the basis of the questionnaire, some aspects of the functioning of the Sagai and Shor dialects of the Khakass language were revealed. A comparative analysis of the data was carried out with the data of previous expeditions to other regions of Khakassia. Based on the results of the analysis, a conclusion was made about the problems of the functional development of the Khakass language.

Keywords: Khakass language, language situation, questionnaire, Sagai and Shor dialects.

Кызласов Артем Самуилович

канд. филол. наук, в.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ
«ХакНИИЯЛИ», (г. Абакан)
kyzlasov60@mail.ru

Белоглазов Петр Егорович

канд. филол. наук, с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ
«ХакНИИЯЛИ», (г. Абакан)
arshanovskiy@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов языковой экспедиции, проведенной научными сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) в Таштыпский район Хакасии. Выделены и описаны характерные лексические особенности сагайского и шорского диалектов хакасского языка. Приводятся статистические данные о степени употребления сагайского и шорского наречий в общении между его носителями. Также в статье приведены разговорная речь некоторых информантов, записанные на диктофон авторами исследования.

Собраны современные данные по сагайскому и шорскому диалектам хакасского языка. Проведена фиксация языковых материалов сагайского и шорского диалектов и анкетирование по выявлению языковой ситуации в селах компактного проживания носителей этих диалектов. На основе анкетирования выявлены некоторые аспекты функционирования сагайского и шорского диалектов хакасского языка. Был проведен сравнительный анализ данных с данными предшествующих экспедиций в другие районы Хакасии. По результатам анализа были сделаны выводы о проблемах функционального развития хакасского языка.

Ключевые слова: хакасский язык, языковая ситуация, анкетирование, сагайский и шорский диалекты.

Актуальность исследования

Ученые сегодня предсказывают, что из 6000 языков в мире от 20 до 50 % из них исчезнут до конца XXI в. Очевидно, что об исчезновении языка можно говорить только тогда, когда умирает последний говорящий на этом языке. Следовательно, как только язык перестает употребляться сообществом говорящих, он уже начинает исчезать. Уход и исчезновение языка всегда возникают в контексте билингвизма или мультилингвизма, в котором язык большинства – язык, носители которого обладают большей политической властью, привилегиями и социальным престижем – приходит на замену. Несомненно, исчезновение и переключение языков было всегда – языки возникали и исчезали, устаревали, умирали или адаптировались к изменившимся обстоятельствам, чтобы выжить, на протяжении всей человеческой истории [1].

Мы согласны с мнением, что самой существенной негативной характеристикой языковой ситуации в Республике Хакасия является неуклонное сокращение лиц, которые владеют хакасским языком, зафиксированное переписями населения и исследованиями учёных. Вместе с тем, очевидно, сохраняющийся стабильно высокий уровень позитивной этнической идентификации хакасской молодёжи вкупе с отсутствием враждебных настроений со стороны доминантного русского этноса – все это даёт основание надеяться на позитивные перемены в реальном функционировании государственного языка Республики Хакасия как родного и как второго при условии более эффективной языковой политики, как на федеральном, так и региональном уровне [2, с. 233-236].

Глобализация, развитие информационных технологий в XXI веке, национальная ассимиляция вносят свои коррективы в судьбу языков народов России, ставших

миноритарными. Хакасский язык подвергается угрозе исчезновения. Сложившаяся на данном этапе языковая ситуация в республике требует новых системных подходов в преподавании хакасского языка и литературы на всех уровнях образования: от дошкольного до высшего профессионального. Несомненно, воспитанию хакасско-русских билингвов и повышению языковой идентичности личности способствуют получение образования на родном языке в дошкольных учреждениях и начальных классах и двуязычное образование на уровне основного и среднего общего образования.

Хакасский язык сегодня имеет минимальные функции языка обучения и изучения. Число владеющих родным (хакасским) языком в республике стремительно уменьшается, о чем свидетельствуют социологические исследования 2008–2009 гг. Если 30 лет назад было определенное равновесие двух языков – хакасского и русского – в обиходе хакасов, то сейчас перевес русского языка в общении стал явным и подавляющим. Так, например, если в 1950–1970-е гг. языковой ассимиляции были подвержены городские жители и жители сел северных районов (Орджоникидзевский, Ширинский), районных центров, то в последние десятилетия и в селах с хакасским населением в языковой коммуникации предпочтение отдается русскому языку [3, с. 7].

Количество читающих и понимающих художественную литературу на хакасском языке «составляет всего 21% взрослого населения хакасов» [4, с. 139].

В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных для того, чтобы выявить их фонетические, лексические, морфологические, синтаксические особенности. Создание фонда накопленных данных в будущем может послужить основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Основную часть этих задач могут решать комплексные лингвистические экспедиции.

В Республике Хакасия согласно данным переписи населения 2020 г. русские составляют 80,3 %, хакасы – 12,0 %, немцы – 1,1 % и украинцы – 1 %, татары – 0,6 % [5].

В настоящее время в Республике Хакасия хакасский является республиканским государственным языком, и он выполняет ограниченные функции в таких социальных сферах как образование, культура, СМИ и некоторых других. Степень владения литературным языком хакасами, характеризуется как типичное для данной группы тюркских народов. По мнению А.Н. Баскакова, доля носителей литературных форм тюркских языков в большинстве случаев не превышает 10-12 %, большая часть носителей языка владеет лишь диалектными и просторечными формами [6, С. 5-7].

Диалектные различия, которые присутствуют в речи носителей хакасского языка, обычно проявляются в фонетическом оформлении высказываний и лексических предпочтениях. Диалекты всегда оставались объектом научных исследований и ресурсным источником развития лексической системы хакасского языка. Хакасская диалектология как часть грамматического строя языкознания начала оформляться только несколько десятилетий назад, и многие вопросы ждут своего решения. Поэтому сбор и анализ языкового диалектного материала является актуальной проблемой на сегодняшний день. В современном мире очень быстро происходят процессы консолидации, т.е. объединение языков и диалектов, ассимиляции, т.е. уподобление языков малочисленных народностей, перехода на языки более крупных народностей. В этих условиях возникает необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных. Создание фонда накопленных данных в будущем может быть основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Основную часть данных задач могут решать комплексные лингвистические экспедиции.

Целью статьи является описание результатов языковой экспедиции, проведенной научными сотрудниками ХакНИИЯЛИ в Таштыпский район Хакасии. Основной задачей экспедиции являлся сбор языковых материалов по сагайскому и шорскому диалектам хакасского языка.

Новым в работе является фиксация речевых материалов сагайского и шорского диалектов и проведение анкетирования по выявлению языковой ситуации в селах компактного проживания носителей этих диалектов.

Основная часть

Хакасский язык относится к восточно-хунской ветви и уйгурской группе тюркских языков. Внутри этой группы он, вместе с языками камасинским, чулымским, шорским, сарыг-уйгурским и северными диалектами алтайского языка, составляет особую хакасскую подгруппу. У названных языков общие исторические связи. Они возникли в результате последовательного объединения хакасских и уйгурских племен, которые оставили общие черты не только для данной подгруппы, но и для более широкого объединения народов и языков, куда входили народы и языки всей уйгуро-огузской группы. Современный хакасский язык явился результатом исторической консолидации носителей племенных языков: качинского, сагайского, кызыльского, шорского, койбальского, бельтырского. Следы этих наречий прослеживаются в хакасских диалектах, которые сохранили соответствующие названия. Названия диалектов восходят к известным с дореволюционного времени самоназваниям этнических групп (субэтносов) хакасов: хаастар «качинцы» (проживают в Ширинском, Усть-Абаканском и Алтайском районах), сагайлар «сагайцы» (Аскизский и северная

часть Таштыпского района), хызыллар «кызыльцы» (Орджоникидзевский район и некоторая часть Ширинского района), шорлар «шорцы» (Таштыпский район). Для создания письменной формы литературного языка за основу был взят качинский диалект хакасского языка. Этот выбор был связан с доминирующим положением носителей качинского наречия в среде интеллигенции во время создания в 1924 г. хакасской письменности. По нашим наблюдениям, на сегодняшний момент произошли кардинальные изменения в соотношении носителей диалектов хакасского языка. Как отмечает В.Г. Карпов «... в последние десятилетия произошло расхождение между литературным хакасским языком, базированном на качинском диалекте хакасского языка, и языком, на котором говорит большинство хакасов-сагайцев.» [7, с. 28]. Несомненно, что соотношение численности хакасских субэтносов складывается в пользу сагайцев, которые в количественном соотношении превосходят все остальные диалектные группы вместе взятые.

Сагайский диалект распространен в бассейнах верхнего течения р. Абакан и его притоков Аскиза и Таштыпа. Носителями диалекта являются хакасские родоплеменные группы – сагайцы (сагайлар), бельтиры (пилтирлер) и частично койбалы (хойбаллар). Сагайский диалект наряду с качинским явился основой для создания хакасского литературного языка, но и он имеет свои диалектные особенности в фонетике, грамматике и лексике.

По составу звуков фонетика сагайского диалекта не отличается от литературного языка. «Диалектную особенность представляют своеобразие артикуляции и позиционного употребления некоторых звуков, а также некоторые фонетические явления, свойственные лишь сагайскому диалекту и его говорам» [8, с. 14-19].

Шорский диалект в языковом отношении рельефно выделяется среди других диалектов хакасского языка и является одним из самостоятельных диалектов, обладающим своими специфическими чертами территориального.

При сравнении хакасского литературного языка и шорского диалекта в лексике диалекта наблюдаются две линии расхождения: собственно-лексические *тогышчы* в шорском диалекте, *истенчи* в хакасском литературном языке – *трудоющийся*; *харжлей* (шор.), *силей* (лит.) – *глухарь*; и лексико-семантические *ух* – *слушать* в диалекте и *ух* – *пуля* в литературном языке) [9, с. 49–66].

Всестороннее и глубокое исследование диалектов хакасского языка начинается с 1944 года в связи с открытием Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. С этого времени начинают проводиться экспедиции в места компактного проживания хакасов. Материалы проведенных экспедиций

сейчас хранятся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ. Сотрудники ХакНИИЯЛИ также периодически проводят экспедиции в места компактного проживания носителей хакасских диалектов. По исследованию речевых особенностей сагайского и шорского диалектов в 2016 году была проведена комплексная фольклорно-лингвистическая экспедиция сектором фольклора. Для изучения языка носителей качинского и кызыльского диалектов были проведены комплексные экспедиции в 2019-2020 годах.

Комплексная диалектологическая экспедиция 2022 г. являлась продолжением этой работы. В процессе опроса жителей коренной национальности проводилось анкетирование (специально подготовленные анкеты) по языковой ситуации в селах компактного проживания носителей диалектов. Также велся сбор языкового, фольклорного и этнографического материала у носителей сагайского и шорского диалектов хакасского языка. Для записи диалектного материала использовались диктофон, фотоаппарат и видеокамера.

Исследования проводились в населенных пунктах Таштыпского района, в которых проживает коренное население: д. Верхние Сиры (Олең чазы аал), с. Нижние Сиры (Индіркі Сир аал), с. Малая Сея (Кічіг Сии аал), д. Шепчул (Сипчул аал), с. Нижний Матур (Индіркі Мадыр аал), с. Верх-Таштып (Чоғархы Тастып аал), с. Анчул (Аңчул аал), д. Кызылсуг (Хызыл суғ аал).

Социолингвистическое анкетирование по выявлению языковой ситуации в Таштыпском районе проводилось в основном путем опроса, фиксация языковых материалов – путем записи разговорной речи на электронные носители в непринужденной беседе, при связном рассказе о каких-либо событиях, при рассказывании биографии, а также произведений устного народного творчества. Языковой материал в настоящее время расшифрован и находится в архиве ХакНИИЯЛИ.

Для сбора лексического материала участники экспедиции преимущественно записывали людей старшего возраста. В ходе проведенной экспедиции были записаны тексты от информантов, в совершенстве владеющих сагайским и шорским диалектами хакасского языка, в возрасте от 30 до 90 лет.

В с. Верхние Сиры Таштыпского района сделали записи полевого материала и речь носителей сагайского и шорского диалектов у следующих информаторов: Молаева (Кызылчакова) Зинаида Алексеевна 1965 г.р.; Тодякова (Карамашева) Прасковья Павловна 1936 г.р.; Сульберекова (Попова) Наталья Константиновна 1961 г.р.; Кызылчакова Ирина Васильевна 1960 г.р.; Канзычаков Анатолий Константинович 1959 г.р., Тюмерекова (Канзычакова) Надежда Петровна 1946 г.р., Туниекова Евдокия

Михайловна 1931 г.р. В с. Нижние Сыры: Канзычакова Антонида Константиновна 1950 г.р. В с. Малая Сея: Шулбаева (Пидюрова) Алефтина Петровна 1959 г.р., Бутонаев Иван Николаевич 1950 г.р., Шулбаев Михаил Дмитриевич 1961 г.р. В с. Шепчуль: Чучумакова (Кызынгашева) Татьяна Константиновна 1949 г.р. В с. Матур: В с. Нижний Матур: Кызынгашева (Штыгашева) Галина Никитична 1943 г.р., Казагашева Галина Семеновна 1950 г.р. В с. Верх-Таштып: Чульжанова (Бутонаева) Галина Ивановна 1969 г.р., Тюмерекова (Кыжинаева) Надежда Николаевна 1957 г.р. В с. Анжуй: Шулбаев Владимир Николаевич 1952 г.р., Кужаков Герасим Гаврилович 1956 г.р., Шулбаева Вера Кирилловна 1940 г.р., Арчимаева Клавдия Константиновна 1959 г.р. В с. Кызылсуг: Сыргашева (Кичеева) Мира Семеновна 1967 г.р., Канзычакова Любовь Павловна 1949 г.р., Миягашева (Канзычакова) Полина Сергеевна 1966 г.р.

Всего было записано живой диалектной речи продолжительностью около 30 часов.

По результатам анализа записанной речи было выявлено то, что, чем моложе информант, тем больше в хакасской речи употребляет русские слова. Для примера представим отрывки речи информантов 1960 г.р, 1950 г.р., и 1943 г.р.:

Информант Кызылчакова (Карамашева) Ирина Васильевна 1960 г.р. (с. Верхние Сыры Таштыпского района РХ): «*Пір муң тогыс чүс алтон чылда мында, пу аалда төреем. Абам-іңем мында чуртааннар. Национальнай школада икі чыл үгренгем, соонаң институтсар кірібіскем. Институт соонаң пу чылга теере система **образованиде** тогынчам, 40 чыл ирт парир. Пенсия сыгып, аалымзар айлангам. Амды мында кічиг класстарны үгретчем. Си иде школада тогынгам. Алнында **профтехучилищеде** тогынгам, устагчы полып, анаң **заместитель** полгам, үгретчи.* – В 1960 году родилась в этом селе. Мои Родители жили здесь. В национальной школе училась два года, потом поступила в институт. После института до сих пор работаю в системе образования, прошло уже сорок лет. После выхода на пенсию переехала в родное село. Сейчас обучаю детей в начальных классах. В Сее работала в школе. Раньше работала в профтехучилище, была руководителем, потом заместителем, учителем».

Информант Бутонаев Иван Николаевич 1950 г.р. (с. Малая Сея Таштыпского района РХ): «*Хайда ла полза тогынгам. И городтарда и аалда, ам пенсионербін. **Завклуб** полгамох. Мында всю **жизнь** чуртапчабыс. Пабамның он алты пала полган. Улуз пиңем ам даа хазых, Матурда чуртапча. Минің кічиг паза ікі хыс пар. Белоруссияда чуртапча, пірсі Улуз Сииде. Іңемні **раскулачивали**, Минусинскте **расстреляли** пабамның іңе-пабаларын. Че пасха чалчы тутпааннар. Ол полган маллар тутханнар посха ла. Ахча саны пілбеңнер. То мында, то ли тогас парган **дедым** гармошка алып алтыр, пір аттың пазына тур партыр. Пір орыс поэты ла ойнир тінтір.* – Где только не работал. И в городе, и в деревне, сейчас я пен-

сионер. Завклубом тоже был. Здесь всю жизнь живем. У отца было 16 детей. Старшая сестра еще жива, В Матуре живет. У меня двое дочерей. Одна живет в Белоруссии, другая в Большой Сее. Мать мою раскулачили. В Минусинске расстреляли родителей отца. Но другого слугу не держали. Они держали скот только для себя. Не знали, как считать деньги. То здесь встретился и купил гармошку, она стоила по цене одного коня. Один русский сказал, что она сама будет играть».

Информант Кызынгашева Галина Никитична 1943 г.р. (с. Нижний Матур Таштыпского района РХ): «*Мен **покоха** чөрзем, таг-суғларзар отха тастирга кирек. Отты улузлап, отха үгре салыбысхам. Чиис пызырзар отха азырирга кирек. Пабам-іңем сыбыра чоохтаңаң, – «Син отты азырирга ундуба». От хуруп парзын тін суранып, отха салыбысхам, чахсы күннер турып, отты тастап алгабыс. Ам пу олғаннарны ідөк чоохтапчам, отха анаң таг, суғларга іліг піргле». – Когда на покос ходила, всегда ложилась спать в огонь, чтобы покормить хозяев гор и рек. Почитая огонь, туда налила суп. Когда готовишь пищу, всегда надо кормить огонь. Родители постоянно говорили, что не забывай покормить огонь. Чтобы огонь не затух, в огонь положил. Хорошие дни простояли. Сено заготовили. Сейчас ребятишкам говорю, огню, горам и рекам не забывайте давать еду» [10, с 28-34].*

Данные примеры показывают уровень внесения вкраплений русских слов в хакасскую диалектную речь в зависимости от возраста информанта.

Для социолингвистического анкетирования с целью выявления языковой ситуации в селах компактного проживания носителей сагайского диалекта анкетированным респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов. Представим основные из них: знаете ли Вы хакасский язык, знают ли Ваши дети хакасский язык, какой язык вы считаете «родным» для себя, на каком языке вы общаетесь в кругу родных, друзей, соседей, на каком языке вы общаетесь в общественных местах, магазине и т.д., к какой национальности вы себя относите, хотели ли бы, чтобы ваши дети изучали хакасский язык, на каком языке вы общаетесь на работе с коллегами, ваши дети изучают хакасский язык, на каком языке вы чаще всего общались в детстве, хотели ли бы, чтобы ваши дети изучали хакасский язык, на каком языке вы общаетесь в кругу родных, друзей, соседей, на каком языке вы общаетесь в общественных местах, магазине и т.д., к какой национальности вы себя относите, Ваши дети изучают хакасский язык, на каком языке Вы общаетесь на работе с коллегами и т.д.

В общей массе опрошенных нами людей можно довольно четко выделить три возрастных группы: 1) пожилые люди – родившиеся до середины XX в., 2) люди среднего возраста – родившиеся в период с 1950 по 1965 годы. 3) люди молодого возраста – родившиеся в период до 1965 года. По результатам сложилась следующая

щая картина: около 100% опрошенных нами хакасов заявили, что родным языком для них является хакасский. 15% респондентов считают родным хакасский и русский языки. Уровень владения родным языком выразился в следующих цифрах: 100% респондентов свободно разговаривают на родном языке.

На вопрос «Насколько хорошо Вы знаете хакасский язык» респонденты ответили таким образом: очень хорошо знаю хакасский язык 84%; не очень хорошо знаю хакасский язык 13%.

Большинство из опрошенных респондентов (60%) при общении дома используют хакасский язык, только лишь 37% используют в этом случае оба языка. На вопрос – «На каком языке вы говорите в кругу своих родных, друзей, соседей?» респонденты ответили таким образом: только на хакасском языке 71%, на хакасском и русском языках 13%.

В семьях, где один из родителей хакас, а другой – русский, хакасский язык также не используется. На вопрос – «На каком языке вы говорите на работе с коллегами?» респонденты ответили таким образом: на хакасском языке 47%, на хакасском и русском языках 17%. В общественных местах 47% опрошенных говорят на хакасском языке, 33% хакасов говорят на русском и хакасском языках, только на русском языке общаются 13% опрошенных [11, с. 23-26].

Как мы упоминали ранее, сектором хакасского языка проводятся регулярные экспедиции по районам республики для сбора языкового материала и с целью выявления языковой ситуации по функционированию хакасского языка. Предшествующая экспедиция была проведена в Бейский район Республики Хакасия. Результаты этой экспедиции показали, что носители сагайского диалекта еще не утратили разговорные навыки в повседневном общении на родном языке [12, С. 121-125.].

Итоги экспедиции в Ширинский и Орджоникидзевский районы республики Хакасия в 2019-2020 годах по исследованию кызыльского и качинского диалектов хакасского языка показали совсем другие результаты [13]. Представим сравнительный анализ функционирования хакасского языка в этих диалектных группах среди детей. На вопрос «Знают ли Ваши дети хакасский язык?» но-

сители качинского диалекта хакасского языка ответили следующим образом: свободно говорят, пишут и читают 7%, говорят, но не могут писать, читать 17%, понимают разговорную речь, но не говорят 36%, не говорят и не понимают хакасского языка 18%. У носителей кызыльского диалекта ситуация сложилась следующим образом: свободно говорят, пишут и читают 10%, говорят, но не могут писать, читать 15%, понимают разговорную речь, но не говорят 40%, не говорят и не понимают хакасского языка 35%.

Степень владения хакасским языком детьми в диалектах хакасского языка представлена в процентном соотношении в таблице № 1.

Как мы видим, уровень владения разговорным хакасским языком в разных диалектах сильно отличаются. Основная причина такого положения вещей кроется в том, что носители качинского и кызыльского диалектов живут в русскоязычном окружении. Они вынуждены общаться между собой на русском языке в разных сферах совместной трудовой деятельности.

Заключение

Таким образом, научная экспедиция сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, проведенная в 2022 г. в Таштыпский район республики Хакасия, выявила благоприятное положение сагайского и шорского диалектов хакасского языка, что нельзя сказать о кызыльском и качинском диалектах, где их состояние оценивается как критическое. Тем не менее, экспедицией установлено, что в настоящее время свободно владеют чисто сагайским и шорским родными диалектами только представители старшего поколения, молодое поколение предпочитает использовать в речи русский язык. Собранные исследователями комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами в условиях современных общественно-политических преобразований. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалектам хакасского языка.

Таблица № 1.

Уровень владения хакасским языком в разных диалектах в %.

Знают ли Ваши дети хакасский язык?	Качинский диалект	Кызыльский диалект	Сагайский диалект
Свободно говорят, пишут и читают	7	7	74
Говорят, но не могут писать, читать	17	15	13
Понимают разговорную речь, но не говорят	36	40	3
Не говорят и не понимают	18	35	0

ЛИТЕРАТУРА

1. Голикова Т.А. Языки малочисленных народов Сибири: специфика языковой политики // Режимдоступа: http://linguisticsonline.narod.ru/index/t_a_golikova_jazyki_malochislennykh_narodov_sibiri/0-462 (дата обращения: 13.11.2023 г.)
2. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Демографическая мощьность хакасского языка и языковая лояльность жителей Хакасии // Мир науки, культуры, образования. 2012 № 5. С. 233–237.
3. Концепция преподавания хакасского языка и хакасской литературы в образовательных организациях Республики Хакасия (проект). Абакан, 2017. 62 с.
4. Кривонов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 252 с.
5. Национальный состав населения Республики Хакасия // Режим доступа: <http://bdex.ru/naselenie/respublika-hakasiya/> (дата обращения: 21.11.2023 г.).
6. Баскаков Н.А. Социоллингвистические проблемы тюркских языков в Российской Федерации // Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы международной конференции. 1996. С. 5-7.
7. Карпов В.Г. Проблема сохранения хакасского языка как основы духовной культуры хакасского этноса // Summa summarum: В.Г. Карпов К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности / сост. И.П. Амзаракова, В.В. Миндибекова; отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 91.
8. Межекова Н.Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка. – Абакан, 1973.
9. Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология: Сборник. Абакан, 1992. с. 14-19.
10. Кызласов А.С. Расшифровка аудиозаписей по результатам поездки комплексной экспедиции ХакНИИЯЛИ по местам проживания носителей сагайского и шорского диалектов хакасского языка (Таштыпский район РХ, 4-8 июля 2022 г.) 83 с. // Архивный фонд ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ». Инвентарная книга № 2247.
11. Кызласов А.С. Отчет о комплексной экспедиции ХакНИИЯЛИ по местам проживания носителей сагайского и шорского диалектов хакасского языка (Таштыпский район РХ, 4-8 июля 2022 г.) 32 с. // Архивный фонд ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ». Инвентарная книга № 2247. 32 с.
12. Абдина Р.П., Кызласов А.С., Белоглазов П.Е. Языковая экспедиция ХакНИИЯЛИ в 2021 году: некоторые итоги // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. № 11/2. Серия: Гуманитарные науки. Москва: ООО «КОПИ ПРИНТ». 2022. С. 121-125.
13. Абдина Р.П., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А. С., Субракова В.В. Современное состояние качинского и кызыльского диалектов хакасского языка (отчет научной экспедиции сектора языка ХакНИИЯЛИ за 2019 г.) // Мир науки, культуры, образования, 2020 № 2 (81), С. 439-443.

© Кызласов Артем Самуилович (kyzlasov60@mail.ru), Белоглазов Петр Егорович (arshanovskiy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ И ДИСГАРМОНИИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

ARGUMENTATIVE MARKERS AS MEANS OF HARMONIZATION AND DISHARMONY OF A SPEECH CONFLICT

**T. Larionova
E. Pechenina**

Summary: The article deals with the problem of harmonization and disharmony of communication, speech conflict in particular, in terms of ecolinguistic approach to the study of linguistic and speech phenomena. The authors distinguish argumentative markers / argumentators as means of harmonization and disharmony which are aimed at enhancement or weakening of the degree of predicate's correlation to the reality that allows to change the pragmatic content of the statement. The harmonizing nature of argumentators in a speech conflict study allows to define the conflict as a communication act aimed at ecological interaction of the language system and a speaker. The usage of argumentators to reach the disharmony of a conflict may lead to the distortion of a rational and argumentative component of speech behavior.

Keywords: speech conflict, ecolinguistics, harmonization, disharmony, communication act, argumentative marker, argumentator.

Ларионова Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ» (г. Новокузнецк),
tnesheva@yandex.ru

Печенина Евгения Александровна

старший преподаватель, КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ» (г. Новокузнецк)
eve64@yandex.ru

Аннотация: В данной статье анализируется проблема гармонизации и дисгармонии речевого общения, в частности в речевом конфликте, с точки зрения эколингвистического подхода к изучению языковых и речевых феноменов. В качестве средств гармонизации и дисгармонии авторы выделяют аргументативные маркеры / аргументаторы, которые направлены на усиление или ослабление степени соотнесенности предиката с действительностью, что позволяет изменять прагматическое содержание высказывания. Изучение гармонизирующей природы аргументаторов в речевом конфликте позволяет говорить о нем как о коммуникативном действии, направленном на экологичное взаимодействие языковой системы и говорящего. Использование аргументаторов с целью дисгармонии конфликта приводит к искажению рационально-аргументативной составляющей речевого поведения говорящего.

Ключевые слова: речевой конфликт, эколингвистика, гармонизация, дисгармония, коммуникативное действие, аргументативный маркер, аргументатор.

Являясь предметом междисциплинарного изучения, речевой конфликт рассматривается как 1) противоречие, сопровождаемое острыми эмоциональными переживаниями (психологический аспект) [3]; 2) сознательное и активное противостояние с целью нанесения ущерба противоположной стороне (философский аспект) [4]; 3) несоответствие выбранных коммуникативных стратегий взаимодействия в рамках того или иного типа институционального и личностного дискурсов (социолингвистический аспект) [1]. В педагогике речевой конфликт является следствием нарушения норм культуры педагогического общения и в большей степени соотносится с отсутствием речевого этикета [5].

Смежный взгляд на конфликт представлен и в юридической конфликтологии, где конфликт представлен как результат нарушения этических и правовых норм и лежит в основе «речевого хулиганства», «речевого убийства», «речевого воровства», «речевого мошенничества» [2]. В лингвистических исследованиях речевой конфликт всегда рассматривается как коммуникативное действие и нередко анализируется в синонимичном ряду с коммуникативной неудачей, коммуникативным самоубийством, речевой агрессией и т.д. Несмотря на разработанность понятия, вопрос терминологической ясности остается открытым.

Основное противоречие содержательного аспекта определения речевого конфликта, на наш взгляд, заключается в векторе коннотативной направленности. В большинстве определений акцент поставлен на отрицательной коннотативной составляющей, в то время как участники речевого конфликта могут выстраивать и позитивно-настраиваемые стратегии общения, направленные на устранения конфликта и гармонизацию общения.

Примечательно, что пришедший из музыкальной сферы термин «гармонизация», в настоящее время активно внедряется в лингвистический методологический аппарат, в первую очередь, в рамках эколингвистического подхода к анализу языковых и речевых фактов. Понимание гармонизации как «согласования, упорядочивания, сопровождения, приведения в систему, обеспечения взаимного соответствия» [17] применимо для определения критериев экологичности и неэкологичности языка. В первую очередь это актуально для психолингвистических исследований и теории коммуникации, занимающихся проблемами гармонизации общения. Одной из первых на данное явление откликнулась и теория перевода, для которой продолжает оставаться актуальным вопрос обеспечения адекватности переводческого текста [8, 15].

В отечественной лингвистике наиболее полно основные тезисы лингвистической экологии представлены в трудах А.П. Сковородникова, который рассматривает вопросы условий «здорового» существования человека в лингвокультурной среде, вопросами естественного включения его в данную среду [14]. Речевой конфликт так же может рассматриваться как одно из условий существования человека в среде, если понимать его как «определенный стереотип поведения, возникающий как результат взаимодействия с членами конкретного лингвокультурного сообщества» [10, с.119]. Речевой конфликт нередко является единственным возможным способом реализации социально-когнитивных матриц общения, которые закладываются в сознании человека с раннего детства [6]. Безусловно, сам речевой конфликт не является примером гармонизации общения, но, представляя собой обязательное условие включения человека в общую экологическую среду, он может содержать предпосылки для гармонизации общения. Данный тезис подтверждается исследованиями конфликтного дискурса и речевой агрессии, сопровождающей данное общение [13, 16].

Анализируя речевой конфликт в аспекте гармонизации, В.С. Третьякова выделила модели гармонизирующего речевого поведения: модель предупреждения конфликта (потенциально конфликтная ситуация), модель нейтрализации конфликта (ситуация конфликтного риска) и модель гармонизации конфликта (собственно конфликтная ситуация). В каждой модели, согласно автору, «заложены основные постулаты общения, в частности, постулаты качества общения (не навреди партнеру), количества (сообщай значимые истинные факты), релевантности (учитывай ожидания партнера), которые представляют основной принцип коммуникации — принцип кооперации» [16].

Участники конфликта могут проявлять способность к кооперации, преследуя разнообразные коммуникативные цели: от стремления погасить конфликт до установки доминирования над оппонентом. Однако не стоит понимать гармонизацию общения в речевом конфликте исключительно как достижение положительного результата для одного или всех участников общения, или полное разрешение конфликта и достижение договоренности. Если рассматривать речевой конфликт как «сценарий» [16], «речевую практику» для воплощения социокогнитивной матрицы [Ларионова], то гармонизация речевого конфликта получает новое осмысление, а именно получение участниками общения возможности реализовать потребность взаимодействовать с языковой, собственной и внешней когнитивной экосистемами, что подтверждает основной тезис эколлингвистического подхода. А.В. Кравченко, рассматривая актуальный вектор лингвистических исследований, пишет: «Главными принципами в любых научных исследованиях языка

должны стать биологизм и экологизм» [7, с.24], при этом под биологизмом он понимает анализ языка как части «функциональной особенности организации человека как живой системы», экологизм же проявляется в изучении языка как среды, обеспечивающей «нормальное развитие человека в онто- и филогенезе» [7, с.25]. С одной стороны, динамика конфликта как коммуникативного действия обеспечивает динамику языковых средств, которые получают иногда неожиданную интерпретацию именно в контексте конфликта, здесь стоит упомянуть примеры карнавализации языка. С другой стороны, в речевом конфликте гиперболизирована потребность участников воздействовать на эмоциональную, когнитивную сферы оппонента. Если в процессе общения на языковом уровне можно обнаружить маркеры гармонизации – согласования, упорядочивания, речевого равновесия, можно говорить о гармонизации общения. Соответственно, необходимо определиться с природой данных маркеров.

Рассмотрим пример общения на форуме по теме «покупка/продажа автомобиля» в социальной сети «ВКонтакте»:

Говорящий 1: - *А еще в таких салонах продают авто с еле живыми двигателями, коробками, говорят покупателям что все в идеале! Мы так им свою машину продали еле живую они сказали все сделают, но на следующий день ее на чистили намыли и выставили типо в идеальном состоянии...*

Говорящий 2: - *Катя, надеюсь, что вам тоже кто-то втюхает такой же дорогуший хлам.*

Говорящий 1: - *Мария, всмысле мы когда продавали сообщили о своей поломке салону, читайте внимательнее текст, а это уже салон на дурака, не ремонтируя выставляет машины и продают обманывая людей, что они в идеальном состоянии! (Орфография и пунктуация авторов сохранены) [https://vk.com/wall-59679439_395399].*

Представленная ситуация общения может быть интерпретирована как конфликтная благодаря ряду языковых маркеров на фонетико-графическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Фонетико-графический аспект представлен восклицательными знаками, соответствующими графическими символами. На грамматическом уровне – побудительными («*читайте внимательнее*») и восклицательными конструкциями, усиливающими негативное отношение к сказанному оппонентом. Маркерами лексического аспекта являются эмоционально-окрашенные слова, слова с отрицательной коннотацией («*обманывают*», «*на дурака*», «*хлам*», «*втюхает*»).

Стратегии поведения в речевом конфликте могут быть разнообразными – от инвективных, направленных

на осознанное причинение ущерба оппоненту до стратегий кооперации, построенных на принципе рациональности и аргументативности. Безусловно, в рамках конфликтного дискурса реализация данного принципа имеет свои особенности, в частности, имплицитный характер построения и актуализации аргументативного потенциала языковых единиц.

Обращаясь к описанной выше коммуникативной ситуации, следует отметить ряд слов, которые, благодаря своей прагматической природе, изменяют аргументативную силу высказываний. Очевидно, что второй говорящий, используя слово «тоже», выстраивает тактику обвинения оппонента, тем самым провоцируя речевой конфликт. Наряду со значением «также, в равной степени, аналогично», данная языковая единица может имплицитно выражать «сомнение и неодобрение». В ответе первого говорящего интерес вызывает языковая единица «уже», которая «помогает» обосновать аргументативную позицию автора и снять с него ответственность за действия, в которых его обвиняют. Данная способность языковых единиц описана и обоснована в теории языковой аргументации, авторы которой О. Дюкро и Ж.-К. Анкомбр сформулировали три основных тезиса, обосновывающих аргументативный потенциал языка:

1. Аргументативное начало в языке превалирует над информативным.
2. Семантическое описание высказывания должно состоять скорее в выяснении его возможных последствий, нежели определении его отношения к «фактам».
3. С точки зрения аргументативной стороны дискурса, аргумент и следующее из него заключение не могут обнаружить своей собственной значимости без учета зависимости друг от друга [18, 19].

Согласно теории языковой аргументации, любое высказывание, любое порождение коммуникации можно рассматривать как аргумент. При этом аргументативность создается не столько путем конструирования высказывания определенным способом, сколько за счет того, что сам язык уже обладает этой аргументативной силой. Данный факт не отрицается формальной логикой, которая признает, что аргументация может выражаться в слове, но наряду с этим в предложении, публичной речи, поступке, действии, взаимодействии. То есть, в соответствии с ситуацией, отдельная языковая единица может быть наделена аргументативной силой или не иметь ее. Теория языковой аргументации направлена на выявление аргументативного потенциала самих языковых единиц, которые приобретают статус аргументаторов или аргументативных маркеров. Аргументаторы/ аргументативные маркеры выражают соотношенность (*applicabilité*) предиката (существительного и глагола) с действительностью. Аргументативная сила направлена либо на увеличение, либо на уменьшение степени

соотношенности предиката с действительностью в конкретной ситуации [18, 19]. К данным аргументативным маркерам / аргументаторам, как правило, относятся незначительные или периферийные лексические единицы, чаще всего со спорным лингвистическим статусом, например, слова «еще», «уже», «даже» в русском языке или их аналоги в других языках. Десемантизируясь в процессе речи, данные слова, тем не менее, не теряют основной своей функции – усилить прагматическую и аргументативную силу высказывания.

Наряду с гармонизацией, аргументативные маркеры нередко служат и маркерами дисгармонии конфликта. Дисгармония как нарушение равновесия является результатом изменения свойств предиката в конкретной коммуникативной ситуации. Усиление, как правило, предполагает отступление от точки равновесия, что гораздо чаще происходит в речевом конфликте. Намеренное искажение языковых норм, свойственное речевому конфликту, не всегда предполагает исключительно языковые и речевые ошибки или намеренное использование языковых средств так называемого «патогенного текста» [12]. Дисгармония речевого конфликта, на наш взгляд, заключается в первую очередь в формировании в сознании оппонента искаженной реальности, в терминах теории языковой аргументации – уменьшение степени соотношенности предиката с действительностью.

Периферийные языковые единицы, такие как аргументативные маркеры, так же справляются с функцией дисгармонии конфликта.

Рассмотрим пример:

Говорящий 1: - ...Поэтому, Елена Сергеевна, мы будем задавать вам вопросы, а вы потрудитесь, пожалуйста, отвечать на них, иначе мы не сможем собрать достаточно материала для возбуждения дела.

Говорящий 2: - Да какие еще вопросы?! Не знаю ли я, кто мог *похитить детей*? Нет, не знаю! Не знаю!!! Какие еще у вас вопросы? [11, с.93-94].

Отказ отвечать на вопросы первого говорящего свидетельствуют о конфликтной позиции второго, однако отрицательный ответ сформулирован косвенно и имплицитно включает объяснение данной позиции. Благодаря языковой единице «еще» формируется прагматика высказывания: вопросов задано больше, чем допускает ситуация, дальнейшее общение невозможно. Реакция первого говорящего подтверждает ожидаемый результат.

Резюмируя анализ теоретического и практического материала, сформулируем следующие тезисы:

1. с точки зрения эколингвистического подхода речевой конфликт рассматривается как среда взаимодействия языковой системы и говорящего

- человека для обеспечения динамики развития одного и другого;
2. речевой конфликт как коммуникативное действие может являться моделью гармонизирующего и дисгармоничного общения;
 3. стратегия кооперации, обусловленная выстраиванием рациональной аргументации, подкрепляется аргументаторами, усиливающими степень соотнесенности предиката с действительностью;

4. стратегии, используемые говорящими для усиления конфликта, реализуются с помощью аргументаторов, ослабляющих степень соотнесенности предиката с действительностью.

Аргументативный потенциал языка, в частности периферийных языковых единиц с размытой семантикой, позволяет идентифицировать эколингвистический статус речевого конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н.А. Белоус, Н.В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2007. – Вып.4. Ч.2. – С. 96-106.
2. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрлингвистическая экспертиза конфликтных текстов / Н.Д. Голев. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v60.html> (дата обращения 07.04.2024).
3. Давыдов В.В. психологический словарь / В.В. Давыдов. - Москва: Политиздат, 1983. – 494 с.
4. Дмитриев А.В. Конфликтология: терминологический словарь / А.В. Дмитриев. – 2-е изд., перераб. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 80 с.
5. Клименских М.В. Педагогические конфликты в школе: учебное пособие / М.В. Клименских, И.А. Ершова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2015. – 76 с.
6. Колмогорова А.В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции: монография / А.В. Колмогорова. – Москва: Флинта, 2013. – 168 с.
7. Кравченко А.В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сковородникова, Г.А. Колпиной. – Красноярск: Сиб. Федер. ун-т. – 2022. – С. 10-27.
8. Кушникова Л.В. Экология перевода: современные тенденции и подходы / Л.В. Кушникова // Вестник пермского университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-perevoda-sovremennye-tendentsii-i-podhody/viewer> (дата обращения: 26.03.2024).
9. Кушникова Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л.В. Кушникова. – Пермь: изд-во Пермского Государственного технического университета, 2008. – 196 с.
10. Ларионова Т.В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице / Т.В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. - №7(73): в 3-х ч. Ч.1. – С. 117-120.
11. Маринина А. Тьма после рассвета / А. Маринина. – Москва: Эксмо, 2024. – 480 с.
12. Мыскин С.В. К постановке проблемы «патологии языковой личности» // Организационная психоллингвистика / гл.ред. С.В. Мыскин. – Москва: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – Вып.3 (23). – С.10-24. URL: [https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023№3\(23\).pdf](https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023№3(23).pdf) (дата обращения: 02.04.2024)
13. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета / К.Ф. Седов // Социальная психоллингвистика: хрестоматия / сост. К.Ф. Седова. – Москва: Лабиринт, 2007. – С.250-277.
14. Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А.П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. - №1. – С.205-233. URL:<http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/A.P.-Skovorodnikov.pdf> (дата обращения 02.04.2024)
15. Сюэцзюань Гуань. О гармонизации культурных контекстов перевода (на материале переводов с китайского и на китайский) / Гуань Сюэцзюань // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т.14 (Вып.4). – С. 728-741.
16. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В.С. Третьякова: диссертация на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.
17. Экономический словарь терминов. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/ГАРМОНИЗАЦИЯ (дата обращения: 02.04.2024).
18. Ducrot, O. Informativité et argumentativité [Text] / O. Ducrot, J.-C. Anscombe // De la Métaphysique à la rhétorique. – Bruxelles : [б.и.], 1986 – P. 79-93.
19. Ducrot, O. Les Modificateurs Déréalisants [Text] / O. Ducrot // Journal of Programatics, 1995. - №5. – С. 145-165.

© Ларионова Татьяна Владимировна (tnesheva@yandex.ru), Печенина Евгения Александровна (eve64@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ПОДАЧИ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ли Цзин

Белорусский государственный университет, (г. Минск,
Республика Беларусь)
Wangjiajia093@gmail.com

JOURNALISM ABOUT MEDIA TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AN INFORMATION SOCIETY

Li Jing

Summary: This article examines the transformations of information genres of journalism in the era of information technology and the development of online media, and highlights the structural, linguistic and stylistic features of a modern news item.

The author studies the materials of the genre information group on the websites of federal publications and regional media, which identify the structural components of publications and signs of genre change.

Mobile journalism is considered as a phenomenon based on the synthesis of the latest information technologies, efficiency and relevance. The transformation of the media under the influence of mobile communications is investigated. The text of the article contains a brief examination of the transformation of genres of cultural and educational journalism in modern media.

Keywords: internet media, information genres, genre system, cultural and educational journalism, mobile journalism, mobile communications, multimedia journalism, news, regional media, network media, traditional genres, transformation.

Аннотация: В статье рассматривается процесс трансформации форм подачи новостного контента средствами массовой информации на фоне интенсивного развития онлайн-медиа и широкого проникновения цифровых технологий во все сферы жизни общества (в особенности это касается высокоскоростного беспроводного интернета и средств мобильной связи). Автор анализирует структурные, языковые и стилистические особенности жанровой специфики наиболее востребованного в настоящее время типа информационных жанров журналистики – новостной заметки. Отдельное внимание в работе уделено явлению т.н. «мобильной журналистики» (которая выступает следствием внедрения ИТ-решений в практику СМИ), а также тренду на активное освоение онлайн-пространства персональными мобильными устройствами. В статье также представлена авторская точка зрения на эволюцию форм и характера работы СМИ в связи с появлением новых каналов социальной коммуникации, а также адаптацию системы жанров журналистики к меняющимся запросам общества.

Эмпирическую базу исследования составил массив материалов, размещенных в открытом доступе на сайтах федеральных и региональных средств массовой информации (далее – также СМИ). Материалы выборки по своим основным характеристическим признакам соответствуют классу информационных жанров журналистики, и, по мнению автора, иллюстрируют факт изменения структуры журналистской информации, а также имеют явные признаки трансформации стилистики изложения новостных материалов.

Ключевые слова: интернет-СМИ, информационные жанры, жанровая система, культурно-просветительская журналистика, мобильная журналистика, мобильные коммуникации, мультимедийная журналистика, новость, региональные СМИ, сетевые СМИ, традиционные жанры, трансформация.

Сферу средств массовой информации и журналистской деятельности в демократических государствах традиционно рассматривают как четвертую ветвь власти (наряду с системами исполнительной, законодательной и судебной власти). Причина особого положения массмедиа в обществе – способность одинаково эффективно влиять как на самих граждан, так и на властные институты, оставаясь относительно независимым двусторонним каналом управляющей информации. Сегодняшняя журналистская деятельность разворачивается внутри мощнейшего информационного потока, который можно без преувеличения назвать коммуникативной революцией, сопряженной с глобальными изменениями в структуре социальных отношений и всеобъемлющей цифровизацией.

Быстрое развитие интернет-технологий привело к появлению новых видов межличностной и транстерриториальной коммуникации, и, соответственно, новых типов медиаплощадок (социальных сетей, онлайн-СМИ, видеохостингов), которые в свою очередь оказали сильнейшее воздействие на язык средств массовой информации и стиль подачи контента. Изменение формата журналистики в нынешних условиях – многоаспектная научная проблема, затрагивающая культурологические, этические, эстетические и социолингвистические грани эволюции современной цивилизации; причем изменения эти в последние годы происходят всё более стремительно.

Предметом данного исследования является комплекс трансформационных процессов, наблюдаемых в СМИ, и его влияние на роль и место журналиста в

системе циркулирования информационных потоков, ведь, как считает ряд экспертов (к примеру, А.О. Чаплыгина), журналист «обязан оправдывать доверие к СМИ в целом» и главным образом за счет подготовки и распространения качественного медиапродукта. Журналисту необходимо демонстрировать «профессионализм, разносторонность, умение оперативно и объективно передавать важную информацию» [1, с. 302] для того, чтобы оставаться «доверенным лицом» своей аудитории внутри противоречивого новостного потока, ежедневно (а иногда и ежечасно) меняющего информационную повестку дня. Таким образом, эволюция бизнес-моделей массмедиа вынуждена двигаться в направлении развития способности быстро адаптироваться к меняющейся конъюнктуре инфозапросов своей аудитории, а также демонстрировать умение совершенствовать методы обработки и трансляции новостного контента.

Методологическая база теории журналистского мастерства, как известно, во многом ориентирована на изучение жанровых особенностей творчества журналиста в рамках конкретного исторического периода, справедливо рассматривая трансформацию системы СМИ на уровне отдельного государства как итог научно-технического и социального прогресса, приводящего к тому, что «журналистские жанры претерпевают значительные изменения», при этом именно технологический фактор объясняет причину, по которой «интернет-СМИ в данный момент являются ведущей площадкой для публикации материалов», превращая массмедиа в «достаточно сложную и многофункциональную систему» [1, с. 303]¹.

Благодаря общедоступности технических средств связи, позволяющих сегодня без посредников обращаться к многомиллионной аудитории с различных медиаплощадок, авторами журналистских текстов может становиться любой человек, даже не обладающий специальным журналистским образованием. Причем такой журналист-любитель практически не ограничен в своей активности, в то же время подготовить действительно качественный контент «в соответствии со всеми критериями его создания может далеко не каждый, поскольку корреспондентом может стать только профессионал, обладающий определенным набором знаний» [1, с. 304]. Этот набор знаний в обязательном порядке должен подразумевать и понимание «законов жанра» – специфики построения и функционирования информационного

нарратива. Подвижки в жанровых формах современной журналистики уже отмечены научным сообществом. Так, А.А. Морозова предлагает выделять интернет-жанры массмедиа в особую группу и дифференцировать их на:

- традиционные (усвоенные из практики традиционной прессы и сохранившие свои основные жанровые признаки, которые при этом несколько мутировали);
- «новые жанры» (образовавшиеся в период возникновения разного рода площадок хранения и распространения мультимедийного контента и ставшие средством конвергенции офлайн- и онлайн-журнализма²) [2].

Считаем, что исследование жанровых трансформаций в журналистике на сегодняшний день представляется весьма актуальной научной задачей, что подтверждает анализ профильной литературы. В частности, А.Е. Ерицян в ряде своих публикаций [3; 4] доказывает, что современные цифровые платформы «существенным образом повлияли на журналистику и на продукты журналистской деятельности – журналистские материалы», и это дает основания для более «детального изучения структурных характеристик современных журналистских материалов», а также пересмотра «принципов их написания и жанровой классификации» [3, с. 31].

Обращает на себя внимание стремительность изменения научного дискурса, касающегося революции в сфере массовой коммуникации: работы А.О. Чаплыгиной («Особенности трансформации традиционных информационных жанров журналистики в федеральных интернет-СМИ», 2017) и А.Е. Ерицян («Трансформации информационных жанров журналистики в эпоху интернет-СМИ: классификация, структурные и стилистические особенности», 2021) отстоят друг от друга всего на четыре года, однако подходы к методам анализа проблемного поля и сделанные авторами выводы в них весьма отличаются. А.Е. Ерицян предлагает вниманию результаты мониторинга современных русскоязычных информационных агентств и интернет-изданий («Лента.Ру», ТАСС, РИА Новости, «Новая Газета», «Настоящее время», «Медуза»), а также новостных разделов сайтов авторитетных зарубежных массмедиа (BBC, Deutsche Welle, Euronews). Ученый, изучив эти ресурсы, приходит к выводу о том, что традиционные жанры информационной журналистики переживают в нынешнее время процесс

1 Представляется значимым описать особенности, которыми характеризуются современные СМИ, и то, что делает их иными, особенно на фоне предыдущего этапа истории журналистики. К таким отличиям можно отнести: отсутствие реальных препятствий для распространения и доступа к информации, публикационную активность, интерактивность взаимодействия с целевой аудиторией, мультимедиа-технологии, позволяющие производить более выразительный и впечатляющий контент для повышения эффективности его продажи и др.

2 По этому поводу А.О. Чаплыгина пишет, что, в целом, информационный контент современной онлайн-журналистики сохранил базовые структурные элементы (заголовок, лидер-абзац, основная часть), «безэмоциональный» сухой язык и строгое изложение, но дополнен гиперссылками, возможностью размещения мультимедиа-информации (видео-, аудиоконтента); увеличилось при этом количество иллюстраций в материале, а для удобства поиска схожей по тематике информации появились «хэштеги» [1, с. 305–306].

слияния «в единый мультимедийный формат – с четко выраженными структурными и стилистическими особенностями», и этот жанр – «новость», носит абсолютно самостоятельный характер. А.Е. Ерицян квалифицирует новости в качестве «движущей силы журналистики», «ядра как традиционных, так и современных интернет-СМИ» [3, с. 31]. Он также предлагает усматривать в понятии «новость»³ две сущностные стороны: «новость как категория информации» и «новость как жанр». Исследователь полагает, что на волне ультрамодных тенденций в области теории массовой информации⁴ в новостном формате журналистских сообщений можно выделить несколько видов:

- краткая новость, которая отвечает на вопросы «что?», «кто?», «где?» и «когда?», состоит из 10–20 строк сведений (информационного ядра, одной-двух деталей и «бэкграунда» – фоновой информации);
- развернутая новость (информационная заметка), отвечающая на вопросы «что?», «кто?», «где?» и «когда?», «почему?», «каким образом?» и т.п.; она, с точки зрения объема, насчитывает от 4 до 10 абзацев и состоит из ядра, двух и более деталей, а также развернутого «бэкграунда»;
- «новость-молния» – содержит ответы на вопросы «что?», «кто?», «где?» и «когда?», состоит из 1–2 строк, в которых сообщается что произошло (при этом подробности происшествия еще неизвестны) [3, с. 32–33].

Исследователи жанров современных СМИ подчеркивают возросший уровень оперативности создания и трансляции контента, а также тот факт, что журналисту, специализирующемуся на новостной повестке, придется учитывать мультимедийные особенности формата современной новости, а именно:

1. соответствие формуле «текст + изображение»;
2. наличие в тексте гиперссылок – отсылок к связанным с темой публикациям (об этом более подробно см. [3; 6]).

Но подлинной инновацией в новостной журналистике последнего десятилетия можно считать формат

«мобильных новостей», природу которого детально описывают Е. Балалаева и А. Каплаух в работе «Мобильная журналистика – журналистика информационного общества» (2019). Авторы отмечают вступление человечества в новую эпоху, когда «люди так быстро переходят на смартфоны и планшеты, что мобильные устройства стали основными платформами для новостей» [7, с. 241]. Интересно, что благодаря мобильным коммуникациям оживает и традиционный подход к формированию «лица» средства массовой информации, что говорит о возможности «ренессанса газетной отрасли»⁵.

Анализируя возможности новых медиа, Е. Балалаева и А. Каплаух размышляют о перспективах «качественно иных отношений с аудиторией и рекламодателями, освоения новых источников доходов в области медиапотребления и коммуникаций и повышения оперативной эффективности газетных компаний» [7, с. 241]. Опираясь на мнения опрошенных ими экспертов, Е. Балалаева и А. Каплаух подчеркивают тот факт, что «в развивающихся странах мобильная журналистика в целом дала толчок для создания интернет-медиа»⁶. По мнению другого теоретика журналистики – В.Ф. Олешко, мобильные коммуникации создают ряд преимуществ, а именно: открывают «новый канал для сбора информации и расширения знаний о читательских потребностях и интересах», становятся своего рода «мостом к новому поколению читателей», а также «сокращают административные и организационные расходы» (цит. по [7, с. 241]).

Мы, в целом, поддерживаем позицию Е. Балалаевой и А. Каплауха – есть все основания полагать, что в сфере практической журналистики замечен принципиально новый подход к конструированию контента, предназначенного для трансляции на мобильные устройства, – иными словами, действительно, «дигитализация привела к появлению мобильной журналистики». Сочетая в себе «новейшие информационные технологии, оперативность и актуальность», мобильная журналистика «запустила процесс» особого способа подачи новостного материала в мобильных прило-

3 По мнению А.В. Колесниченко, в журналистике существует два определения жанра «новость»: 1) информация, необходимая людям для принятия решения, которое будет касаться их дальнейшей жизни; 2) отклонение от естественного хода событий. «В первом случае новостью будет, к примеру, принятие нового закона или ежегодное послание президента. Во втором – всевозможные чрезвычайные и курьезные происшествия. К этому случаю относится знаменитая поговорка: “Когда собака укусила человека – это не новость, а когда человек укусил собаку, это уже новость”» [5, с. 17–18] (см.: Колесниченко, А.В. Практическая журналистика учебное пособие / А.В. Колесниченко. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2010. – 191 с.).

4 По мнению А.Е. Ерицян, в современной новости не приветствуются сложные синтаксические конструкции, языковые средства выразительности, слова с многозначной семантикой, профессионализмы, архаизмы, историзмы, научная или деловая лексика. Предложение новостного материала должно состоять из 6–8 слов, а всё то, что может усложнять текст, должно быть сведено к минимуму (причастные или деепричастные обороты, вводные конструкции; в заголовках нежелательно использование инверсии и пассивного залога и пр.).

5 Более половины взрослого населения во всем мире по-прежнему читает ежедневные газеты, из них более 600 млн человек предпочитают информацию в цифровом формате (цит. по [7, с. 241]).

6 К факторам, значительно удешевляющим сбор информационного контента, можно отнести низкую стоимость оборудования (по сравнению с оборудованием кино- и видеосъемочной группы), а также уменьшение штата редакции, так как процесс съемки и монтажа превращается в задание журналиста (об этом более подробно см. [7]).

жениях [7, с. 243]. Специфику формирования новостных блоков для мобильных устройств раскрыла в своем исследовании Е.А. Меркушина, указавшая, что именно оперативность обновления новостной ленты стало одной из ключевых причин превращения жанра новости в анонс, в «простое предъявление фактов». Здесь прослеживается прямая связь между объемом темы и сложностью сбора информации – ведь доступность и простота сбора первичных сведений гарантируют большой объем конечного контента. В этом смысле функции сетевого СМИ (информационная, развлекательная, воспитательно-просветительская, рекламная) определяются структурой новостного контента – разделами, темами и способами подачи материала [8, с. 197]. И в данном случае на первый план выдвигается дуализм природы информационного новостного потока, который особенно нагляден при подаче сведений о негативных событиях (военные сводки, криминальные хроники, информация о всякого рода угрозах и опасностях, то есть сведения, актуализирующие инстинкт самосохранения у аудитории). Данная тема представляется особенно значимой в нынешних непростых условиях геополитической турбулентности. Е.А. Меркушина отмечает, что новости подобной природы – это одновременно и сигнал, и предупреждение. С философских позиций под воздействием отрицательно заряженного контента «мир становится чуть более предсказуемым», и уже сама аудитория должна определяться с тем, каким образом уберечь себя от психологического давления, задействуя механизм самоконтроля. Информационные поводы негативного порядка – привычный компонент новостного контента СМИ – отражая противоречивую окружающую реальность, журналисты акцентируют внимание на проблемах и угрозах (засилии бюрократии, упадке сферы ЖКХ, коррупции во власти, росте преступности, войнах, эпидемиях и пр.). Е.А. Меркушина усматривает проблему негативной журналистики, скорее, не в содержании, а в способе подачи такой информации – «акцентировании внимания на "кровавых" подробностях произошедшего», на «смаковании» подробностей события, а не на анализе его причин и прогнозе последствий.

Вышеизложенное оправдывает стремление сетевых СМИ к продвижению своего контента на инфорынке; их деятельность «фактически больше направлена на привлечение внимания аудитории». Однако в таком контексте возникает уместный вопрос: кто более заинтересован в продуцировании негативной информации – массмедиа или их аудитория, ведь СМИ – это

одновременно и ответ «на информационный запрос человека» с целью реализовать его потребность в коммуникации, и общественный институт, действующий «как власть, которая присваивает человека, подчиняет его себе» [9; цит. по: 8, с. 198]. То есть задача сетевых средств массовой информации видится не только в том, чтобы «предлагать пользователям разнообразные по форме и жанрам материалы», но и в стремлении продвигать себя в качестве «специализированного средства массовой информации, предлагающего уникальный контент – региональные новости, имеющие адресность и общественную значимость» [8, с. 198]. В этом – в способности отслеживать местные инфоповоды, между тем, кроется преимущество региональных СМИ по сравнению с федеральными.

Несколько иной характер (в отличие от новостного направления) имеет трансформация природы культурно-просветительских жанров современной журналистики. Этот процесс детально исследует Э.А. Попова в работе «Трансформация жанров культурно-просветительской журналистики в современных СМИ (на примере проектов "Arzamas" и "Культура.рф")» (2021) [10]. Автор указывает на процесс взаимопроникновения жанров, который проявляется «в условиях развивающейся мультимедийности и интерактивности СМИ»: успешность СМИ, по мнению Э.А. Поповой, состоит в мультимедийности – «чем больше интерактивных форматов, тем выше шанс выйти на новый уровень». Подобный подход в рамках культурно-просветительской журналистики вполне оправдан, поскольку благодаря продуманному визуальному воплощению информация воспринимается лучше [10, с. 26]. Рассуждая о роли и ответственности СМИ в части просветительской работы, в том числе в вопросе влияния на мировоззрение подрастающего поколения, Э.А. Попова указывает на возможности мультимедийных инноваций (или комбинации традиционного и инновационного подходов) для привлечения и удержания аудитории. Перечисляя жанры культурно-просветительской журналистики⁷⁾, ученый утверждает, что жанровое разграничение основывается на «самом процессе трансформации с помощью воздействия современных мультимедийных аспектов СМИ» [10, с. 28]. На примере площадок «Arzamas» и «Культура.рф» Э.А. Попова наглядно показывает трансформацию жанров культурно-просветительской журналистики. Исследуя портал «Культура.рф», автор указывает на его разносторонний тематический рубрикатор разделов (афиша, музей, театр и т.д.), часто встречающиеся обзоры книжных новинок; отмечает

7 Наиболее популярные жанры современных СМИ это: анонс (краткие групповые объявления; самостоятельные тексты без указания авторства; публикации с выраженным авторским «Я»); аннотация; рецензия и минирецензия; обзор; искусствоведческая статья; творческий портрет (об этом более подробно см.: Попова, Э.А. Трансформация жанров культурно-просветительской журналистики в современных СМИ (на примере проектов «Arzamas» и «Культура.рф») / Э.А. Попова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2021. – № 3-4. – С. 26-30).

большую плотность гиперссылок в текстах публикуемых материалов⁸. Проект «Arzamas», по мнению Э.А. Поповой, популярен в первую очередь благодаря обзорам (подборкам эссе), рецензиям и анонсами, которые журналистами портала часто создаются по принципу конвергенции нескольких жанров; причем «всё это преподносится вместе с мультимедийными инструментами, которые делают чтение более увлекательным и не позволяют аудитории от материала устать». Автор указывает на наличие аудиосюжетов, встроенных во вступительную часть журналистского материала, а также возможность прослушать интервью живую, перейдя по ссылке в мобильное приложение «Радио Arzamas». По итогам исследования Э.А. Попова резюмирует, что современная культурно-просветительская журналистика «потеряла свои былые жанровые “границы”», а спектр возможностей авторов материалов значительно расширился [10, с. 29–30].

Дискуссионный вопрос: возможно ли подобное положение дел назвать кризисом жанровой структуры в журналистике? А.Е. Ерицын в статье «Кризис жанров журналистики в эпоху интернет-СМИ: особенности понятия, трансформации и тенденции развития» (2021) предлагает свою версию ответа: несоответствие прежних стандартов и норм новым условиям социальной реальности всегда предполагает либо модернизацию имеющегося опыта либо формирование нового. Тем более, что метаморфозы журналистского текста в эпоху развития информационного общества естественным образом связаны с необходимостью локализации контента на новых онлайн-площадках (в мессенджерах и социальных сетях). Ученый выделяет две ключевые тенденции в трансформации журналистского материала – адаптация традиционных жанров в сетевом пространстве с его специфическими цифровыми медиаресурсами, а также появление новых, самостоятельных жанров. На основе контент-анализа ряда русскоязычных интернет-СМИ (Русская служба Би-би-си, Лента.Ру, ТАСС, Meduza, портал «Настоящее время», русскоязычная версия Deutsche welle, Esquire.ru и др.) можно выделить ряд новых категорий, влияющих на текстовую информацию в интернет-СМИ⁹: лонгрид, фактчек, видеофиче и др. Характерной чертой онлайн-текста в массмедиа стала его мультимедийность, адаптированность к цифровым платформам, креативность в подаче, развитый литературный язык и образность, более свободный (непринужденный) стиль повествования, притом, что общим формальным началом остается традиционная система жанров, берущая начало в XIX веке [4, с. 155].

Однако, несмотря на происходящий прогресс в технологии СМИ и трансформацию жанров, качество жур-

налистского текста определяется всё же не формой, а содержательной полнотой и оригинальностью произведения, то есть выступает следствием профессионализма журналиста и прозорливости информационной политики редакции СМИ.

В конечном счете, оценивая природу современных СМИ, а также изменения, происходящие на фоне научно-технического прогресса, формирования информационного общества нового типа вполне оправданно ожидать появления новых жанров в журналистике и новых подходов к средствам влияния СМИ на общественное сознание. Задача влияния на общество стоит перед СМИ на любом этапе развития цивилизации, и, как известно, итоги реализации этой задачи могут быть как позитивными, так и негативными.

Современные СМИ обеспечивают круглосуточный и неограниченный доступ к любому виду информации. Кроме того, сегодня «развитие СМИ привело к качественному изменению цели СМИ: коммерциализация, изменение идеологических взглядов, обслуживание групповых интересов, искажение фактов. Средства массовой информации превращаются из средства формирования общества в важнейший фактор формирования общественного сознания» [12, с. 189–190]. Недостоверная информация может спровоцировать изменение отношения конкретного человека к социальному явлению. Разнообразные медиаплощадки в настоящее время получили возможность без труда формировать целевую аудиторию, воздействуя на нее сквозь призму собственной концепции мира; это создает опасность распространения предвзятой идеологии, которая может способствовать искаженному восприятию действительности. Уже сегодня пространство медиасферы «насыщено огромным количеством не согласующихся друг с другом идей», и «люди теряются в многообразии норм, ценностей»; не справившись с ценностным выбором, они зачастую входят в состояние «духовной пассивности, цинизма и пессимизма» [12, с. 189].

Обобщая вышесказанное, отметим: эффект воздействия массмедиа на человека беспрецедентен; в современных реалиях средства массовой информации, благодаря инновационным технологиям, превратились в одну из ключевых площадок, формирующих и транслирующих систему ценностей, особенно важно контролировать идеологическую составляющую процесса их влияния на социум. При этом каждый причастный к созданию глобального информационного пространства, а тем более «журналист-информационщик» должен осознавать всю меру ответственности за свою социально значимую деятельность.

8 Цель – представить полную картину события.

9 На основе закономерностей их структурного построения, стилистики и частоте появления в трех и более СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаплыгина, А.О. Особенности трансформации традиционных информационных жанров журналистики в федеральных интернет-СМИ / А.О. Чаплыгина // Медиасреда. – 2017. – № 12. – С. 302-306.
2. Морозова, А.А. Специфика традиционных жанров журналистики в текстах социальных сетей (на примере «ВКонтакте») [Текст] / А.А. Морозова // Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе: журналистский текст в новой технологической среде // Вестн. Челябинск. Гос. Ун-та. – Сер. Филология, искусствоведение. – Челябинск. – 2015. – № 5 (360). – С. 240-249.
3. Ерицян, А.Е. Трансформации информационных жанров журналистики в эпоху интернет-СМИ: классификация, структурные и стилистические особенности / А.Е. Ерицян // Архивариус. – 2021. – Т. 7. – № 7 (61). – С. 31-33.
4. Ерицян, А.Е. Кризис жанров журналистики в эпоху интернет-СМИ: особенности понятия, трансформации и тенденции развития / А.Е. Ерицян // Вестник российско-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 2 (38). – С. 151-157.
5. Колесниченко, А.В. Практическая журналистика: учебное пособие / А.В. Колесниченко. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2010. – 191, [1] с.
6. Зыков, Н.А. Трансформация форм и методов подготовки журналистов-международников в условиях информационного общества / Н.А. Зыков, Ш.С. Нуржанова // В книге: ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ. Тезисы. – 2017. – С. 116-117.
7. Балалаева, Е. Мобильная журналистика – журналистика информационного общества / Е. Балалаева, А. Каплаух // В сборнике: Слова ў кантэксте часу. Матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А.І. Наркевіча. Рэдкалегія: В.М. Самусевіч [і інш.]. – 2019. – С. 241-243.
8. Меркушина, Е.А. Сетевые СМИ как фактор формирования информационного общества / Е.А. Меркушина // Культура в фокусе научных парадигм. – 2018. – № 8. – С. 193-199.
9. Ениколопов, Р. Да вы продались: могут ли СМИ не быть политически ангажированными / Р. Ениколопов. [Электронный ресурс]. РБК. 2 июля 2015. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/02/07/2015/5576dcf39a794746f684e82>.
10. Попова, Э.А. Трансформация жанров культурно-просветительской журналистики в современных СМИ (на примере проектов «Arzamas» и «Культура.рф») / Э.А. Попова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2021. – № 3-4. – С. 26-30.
11. Данилов, А.А. Проблемы формирования информационной среды в условиях социокультурной трансформации российского общества / А.А. Данилов // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 88-94.
12. Дистель, Ю.В. СМИ и их роль в формировании общественного сознания в условиях информационного общества / Ю.В. Дистель, В.А. Козловская // В сборнике: МОЛОДЕЖЬ СИБИРИ – НАУКЕ РОССИИ. Международная научно-практическая конференция. Красноярск, 2022. – С. 186-190.

© Ли Цзин (Wangjiajia093@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВХОЖДЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО ЧЛЕНИМЫХ НЕПРОИЗВОДНЫХ И ОДИНОЧНЫХ СЛОВ

Лю Сяои

Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (г. Москва)
xiaoyiliu74@gmail.com

PATTERNS OF ENTRY INTO THE WORD-FORMING NEST OF ARTICULATE NON-DERIVATIVE AND SINGLE WORDS

Liu Xiaoyi

Summary: This study examines the patterns of occurrence of articulate non-derivative and single words of the modern Russian language into the word-formation nest. The purpose of the work is to clarify the patterns of inclusion in the word-formation nest of words in relation to derivation, based on the material of neologisms of the 80s of the twentieth century. The results showed that the articulate involuntary ones enter the word-formation nest both as a member of the word-formation nest and as a top, and single words are included in the word-formation nest only as a top.

Keywords: jointed non-derivative words, single words, word formation nest, the top of the word formation nest, a member of the word formation nest.

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются закономерности вхождения в словообразовательное гнездо членимых непроизводных и одиночных слов современного русского языка. Цель работы заключается в выяснении закономерностей включения в словообразовательное гнездо слов, находящихся в установленный момент синхронии вне отношения производности. Исследование проводится на материале новых словообразовательных гнёзд, формирующихся с 80-х годов XX века. Полученные результаты показывают, что членимые непроизводные входят в словообразовательное гнездо либо как член словообразовательного гнезда, либо как его вершина, а одиночные слова включаются в словообразовательное гнездо только как его вершина.

Ключевые слова: членимые непроизводные слова, одиночные слова, словообразовательное гнездо, вершина словообразовательного гнезда, член словообразовательного гнезда.

Словообразовательное гнездо (далее СГ) – ключевое понятие теории и практики синхронного словообразования.

О том, что для русского языка характерно образование слов «звеньями, цепочками, гроздьями», писал В.И. Даль в XIX веке [4], однако длительное время исследования дериватологов ограничивались бинарными конструкциями, состоящими из производящего и производного слова [1, с. 13]. Лишь в 70-80-е гг. XX в. в связи с возросшим вниманием к системе синхронного словообразования исследователи проявили интерес к деривационным единицам, которые крупнее словообразовательной пары, в том числе и к СГ [1, с. 14]. Изучение СГ особенно активизировалось в 80-х годах XX века [1, с. 14]. Благодаря этому интересу теория СГ обогатилась разнообразными подходами к описанию рассматриваемой комплексной единицы словообразовательной системы; см. работы Е.Л. Гинзбурга, Е.С. Кубряковой, П.А. Соболевой, А.Н. Тихонова и др. [5, 6, 7, 8, 9]. В нашем исследовании в трактовке термина «словообразовательное гнездо» мы ориентируемся на определение, данное А. Н. Тихоновым. По мнению А. Н. Тихонова, под СГ понимается «упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [18, с. 36]. При этом «каждое слово в гнезде занимает предусмотренное системой языка и закрепленное в норме место. СГ возглавляет исходное (непроизводное) слово. Все остальные слова являются производными» [18, с. 14]. Тем самым, СГ постепенно становится одной

из самых популярных форм упорядочения лексических единиц.

В 80-х годах XX века с быстрым развитием кино и телевидения, поп-музыки, международной торговли, медицины, вычислительной техники, пищевой промышленности, физической культуры и т.д., многие слова, не находящиеся в отношениях производности, быстро находят своё место в СГ.

Например, заимствованное из французского языка слово **ревю** «одна из разновидностей музыкального театра или тип многоактовых зрелищных театральных представлений, в которых сочетаются музыка, танцы и скетчи» [19] было одиночным до 80-х годов XX века, но в связи с быстрым развитием театрального искусства этого периода данная единица реализовала свой словообразовательный потенциал и в лексике русского языка 80-х годов был зафиксирован новый дериват **балет-ревю** «печатное издание, охватывающее все аспекты танца» [29], который вошел в СГ с вершиной **ревю** (так называемое минимальное гнездо, равное словообразовательной паре «производящее → производное») [2, с. 197]. До 80-х годов заимствованное из английского языка слово **битл** «участник приобретшего большую популярность молодежного вокально-инструментального квартета «The Beatles» (60-е гг. 20 в.) в Англии, исполнявшего песни под собственный аккомпанемент на электрогитаре и на ударных инструментах» [14] было признано одиночным, о чем свидетельствует список таких

слов в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова (1985 г.). Вследствие массового увлечения творчеством этой группы в Восточной Европе и глубоким её влиянием на весь мир, одиночное слово **битл** реализовало свой словообразовательный потенциал, и в лексике русского языка до 80-х годов уже накопился целый ряд новых производных от бывшего одиночного слова: **битловочка** 'кепка или куртка из джинсовой ткани' [35], **битловый** 'относящийся к британской рок-группе «The Beatles» («Битлз»), связанный с ней' [35], **битломания** 'термин, возникший в 1960-е годы, описывающий состояние сильной, граничащей с сумасшествием, любви к группе «Битлз» (англ. The Beatles)' [30], **битломан** 'тот, кто подвержен битломании; поклонник музыкальной группы «Битлз»' [36], **битломанка** 'женский род к битломан; поклонница музыкальной группы «Битлз»' [37], которые были упорядочены в трёхступенчатом СГ, где **битловочка**, **битловый**, **битломания** находятся на первой ступени производности, **битломан** является производным от **битломания**, **битломанка** является производным от **битломан** и слово **битл** включается в это СГ как вершина.

битл	>	битловочка						
		> битловый						
		> битломания	>	битломан	>	битломанка		
0		1		2		3		

Рассмотрим закономерности вхождения рассматриваемых единиц в систему СГ.

Начнём с изложения закономерностей вхождения в СГ членимых непроизводных слов.

1. Членимые непроизводные слова, ставшие вершинами новых СГ

На основе данных о новых СГ, образованных во второй половине XX века, подавляющее большинство членимых непроизводных слов входит в новое СГ как вершина.

Например, до 80-х годов XX века слово **гепатит** 'воспалительные заболевания печени различной, в том числе и вирусной этиологии. В общем смысле характеризует любое воспаление печени' [31] находилось вне отношений производности, но в то же время по аналогии с однокорневыми словами типа **гепатолог** 'врач, занимающийся лечением, диагностикой и профилактикой болезней печени, желчного пузыря и желчных путей' [32], **гепатоптоз** 'избыточная подвижность печени, обуславливающая смещение её книзу при вертикальном положении больного' [25] и **гепатогенный** 'образующийся или начинающийся в печени; обусловленный поражением печени' [25] и одноаффиксальными словами типа **холецистит** 'воспаление жёлчного пузыря — одно из наиболее частых осложнений жёлчнокаменной болезни' [33], **дерматит** 'воспаление кожи, развивающееся в месте

непосредственного действия на неё внешнего физического или химического фактора' [12] и **конъюнктивит** 'воспаление слизистой оболочки глаза - (конъюнктивы), вызванное аллергической реакцией или инфекцией (вирусной, реже бактериальной)' [17] оно стало члениться на регулярный связанный корневой элемент **гепат-** 'составная часть сложных слов, означающая относящийся к печени' [25] и элемент **-ит** 'суффикс, обозначающий воспаление какого-либо органа, ткани и т.д.' [16]. В период роста заболеваемости (до 80-х годов) членимое непроизводное слово **гепатит** уже «обросло своей родней» и в лексике современного русского языка были зафиксированы дериваты от этого слова **гепатитчик** 'тот, кто страдает гепатитом' и **гепатитный** 'связанный, соотносящийся по значению с существительным гепатит' [11], которые упорядочены новым СГ с вершиной **гепатит**.

2. Членимые непроизводные слова, ставшие членами новых СГ

Эта подгруппа весьма малочисленна, составляет лишь 1/25 от предыдущей подгруппы [2, с. 198]. К ней, например, можно отнести слово **продромальный** 'связанный с начальной стадией развития болезни, когда проявляется общее недомогание, но характерные признаки болезни еще отсутствуют' [14]. До второй половины XX века заимствованный от греческого языка медицинский термин **продромальный** был непроизводным, но в то же время по аналогии с одноаффиксальными словами типа **спинальный** 'мед. относящийся к позвоночнику или к спинному мозгу' [15], **аортальный** 'анат. связанный, соотносящийся по значению с существительным аорта' [15], **синовиальный** 'анат., мед. относящийся к синовию либо представляющий собой синовию' [15], **назальный** 'лингв. произносимый с участием носовой полости (о звуке); анат. расположенный в направлении носовой полости' [15] и **каудальный** 'анат. расположенный по продольной оси тела ближе к хвосту (у человека — к нижней части туловища)' [15] членился на уникальный связанный корневой элемент **продром-** и аффиксальный элемент **-альн-** 'под ударением при добавлении к основе существительного иноязычного происхождения образует прилагательное со значением обладания свойством или связанности с предметом' [14]. Однако в конце XX века в связи с быстрым развитием современной медицины в лексике современного русского языка появилось новое слово **продром** 'ранний признак или симптом (или набор признаков и симптомов), который часто указывает на начало заболевания до того, как развиваются более диагностически специфические признаки и симптомы' [34], вследствие чего появилось новое СГ с вершиной **продром**, в которое слово **продромальный** вошло как член этого гнезда.

До середины 80-х годов прошлого века в лексике

русского языка были непроемные членимые слова **петрификат** 'очаговое отложение солей кальция в участках выраженных дистрофических изменений и некротических массах' [13], **петрификация** 'окаменение, состояние вещества, пропитавшегося солями извести' [12] и **петрифицированный** 'твердая консистенция, обусловленная отложением в нем солей кальция'. Они были заимствованы из греческого и латинского языков, не находились в отношении производности, и в то же время по аналогии с одноаффиксальными словами типа **препарат** 'вещество или смесь веществ синтетического или природного происхождения в виде лекарственной формы (таблетки, капсулы, растворы и т.п.), применяемые для профилактики, диагностики и лечения заболеваний' [11], **трактат** 'одна из литературных форм, соответствующих научному сочинению, содержащему обсуждение какого-либо вопроса в форме рассуждения (часто полемически заостренного), ставящего своей целью изложить принципиальный подход к предмету' [11], **фальсификат** 'фальсифицированный, поддельный продукт, фальсифицированное изделие; подделка' [12]; **деградация** 'процесс ухудшения характеристик какого-либо объекта или явления с течением времени, постепенное ухудшение, упадок, снижение качества, разрушение материи вследствие внешнего воздействия по законам природы и времени' [23], **эвакуация** 'организованное перемещение людей, материальных и культурных ценностей в безопасные места; вывод войск; вывоз государственных учреждений, общественных организаций и даже правительств в безопасные места' [14], **организация** 'действие по значению гл. организовывать; инициирование какой-либо деятельности и руководство ею с целью согласования и упорядочения' [21]; **купированный** 'о вагоне: имеющий закрытые купе' [11], **квалифицированный** 'обладающий квалификацией, знаниями, опытом' [12], **эрудированный** 'обладающий эрудицией, много знающий' [11] членились на регулярный связанный корневой элемент **петрифи-к-/-ц-** и аффиксальный элемент **-ат** 'словообразовательная единица, образующая имена существительные мужского рода со значением предмета, который является объектом действия или возникает в результате действия, названного глаголами, от которых соответствующие имена существительные образованы' [14], **-аци-(я)** 'словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных женского рода со значениями процессуальности или результата действия, названными словами, от которых соответствующие имена существительные образованы' [14] и **-ированн-** 'наделенный, обладающий тем, что названо мотивирующим словом'. Потом по мере формирования современной медицинской терминологии в конце XX века был зафиксирован новый медицинский термин **петрифицировать** 'обращать в камень' [10]; иными словами, произошло освобождение корневого элемента от непроемных членимых слов **петрификат**, **петрификация** и **петрифицированный**, вследствие

чего создалось новое СГ, которое возглавил неологизм **петрифицировать**, а **петрификат**, **петрификация** и **петрифицированный** туда вошли как члены нового СГ, образовав словообразовательную парадигму.

Рассмотрев закономерности включения в систему СГ непроемных членимых слов, перейдем к обсуждению закономерностей включения в СГ одиночных слов.

В силу своей нечленимости одиночные слова не станут производными словами, поэтому одиночные слова входят в СГ только как вершина.

Например, до 80-х годов прошлого века слово **гашиш** 'общее название целого ряда наркотических продуктов из конопли, представляющих собой смолку каннабиса, изготавливаемую путём прессования порошка, получаемого в результате высушивания и измельчения или просеивания высушенных листьев и липких маслянистых слоёв с цветущих верхушек растения' [11] было признано одиночным, то есть оно находилось вне отношения производности и не имело параллельных и одноаффиксальных с ним образований [3, с. 51], но в связи с появлением и распространением в 80-х годах наркотической субкультуры бывшее одиночное слово **гашиш** быстро актуализовало свои словообразовательные возможности, став источником для развернутой системы дериватов **гашишизм** 'форма наркомании, связанная с употреблением гашиша' [22], **гашишист** 'наркоман, употребляющий гашиш' [23], **гашишник** 'тот, кто употребляет гашиш' [14], **гашишный** 'связанный, соотносящийся по значению с существительным гашиш' [11] и **гашишемания** 'зависимость, которая возникает в результате злоупотребления различными сортами конопли (каннабиса)' [24], находящихся на первой ступени деривации нового СГ.

На основе полученных данных можно заключить, что подавляющее большинство (именно 82%) СГ, которые включились в деривационную систему с 80-х годов прошлого века, являются бинарными, равными словообразовательной паре «производящее → производное». Например, **амулет** → **амулетный**, **аншлаг** → **аншлаговый**, **арден** → **арденский**, **сервелат** → **сервелатный**, **тайфун** → **тайфунный**, **хек** → **хековый**, **эстамп** → **эстампный**, **акын** → **акынский**, **джип** → **аэроджип**, **гроз** → **грозговый** и многие другие (или же со словообразовательными парадигмами). Самым объёмным является то СГ, которое возглавило бывшее одиночное слово **шоу**, куда оказалось включенным 26 дериватов: **шоумен**, **супершоу**, **шоу-бизнес**, **шоу-бизнесмен**, **шоу-группа**, **шоу-индустрия**, **шоу-обозрение**, **шоу-представление**, **шоу-программа**, **шоу-сервис**, **шоу-спектакль**, **арт-шоу**, **байк-шоу**, **киношоу**, **конкурс-шоу**, **маски-шоу**, **радишоу**, **ток-шоу**, **шоуумен**, **шоууменша**, **шоу-дело**, **шоу-ансамбль**, **авиашоу**, **автошоу**, **телешоу** [26, 27, 28, 14].

Таким образом, в результате развития общества за последние четыре десятилетия многие слова, находящиеся вне отношения производности, реализовали собственный деривационный потенциал. При этом прослеживаются определенные закономерности интеграции

одиночных единиц в сообщество однокоренных слов, в соответствии с которыми (а) членимые непроезвонные входят в СГ либо как его член, находящийся на низших ступенях производности, либо как его вершина, (б) одиночные слова включаются в СГ только как его вершина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пятаева Н.В. Еще раз о словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №3 (23).
2. Пак Кын Хе. Закономерности вхождения новых слов в систему словообразовательных гнезд русского языка на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 1.
3. Моисеев А.И. Словообразовательная семья слов (некоторое развитие идеи) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2005. №4.
4. Даль В.И. Напутное слово // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 1. С. XXI–XLVIII.
5. Гинзбург Е.Л. Исследования структуры словообразовательного гнезда // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 146–225.
6. Кубрякова Е.С., Соболева П.А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика: сб. статей / отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
7. Альтман И.В. Гнездо и слово // Проблемы структурной лингвистики 1983. М.: Наука, 1984. С. 45–52.
8. Альтман И.В., Шевчук В.Н. Некоторые результаты сопоставления словообразовательных гнезд с помощью искусственного языка-эталоны // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987. С. 212–215.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: материалы симпозиума / отв. ред. Г.П. Нецименко. М.: Наука, 1987. С. 104–111.
10. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка // Русский язык Энциклопедические словари URL: <http://rus-uz.niv.ru> (дата обращения: 25.03.2024).
11. Толковый словарь Ожегова // gufo.me URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 10.04.2024).
12. Толковый словарь Ушакова // Словари онлайн URL: ushakov.slovaronline.com (дата обращения: 08.04.2024).
13. Большая Медицинская Энциклопедия // Большая Медицинская Энциклопедия URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/?ysclid=lvajl6uzj0529565391> (дата обращения: 19.03.2024).
14. Толковый словарь Ефремовой // efremova.info URL: efremova.info (дата обращения: 15.03.2024).
15. Толковый словарь по медицине // med.niv URL: <http://med.niv.ru> (дата обращения: 15.03.2024).
16. Медицинские термины. 2000 // Академик URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 18.03.2024).
17. Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // Словари онлайн URL: rus-brokgauz-efron.slovaronline.com (дата обращения: 10.03.2024).
18. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. 1-е изд., М., 1985.
19. Ревю // Википедия URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B2%D1%8E> (дата обращения: 10.04.2024).
20. Большой современный толковый словарь русского языка // slovar.cc URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 10.04.2024).
21. Викисловарь // Википедия URL: <https://ru.m.wiktionary.org/wiki/%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.04.2024).
22. Малая медицинская энциклопедия // Большая Медицинская Энциклопедия URL: <https://бмэ.орг> (дата обращения: 15.04.2024).
23. Исторический словарь галлицизмов русского языка // gufo.me URL: <https://gufo.me/dict/gallicisms> (дата обращения: 15.04.2024).
24. Гашишемания // Первый мультипортал KM.RU URL: <https://www.km.ru/zdorove/encyclopedia/gashishemaniya> (дата обращения: 15.03.2024).
25. Большой медицинский словарь // Словари онлайн URL: <https://rus-big-medical.slovaronline.com> (дата обращения: 28.03.2024).
26. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003.
27. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2006.
28. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 3.: <https://nenadict.iling.spb.ru/>
29. Викисловарь - Битломания // Википедия URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 28.03.2024).
30. Викисловарь - Гепатит // Википедия URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%82> (дата обращения: 28.03.2024).
31. Справочник - гепатолог // cuprum.media URL: <https://cuprum.media/spravochnik/md-hepatologist?ysclid=lv35v2n4qf24335226> (дата обращения: 20.03.2024).
32. Викисловарь - Холецистит // Википедия URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82> (дата обращения: 28.03.2024).
33. Викисловарь - битловочка // Википедия URL: <https://ru.m.wiktionary.org/wiki/%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 28.03.2024).
34. Викисловарь - битловый // Википедия URL: <https://ru.m.wiktionary.org/wiki/%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 28.03.2024).

35. Значение слова «битломан» // Карта слов и выражений русского языка URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 21.03.2024).
36. Викисловарь - битломанка // Википедия URL: <https://ru.m.wiktionary.org/wiki/%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 28.03.2024).
-

© Лю Сяои (xiaoyiliu74@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И ОБРАЗ ДОМА КАК ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ В. ЛИПАТОВА, М. ШИХАНОВА, А. ЩИТОВА

THE SPACE OF THE CITY AND THE IMAGE OF THE HOUSE AS AN EXPRESSION OF THE MOTIF OF THE SMALL HOMELAND IN THE LYRICS OF V. LIPATOV, M. SHIKHANOV, A. SHCHITOVA

L. Munkuyeva
T. Zateeva

Summary: The article examines the motif of the small homeland in the poems of Russian lyricists of Buryatia. The dominants of this motif are revealed, their significance in the poetic vision is determined. The author proves the non-accidental conceptuality of the city space and the image of the house in the lyrical picture of the world. The article analyzes the artistic means of expression, in which the motive of love for a small homeland is concentrated. The general characteristic features in the works of V. Lipatov, M. Shikhanov and A. Shchitov are determined. The research is based on socio-cultural, historical and literary, descriptive and comparative methods.

Keywords: motive, space, image, hero, city, house, concept.

Мункуева Лидия Доржиевна

Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, (г. Улан-Удэ)
lidiya-naumova@inbox.ru

Затеева Татьяна Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, Бурятский
государственный университет имени Доржи Банзарова,
(г. Улан-Удэ)
vlatat1954@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается мотив малой родины в стихах русских лириков Бурятии. Выявляются доминанты данного мотива, определяется их значимость в поэтическом видении. Доказывается неслучайная концептуальность пространства города и образа дома в лирической картине мира. Анализируются художественные средства выразительности, в которых концентрируется мотив любви к малой родине. Определяются общие – характерные черты в творчестве В. Липатова, М. Шиханова и А. Щитова. Исследование основано на социокультурном, историко-литературном, описательном и сравнительно-сопоставительном методах.

Ключевые слова: мотив, пространство, образ, герой, город, дом, концепт.

Образ города, его пространство являются неотъемлемыми аспектами лирического выражения русских поэтов Бурятии. Особенно знаковым город становится в поэтическом видении В. Липатова, М. Шиханова и А. Щитова. Образ города предстает в стихах поэтов во многих объектно-субъектных соотношениях. В этом плане исследователь И.В. Тулиганова не случайно в образе города выявляет следующие структурные уровни: социальный, ценностно-символический, информационно-коммуникативный [6, с. 11].

Поэты раскрывают город не безликим, неприметным, а живым. Он наполнен различными звуками, шумами, голосами – разными от многообразия переживаемых чувств. Ведь поэты родились в то время, когда Бурятия со своими городами бурно менялась, технологически преобразалась, одновременно и теряя свой национальный облик, превращаясь в привычное взгляду бетонно-блочное, асфальтированное, стеклянное, машинизированное пространство, и восстанавливая бывшее культурное кредо, правда, не без печальных потерь.

Для Анатолия Щитова и Михаила Шиханова родным был город Кяхта. Для поэтов этот город был не каким-то

маленьким провинциальным городком Бурятии, а соотносился с эпицентром многих эпохальных событий, изменивших судьбу всей России. Хотя поэты спустя время выехали оттуда, они всегда спешили возвратиться в родной город и по работе, и мыслями – в стихах, беспокоясь о его судьбе. Это находим в таких строках Анатолия Щитова:

Я здесь не по путевке комсомола.

Я по путевке собственной души.

Как прежде, непростительно я молод-

С ногами и руками, хоть пляши!...

[10, с. 84.].

Лирический герой торопится навстречу родному городу так, что от спешки «Сам тротуар, продавленный и редкий, / качается, как пьяный пешеход. / И все же ноги, / ноги, / мои ноги / летят вперед» [Там же]. Герой вновь ощущает себя молодым, наполняется предвкушением встречи с другом, которого помнит прежним – удалым барабанщиком: «Он раньше так играл на барабане!». Герой верит, что ничто не может изменить людей, ведь все в юности мечтали о лучшей доле, яркой жизни: «И музыка была / и будущность красивая манила, / учеба, как за рученьку, вела...» [Там же]. Как заклинание герой повторяет свое обращение к родному городу:

Я снова здесь!
 Мой старый городишко,
 со мной ты связан накрепко судьбой.
 ты, может, ожидал меня не слишком.
 Но я-то слишком встречи ждал
 с тобой... [Там же].

При этом А. Щитов запечатлевает в стихах о родном городе мотив удивления с выражением некоторой долей иронии, должной выразить своеобразную манеру провинциальных нравов, с которыми встречаются нового человека в такой среде. Это проявляется в стихотворении поэта «Это ж надо такому случиться». Поэт намеренно выбирает жанр сонета:

Это ж надо такому случиться-
 Не поверит никто никогда-
 Прибыл парень из самой столицы
 И остался у нас навсегда...
 [11. с. 6]

Возвышенность жанра подчеркивает ироничность лирического героя, которому неудобно от сложившейся ситуации – ничем не прикрытого откровенного человеческого любопытства. Герою стыдно за узость мыслей земляков, укоренившихся в них ограниченных нравов, что выражается эпифорой «может быть». При этом поэт не изменяет себе: манера лирического выражения заключает в себе вопросно-ответную форму или риторичность, которые отсылают стихотворный слог к разговорной манере. Так воплощается реалистичная основа лирического выражения. В то же время слышатся, словно прорывающиеся сквозь людской шум, простые, добрые, тихие слова, что «родина здесь...», «Здесь жила его мать. И отец», и главное, что «Он вернулся домой наконец» [11, с. 6]. Данные мысли героя не только возвращают высоту жанра сонету, но и утверждают незыблемость обыкновенных, незатейливых, вечных истин о значимости и святости родины для человека. Подобное находим в стихах Михаила Шиханова:

Я в Кяхте опять,
 у монгольской границы,
 где в ехоре-танце ликует ветра,
 где с гиканьем детство
 на палочке мчится.
 где нынче меня приветчает сестра...
 Ну, а город растет,
 раскосый, улыбчивый и темнокудрый...
 [8, с. 203].

Пространственно-временные границы лирической картины безграничны: в видении лирического героя существуют и прошлое с порой детства, и юность с первыми «радостями и болями», и настоящее с обмелевшей рекой и расстроившимся городом. Прежними остались лишь ветра с их ликованием в «танце-ехоре» да народ «раскосый, улыбчивый и темнокудрый». Герой делится с

земляками своими открытиями, новостями, интересуется жизнью города, все наполняет героя радостью открытий в летящих мгновениях жизни:

Когда возвращаюсь
 Из дальней дороги домой - счастлив.
 и я замечаю,
 что город родимый со мной, - счастлив!...
 [7, с. 92].

Приемы анафоры, эпифоры передают внутреннюю восторженность и глубокую благодарность героя родному пространству города. При этом сами приемы эпифоры символичны: это своего рода те культурно-духовные корни, без которых герою не быть, не жить, не иметь удачу, счастливо не строить судьбу, не идти по жизни без больших потрясений. Проявление чувств героя сдержанное, едва ли не робко затаенное:

Кяхта. Кяхта... Поживаешь как ты?
 Ты во мне саранкой проросла!
 Мне всегда без милой, малой Кяхты
 не хватает на земле тепла...
 [8, с. 191]

Следует обратить внимание на эпитеты «милой», «малой». Такое обращение к родному городу обнаруживает затаенную любовь героя к малой родине, которую он выражает по-настоящему тихо, как будто с придыханием, боясь громким словом нарушить ее спокойное, вечное, умиротворяющее безмолвие. А слово «малой» напрямую указывает на значимость родного города в жизни лирического героя. Город связывает героя с родным домом, образом матери, друзьями детства. И эти все картины у героя остались лишь в памяти, в настоящем их нет. В этом с М. Шихановым соотносятся и В. Липатов, и А. Щитов.

Так, герой А. Щитова с невосполнимой грустью говорит: «И мой снесли когда-то дом// Что делать - времени стихия!// А в новом доме - дело в том - // Живут сейчас совсем другие. // Я думаю: снесли мой дом, // А в новом, верно, поумнее// Живут – родятся и стареют// И мыслят все о ином...» [11. с. 16]. В лирическом герое чувствуется ничем не прикрытая ревность к тем, чужим людям, что отстроились на месте его родового дома. Он понимает, что окончательно потерял со снесенным родным домом свое духовное пространство.

Сожаление, ощущение безвозвратной потери чувствуется и герой В.Липатова с утратой родового дома. С домом героя связывается образ матери, которой уж нет. От этого герою не просто грустно, как это у А. Щитова, а нестерпимо больно. Он по-настоящему ощущает боль от увиденной картины в родном городе: «То-то сердце ноет». Более того, В. Липатов представляет героя, терзающегося от извечной спешки в жизни, из-за которой многое остается неисполненным. Это чувствуется в та-

ких строках:

Сколько раз хотел на память снять
Дом, где я родился.
Вот и нынче сердце не унять.
Он опять приснился.

А во сне, как будто наяву.
Солнышко сквозь рамы.
Снова маму, как тогда зову,
Но не вижу мамы...

Вот и место. Где же отчий дом?
Грустная картина:
Остарел он и пошел под слом.
Не дождался сына.

Занял место в череде потерь.
С ними побратался.
И от детства раннего теперь
Тот же сон остался.
[3, с. 10-11]

С годами память о доме все больше связывается родными людьми. Так герою В. Липатова видится образ не только матери, но и бабушки, деда в родном доме, даже в образе жены герою видится облик матери. Например, так в стихотворении «Вечер», где «Читает бабушка стихи// Натальи Толстой-Крандиевской, // А дедушка слушает молча, // Слегка наклонившись вперед...» [2, с. 18], в другом, когда герой погружается в глубокую печаль:

Загрустила душа не на шутку.
Детство, детство, далекие дни.
Заглянуть бы туда на минутку.
Да попробуй сейчас загляни!
Только вижу: хлопчет жена
У кровати, где дочь засыпает,
В том, как ходит, как дышит она.
Образ мамы моей проступает.
[2, с. 39-40]

В стихах поэтов утверждается концептуальность дома как некоего сакрального ядра, из которого берет начало родовая ветвь лирического героя во всех ее напластованиях: исторической, социальной, культурной, духовной, нравственной. Не случайно, ученые отмечают тот факт, что «...существуют концепты, обеспечивающие жизнеспособность пространства культуры, способствующие сохранению самоидентичности культуры. Одним из таких концептов является дом, который обеспечивает стабильность бытия» [4, с.166]. Лирическому герою, по всей видимости, не хватает этой концептуальности и стабильности в современном ему мире, что исходит из сохраняющихся в памяти образов дедушки, бабушки, матери. Так, поэт обозначает не только жизненные истоки лирического героя, но и раскрывает нелегкую судьбу всего народа.

Символы страшных лет в стране и в судьбе родных В. Липатов заключает в грустных строках о Наталье Толстой-Крандиевской, видом молчаливого, строгого деда, пытающегося что-то вспомнить (возможно, из глубин прошлого), печалью бабушки, сидящей «как лебедушка», в образе жены, в чертах которой лирический герой видит образ матери. В стихотворении во всем этом проступают признаки, черты эпохальных изменений в России, когда весь народ, каждый человек своей судьбой испытал самое настоящее «хождение по мукам» (ведь образ жены А.Н. Толстого Натальи Толстой-Крандиевской, автора романа-трилогии «Хождение по мукам» не случаен - отмечено нами Л. Мункуева). Оттого дедушка пытается что-то вспомнить, а не может, поскольку в страшные годы репрессий необходимо было по-ахматовски «память до конца убить».

С утратой дома, матери человек беззащитен. Не случайно, с философской точки зрения, дом является «один из ключевых символов культуры, базовая единица пространства, с которой в той или иной мере соотносятся все важнейшие антропологические и культурные константы. Дом был воображаемым центром мира для человека, а также обозначал границы между пространством внутренним, своим, освоенным, понятным, защищенным и пространством внешним, хаотичным, бесформенным, неосвоенным, непонятым, опасным» [5, с. 61]. С годами лирическому герою по-настоящему не хватает родного пространства, что концентрировалось в образе родного дома, той любви, теплоты и заботы от матери, что шло из пределов родного дома.

Оба поэта передают трагедию родного крушения мира строками: «Сломан дом» (М. Шиханов); «снесли мой дом» (А. Щитов). Оттого в стихах М. Шиханова герой ощущает себя в образе яхты, утратившей якорь, которым своего рода являлась Кяхта как малая родина. Строки: «Я частенько без нее – как яхта // на асфальте голубых столиц», - следует понимать метафорично. Без родного города герой своей судьбой образно соотносится с судном, которое оказывается нередко выброшенным на берег. Оттого горько и печально в душе героя. А это все безмолвное выражение любви к малой родине, что равносильно весеннему кличу птиц. Другое стихотворение начинается именно таким выражением:

Тихий-тихий...
Далеким маршем
до сих пор он во мне гремит
и встревожено веткой машет
мне с пригорка, где мама спит.
Спит так крепко и так покойно,
как при жизни ей не спалось...
Но порою ей снова больно,
чует – что-то со мной стряслось!
[8, с. 175]

Эпитет «тихий-тихий» несет образ родного города в сочетании всех его пространственно-временных параметров, уже исчезнувших из границ настоящего. При этом силуэт этого образа проступает не только эпитетом «тихий», но и словосочетанием «Далеким маршем». Сами слова выполняют в стихотворении роль психологического сигнала, вызывающего боль души героя по ушедшему в небытие родному миру, дорогой сердцу матери. Подобную боль, грусть испытывает и герой А. Щитова:

Как-то странно загрустилось мне.
 Как-то очень странно загрустилось-
 то ли показалось, то ль во сне
 мать ко мне, вся в розовом, явилась.
 Весела она... Как весела!...
 [10, с. 8]

Отличие образа матери здесь в том, что она жива, но уже старенькая, а лирический герой видит ее молодой, веселой, задорной, поющей («Ах, как поет!»). Казалось бы, в видении героя происходит какая-то, действительно, странная метаморфоза с образом матери, поскольку она в настоящий момент лирического переживания по возрасту «Старенькая». Возникает вопрос: почему же она видится герою молодой? Разгадка странности дается в воображении же героя, которую он пока не может разгадать. Она кроется во фразе: «Счастья - на сто лет невпроворот!». Вот что должно было выпасть на судьбу матери героя, однако жизнь сложилась по-другому: тяжело, сурово, с военными испытаниями, где и голод, и холод, и единственное стремление матери – поднять детей. В этом плане верно суждение исследователей, что «В русской литературе образ Дома всегда становился сакральным: свечи, молитвы, разнообразные памятные детали. Но прежде всего их скрепляли воспоминания о матери. Материнская сущность родного гнезда – ядро, на котором держатся связи, гарантия их незабываемости» [9, с. 137].

Даже в задорных, звонких, даже залихватских стихах поэтов проскальзывает ничем не прикрытая печаль. Так это у В. Липатова:

Я вырос на Банзаровой-
 Гитары здесь гуды:
 От близости базара ли,
 А может быть, Уды.

Эх, речка семиструйная.
 Все бревна да плоты.
 Гитара семиструнная –
 Подружка темноты.

Лишь звезды по-над бережком
 Рассыплет небосвод.
 Берешь гитару бережно
 И - к лавке у ворот...
 [2, с. 12].

Улица Банзарова раскрывается в своей стихийности. Здесь и дневная суতোлка, идущая от гулкого базара, кипящей работы на реке, и вечерние, ночные приглушенно-волнующие звуки молодежной танцплощадки на улице, и тихое перешептывание гуляющих пар. Пространственно-временная картина в стихотворении раскрывается в двух планах: образ города улицей Банзарова раскрывается в действительной реальности, в то же время, воскресая в памяти лирического героя, предстает в далеком прошлом. Оттого строки отдают ностальгической щемящей грустью и любовью к годам юности, где все было наполнено молодостью, первой влюбленностью, тайными встречами. Поэтому лирический герой всегда возвращается и наяву, и мыслями в родной город. В нем он находит отдохновение, новые душевные силы, радуется и грустит одновременно от хороших или плохих новостей:

Здесь я родился.
 Здесь я взглянул впервые
 На островной черемуховый цвет,
 Здесь я запомнил
 краски зоревые,
 Которых ярче не было и нет.
 Вот и утес,
 Где город начинался,
 Бревенчатые стены возводил,
 Лишь ход реки
 незыблемым остался
 С тех пор,
 Когда острожник здесь бродил...
 Устав от красноречья,
 С водой пробежной шепчутся кусты.
 Стою подольше.
 Чтобы наглядеться
 На все, что есть,
 на все, что было тут,-
 Ведь никуда от прошлого
 не деться
 Под тонкий свист мелькающих минут
 [3, с. 6-7].

Если стихотворение «Я вырос на Банзаровой» наполнено напускной бравадой, то в данных строках каждое слово наполнено лиризмом, тихим смирением человека, понимающего, что ход времени - этот «тонкий свист мелькающих минут» ни за что не остановим. Остается только в памяти воскрешать исторические события, что возвели родной город, в котором родился герой и провел в нем детство. Не случайно в стихотворении анафорическое повторение слова «Здесь». Оно является и пространственным указателем образа города, и той связующей нитью, что удерживает героя от разрыва с дорогим для сердца местом.

Без труда в строках узнается образ Удинского острога с точным географическим расположением – высокий

уtes на правом берегу Уды. Именно так начинался будущий Верхнеудинск, позже Улан-Удэ, родной город для В. Липатова. В этом плане интересен эпитет «пробежной», то есть в значении не у берега (было бы «прибрежной»), а пробегающей. Значит, совершенно не остановимой. Поэт заостряет наше внимание на понятии текучести времени, ее стремительности. Поэтому стремится запечатлеть то родное, близкое, душевное, что есть в нем, зная, что грядущие перемены безжалостны к этому. Оттого без пафоса, спокойно и умеренно лирический герой признается ему в любви: «Тебя я люблю до предместий.// До самых глухих уголков, -// Там бродят с историей вместе// Ватаги степных ветерков» [3, с. 7]. О том, насколько город значим поэту, можно судить из оценки театрального режиссера, актера В. Килина, близкого друга В. Липатова: «Липатов поэт городской. Его поэзия - рентгенов-

ский снимок города. Именно - Улан-Удэ» [1].

Таким образом, в стихах А. Щитова, В. Липатова, М. Шиханова образ города - незабываемый, неисчерпаемый родной уголок как начало всех начал. С ним герою никак не расстаться, не разорвать кровные, родственные, дружеские узы. Не случайно поэты соотносят слова «родной городок» и «дом». Это не просто жилище человека, не только какое-то хозяйство, а кров, очаг с близкими родными, это чувство принадлежности к своей культуре, вере, традициям. Как из маленького ростка вырастает большое, так из локуса дома исходит пространство родного города. Для поэтов главным в родном городе оказывается дом, в котором они родились. Отсюда город становится еще ближе герою. В нем средоточие генетического, культурного кода героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Килин, В. Ко дню рождения поэта. Владимир Липатов. Избранные стихи. URL:<https://burunen.ru/news/culture/71802-ko-dnyu-rozhden> (дата обращения: 12.11.2023). - Текст: электронный
2. Липатов, В.В. Багульник: Стихотворения. - М.: Сов. Россия, 1985. - 80 с.
3. Липатов, В.В. Сентябрь. Книга стихотворений. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. - 76 с.
4. Логинова, М.В., Прохорова, Н.И. Трансформации и интерпретации концепта «дом» в современном искусстве.//ИНИОН РАН «Вестник культурологии». 2022, № 1 с. 165-177
5. Мороз, В.В., Рымарович, С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30) с. 231, с. 60-69
6. Тулиганова, И.В. Социокультурное пространство современного города: автореф. дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2009. 18 с.
7. Шиханов, М.М. Красное солнце. Поэма. Стихи. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. -112 с.
8. Шиханов, М.М. Хлебные карточки: стихи и рассказы. / ред. сост. Л.Д. Шиханова - Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. -230 с.: ил.
9. Шишхова, Н. М. Метафорическое оснащение концепта «дом» (русская литература первой половины XIX века и Гастон Башляр).// Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 3 (302). С.134-140.
10. Щитов, А.В. Красная осень. Бурятское книжное издательство. Улан-Удэ. 1979
11. Щитов, А.В. Признание: Стихи./Худ. В.П. Алагуева. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. - 68 с.

© Мункуева Лидия Доржиевна (lidiya-naumova@inbox.ru), Затеева Татьяна Владимировна (vlatat1954@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОМАНТИЧЕСКОЕ «Я» КАК «ОТКРЫТАЯ ДИАСПОРА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 60-Х ГГ. XX В. – XXI В.

ROMANTIC "I" AS AN "OPEN DIASPORA" IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 60S OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

U. Panesh
N. Shishkhova
K. Ankudinov
G. Sokolova
Yu. Ashinova

Summary: The article deals with the problem of the existence of "I" in a romantic text on the example of Russian poetic texts of the second half of the 20th and early 21st centuries. The basis of the romantic worldview is the conflict between the "I" and the outside world ("Not-I"). In some romantic works, the hero is presented by the author not as a single "I", but as a collective "We". The definition of the "We" mode is the main goal of the study. The theories of modern literary critics (in particular, M. Lipovetsky), who consider the romantic "We" as a set of hypostases of the author's "I" are criticized in the article. On the example of A. Voznesensky's short poem "The Masters" it is demonstrated that the romantic "We" can be differentiated in relation to the author's "I", separating from it according to chronological characteristics. In the text of the poem, the persons that make up "We" reside in the 16th century, while the author's "I" exists in the 20th century. But this does not prevent the author's "I" from joining the "We" community. The term 'open diaspora' is introduced into scientific circulation, which characterizes the common "We" and its relationship with the author's "I". This community is a conflicting minority in relation to the outside world, but tends to become a majority in the future. It does not coincide with any of the defined social structures; however, some positive content can be traced behind this commonality. It is not defined, but it is definable. The author's "I" is included in the community, but does not exhaust it by itself, while the conflict between the community and the world around it is genuine, tragic and irreconcilable, and the ideology that colors the declarations and actions of the community can be any. Variants of the existence of the concept of 'open diaspora' in the romantic text are considered on the basis of the poetic works of B. Okudzhava, I. Zhdanov and M. Strukova. The main research method is the structural hermeneutics of the existential content of a literary text.

Keywords: romanticism, "I", Diaspora, Open Minority, A. Voznesensky, B. Okydzgiava, I. Zhdanov, M. Strukova.

Панеш Учжук Масхудович

доктор филологических наук, профессор, Адыгейский
государственный университет, (г. Майкоп)
panesh45@mail.ru

Шишхова Неля Магомедовна

кандидат исторических наук, доцент, Адыгейский
государственный университет, (г. Майкоп)
sessvetla@mail.ru

Анкудинов Кирилл Николаевич

кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский
государственный университет, (г. Майкоп)
ankudinovkirill@rambler.ru

Сokolova Галина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский
государственный университет, (г. Майкоп)
galina_s2020@mail.ru

Ашинова Юлия Арамбиевна

кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский
государственный университет, (г. Майкоп)
partner@mail.ru

Аннотация: Статья рассматривает проблему бытования «Я» в романтическом тексте на примере русских поэтических текстов второй половины XX-начала XXI вв. Основой романтического мировоззрения является конфликт между «Я» и окружающим миром («Не-Я»). В некоторых романтических произведениях герой подаётся автором не как единичное «Я», а как коллективное «Мы». Определение модуса «Мы» является главной целью исследования. Критике подвергаются теории современных литературоведов (в частности, М. Липовецкого), рассматривающие романтическое «Мы» как совокупность ипостасей авторского «Я». На примере короткой поэмы А. Вознесенского «Мастера» демонстрируется, что романтическое «Мы» может быть дифференцированным по отношению к авторскому «Я», отделяясь от него по хронологической характеристике. В тексте поэмы персоны, составляющие «Мы», пребывают в XVI веке, а авторское «Я» существует в XX веке. Но это не мешает авторскому «Я» присоединиться к общности «Мы». Авторы работы вводят в научный оборот термин «открытая диаспора». Он характеризует общность «Мы» и ее взаимоотношения с авторским «Я». Данная общность является конфликтным меньшинством по отношению к окружающему миру, но стремится стать большинством в перспективе. Она не совпадает ни с одной из определяемых социальных структур, однако за этой общностью прослеживается некоторое позитивное содержание. Оно не определяемо, но определимо. Авторское «Я» включается в общность, но не исчерпывает ее собой. При этом конфликт между общностью и окружающим ее миром является подлинным, трагическим и непримиримым, а идеология, окрашивающая декларации и действия общности, может быть любой. Различные варианты бытования в романтическом тексте концепта «открытой диаспоры» рассматриваются на основе поэтических произведений Б. Окуджавы, И. Жданова и М. Струковой. Основным методом исследования является структурная герменевтика экзистенциального содержания литературного текста.

Ключевые слова: романтизм, «Я», диаспора, открытое меньшинство, А. Вознесенский, Б. Окуджавы, И. Жданов, М. Струкова.

В статье рассматривается проблема бытования «Я» в романтическом тексте на примере русских поэтических текстов второй половины XX-начала XXI вв. Основой романтического мировоззрения является конфликт между «Я» и окружающим миром («Не-Я»). В некоторых романтических произведениях герой подаётся автором не как единичное «Я», а как коллективное «Мы». Определение модуса «Мы» является главной целью исследования. Критике подвергаются теории современных литературоведов (в частности, М. Липовецкого), рассматривающие романтическое «Мы» как совокупность ипостасей авторского «я». На примере короткой поэмы А. Вознесенского «Мастера» демонстрируется, что романтическое «Мы» может быть дифференцированным по отношению к авторскому «я», отделяясь от него по хронологической характеристике. В тексте поэмы персоны, составляющие «Мы», пребывают в XVI веке, а авторское «я» существует в XX веке. Но это не мешает авторскому «я» присоединиться к общности «Мы». Вводится в научный оборот термин «открытая диаспора», который характеризует общность «Мы» и ее взаимоотношения с авторским «я». Данная общность является конфликтным меньшинством по отношению к окружающему миру, но стремится стать большинством в перспективе. Она не совпадает ни с одной из определяемых социальных структур, однако за этой общностью прослеживается некоторое позитивное содержание. Оно не определяемо, но определимо. Авторское «я» включается в общность, но не исчерпывает ее собой, при этом конфликт между общностью и окружающим её миром является подлинным, трагическим и непримиримым, а идеология, окрашивающая декларации и действия общности, может быть любой. Различные варианты бытования в романтическом тексте концепта «открытой диаспоры» рассматриваются на основе поэтических произведений Б. Окуджавы, И. Жданова и М. Струковой. Основным методом исследования является структурная герменевтика экзистенциального содержания литературного текста.

Все исследователи романтизма отмечали, что центральной точкой этого направления является независимая саморазвивающаяся личность. Так советский литературовед И. Волков утверждал: «...но при всем том, что самоценность человеческой личности крайне преувеличивалась в романтизме, абсолютизировалась, уже само по себе открытие этой самоценности явилось художественным завоеванием романтизма. Такого характера не знала литература до романтизма... Именно романтизм открыл для литературы личность как таковую – самоценную не только в смысле неповторимости своих идеальных черт, но и по глубинному содержанию своего характера – и этим окончательно сблизил искусство с реальной человеческой жизнью» [2, с. 20]. Л. Гинзбург показала, что «...все же существовало нечто общее в присущем разным романтизмам пониманию личности. Это личность, действующая по законам своей метафизической природы,

тогда как предметом реализма станет человек, детерминированный и подвластный общим закономерностям» [4, с. 128]. Таким образом, ученые считали, что самоценная, не детерминированная извне личность не была предметом литературы ни до романтизма, ни после романтизма (ведь реализм – направление, следующее за романтизмом), она стала достоянием исключительно романтизма. Это сформировало особое романтическое мировоззрение, которому были свойственны следующие черты: разделение мира на два антагонистичных начала – «Я» и «Не-Я» (романтический дуализм), фиксация на конфликте «Я» и «Не-Я» (романтический конфликтоцентризм), а также признание свободы воли «Я» (романтическое свободоположение). Данное мировоззрение выявляется в произведениях не только конкретно-исторической романтической эпохи, но и за ее пределами; так что имеет смысл говорить о «романтизме вне романтизма». Советская поэзия 60-х – 80-х гг. XX века и постсоветская поэзия 90-х г. XX в. – XXI в. дают богатые примеры (нео)романтического дискурса, проникнутого (и порожденного) романтическим мировоззрением.

По логике романтического мировоззрения во всех произведениях романтической парадигмы героем может быть только «Я», но не «Мы»; ведь романтический герой одинок и противостоит всему остальному миру («Не-Я»). Между тем, (коллективным) героем многих романтических произведений (и особенно произведений «романтизма вне романтизма») становится «Мы». Определение происхождения этого парадоксального «Мы», некоторых его модусов существования (в том числе, в хронологическом аспекте) и социокультурных статусов является основной целью данного исследования.

В современном литературоведении есть теория, интерпретирующая романтическое «Мы» как совокупность различных ипостасей авторского «я». В частности, такой точки зрения придерживается Марк Липовецкий. В своем творчестве украинский поэт Сергей Жадан, утверждает, что «анархические бродяги, цыгане, партизаны и полевые командиры, населяющие стихи Жадана, – не просто персонажи, а, как водится в неоромантической культуре, многие лица лирического субъекта, его реализации за пределами “я”» [8, 2017, с. 228]. В другой работе М. Липовецкий разъясняет это положение: «...неоромантические поэты создают оксюморонную концепцию субъекта, который рисует несовместимые сценарии и совмещает **множественные «я»**: вымышленное и литературное соединяются с вполне реальным и повседневным; эти «я» противоречат друг другу, и в то же время они взаимозависимы и неразделимы. Принцип «множественной личности» позволяет выскользнуть из жестко определенных социальных идентичностей, а также из социальных и исторических клеток. Каждое «я», усвоенное неоромантическим автором, – это «я», способное преодолевать собственные пределы» [7, 2018, с. 16].

Обратимся к произведению, являющему образец «шестидесятичного романтизма» – к короткой поэме Андрея Вознесенского «Мастера», опубликованной в двух сборниках 1960-го года – в «Параболе» (М.: Советский писатель) и «Мозаике» (Владимир: Владимирское книжное издательство). В основу ее сюжета легла известная легенда-мифологема о строителях Храма Василия Блаженного Барме и Постнике, которых велел ослепить (в менее распространенном варианте, использованном Вознесенским, – казнить) царь Иван Грозный. Эта легенда была подробно и довольно аутентично отражена в поэме Дмитрия Кедрина «Зодчие» (1938). В отличие от претендующего на реалистичность эпического кедринского повествования текст Андрея Вознесенского – лиро-эпический манифест молодого поколения шестидесятников, выполненный в модернистской технике. В контексте заявленной цели нашего исследования из всех частей поэмы «Мастера» наибольший интерес представляет ее «Эпилог». Основная («семиглавая») часть поэмы завершается трагической гибелью героев и авторским заявлением о семантическом самоуничтожении текста:

*А где – поэма?
Поэмы – нет!* [1, с. 83].

«Эпилог» открывается апокалиптической перспективой тотального (нравственного, социального и метафизического) разрушения мироздания, а затем эта пессимистическая концовка переигрывается личным вмешательством романтического авторского «Я».

*Врете,
врете –
Будут города!*

*Сверкнут меж холмов
Семицветием всем
Не семь городов,
А семижды семь.*

*Над ширью вселенской
В лесах золотых
Я,
Вознесенский,
Воздвигну их!* [1, с. 85].

Автор-герой (парень с Калужской) декларирует собственную принадлежность к сообществу «мастеров».

*Я той же артели,
Что семь молодцов* [1, с. 85].

Как видим, авторское «я» в поэме «Мастера» отнюдь не «множественные «я» единого лирического субъекта». Оно не сливается с коллективным романтическим героем (с мастерами), а дополняет его собой. «Артель» строителей, действующая в условных декорациях XVI

века, пополняется героями из последующих времён (из настоящего для А. Вознесенского XX века – «парнем с Калужской Вознесенским» и, вероятно, из будущих времён гипотетическими новыми творцами). Очевидно, что в рассматриваемом тексте присутствует романтическое «Я» особого модуса: оно не идентично авторскому «я», но способно включить его в себя. Базовая, ядерная часть этого «Я» по отношению к авторскому «я» является «не-я». Но для романтического сюжета она представляет коллективное «Я» (и не «Не-Я» злого царя и его присных). Это романтическое «Мы», объединившее в себе исходное «не-я» и присоединившееся к нему авторское «я». По отношению к характеристике его модуса уместно применить определение «открытая диаспора».

У понятия «диаспора» есть четкое научное значение: «часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплоченные и устойчивые этнические группы в стране своего проживания, и имеющие социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности» [6]. Иные (неэтнические) определения этого понятия могут носить исключительно образный смысл. Однако не следует забывать, что литература и есть система образов, предъявляемая читателю в русле авторского и/или общего (направленного) мировосприятия. Если автор видит и показывает некоторую неэтническую общность как «диаспору», его видение недействительно (метафорично) для (первой) реальности, но в реальности авторской (второй) оно действительно. «Общность мастеров» в поэме Андрея Вознесенского – «сплоченная устойчивая группа», существующая и действующая без временных границ, погруженная во враждебную себе среду, привлекающая к себе новых участников. Она даже «имеет социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности» (а именно – артельную организацию). Сложнее определить «страну происхождения» этой «диаспоры». Она, безусловно, существует, что устанавливается по авторскому определению художника – «первородный». И она – «искусство», воскресающее «из казней и из пыток»; у других же поэтов-романтиков она может определяться иначе. Все эти определения охватываются обобщенным образом – финальными строками «Баллады о стариках и старухах...» Александра Галича.

*А живем мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы* [3, с. 204].

В популяризированном понимании «диаспора» – это меньшинство (одновременно разбросанное и стремящееся к сплоченности), живущее в чужом либо враждебном большинстве. Но меньшинства по своему устройству могут быть разными. Значительная часть меньшинств – это меньшинства закрытые, равные себе, не предполагающие собственного увеличения за счет притока новых участников. Все этнические диаспоры есть закрытые

меньшинства. Однако «грамотные люди» среди русского крестьянства XIX века тоже были меньшинством (и психология таких людей соответствовала психологии «человека диаспоры» со всеми присущими подобной психологии комплексами и установками). Но ныне сообщество «грамотных граждан России» превратилось в абсолютное большинство. Значит, в их лице мы имеем дело с феноменом открытых (не закрытых) меньшинств. Герой-повествователь поэмы А. Вознесенского «Мастера» в «Эпilogue» декларирует стремление переделать мир в соответствии с заветами «артели» и превратить его в новую реальность, в которой вольным художником и творцом станет каждый. Его «артель» - тоже открытое меньшинство, пребывающее и действующее в диаспорическом виде.

Таким образом, в поэме А. Вознесенского «Мастера» мы можем выделить концепт «открытой диаспоры» как форму присутствия в тексте романтического «Я». Эта форма предполагает нераздельность и неслиянность авторского «я» по отношению к коллективному «Мы» как модулю романтического «Я».

Можно выделить следующие базовые признаки концепта «открытой диаспоры» в романтическом тексте:

1. Конфликт, лежащий в основе сюжета, является действительно антагонистическим и действительно трагическим, а не декларативным и/или симулятивным. Это требование к конфликту отсекает огромный массив советских поэтических текстов разных периодов.
2. В тексте объявляется и демонстрируется некая общность людей, являющаяся конфликтным меньшинством по отношению к окружающему ее миру. Она не совпадает ни с одной из определяемых (социальных, классовых, этнических, профессиональных, партийных и др.) структур. Тем не менее, за этой общностью прослеживается позитивное содержание («не имеющая названия держава»). Индивиды, составляющие эту общность, одновременно разобщены (рассеяны) в окружающем мире и стремятся к сплочению.
3. Авторское «я» включается в данную общность, но не исчерпывает ее собой. Остальные сочлены общности не идентичны авторскому «я» и не представляют собой «множественные я» расколотой авторской личности. Они – «другие» по отношению к ней. Тем не менее, эта общность образует коллективного романтического героя (романтическое «Я-Мы»).
4. Меньшинство «Я-Мы» не замкнуто в себе, оно может привлекать новых членов (в том числе авторское «я»), стремится стать большинством и, в принципе, способно быть таковым.

Характер идеологического наполнения не является базовым признаком концепта «открытой диаспоры».

Идеологии, окрашивающие заявленную «лирическую диаспору», могут быть какими угодно (в том числе идейно враждебными другой, альтернативной «лирической диаспоре»). Первичен здесь не идеологический, а экзистенциальный фактор. Не случайно многие поэты-романтики искренне меняли свои идеологические векторы и идентификации, при этом сохраняя экзистенциальные настройки личностей.

Так поэт и бард Булат Окуджава, эволюционировавший с 60-х по 90-е годы с идейным разворотом едва ли не на 180 градусов, в стихотворении 1967-го года «Старинная студенческая песня» демонстрирует почти все признаки концепта «открытой диаспоры» (и с особенной внятностью – призыв к сплочению).

*Как вождельно жаждет век
Нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмёмся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке [10, с. 310].*

В этом тексте есть «студенческий» контекст, переходящий в «гамлетовскую» претекстность («зато Офелия помянет»). Это мнимые ходы (к слову, сюжетная топография текста Окуджавы отсылает нас, скорее, к Розенкранцу с Гильденстерном, нежели к Гамлету, который в шекспировской трагедии одинок принципиально). Они маскируют не вполне приемлемый для советской культуры «диаспоральный семиозис». Налицо здесь и романтическая враждебность «века» по отношению к коллективному романтическому «Я», и ответная агрессия к «Не-Я» со стороны диаспоры.

*Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары [10, с. 310].*

Под вопросом оказывается лишь мера открытости этого «студенческого союза», зато несомненен его трагизм («рай настанет не для нас [10, с. 310]).

Более усложнённый вариант концепта «открытой диаспоры» характерен для лирики 80-х гг. XX века, к примеру, он встречается в стихотворении Ивана Жданова «Бар». И. Жданов – наименее политизированный (и наименее романтический) поэт плеяды «метаметафористов». Лирический хронотоп стихотворения представляет собой ночной бар, окружённый угрожающими знаками военных действий («полковыми зарницами»). «Фронтную» символику стихотворения не следует толковать в буквальном смысле: его ключевые слова – «встречи» и «расставанье»: речь ведётся о личной проблематике, подсвеченной бинарной оппозицией «ночи» и зловещих «электрических зарниц». Завершается стихотворение показательным двустушием.

Отечество – ночь и застолье, а всё остальное – чужбина.

Мы – верные граждане ночи, достойные выключить ток
[5, с. 50].

В этом двустишии прослеживаются многие признаки концепта «романтической диаспоры», как, например, противопоставление коллективного «Я» («Мы») «остальному» «Не-Я», присоединение авторского «я» к герою-общности «Я-Мы». Также здесь есть отсылка к «не имеющей названья державе» («граждане ночи»). И снова под вопросом мера открытости демонстрируемой поэтом диаспоры. Во всяком случае она выше, чем в тексте Б. Окуджавы: к студенческому землячеству приобщают не каждого, но практически каждый может присоединиться к ночному застолью в баре.

В ранний постсоветский период (90-е гг. XX в.) данный концепт принимает идеологическую окраску: он чаще всего встречается в творчестве поэтов, не принимавших тогдашнюю социальную реальность с правых позиций. Нередко они выстраивали мировоззрение на основе ницшеанства (национально ориентированного). Так Марина Струкова, поэтесса, в 90-е годы близкая к русскому национализму, в стихотворении «О нас говорил Заратустра...» противопоставила смиренному большинству «калек» и «рабов» деятельное меньшинство «Я-Мы».

*Армадой идем немою
Дворцы обречь на слом.
Мы тьму выжигаем тьмою,
Мы зло убиваем злом.*

*Ведёт в высоту дорога,
Темнейшая из дорог.
Возможно, мы верим в Бога,
Но это опасный Бог [11, 1999].*

И вновь картина лирического сюжета повторяется: в войну с отвратительным и бессильным миром «Не-Я» вступает активное меньшинство, растворённое в «Не-Я» и стремящееся к сплочению, не определяемое никакой земной характеристикой, помимо верности «опасному Богу» (то есть все той же «не имеющей названья державе»).

Во всех вышеприведенных поэтических текстах разных времён и различных векторов происходит один и тот же процесс, относящийся к лирическому герою. Авторское «я» получает общность «Мы» с «не имеющими названья», но действительными осевыми ценностями – в диапазоне от «творческой» эмблематики в поэме Вознесенского, до ницшеанских «волевых» и «боевых» интенций поэзии Струковой – и присоединяется к этой общности, образуя коллективного героя («Я-Мы»). Выстраивание такого героя в творческой реальности отражает некоторые социально-психологические процессы, происходящие в собственно реальности (в первой реальности). Внутреннее высвобождение личности сопровождается созданием «летучих идентификационных объединений»; динамическое, меняющееся общество становится пронизано ими. Однако культура не только отражает подвиги реальности, она предвосхищает их и даже, в определённой мере, занимается моделированием социального поля. По словам Ю. Лотмана, «...исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (то есть объективного с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка» [9]. «Открытые диаспоры» русской романтической поэзии второй половины XX – XXI вв. – всецело феномен «мира, принадлежащего языку». Однако он способен влиять и на «мир, лежащий за пределами языка», в чём заключены его перспективы и риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский, А. Парабола. М.: Сов писатель, 1960. 92 с.
2. Волков, И.Ф. Основные проблемы изучения романтизма // К истории русского романтизма. М.: Наука, 1973. С. 5-36.
3. Галич, А. Стихотворения и поэмы. Сер. Новая библиотека поэта. С.-П.: Академический проект, 2006. 388 с.
4. Гинзбург, Л. О лирике. Л. Сов. писатель, 1974. 382 с.
5. Жданов, И. Место земли. М.: Молодая гвардия, 1991. 112 с.
6. Картаслов. Ру. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/диаспора>. (дата обращения 20.06.2023).
7. Липовецкий, М. Неоромантизм в русской поэзии XX-XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. Т. 51. 2018. № 1. С. 13-18.
8. Липовецкий, М. «Свет состоит из тьмы и зависит только от нас». Сергей Жданов и неоромантизм // Воздух. Т. 17. 2017. № 1. С. 225 – 235.
9. Лотман, Ю. Культура и взрыв. Беседы о литературе. М.: Изд-во АСТ, 2019. 256 с.
10. Окуджав, Б. Стихотворения. Сер. Новая библиотека поэта. С.-П.: Академический проект, 2001. 712 с.
11. Струкова, М. «Но мы рождены – их спасти!...» // Завтра. Т. 294. 1999, № 29.

© Панеш Учужук Масхуодович (panesh45@mail.ru), Шишхова Неля Магомедовна (sessvetla@mail.ru), Анкудинов Кирилл Николаевич (ankudinovkirill@rambler.ru), Соколова Галина Викторовна (galina_s2020@mail.ru), Ашинова Юлия Арамбиевна (partner@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В НОВОГОДНЕМ ОБРАЩЕНИИ Э. МАКРОНА 2023 ГОДА

FUNCTIONAL DETERMINACY OF THE LANGUAGE TOOLS USED IN E. MACRON'S NEW YEAR'S ADDRESS IN 2023

O. Pletneva

Summary: The article considers some aspects of presidential rhetoric in the context of political discourse, explores the concepts of ritual speech and New Year's address of the president; language functions and their correlation with the functions of the New Year's address are studied in detail; the New Year's address 2023 presented by French president, Emmanuel Macron, is analyzed, tracing the relationship between the linguistic expressive means and public speech functions.

Keywords: rhetoric, political discourse, ritual speech, New Year's address, stylistic device, function, context.

Плетнева Ольга Дмитриевна

*Старший преподаватель, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации», (г. Москва)
pletneva-od@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты президентской риторики в контексте политического дискурса, исследуются понятия ритуальный жанр и новогоднее обращение президента; подробно изучаются функции языка и их соотносительность с функциями новогоднего обращения; проводится анализ новогоднего обращения 2023 года президента Франции, Эммануэля Макрона, прослеживающий взаимосвязь между выразительными средствами языка и функциями публичного выступления.

Ключевые слова: риторика, политический дискурс, ритуальный жанр, новогоднее обращение, стилистический прием, функция, контекст.

Введение

Президентская риторика была и остается феноменом ораторского искусства, изучение которого вызывает неподдельный интерес у представителей различных направлений. Прежде всего, следует отметить ее жанровое разнообразие, сюда входят предвыборные дебаты, выступления на митингах, инаугурационные речи, юбилейные речи, поздравления, новогодние обращения, ежегодные послания и официальные речи. Президент обращается ко всему народу сразу не часто, обычно в случае победы на выборах, во время инаугурации, по непредвиденному поводу, такому как сложение полномочий, начало или конец военных действий, стихийные бедствия, важное событие в международной политике, или с целью поздравления нации с праздником, например, Новым годом. В нашей статье, мы хотели обратиться к анализу новогоднего обращения президента Франции.

Литературный обзор. Рассмотрим сущность новогоднего обращения. По мнению Н.В. Кондратенко, данный вид обращения или выступления можно отнести к ритуальному жанру политической коммуникации [2], основной задачей которого является поздравление страны и народа с Новым годом, выражение своих пожеланий и создание эмоционально положительного настроения у граждан с целью их объединения на основе общих цен-

ностей, достижений и побед, уходящего года. Для главы государства – это также своего рода шанс на признание существующих проблем и обозначение путей их решения, важности проводимых реформ и политической идеологии, принятой в стране.

Однако, в любом случае, данный формат новогоднего поздравления или обращения имеет статус публичного выступления, ключевым моментом здесь также является воздействие на аудиторию – повлиять убедить, агитировать, мотивировать. Как справедливо отмечает И.А. Лешутина для того, чтобы выступление было эффективным, оратору важно правильно применять огромный арсенал вербальных и невербальных средств языка. Кроме того, необходим анализ речевой ситуации на предмет уместности, грамотности содержания высказывания и адекватного выбора необходимых языковых средств [3].

М.М. Бахтин определяет понятие праздника как антитезу будням, как некую специфическую кратковременную форму бытия, он также обращает внимание на тот факт, что «никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической» [1, с.43]. По мнению ученого, данное понятие должно трактоваться согласно миру высших целей человеческого существования, т.е. в его содержании непременно должны раскрываться

такие аспекты, как идеологическая составляющая, эмоциональная атмосфера, отсутствие иерархических взаимоотношений между участниками, но самым важным из них является возможность моделирования «утопического царства всеобщности, свободы, равенства и изобилия», а именно, создание идеального пространства, соответствующего принятым в конкретном обществе ценностным установкам [1, с.43].

Следовательно, языковое оформление подобного рода выступлений требует особого внимания, т.к. говорить надо четко, кратко и понятно, но в тоже время выразительно. А.П. Чудинов подтверждает данный факт, упоминая о том, что «именно ритуальные жанры позволяют главам государств использовать весь возможный арсенал средств речевого воздействия с целью укрепить свою власть, а также реализовывать идеи национально-го единства» [5, с. 81]. В свою очередь О.В. Спиридовский, наряду с инаугурационным обращением и прощальной речью, относит новогоднее обращение президента к ритуальному жанру устного политического дискурса [4].

В данной статье мы придерживаемся этого же мнения и рассматриваем новогоднее выступление главы государства как ритуальный жанр. Исходя из самого названия данного формата «новогоднее обращение президента к народу» можно предположить, что это не примитивное поздравление по случаю, а прежде всего отчет о проделанной за год работе, кроме того, обычно акцент расставляется на планах и достижениях, ожидаемых уже в новом году. В настоящее время новогоднее обращение президента смотрит или слушает большинство граждан своей страны вне зависимости от политических интересов и отношения к главе государства в целом, и эта торжественная речь представляется неотъемлемой частью самого праздника, знаменующего наступление нового года.

Соответственно, имея непосредственное отношение к политическому дискурсу, публичные выступления такого рода имеют ряд специфических черт и выполняют ряд функций. К основным характеристикам новогоднего обращения Е.И. Шейгал относит «объединение аудитории в единый народ, единую нацию, как полноправного участника торжественного праздника; обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации; провозглашение политических принципов, которыми будет руководствоваться правительство в новом году» [6, с. 206]. Таким образом представляется возможным выделить четыре ключевые функции новогоднего публичного выступления, таковыми являются интегративная, инспиративная, декларативная и перформативная [2].

В статье нами предпринимается попытка провести анализ новогоднего обращения 2023 года действующего президента Франции, Эммануэля Макрона, с целью выявления взаимосвязи между выразительными средствами языка и

функциями публичного выступления, а также их взаимной обусловленностью в контексте новогоднего обращения.

В этой связи, мы полагаем уместным для начала рассмотреть основополагающие функции языка. Роман Якобсон выделил шесть таких функций, которые вполне применимы и в контексте политической, коммуникации. Однако, представители когнитивной лингвистики, акцентируя роль языка как средства для познания и объяснения действительности, предложили включить в данный список также и когнитивную функцию. Подчеркнув тем самым деятельностную природу языка. Таким образом, мы имеем дело с семью функциями языка: когнитивная; коммуникативная; побудительная; эмотивная; метаязыковая; фатическая; эстетическая [7].

Специфические особенности конкретных сфер коммуникации, в нашем случае, политической, детерминируются различной степенью значимости данных функций и форматом их проявлений в речи. Говоря о политической коммуникации, безусловно, ее основной функцией позиционируется борьба за власть и управление обществом, в этой связи все выше означенные функции подчиняются осуществлению главной функции, даже в контексте новогоднего обращения к народу.

Обратимся к изучению закономерностей реализации данных функций в политической коммуникации.

1. Когнитивная функция языка способствует процессу концептуализации мира в обществе, а также созданию личностной, групповой и политической картины мира, посредством организации мышления масс, а это важнейшее предназначение языка. Соответственно, политическая мысль воплощается в определенных речевых структурах и может проявляться в речевой деятельности говорящего порой вне зависимости желаний. К примеру, использование метафор способно стимулировать к подсознательной оценке действительности и настаивать необходимый эмоциональный фон.
2. Коммуникативная функция сконцентрирована на передаче информации с целью оказания воздействия на сознании адресата и изменение, имеющейся у него картины политического мира. Процесс информирования может происходить посредством разного рода сообщений, привлекающих внимание аудитории, но при этом подразумевается некая политическая интерпретация позитивного, нейтрального или негативного характера. Как правило, в политической коммуникации работает формат тщательного отбора информации, политические деятели обычно привлекают внимание к выгодной для них информации и устраняют ту, которая способна нанести ущерб их интересам.

3. Побудительная функция имеет много разных названий: аппеллятивная, вокативная, регулятивная, инструментальная, однако, ее задача при этом не меняется и сводится к прямому или косвенному воздействию на адресата. В контексте политической коммуникации данное воздействие всегда эмоционально окрашено, поскольку оно призвано трансформировать существующую политическую картину мира в сознании народа. Побуждение – это прежде всего призыв, необязательно к действию, можно просто информировать людей о тех или иных событиях.
4. Эмотивная функция сопряжена с выражением эмоций автора и адресата. Выражение надежды, уверенности и гордости за страну, представленное в речи политика, несомненно, будет способствовать зарождению и укреплению таких же чувств у граждан. Соответствующий ситуации эмоциональный фон способен побудить к необходимым действиям, заставить задуматься и принять желаемую точку зрения.
5. Метаязыковая функция имеет целью объяснение, это может быть объяснение смысла слова, словосочетания или целого высказывания. Политические тексты зачастую изобилуют терминами, смысл которых не всегда понятен простым обывателям, поэтому может потребоваться допол-

- нительное объяснение, отражающее сущность явления, но в несколько ином формате. Данное утверждение объясняет стилистическую неоднородность современной политической коммуникации, обладающей признаками и общепотребительной, и официально-деловой, и научной речи, и жаргона. Этим подтверждается особая важность метаязыковой функции в политическом дискурсе.
6. Фатическая функция является контакто-устанавливающей и важен факт межличностного общения. Например, непосредственное обращение к аудитории (граждане, друзья) и есть проявление фатической функции, характеризующей речевую ситуацию, а также социальные и этикетные роли коммуникантов.
7. Эстетическая функция обращает первостепенное внимание на форму сообщения и план его содержания, на то, как выражена мысль. Политическим деятелям просто необходимо следить за выразительностью своей речи для привлечения аудитории. Данная функция достаточно ярко проявляется в малых политических жанрах, таких как лозунги, слоганы, плакаты, конечно, она не вполне реализуется в серьезных документах типа внутрипартийных документов, однако, публичные выступления, особенно ритуальные, отражают эстетическую функцию в полной мере.

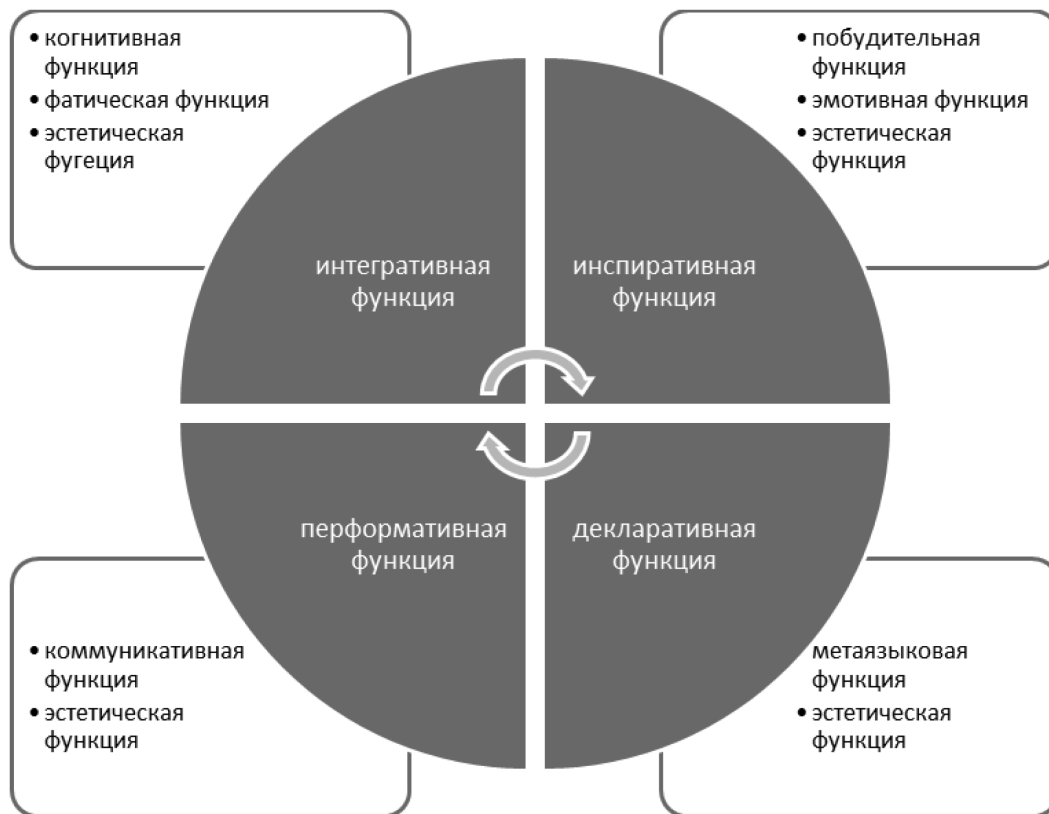

Рис. 1. Функции новогоднего обращения

Изучив суть и специфику семи основных функций языка, мы предлагаем наложить данную классификацию на классификацию функций новогоднего обращения, разработанную Е.И. Шейгал, что даст нам возможность более масштабно подойти к исследованию данного ритуального жанра.

Обсуждение

Как видно из представленной схемы функции новогоднего обращения как формы политического выступления пересекаются с ключевыми функциями языка, расширяя границы политической коммуникации.

Рассмотрим первую функцию, *интегративную*, которая сопряжена с *когнитивной* и *фатической* функциями языка. В первую очередь, она нацелена на то, чтобы утвердить единство Французской нации в важный для нее момент, знаменующий вступление в Новый год, таким образом происходит намеренная организация мышления, формируется подсознательная положительная оценка происходящего. Отличительным признаком интегративности в данном случае является призыва к единению, выраженный достаточно имплицитно, при этом происходит контакт с аудиторией на фоне праздничной, доброжелательной атмосферы.

1. Nous serons déterminés à agir pour l'école, l'enfance et l'éducation, afin de rétablir le niveau de nos élèves, l'autorité de nos professeurs, la force de notre enseignement laïc et républicain [8].
2. Nous serons déterminés, aussi, à rendre notre République plus forte en luttant contre la délinquance, en nous attaquant plus fermement aux discriminations, en permettant des progrès concrets pour l'égalité entre les femmes et les hommes, pour la petite enfance, pour nos compatriotes en situation de handicap [8].

Как следует из представленных примеров, использование местоимения «мы» в сочетании «nous serons déterminés» говорит о позитивности и уверенности духа, доказывающего единство нации.

Отметим, что интегративная функция также достигается посредством использования таких стилистических средств, как эпитет и метонимия, а значит реализует и *эстетическую* функцию языка. Обращаясь к французскому народу «Françaises, Français», Э. Макрон подчеркивает его единство и важность в контексте ситуации, глобальность характера его сообщества «de métropole, de nos outre-mer et de l'étranger», гордость за достижения и традиции Франции «fierté française», значение и величие французского языка в мировом контексте «la langue française», а также масштаб участия общества в праздновании Нового года и значимость народного единства «cette fête populaire». Глава государства делает свою

речь максимально выразительной и проникновенной посредством эпитетов, создающих необходимую эмоционально-образную атмосферу.

Кроме того, Э. Макрон обращается к приему метонимии для концентрации внимания слушателей на конкретных понятиях, таких как «Francophonie» и «République», презентующих смежность означаемого и означающего.

1. 2024 sera une année de fierté de la langue française. Après avoir restauré le château de Villers-Cotterêts et y avoir créé la Cité internationale de la langue française, nous y accueillerons dans quelques mois le monde de la Francophonie [8].
2. Nous serons déterminés, aussi, à rendre notre République plus forte en luttant contre la délinquance, en nous attaquant plus fermement aux discriminations, en permettant des progrès concrets pour l'égalité entre les femmes et les hommes, pour la petite enfance, pour nos compatriotes en situation de handicap [8].

Обращение президента к концепту франкофонии не случайно, поскольку он объединяет как все страны, говорящие на французском языке, таким образом прием метонимии здесь выполняет функцию отсылки к глобальному сообществу стран, разделяющих один и тот же язык (французский) и культурные ценности. Что касается термина республика, то это прежде всего вся Франция, все политические, исторические и социальные составляющие, непосредственно актуализирующие процесс интеграции в обществе.

Далее рассмотрим *инспиративную* функцию новогоднего выступления Э. Макрона, которая соотносится с *побудительной* и *эмотивной* функциями языка. Основной целью здесь является обращение к традиционным ценностям нации, пронесенным сквозь время и сохраненным для будущих поколений. Воспевание лучших национальных черт создает положительную эмоциональную атмосферу, побуждающую граждан на предстоящие достижения.

1. 2024 sera enfin l'année de nos fiertés françaises. Fierte pour ces milliers de compagnons, d'artisans, d'entrepreneurs qui ont pris part au magnifique chantier pour rebâtir Notre-Dame-de-Paris dont la flèche, s'élance à nouveau vers le ciel et coiffe une cathédrale qui rouvrira le 8 décembre prochain [8]. При упоминании собора Notre-Dame-de-Paris также используется прием метонимии, отсылающий аудиторию к ее культурному, историческому и духовному наследию всей Франции.
2. Nous sommes une Nation de compagnons de bâtisseurs, capable, quand elle s'unit, de résister, de se relever. Oui, en cinq années, comme promis, nous aurons rebâti la cathédrale et accompli l'impossible. Nous sommes cette Nation qui, lorsqu'elle est fière

d'elle-même, porte toujours un espoir universel [8]. В данном примере президент Франции использует литоту: «nous aurons accompli l'impossible» с целью преувеличения результатов действий правительства, таким образом подчеркивая их значимость.

Э. Макрон также свидетельствует о высоких достоинствах своей нации, готовой служить стране, стоять на страже высоких идеалов и отстаивать демократические принципы равенства и свободы.

3. Nous devons donc continuer ce réarmement de la Nation face au dérèglement du monde. Car la force de caractère est la vertu des temps difficiles [8].

Использование данной метафоры ассоциируется с военной терминологией, однако, очевиден эксплицитный подтекст, актуализирующий процесс укрепления вооруженных сил страны, а вместе с тем описывающий усиление и подготовку страны к решению различных социальных, экономических и экологических проблем в наступающем году. Метафора «réarmement de la Nation» символизирует стремление к обновлению и укреплению Франции в различных сферах жизни, кроме того, указывает на необходимость кардинальных действий, обеспечивающих ее процветание и стабильность.

Исходя из проанализированных примеров, можно заключить, что эстетическая функция языка наряду с инспиративной также реализуется в контексте новогоднего обращения 2023 года Э. Макрона. Следует отметить, что высоким инспиративным потенциалом обладает тема обновления. Используя выражение «une fois par génération que le destin de la suivante se joue» глава государства указывает на неизменную и повторяющуюся природу времени и истории, подчеркивает, что каждое поколение сталкивается со своими собственными испытаниями. Таким образом, посредством таких стилистических приемов, как метонимия, метафора, литота, эпитет акцентируется важность момента и его влияние на будущее, происходит вдохновение людей идеей перемен и обновления жизни, столь свойственной самому празднованию Нового года.

Декларативная функция сопрягается с метаязыковой и эстетической функциями речи. Она предполагает постулирование принципов правительственного руководства страной. Однако, декларация или манифестация данных принципов лишь предлагается для размышления аудитории. Так может внедряться некий стереотип ментальной модели государства. Рассмотрим примеры.

1. En 2023, nous avons agi, agi au service de l'objectif de réindustrialisation et de plein-emploi, dont les premiers résultats sont là. Les retraites, l'assurance chômage, la relance de nos industries vertes, l'accélération de France 2030, la refondation du lycée

professionnel, la réforme de Pôle emploi et du revenu de solidarité active, la réforme du marché européen de l'électricité : toutes ces grandes transformations ont été décidées, votées, et ont commencé à entrer en vigueur cette année [8].

2. Loi historique pour nos militaires: en une décennie, le budget de nos armées aura ainsi été doublé. Loi historique pour nos policiers, nos gendarmes, nos magistrats, nos greffiers, afin d'assurer l'ordre et l'unité républicaines en assumant de créer des milliers de postes pour mieux vous protéger. Nous continuerons de rétablir l'autorité partout où elle manque face aux incivilités et à la délinquance [8].

Необходимо отметить, что репрезентациях вышеозначенных функций осуществляется в большей мере посредством эпитетов, которые усиливают ощущение гордости, важности и величия Франции, используя их. Э. Макрон обращает внимание на значимость и результативность проводимых реформ и принятых законов.

Перформативная функция, в нашем понимании, соотносится с коммуникативной и эстетической функциями языка, на лицо демонстрация главой государства готовности выступать лидером нации, в преддверии Нового года, Э. Макрон делает обещания, наделяя свои высказывания идеологически наполненным содержанием, тем самым доказывая качество поступков в контексте новогоднего обращения к народу Франции.

1. C'est pourquoi, je n'ai cessé de suivre la même logique : agir avec détermination et constance pour aujourd'hui et pour demain. Depuis sept ans, là où vous m'avez placé, je tâche de rendre la France plus forte et plus juste, de libérer, protéger, unir. Tel est le cap et nous le tenons. Et il en fut de même en 2023 [8]. Вновь обращаясь к использованию литоты, президент таким образом выражает свою неизменную последовательность в решениях, он как бы утверждает, что всегда придерживается одной и той же логики действий.
2. Pour que la France puisse s'unir, agir et resplendir. Qu'elle soit digne de l'« indéfinissable splendeur de ceux qui sont destinés aux grandes entreprises », parce que c'est nous. Vive la République. Vive la France [8].

Кроме того, созданию образа гордой и могущественной Франции, также способствуют эпитеты, посредством данного стилистического приема Э. Макрон описывает превосходство французского народа, постоянно стремящегося к великим целям и достижениям.

План содержания новогоднего обращения 2023 года Э. Макрона вербализуется близкими и понятными для всех общественными ценностями такими, как la famille, la santé, l'emploi, l'enseignement, la paix, la sécurité, а также и духовными ценностями - la vérité, la dignité, l'espoir, la fraternité,

l'humanisme, le respect, la liberté. Использование в обращении такого рода идеологием является неким паролем или сигналом о политических взглядах говорящего. Следовательно, перформативные обещания усиливают влияние на аудиторию, целенаправленно воздействуя на создание необходимой эмоциональной атмосферы.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ новогоднего обращения 2023 года действующего президента Франции, Эммануэля Макрона, позволил проследить взаимосвязь между выразительными средствами

языка и функциями публичного выступления, а также их взаимной обусловленностью в контексте новогоднего обращения. Все вышеприведенные функции взаимодействуют согласно сфере коммуникации. Использование в политическом выступлении большого количества различных стилистических приемов, подтверждает факт пересечения эстетической функции языка со всеми четырьмя функциями ритуального жанра новогоднего обращения. В политическом дискурсе каждое слово важно, каждый используемый стилистический прием имеет воздействие должным образом на аудиторию – все имеет свое место и обладает определенной функцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика: хрестоматия / сост. К.Ф. Седов. - М.: Лабиринт, 2007. - С. 197-236.
2. Кондратенко, Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Труды международной конференции "Диалог 2007". Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007. - М.: Издательский центр РГГУ, 2007. - С. 302–306.
3. Лешутина И.А. Риторика. Искусство публичного выступления. - М.: Претекст, 2008. - 241 с.
4. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. - Воронеж, 2006. - 23 с.
5. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2012. - №2(40). - С. 53-59.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. - М.; Волгоград, 2000. - 440 с.
7. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. - В кн.: «Структурализм: "за" и "против"». - М., «Прогресс», 1975, с. 218.
8. URL <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/12/31/voeux-aux-francais-pour-2024> (дата обращения 31.03.2024).

© Плетнева Ольга Дмитриевна (pletneva-od@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА СКАЗКИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА (ЧАСТЬ II)

LEXICAL PECULIARITIES OF FAIRY TALE TEXT: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS (PART II)

**S. Semenova
I. Lyubina
M. Simonyan**

Summary: This article is a continuation of the study of Hans Christian Andersen's fairy-tale text in two languages from a cognitive and pragmatic points of view. The purpose of the work is to find examples of adjectives and the author's classification of thematic parameters on interesting examples taken from translation tests in two languages. The authors of the article solve the following tasks: 1) comparative analysis of the linguistic features of the texts of the work – in English (translation of Pat Shaw Iversen) and Russian (translation of Anna and Peter Hansen); 2) presentation of the most interesting examples; 3) semantic interpretation of the selected material. The novelty of the research is in the attempt to systematize the data obtained in the process of studying translated versions of Hans Christian Andersen's fairy-tale text in two languages in a comparative way. Such methods as: 1) continuous sampling; 2) comparative, 3) classification, 4) quantitative calculation and 5) interpretative were used. So, the lack of accuracy in the transfer of lexical units in translated works requires additional research in the direction.

Keywords: Hans Christian Andersen, translation, comparative analysis, description, adjectives, thematic parameters.

Введение

Данная статья является продолжением исследования переводных текстов сказки Г.Х. Андерсена «Красные башмаки» на разных языках [5, с. 75–85].

Цель работы заключается в нахождении примеров имен прилагательных и выделении тематических параметров в сравнительно-сопоставительном плане на двух языках.

Авторами поставлены и решены следующие задачи как:

1. проведен сравнительный анализ языковых особенностей текстов произведения – на английском (перевод П.Ш. Иверсена) и русском (перевод Анны и Петра Ганзен) языках;
2. показаны наиболее яркие примеры;
3. дана смысловая интерпретация выбранного материала.

Семенова София Новиковна

Доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

sofiya.semenova75@yandex.ru

Любина Ирина Михайловна

Доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

docent.lubina@mail.ru

Симонян Мария Семеновна

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
mariyasimonyan04@gmail.com

Аннотация: Данная статья является продолжением исследования текста сказки Г.Х. Андерсена на двух языках с когнитивно-прагматической точки зрения. Цель работы – нахождение примеров имен прилагательных и авторская классификация тематических параметров с презентацией соответствующих примеров, выделенных в текстах переводов. В работе поставлены и решены следующие задачи: 1) сравнительный анализ языковых особенностей текстов произведения – на английском (перевод П.Ш. Иверсена) и русском (перевод Анны и Петра Ганзен) языках; 2) презентация наиболее ярких примеров; 3) смысловая интерпретация выбранного материала. Новизна исследования заключается в предпринятой попытке систематизировать полученные данные, полученные в процессе изучения переводных версий сказки Г.Х. Андерсена на двух языках в сравнительно-сопоставительном плане. Использованы методы: 1) сплошной выборки; 2) сравнительный, 3) классификационный, 4) количественного подсчета и 5) интерпретационный. Недостаток точности передачи лексических единиц в переводных работах требует дополнительных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: Ганс Христиан Андерсен, перевод, сравнительный анализ, описание, имена прилагательные, тематические параметры.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые тексты сказки Г.Х. Андерсена «Красные башмаки» изучаются на разных языках в когнитивно-прагматическом аспекте с целью определения глубинного смысла произведения и классификации полученных результатов.

Актуальность данной работы определена повышенным вниманием к исследованиям текстов на разных языках в сравнительно-сопоставительном плане, что дает возможность понять культуру и историю народов.

Материал и методы исследования

Переводные версии сказки на два языка – английский и русский, выполненные Петом Шоу Иверсенем (Pat Shaw Iversen) («The Red Shoes») [6] и Анной и Петром Ганзен («Красные башмаки», 1845) [7] являются материалом для нашего изучения.

Методологической базой послужили научные статьи таких ученых, как: 1) Т.В. Леонтьева и А.В. Щетинина (подчеркивают в своей статье важность при оценке развития словарного состава языка) [1]; 2) В.А. Марьянчик и Л.В. Попова (дают краткий обзор роли имен прилагательных в концептуализации художественных образов) [2]; 3) С.Н. Семенова и др. (исследуют различные жанры художественной литературы на материале оригиналов и переводных работ в когнитивно-прагматическом плане) [3, 4]; 4) А.Б. Сраилова и др. (описывают специфику прагматической и символической реализации английского поэтического дискурса) [9].

При выполнении исследования были использованы методы: сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, классификационный, количественного подсчета и интерпретационный.

Описание проведения исследования

В начале исследования были найдены все примеры имен прилагательных в текстах переводов на двух языках сказки Г.Х. Андерсена «Красные башмаки». Затем был выполнен количественный анализ сходств и различий примеров и систематизирован по следующим блокам: 1) имена прилагательные; 2) тематические параметры. Далее приведен полученный комплекс с презентацией результатов в виде составленных таблиц с примерами.

1. Имена прилагательные

Таблица 1

Классификация имен прилагательных.

Разряды имен прилагательных	Примеры имен прилагательных	
	Версия на английском языке	Версия на русском языке
Качественные	Delicate	Премиленьякая
	Fair	Прехорошенькая
	Poor	Бедная
	Quite red . . . horribly red	–
	–	Грубых
	Red	Красного
	Clumsy	Неуклюжие
	Well meant	Добрым
	Be sure	–
	Barelegged	Голые
	–	Убогим
	Old	Старинная
	Be good	–
	Big	Важная
	Old	Старая
	Horrid	Ужасными

Разряды имен прилагательных	Примеры имен прилагательных	
	Версия на английском языке	Версия на русском языке
Качественные	Clean	–
	Neat	–
	Pretty	Мила
	Lovely	Прелестна
	Little	Маленькой
	White	Белом
	Lovely	Чудесные
	Prettier	Лучшего
	Rich	Лучший
	New	Новое
	Big	Большой
	Shiny	–
	Lovely	Прелестные
	Very well	–
	Beautiful	–
	Long	Длинных
	Black	Черных
	Stiff	–
	Ruff	Круглых
	Holy	Святом
	Grown-up	Взрослой
	–	Торжественные
	–	Церковного
	–	Мелодичное
	–	Чистых
	Shameful	–
	Beautiful	Чудная
	Sunny	Солнечная
	Dusty	–
	Curious	Странною
Red	Рыжая	
White	Седая	
Lovely	Славные	
Golden	Золотая	
–	Волшебную	
Terrible	–	
Ill	–	
Be nursed	–	
Proper	–	
Great	Большой	

Разряды имен прилагательных	Примеры имен прилагательных	
	Версия на английском языке	Версия на русском языке
Качественные	Sinful	–
	Gloomy	Темного
	Most horrible	Ужаснее всего
	Bitter	Дикою
	Open	Открытых
	Hard	Строго
	Grave	Серьезно
	Broad	Широкий
	Shining	Блестящий
	Pale	–
	Cold	–
	Proud	Гордый
	Vain	Тщеславные
	–	Знакомой
	Dead	–
	Abandoned	–
	Cursed	–
	Dark	Темною
	Wicked	Дурным
	Tiny	–
	Deep	–
	Terrified	–
	Heavy	Горькими
	As good as	Не хуже
	–	Прилежной
	Good	Добрых
	Diligent	Тиха
	Pensive	Задумчива
	–	–
	–	Страшную
	Sharp	Острый
	Green	Зеленую
Narrow	Узкая	
Right	–	
Soft	Нежными	
Bright	Ясного	
Относительные	Wooden	Деревянных
	Straw	Соломенным
	Morocco-leather	Сафьяновые
	Glass	–

Разряды имен прилагательных	Примеры имен прилагательных	
	Версия на английском языке	Версия на русском языке
Относительные	–	Городской
	Patent	Лакированные
	–	Плоеных
	Dancing	Бальные
	–	Лесную
	–	Терновые
	Lonely	Уединенного
	–	Оконное
	Next	Следующее
	Притяжательные	Her
His		–
Their		–
–		Графской дочки
Parsons'		–
–		Детских голосов
Karen's		–
Lord's		–
Pauper's		–
Angel's		–
God's angel		Ангелом господним
–		По милости божьей

Благодаря полученным данным, классифицированным в таблице (табл. 1), видно, что в некоторых случаях варианты переводов имен прилагательных отсутствуют, полагаем для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на данном эпизоде.

Все перечисленные примеры в настоящей статье приведены без изменения (так, как они даны в текстах переводных вариантов сказки).

Следующим этапом в исследовании был подсчет всех выделенных нами примеров имен прилагательных и составление итоговой в количественном отношении таблицы (табл. 2).

Таблица 2.

Количество примеров имен прилагательных в тексте на двух языках.

№ п/п	Разряды имен прилагательных	Количество примеров имен прилагательных	
		на английском языке	на русском языке
1	Качественные	81	66
2	Относительные	8	12
3	Притяжательные	9	4
Итого:		98	82

Таким образом, согласно табл. 1 составлена табл. 2, в которой представлены количественные показатели. Следует отметить, что в переводных работах чаще употребляются качественный разряд (в английской версии произведения – 81 единиц, в русской – 66 единиц).

2. Тематические параметры

Далее мы выявили и классифицировали основные тематические параметры текста Г.Х. Андерсена на двух языках и продемонстрировали все примеры, отобранные с помощью метода сплошной выборки из обеих переводных версий (табл. 3).

Таблица 3.

Классификация примеров.

Тематические параметры	Примеры	
	на английском языке	на русском языке
Люди	Girl	Девочка
	Mother Shoemaker	Старушка-башмачница
	Mother	Матери
	Lady	Барыня
	Parson	Священнику
	People	Люди
	Queen	Королева
	Daughter	Дочерью
	Princess	Принцессой
	Mother Shoemaker	Башмачница
	People	Народ
	Shoemaker	Башмачник
	Lady	Госпожой
	Parsons	Пасторов
	Parsons' wives	Пасторш
	Christian	Христианкой
	Choirmaster	Регент
	Soldier	Солдат
	Coachman	Кучеру
	Person	–
	Dead	Мертвые
	Children	Дети
	Executioner	Палач
Sinners	Грешники	
Wife	Жена	
Family	Домашними	
Choir	Хора	
Растения	Field	Поле
	Forest	Леса

Тематические параметры	Примеры	
	на английском языке	на русском языке
Растения	Ground	Земли
	Trees	Деревьев
	Meadow	Лугам
	Tansy	Рябинкой
	–	Лесную чащу
	–	Терновые кусты
	Thorns	Колючки
	Stubble	–
	Heath	Открытое поле
	Branch	Ветвь
	Roses	Розами
Географические понятия	Village	Деревня
	Summer	Летом
	Winter	Зимой
	Land	Стране
	Path	Тропинке
	City	Городе
	Street	Улицу
	Moon	Месяц
	Rain	Дождь
	Sunny weather	Солнечная погода
	Sunshine	Солнечную погоду
	Night	Ночью
	Day	Днем
	Nighttime	Ночью
	Roads	Дорогам
	Morning	Утром
	–	Камням
	Evening	Вечерам
	Sun	Солнцем
	Sunshine	Солнышка
Sunshine	Светом	
Wind	Ветер	
Части тела	Feet	Ноги
	Eyes	–
	Head	Голову
	Hand	Руки
	Knelt	Колена
	Lips	Устам
	Face	Лицо
	Shoulders	Плечами

Тематические параметры	Примеры	
	на английском языке	на русском языке
Части тела	Skin	–

Данные о количественном составе тематических параметров, полученные в процессе исследования текста в переводах, структурированы в табл. 4.

Таблица 4.

Итоговые показатели.

№ п/п	Тематические параметры	Количество примеров тематических параметров	
		на английском языке	на русском языке
1	Люди	27	26
2	Растения	11	12
3	Географические понятия	21	22
4	Части тела	9	7
Итого:		68	67

На основании информации таблицы (табл. 4), можно заметить, что в количественном соотношении наиболее часто автором сказки и, соответственно, переводчиками описываются люди, реже – части тела.

В проведении исследования переводных текстов сказки «Красные башмаки» также были выделены:

- **синонимы:** калитку (*gate*) – ограду (*gate*); дорогам (*roads*) – тропинкам (*paths*); страдала (*have suffered*) – мучилась (*have struggled*); тиха (*diligent*) – задумчива (*pensive*); блестят (*shine*) – осияло (*shone*); дотронулся (*touched*) – коснулся (*touched*); богом (*God*) – господи (*God*); светом (*sunshine*) – миром (*contentment*) – радостью (*happiness*); маленькой (*little*) – tiny (–); все (*everybody*) – все (*everyone*); отдайте (*give to*) – протянула (*stretched out*).
- **антонимы:** чистых (–) – пыльно (*dusty*); не удержалась (*couldn't help it*) – продолжали (*kept on*); не могла остановиться (*couldn't stop*) – продолжали (*kept on*); отдайте (*give to*) – взять (*grab hold of*); вправо (*to the right*) – влево (*to the left*); деревне (*village*) – город (*city*); надеть (*put on*) – сбросить (*to throw away*); дождь (*rain*) – солнечную погоду (*sunny weather*); ночью (*night*) – днем (*day*) – утром (*morning*) – вечерам (*evening*); жила (*lived*) – умерла (*was dead*); выйди (*come out*) – войти (*come in*); широкий (*broad*) – узкая (*narrow*).

Такой знак (–) обозначает то, что в английской или в

русской версии отсутствует лексическая единица.

Интерпретация текста сказки Г.Х. Андерсена «Красные башмаки»

Далее в статье сделаем попытку в интерпретации смыслового содержания текста сказки. Итак, главная мысль сказки заключается в совершении греха и покаянии в нем. Истинные христиане, приходя в церковь, не должны думать ни о чем другом, кроме как о Боге. Карен совершила грех, надев красные башмаки при посещении службы, проводимой церковью, и еще больший – когда пошла на бал, в то время, когда приемной матери было очень плохо. Лишь искреннее раскаяние спасло ее душу от страданий. То есть, как бы ни было ценно и дорого то, из-за чего ты не можешь поступать как должен – придется от этого отказаться. И если бы девочка вовремя отказалась от посещений церкви в вызывающей обуви, или хотя бы от бала, когда благодетельница была при смерти, ей не пришлось бы отказаться от большего – своих ног. И только искреннее раскаяние снова поможет войти в церковь и приведет к спасению.

Во многих отношениях очень сюрреалистичный и странный центральный мотив «Красных башмаков» – башмаки, почти комично танцующие против воли своего владельца, – это то, что делает историю такой мощной. Г.Х. Андерсен мог бы привлечь внимание девочки к яркой шали (которая затем туго обволакивала ее, пока не задушила) или красивому платью (которое становилось все теснее и т.д.), но выбор обуви, ассоциирующийся с весельем и легкомыслием танцев, вдохновляет, потому что постоянно привлекает внимание к туфлям главной героине – Карен, заставляя ее ненавидеть внимание, которое они к ней привлекают, и то, как они ее изнашивают, когда они отправляют ее через весь город и за его пределы.

Она принесла необходимую жертву, чтобы очистить свою душу и быть готовой попасть на небеса, где, по словам рассказчика, «никто не спросил ее о красных башмаках» [8].

Заключение

В результате исследования были выделены имена прилагательные, тематические параметры, представленные в текстах переводов сказки Г.Х. Андерсена на английском и русском языках. Были проведены количественный и сравнительный анализ двух переводов и сделаны выводы по их содержанию. Результаты, полученные в процессе исследования, можно использовать в подготовке дидактического и практического материала для занятий по английскому и русскому языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии // Научный диалог. 2021. № 12. С. 89–105. DOI:

- 10.24224/2227-1295-2021-12-89-105.
2. Марьянчик В.А., Попова Л.В. Семантика имен прилагательных в повести Ф.А. Абрамова «Деревянные кони» (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1. С. 61–66. DOI 10.30515/0131-6141-2020-81-1-61-66.
 3. Семенова С.Н., Жандарова А.В., Секунов Д.Н. Когнитивно-прагматическая характеристика романа С. Кинга «Кладбище домашних животных»: опыт компаративного анализа оригинального и переводного текстов // Этническая культура / Ethnic Culture (2023). Т. 5 №. 3. С. 49–56.
 4. Семенова С.Н., Жандарова А.В., Матлахова В.С. Различия между оригиналом и переводом текста художественной литературы (на примере рассказа Дж. Лондона «Воздушный шантаж» на английском и русском языках) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 184–187. DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.30. EDN KEIQQN.
 5. Семенова С.Н., Жандарова А.В., Симонян М.С. Лексические особенности текста сказки: опыт сравнительного анализа (часть I) // Власть истории – История власти. 2024. Т. 10. Ч. 2. № 52. С. 75–85.
 6. Andersen H.Ch. Andersen's Fairy Tales. USA: Signet Classics, 2013. 378 p.
 7. De røde Skoe (Красные башмаки) / Г.Х. Андерсен, А. и П. Ганзен // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. 2014. URL: http://az.lib.ru/a/andersen_g_h/text_0350.shtml (дата обращения: 20.11.2023 г.).
 8. Dr. Oliver Tearle A Summary and Analysis of Hans Christian Andersen's 'The Red Shoes' Fairy Tale // Interesting Literature. 2022. URL: <https://interestingliterature.com/2022/03/andersen-red-shoes-summary-analysis/> (дата обращения: 20.11.2023 г.).
 9. Srailova A.B., Baranova K.M., Kalioppin A.K., Knyazeva Y.G., Sergeeva O.V. Linguostylistic specifics of the pragmatic and symbolic realization of the English poetic discourse // XLinguae. April 2021. Vol. 14. P. 215–226. DOI 10.18355/XL.2021.14.02.16. EDN RDJFZN.

© Семенова София Новиковна (sofiya.semenova75@yandex.ru), Любина Ирина Михайловна (docent.lubina@mail.ru),
Симонян Мария Семеновна (mariyasimonyan04@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВЫЙ АСПЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АВТОРСКОГО ПРАВА

Татуев Али Талинович

Аспирант, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
ali.tatuev@icloud.com

THE COGNITIVE-FRAME ASPECT OF ENGLISH-LANGUAGE COPYRIGHT TERMINOLOGY

A. Tatuev

Summary: Industry scientific terminology develops within the framework of a professional subject field, that is, it correlates with a certain denotative area. The development of the denotative domain is reflected in the structural-semantic and cognitive content of the lexical terminological field. Copyright and protection of rights in the field of intellectual activity represents a specific area of legal knowledge, which can be represented as a frame structure that forms a terminological field at the linguistic level. Copyright is a set of legal norms governing relations arising in connection with the creation and use of works of literature, science and art. Copyright protects the property and non-property interests of authors, thereby ensuring the maximum development of their creative activity, and promotes wide dissemination among the population. The terminology of copyright and its protection is divided into groups and subgroups, thematic series and micro complexes forming a field. The thematic series is formed around the reference word, which acts as a specific concept. The lexemes forming the thematic series reflect less generalized, specific concepts.

Keywords: term, frame, slot, object, subject, derivation. cognition, frame, terminology, term, semantics.

Аннотация: Отраслевая научная терминология развивается в рамках профессионально-предметного поля, то есть соотносится с определенной денотативной областью. Развитие денотативной области отражается на структурно-семантическом и когнитивно-познавательном содержании лексического терминологического поля. Авторское право и защита права в сфере интеллектуальной деятельности представляет специфическую область юридического знания, которое может быть представлено как фреймовая структура, которая на языковом уровне формирует терминологическое поле. Авторское право – совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений литературы, науки и искусства. Авторское право охраняет имущественные и неимущественные интересы авторов, обеспечивая тем самым максимальное развитие их творческой деятельности, способствует широкому распространению среди населения. Терминология авторского права и его защиты подразделяется на группы и подгруппы, тематические ряды и микрокомплексы, образующие поле. Тематический ряд формируется вокруг опорного слова, выступающего в виде видового понятия. Лексемы, образующие тематический ряд, отражают менее генерализованные, конкретные понятия.

Ключевые слова: термин, фрейм, слот, объект, субъект, деривация. когниция, фрейм, терминология, термин, семантика.

Введение

Отдельно взятый юридический текст представляет собой часть особой терминологической системы. Когнитивно-деривационная и социальная сущность юридической лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям. В юридической терминосистеме существует «особое распределение структурно-понятийных, деривационных, лексических единиц и функциональных параметров, которые обладают особыми признаками и закономерностями, значениями для сфер юридической деятельности, в которых они функционируют» [2, с. 25-26]. Социальные знания, социокультурная специфика коммуникации в той или иной профессиональной сфере образуют специфический фрейм профессионального взаимодействия. Денотативная область профессиональной сферы вербализуется в специфических высказываниях, дефинициях [1, с. 41]. Юридический дискурс представлен несколькими фреймами. Совокупность фреймов, их структура

и содержание соотносятся с тематикой и коммуникативно-прагматической ситуативностью [5, с. 19]. Одним из таких фреймов выступает система понятий, связанных с профессиональной сферой авторского права.

Основные результаты

Лингвистическая семантика строится на общих когнитивных проявлениях категоризации и концептуализации знания [11, с. 105]. В значении лексической единицы отражена часть знания, которое структурируется в памяти человека в виде когнитивных моделей, сценариев, фреймов, схем, пропозиций и т.д. [3]. Фреймовая модель специализированного знания находит свою языковую реализацию в рамках соответствующей терминологии. Фреймовая семантика рассматривает специальную терминологию как специфическую систему, в которой сам фрейм выступает в роли понятийной основы, которая регулирует языковую форму и содержание искомой когнитивной структуры. Таким образом, фрейм выступает в роли процедурного механизма, связывающего когни-

тивный и языковой уровни высказывания. Различные аспекты многомерной когнитивной структуры находят отражение в элементах фрейма, выступающего в роли инструмента структурирования терминосистемы, в рамках которой объединяются характерные языковые формальные и содержательные компоненты [4; 6; 8; 9; 10].

Фрейм предстает наиболее эффективной когнитивной моделью анализа структуры знания, относящейся к сфере авторского права. Фрейм отвечает требованию иерархического представления специализированного знания в виде цепочки фрейм - подфрейм- слот-подслот, способствующего выстраиванию гиперо-гипонимических (родо-видовых) связей. Особенностью представленной языковой модели является осознание сферы англоязычного авторского права как понятийного поля. На языковом уровне оно представлено в виде смыслового концептуального поля, состоящего из различных сегментов – ядерных и периферийных когнитивных признаков. Фрейм – это когнитивный контекст социально и культурно-обусловленного знания, общего для определенного говорящего сообщества или его части. Часто понятие фрейма соотносится с понятием сценария, которым обозначают типичную ситуацию, восходящую к прототипу.

Терминосистема авторского права отражает структуру специального знания, репрезентируемая разноструктурными лексическими единицами, образующими определенный фрейм. Фрейм представляет собой иерархическую структуру, все уровни которой несут специфическую информацию, касающуюся авторского права. Соотношение блоков внутри фреймовой модели обусловлено содержанием терминов и их местом в целом в терминосистеме. Все отраслевые терминологии имеют сходную структуру, формируемую двумя векторами развертывания – вертикального, условно обозначающего видовую детализацию, - горизонтального, соответствующего, обозначающего родовое разнообразие.

Англоязычная терминология авторского права включает два термина, которые практически равнозначны по своему понятийному объему - rights- право и copyright- авторское право [12]. Логично предположить, что второе сложносокращенное слово обозначает родовое понятие по отношению к первому - видовому. Но собранный материал показывает, что термин rights- по сути дублирует copyright-, что отразится на построении нашей фреймовой модели. Вершиной модели является ячейка - имя фрейма Copyright - Авторское право [12].

Сфера авторского права многоаспектна и включает различные сегменты. Следовательно, второй уровень фреймовой структуры сферы авторского права представлен подфреймами. Фреймовая модель авторского права включает в себя различные подфреймы, среди

которых можно выделить: субъекты авторского права; объекты авторского права; виды авторского права; сферы его применения; нарушения авторского права; защита авторского права; документы, относящиеся к авторскому праву и т.д.

В рамках статьи нами представлен анализ подфрейма «Виды авторского права», состоящий из структурных единиц более низкого уровня. Данный подфрейм распадается на слоты, в которых:

1. локализована информация о распределении конкретных типов авторского права;
 2. заложена информация о праве на какое-либо действие.
1. Proprietary rights- Имущественные права [12]; Exclusive rights - Исключительные права [12]; Intellectual property Right – право на интеллектуальную собственность [12]; Moral rights- моральные права [12]; Masterrights –право издателя, смежные права [12]; Copyright and associated rights –авторское право и смежное право [12]; Common-law Copyright –авторское право, основанное на общем праве [12]; Author's right -Первоначальное авторское право [12]; Derivative author's right -производное авторское право [12]; Artistic Copyright – художественное авторское право [12]; Restored Copyright -восстановленное авторское право [12]; Statutory Copyright – установленное законом авторское право [12]; International Copyright law - международное авторское право [12] и т.д.
 2. Right to control the reproduction of the work- Право контролировать воспроизведение произведения [12]; Right to control the making of derivative works -Право контролировать создание производных работ [12]; Right to control the distribution of the work - Право контролировать распространение произведения [12]; Right to control the public performance of the work- Право контролировать публичное исполнение произведения [12]; Right to control the public display of the work- Право контролировать публичный показ произведения [12]; Right to perform a sound recording publicly by means of digital audio transmission - Право на публичное исполнение звукозаписи посредством цифровой аудиопередачи [12] и т.д.

Лексические единицы, отражающие и формирующие данный подфрейм, образуют сложную структуру на словообразовательном и содержательном уровнях. Приве-

денные примеры содержат конкретные вербализаторы, такие как частотный термин – rights, обозначающий отдельные виды авторского права, так и терминологическое словосочетание - Right to control..., выступающие опорными языковыми единицами, в которых содержится основное понятие.

Заключение

В нашей статье мы ограничились обозначением основных подфреймов, и анализом единиц второго порядка – слотов, образующих один подфрейм «Виды ав-

торского права». Построенная нами общая фреймовая структура и основанная на ней фреймовая модель авторского права – один из способов представления юридического знания и правоприменения в области защиты интеллектуальной собственности, концептуально представленная в виде иерархической структуры, благодаря которой выясняются: опорные и дифференциальные признаки понятия, оформленного на уровне языка виде соответствующего термина; место понятия в профессиональной денотативной области с одновременным пониманием логико-предметных связей с другими понятиями, существующими в системе авторского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997.
2. Буянова Л.Ю. Когнитивно-семантический и социальный потенциал языка правотворчества и правоприменения: достижения, проблемы, перспективы / Сб. науч. тр. - Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003 - С. 24-33 (32).
3. Горбунова, Н.Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014. -247 с.
4. Гусева И.Г. Когнитивно-дискурсивный анализ межотраслевой экономической терминологии в области рыбного промысла (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. -25 с.
5. Ивановская И.П. Терминологизация как функция языка и культуры: Системно-языковые, социально-культурные и функционально-коммуникативные характеристики русско- и англоязычных терминов налогового права: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Пятигорск, 2009. - 22 с.
6. Никонова Ж.В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур//Вестник ТГУ. - Томск, 2007. Вып. 6(50). С.229-234.
7. Раздубев А.В., Хакиева З.У. Изучение явления сочетаемости слов в рамках зарубежных и отечественных научных изысканий// Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. №4. С.203-209.
8. Раздубев, А.В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно—семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. -242 с.
9. Рябко О.П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке: когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация: дис. ... док. филол. наук. Пятигорск, 2003. -409 с.
10. Хакиева З.У. Англоязычная терминосистема строительства и строительных технологий: структура, семантика и доминанта развития: дис. ... канд. филол. наук: Пятигорск, 2013. - 225 с.
11. Jackendorff R.S. Conceptual Semantics and Cognitive Linguistics// Cognitive Linguistics.V.7/1/1996.
12. <https://dictionary.cambridge.org/>

© Татыев Али Талинович (ali.tatuev@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКИ ПЕРЕВОДОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА «ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА»)

AUTOMATIC VERIFICATION SYSTEM FOR RUSSIAN-CHINESE TRANSLATIONS (BASED ON THE MATERIAL OF "PRACTICAL COURSE OF THE CHINESE LANGUAGE")

**O. Te
K. Soloshenko**

Summary: The article presents a variant of an automatic verification system for Russian-Chinese translations. The system is implemented as a Python program following a rule-based approach with enhanced regular expressions and a Joseph Rézeau algorithm in its core. Research methods - description method, contextual analysis, structural and semantic analysis method, modeling method. "Practical course of the Chinese language" (A.F. Kondrashevsky, M.V. Rumyantseva, M.G. Frolova) was used as a research material.

Keywords: computer linguodidactics, translation verification, Chinese, regular expressions, Python.

Тё Ольга Евгеньевна

*Кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
tyo_olga@bmstu.ru*

Солошенко Кирилл Александрович

*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
ska20ya025@bmstu.ru*

Аннотация: В данной статье представлен вариант реализации системы автоматической проверки переводов с русского языка на китайский. Система базируется на алгоритме Джозефа Резо и регулярных выражениях и реализована в виде Python-программы. Методы исследования - метод описания, контекстуального анализа, метод структурно-семантического анализа, метод моделирования. Материалом исследования послужил учебник «Практический курс китайского языка» (А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева, М.Г. Фролова).

Ключевые слова: компьютерная лингводидактика, проверка переводов, китайский язык, регулярные выражения, Python.

Введение

Несмотря на то, что на данный момент уже существует достаточно большое количество цифровых лингводидактических инструментов, эффективность которых в процессе обучения различным аспектам китайского языка доказана на практике, тем не менее до сих пор не разработана программа, позволяющая автоматически проверять качество выполнения учебных переводов с русского языка на китайский. В частности, для учебника «Практический курс китайского языка» (А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева, М.Г. Фролова, под общей редакцией А.Ф. Кондрашевского) [1], входящего в перечень основной учебной литературы в рабочих программах по китайскому языку во всех ведущих университетах России, всё ещё не налажена проверка заданий на перевод с русского языка на китайский.

Обзор существующих решений

В работе О.А. Сычева, Д.П. Мамонтова «Автоматическое определение ошибок в порядке расположения лексем в ответах на вопросы с открытым ответом в СДО Moodle» [2] предложен такой вариант решения задачи: правильный ответ разбивается на лексем, при этом каж-

дой лексеме может быть назначен некоторый тип (рисунок 1). В этом случае входная строка для проверки сравнивается с существующей строкой, после чего программа показывает «картинку правильного ответа» (рисунок 2). Решение с разбиением ответа на лексем, помимо генерации «картинок с правильным ответом», позволяет в том числе точно давать студенту подсказки, такие как, например, вывод на экран пропущенной (либо неверно использованной) лексемы или ее описание.

Заметим, что вышеописанный подход хорошо работает для проверки задач по основам программирования, либо по английскому языку на уровнях А1–А2, т.к. зачастую в этих областях на начальных этапах имеется либо всего один правильный ответ на вопросы с открытым ответом, либо минимальная лексическая вариативность.

В китайском языке на уровнях А1–А2 присутствует не только лексическая, но и грамматическая вариативность (например, в конструкции «общий вопрос» с вопросительной частицей 吗 и конструкции «утвердительно-отрицательная форма вопроса» типа «是不是»). Из-за этого количество кардинально отличающихся друг от друга верных ответов сильно возрастает. Так, для верного ответа с вариативностью по 3 в 4 местах по правилу

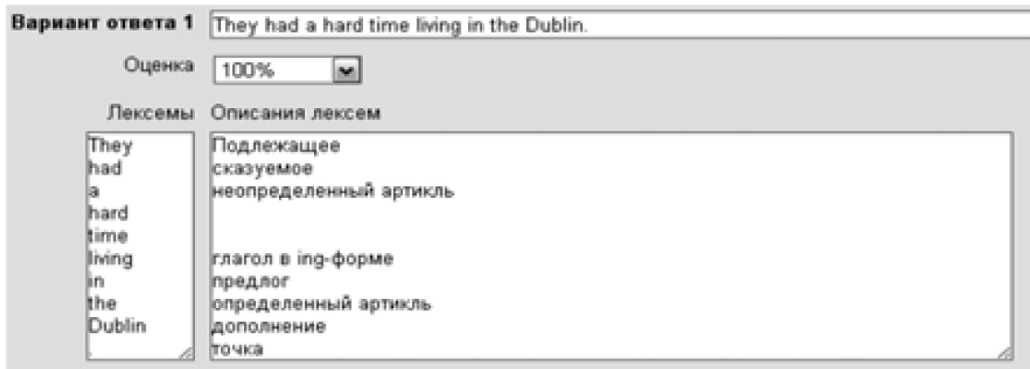

Рис. 1. Представление верного варианта ответа в лексическом виде

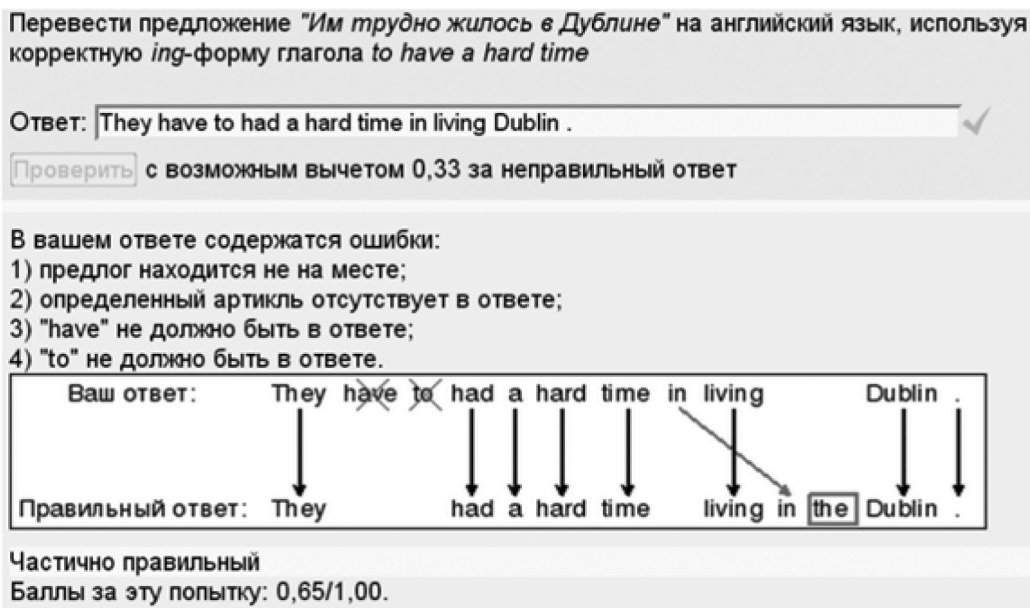

Рис. 2. Результат проверки ответа лексическим методом

произведения из комбинаторики получим $3 \times 3 \times 3 \times 3 = 81$ правильный вариант ответа. Для каждого из них придется расписать вариации комбинаций лексем и / или поправить токенизацию. Для обработки китайского языка лучше подойдет система с более общим, возможно формальным описанием вариативных случаев.

Рассмотрим подход, предложенный французским лингвистом Джозефом Резо, который используется по умолчанию в системе Moodle [3]. Данный подход предлагает построение такого множества строк, которое совпадает с регулярным выражением, описывающим множество верных ответов. Таким образом, можно не только автоматически проверять несоответствия входной строки регулярному выражению, но и разработать систему автоматически генерируемых подсказок. Такие подсказки могут автоматически подставлять отсутствующие элементы в лексему (например, пользователь пишет «cat», тогда как необходимо написать «cats»: система добавит суффикс множественного числа, если пользователь запросит подсказку), а также выделяет лишние элементы.

Основной минус такого подхода заключается в выбранном алгоритме проверки: попытка построения всех удовлетворяющих регулярному выражению строк исключает возможность использования операторов с открытой границей «+» и «*». Кроме того, количество обрабатываемых строк при использовании такого подходакратно увеличивается в зависимости от количества вариативных мест в регулярном выражении. Иными словами, для вариативности по 2 в 10 местах получаем 1024 возможных варианта для обработки.

Это сильно ограничивает возможность использования такого подхода при проверке заданий по основам программирования. Однако, например, в заданиях, направленных на перевод с родного языка на иностранный (или наоборот) вероятность возникновения необходимости использования операторов «+» и «*» по очевидным причинам стремится к нулю: вряд ли при переводе когда-либо потребуется повторить некоторое слово бесконечное количество раз. Второй минус подхода – увеличение количества строк на проверку – может

быть нивелирован грамотным подбором структуры данных, на базе которой разработчик системы реализует алгоритм проверки.

В работе О.А. Сычев, В.О. Стрельцов «Использование шаблонов в виде регулярных выражений в тренировочных и контрольных тестовых вопросах с открытым ответом» [4] расширены методы Джозефа Резо в области проверки вопросов с открытым ответом средствами регулярных выражений. В частности, в проверочный движок добавлен алгоритм поиска наименьшей дельты входной строки и регулярного выражения.

Важным преимуществом данного подхода является разработанная авторами система меток для групп регулярных выражений, с помощью которой разработчик заданий может добавлять пояснения к подсказкам для студентов. Этим новшеством вдохновлена предложенная в настоящей работе система регулярных выражений с дополнительным синтаксисом.

Алгоритм вычисления дельты строки и регулярного выражения

Разработанный нами подход реализован в виде программы на языке программирования Python и описан на её примере. Она принимает 2 аргумента:

1. Путь к файлу, содержащему предложения для проверки, строка.
2. Путь к файлу, содержащему регулярные выражения с дополнительным синтаксисом, описывающие верные варианты перевода.

Оба файла имеют следующий формат: первая строка содержит метаинформацию, все последующие – пронумерованные строки с текстом. Нумерация в этом случае

помогает сопоставить строки-переводы соответствующим им регулярным выражениям.

При разработке движка за основу нами был взят алгоритм проверки Джозефа Резо с некоторыми доработками. Для каждой строки-перевода вычисляется минимальная ее дельта с соответствующим регулярным выражением. Происходит это путем построения всех возможных вариантов строк, соответствующих данному регулярному выражению. При этом потенциальных проблем с памятью удалось избежать путем привлечения встроенных в Python генераторов [5], использующих ленивые вычисления. После этого пропущенные во входной строке символы маркируются знаком «+», лишние – знаком «-», возвращается результат работы программы. Так, например, в результате сравнения входной строки «3. 你进, 请. 你喝茶吗? », и регулярного выражения «3) 请进. (你|您)喝茶吗? » на выходе получается такой результат: «-你+请进-, -请. 你喝茶吗».

Представленные в таком виде данные можно преобразовать в любой другой формат для последующей обработки. Например, обернуть соответствующие элементы в HTML-теги (в представленном случае случае – «span» [6]), добавить CSS-стили [7], и таким образом создать удобное браузерное представление (рисунок 3).

Регулярные выражения с дополнительным синтаксисом

По мере разработки регулярных выражений для проверки открытых ответов на естественном языке является некоторое количество типовых, шаблонных конструкций. Для облегчения разработки и улучшения читаемости и без того путаных регулярных шаблонов целесообразно часть регулярных конструкций вынести

- 1) 你好, 王老师! 你好. 欢迎, 欢迎, 请进. 进请。
- 2) 你好吗? 我很好。
- 3) 请进. 您喝茶吗?
- 4) 这是中国的茶. 中国的茶很好。
- 5) 请喝茶啤酒. 你喝什么píjiǔ? 我喝德国píjiǔ. déguó píjiǔ很好。
- 6) 请吸烟. 我不吸烟。
- 7) 你喝kāfēi吗? 谢谢. 不客气。

Рис. 3. Результат работы программы в виде HTML-элемента

за дополнительный синтаксис. Основная идея введения дополнительного синтаксиса заключается в том, что шаблоны, написанные при помощи него, можно перекомпилировать в обычные регулярные шаблоны. Так можно, например, избавиться от длинных цепочек «ИЛИ» (в регулярном синтаксисе обозначаются вертикальной чертой «|» [8]), либо от большого количества вложенных группировок (конструкций в скобках «()»).

Всего было представлено два варианта шаблонов дополнительного синтаксиса:

1. Директива вида « <<[name] [data] >> » – внетекстовая конструкция с именем «name». Всегда прописывается непосредственно перед текстом шаблона регулярного выражения. Данные «data», прописываемые в ней, добавляются в блок метаданных объекта регулярного выражения. В дальнейшем эти данные могут быть использованы для шаблонизации, принятия решений и пр.
2. Директива вида « <[name] [data] > » – внутритекстовая конструкция с именем «name». Текст внутри нее обрабатывается некоторой функцией, после чего результат выполнения этой функции подставляется в текст вместо этой конструкции.

По умолчанию вместе с представленной программой поставляются одна внетекстовая директива «Vars» и две внутритекстовых: «Include synonyms» и «Include pinyin».

В блоке «Vars» описываются переменные, которые можно использовать в тексте шаблона регулярного выражения. Синтаксис переменных был взят из языка программирования PHP [9]. Каждая переменная должна начинаться с символа «\$», её значение всегда должно заканчиваться символом «;». Переменные нельзя переиспользовать друг в друге во избежание бесконечных циклов, однако использование дополнительных директив разрешено. Ниже приведён пример её использования:

`<<vars $a=外语学院的宿舍, 六层六〇七号; >>`你(在哪儿住|住哪儿)? 我(在\$a住|住\$a)。 → 你(在哪儿住|住哪儿)? 我(在外语学院的宿舍, 六层六〇七号住|住外语学院的宿舍, 六层六〇七号)。

При использовании директивы «include synonyms» программа будет так же рассматривать синонимы слова, находящегося внутри директивы. Ниже приведён пример её использования:

这是<s汉语>词典。 → 这是(汉语|中文)词典。

При использовании директивы «include pinyin» программа так же будет рассматривать пиньинь слова, находящегося внутри директивы. Пиньинь определяется как стандартная система транскрипции китайских иероглифов латинскими буквами. Ниже приведён пример её использования:

这是留学生的<p本子>。 → 这是留学生的(本子|bēnzi)。

Система дополнительного синтаксиса организована таким образом, чтобы пользователь, знакомый с программированием на языке Python, мог внедрить директивы собственной разработки. Для создания новой директивы требуется в файле `user_rules.py` написать функцию, принимающую на вход один аргумент – строку, и возвращающую строку. После этого директиву следует зарегистрировать в словаре `RULES`, находящемся в том же файле. Ключом при этом должен является символ или набор символов, определяющий имя директивы, а значением – ссылка на функцию. Произведя эти действия, пользователь сможет использовать собственные директивы в регулярных выражениях с дополнительным синтаксисом.

Например, таким образом можно составить директиву, описывающую все варианты конструкции продолженного времени «正在。。。呢»:

```
def zhengzaine(string: str) -> str:
    a1 = f»正在{string}呢»
    a2 = f»正在{string}»
    a3 = f»在{string}呢»
    a4 = f»在{string}»
    return f»({a1}|{a2}|{a3}|{a4})»
RULES[«正在»] = zhengzaine
```

Вывод

В рамках настоящей работы была создана программа для проверки переводов с русского на китайский язык (на материале учебника «Практический курс китайского языка»). Отдельно стоит отметить, что данной разработкой могут использовать преподаватели для проведения контрольно-оценочных мероприятий или студенты для самоконтроля. Кроме того, разработанная программа не только автоматически проверяет работу, но и выявляет ошибки. Таким образом, полученные данные помогают студентам и преподавателям проанализировать результаты и выполнить дополнительно ряд заданий на отработку определенных грамматических правил или лексики, в которых были зафиксированы ошибки.

В рамках работы над данным проектом был разработан алгоритм проверки переводов на основе регулярных выражений, основанный на алгоритме нахождения дельты строки и регулярного выражения Джозефа Резо. Были созданы регулярные выражения с дополнительным синтаксисом, включающим систему переменных и пользовательские директивы. Пользовательские директивы регулярных выражений с дополнительным синтаксисом разработаны таким образом, чтобы пользователь мог добавлять свои собственные директивы, не обладая глубокими знаниями программирования в целом и архитектуры приложения в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.Ф. Кондрашевский. — 11-е изд., испр. — М.: Восточная книга, 2010. — 768 с.
2. Сычев О.А., Мамонтов Д.П. Автоматическое определение ошибок в порядке расположения лексем в ответах на вопросы с открытым ответом в СДО Moodle // Открытое образование. — 2014. — №. 2. — С. 79-88.
3. Regular Expression Short-Answer question type // docs.moodle.org URL: https://docs.moodle.org/403/en/Regular_Expression_Short-Answer_question_type (дата обращения: 14.04.2024).
4. Сычев О.А., Стрельцов В.О. Использование шаблонов в виде регулярных выражений в тренировочных и контрольных тестовых вопросах с открытым ответом // Открытое образование. — 2015. — №. 2. — С. 38-45.
5. Generators // Python Wiki URL: <https://wiki.python.org/moin/Generators> (дата обращения: 15.04.2024).
6. Tag // htmlbook.ru URL: <https://htmlbook.ru/html/span> (дата обращения: 21.04.2024).
7. Meyer E.A. CSS: The Definitive Guide: The Definitive Guide. — «O'Reilly Media, Inc.», 2006.
8. re — Regular expression operations // Python.org URL: <https://docs.python.org/3/library/re.html> (дата обращения: 10.09.2023).
9. Variables basics // PHP.net URL: <https://www.php.net/manual/en/language.variables.basics.php> (дата обращения: 10.09.2023).

© Тё Ольга Евгеньевна (tyo_olga@bmstu.ru), Солошенко Кирилл Александрович (ska20ya025@bmstu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СООТНОШЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Христофорова Наталья Игоревна

*Канд. филол. наук, доцент, Московский авиационный институт
n_khristoforova@mail.ru*

THE RELATIONS OF VERBAL AND NON-VERBAL IN THE GERMAN- LANGUAGE POLYCODE TEXT: BASED ON THE MATERIAL OF POPULAR SCIENCE TEXTS

N. Khristoforova

Summary: The article presents an analysis of polycode popular science texts in German aimed at identifying the relationships between its verbal and non-verbal components. The study identified four main types of such relationships – interaction, complementation, duplication, and duplication with complementation. Their diversity allows non-specialist readers to interpret the text from various perspectives. The author's task, in turn, is to establish frameworks for perceiving the text, leading the reader to agree with their opinions, evaluations of facts, conclusions, or internalize them as their own. To ensure these conditions and a clear understanding of the author's presentation, an appropriate combination of verbal and non-verbal elements must be selected in each case.

Keywords: popular science text, verbal, non-verbal, polycode text, connection, picture.

Введение

Тексты с преобладанием визуального компонента занимают значимую позицию в истории развития человека. Как отмечают исследователи, такие тексты были «очень важны в течение тысячелетий, когда подавляющая часть людей не умела писать и читать. Затем большинство людей стало грамотными, они эффективно коммуницировали с помощью вербальных текстов» [8, с. 79].

Несмотря на прошедший переход к вербальной основе, развитие технологий и Интернета помогает снова внедрить в текст визуальные элементы, расширяя спектр доступных автору инструментов. Так, «постепенно глобальная сеть «Интернет» превращается в своеобразную жанропорождающую среду» [5, с. 203].

Своеобразным новым жанром является поликодовый текст, сочетающий не только вербальный и визуальный компоненты, но также и аудиальный и иные. Согласно определению Ейгер Г.В и Юхта В.Л., «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового

Аннотация: В статье проведен анализ поликодовых научно-популярных текстов на немецком языке с целью выявления отношений между вербальными и невербальными компонентами. Исследование выявило четыре основных типа таких отношений – взаимодействие, дополнение, дублирование, дублирование и дополнение. Их многообразие позволяет читателям-неспециалистам интерпретировать текст с различных точек зрения. Задача автора, в свою очередь – установить рамки восприятия текста, способствующие тому, что читатель согласится с его мнением, оценкой фактов, выводами или воспримет их как собственные. Для соблюдения этих условий и однозначного восприятия авторского изложения необходимо подобрать соответствующее сочетание вербальных и невербальных элементов в каждом случае.

Ключевые слова: научно-популярный текст, вербальный, невербальный, поликодовый текст, связь, изображение.

кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [2, с. 107].

Другие определения приводят авторы Сонин А.Г.: «специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [10, с. 97]; и Степанов В.Н.: «сложная семиотическая система, компоненты которой могут иметь самостоятельную коммуникативную нагрузку и выполнять комплементарную функцию по отношению к коммуникативной задаче всего текста» [11, с. 41].

Классификация поликодового текста строится на его жанре, форме изложения и коммуникативной цели автора [8]. В качестве одного из типов можно выделить научно-популярный текст с применением визуальных средств. Благодаря им автор может максимально понятно рассказать о научных исследованиях, что способствует лучшему усвоению информации.

Однако в исследовательских работах научно-популярный поликодовый текст изучен недостаточно. В свя-

зи с этим, цель исследования состоит в выявлении особенностей основных типов соотношений вербальной и невербальной составляющих в поликодовом научно-популярном тексте, их эффективности как вспомогательного средства, с помощью которого читатель-неспециалист разбирается в сложных научных вопросах.

Материалы и методы

В ходе исследования применялись методы сплошной выборки и обобщения, а также общенаучные методы наблюдения, описания и интерпретации материала.

Материалом исследования послужили научно-популярные публикации на сайтах немецкоязычных изданий «Der Spiegel», «Bild der Wissenschaft», «GEO.de», «Spectrum.de».

Результаты и обсуждение

Поликодовая структура научно-популярного текста ставит перед читателем задачу «раскодировать используемые автором текста коды, оценить их эмоциональность, смысловую нагрузку и выполняемые ими функции» [6, с. 212].

При этом в рамках дополнения текста с помощью современных технологий «ни одно сообщение не существует изолированно, все они образуют единую сложную знаковую среду – семиосферу» [7, с. 1032]. Возникают креолизованные тексты, описываемые как «тексты, фактура которых состоит из негомогенных частей: вербальной и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [9, с. 180–181], и благодаря этому усиливается воздействие содержательной составляющей на читателя [1].

На основании классификации исследователей [3, 4, 13] мы выделяем основные типы связи вербальной и невербальной составляющих поликодового научно-популярного текста (рис. 1).

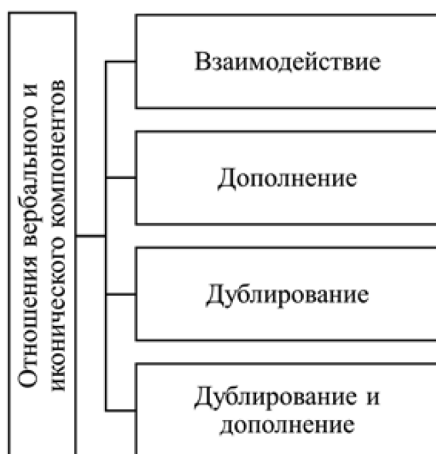

Рис. 1. Основные типы связи в поликодовом тексте

Отношения взаимодействия

В этом типе связи вербальная и невербальная составляющие текста взаимодействуют между собой без доминирования одной из них. Чаще всего этот тип встречается в онлайн-коммуникации, а для его декодирования необходима одновременная интерпретация обеих частей. С помощью взаимодействия составляющих усиливается эмоциональное воздействие текста, что помогает авторам интернет-изданий удержать внимание своего читателя [3].

В немецком тексте, рассказывающем об исследовании взаимосвязи изменений климата и скорости вращения Земли, размещена фотография будильника на тающем снегу. Фотография передает посыл «время идет», вызывает интерес читателя в том числе нестандартностью ситуации, вызывая вопросы: «Почему будильник стоит на улице?», «Почему будильник классической модели, а не современный?», «При чем тут таящий снег?» и др. Верно понять замысел автора помогают заголовок, подзаголовок и подпись под фотографией:

Der Klimawandel beeinflusst jetzt auch die Zeitmessung / Изменение климата теперь также влияет на хронометраж

Die Erde beginnt, sich schneller zu drehen – und damit werden Schaltsekunden negativ. Das sollte erstmals 2026 der Fall sein. Schmelzende Gletscher in der Antarktis und auf Grönland verzögern das nun. / Земля начинает вращаться быстрее – и с этим високосные секунды становятся отрицательными. Это должно произойти впервые в 2026 году. Таяние ледников в Антарктиде и Гренландии в настоящее время задерживает это.

Schmelzende Gletscher verzögern die erste negative Schaltsekunde um drei Jahre. / Таяние ледников задерживает первую отрицательную високосную секунду на три года [12].

Отношения дополнения

В отличие от отношения взаимодействия один компонент поликодового текста здесь дополняет или уточняет второй, между ними устанавливается иерархия. В рамках научно-популярного текста вербальная составляющая может пояснять добавленное изображение, ограничивая самостоятельную интерпретацию читателем, но упрощая понимание.

Так, в тексте, рассказывающем об исследовании на тему, насколько хорошо собаки понимают человеческую речь, используются две фотографии [14]. На одной изображена собака с проводами, установленными на разных частях ее тела, на другой – собака, на теле которой установлены провода, однако рядом сидит женщина. Благодаря подписям под фотографиями читатель узнает следующее:

Подпись 1: Die Forschenden nahmen per EEG die

Hirnsignale der Hunde auf / Исследователи записали сигналы мозга собак с помощью ЭЭГ.

Читатель понимает, что это не фотография собаки с какими-то проводами, а собака-участник эксперимента, в ходе которого была выполнена электроэнцефалограмма.

Подпись 2: Besitzerin mit ihrem Hund. Insgesamt 18 Hunde nahmen an den Versuchen teil. / Хозяйка со своей собакой. Всего в исследованиях приняло участие 18 собак.

Читатель узнает, что на фотографии изображена именно собака со своей хозяйкой. С его стороны возможно предположение, что присутствие хозяина какой-то повлияло на ход эксперимента. Далее приводятся данные о количестве испытуемых, на основании чего можно сделать вывод, что данные, полученные при исследовании, нельзя рассматривать как единичный случай.

Отношения дублирования

В таком соотношении компоненты текста представлены одновременно 2 способами: и вербально, и иконически. Несмотря на подразумеваемое торжество двух частей, в научно-популярной литературе, в силу специфики тем, часто наблюдается перевешивание значимости вербальной составляющей текста. Так, в тексте, рассказывающем о климатических изменениях в Германии [16] размещена фотография: люди лежат на шезлонгах, стоящих на цветущей лужайке. Вполне возможен комментарий читателя типа: «Вот и лето скоро, как хорошо», однако в сочетании с текстом подзаголовка информация оказывается иной:

Seit 1881 gab es in Deutschland im März noch nie so hohe Temperaturen wie 2024. Dabei hatte bereits der

Februar einen Rekord aufgestellt. Und auch der April beginnt sommerlich: Am Wochenende werden knapp 30 Grad erwartet. / С 1881 года в Германии никогда не было таких высоких температур в марте, как в 2024 году. Февраль уже установил рекорд. Апрель также начинается полетному: в выходные ожидается чуть менее 30 градусов.

В тексте размещен цветной график изменения температур марта, согласно наблюдениям с 1881 года по настоящее время, с образным названием «Märzfeber» – «Мартовская лихорадка». Информация, приведенная на графике, дополняется пояснениями:

Die Temperaturanomalien reißen nicht ab: Nach dem wärmsten Februar seit Messbeginn 1881 hat auch der März 2024 in Deutschland einen Temperaturrekord gebracht. Das Temperaturmittel betrug 7,5 Grad Celsius und lag damit 4 Grad Celsius über dem Wert der international gültigen Referenzperiode von 1961 bis 1990, wie der Deutsche Wetterdienst (DWD) nach einer ersten Auswertung mitteilte. / Температурные аномалии не исчезают: после самого теплого февраля с начала измерений в 1881 году март 2024 года также установил температурный рекорд в Германии. Среднее значение температуры составило 7,5 градусов по Цельсию, что на 4 градуса по Цельсию выше значения международного контрольного периода с 1961 по 1990 год, как сообщила Немецкая метеорологическая служба (DWD) после первоначальной оценки.

Соглашаясь с исследователями Лату и Тагильцевой [4], в рамках отношений дублирования, мы выделяем три подтипа отношений (рис. 2). На схеме приведены примеры из текстов [19], [18], [15].

Вербальная часть выполняет нормативную функцию – называет образы иконической компоненты

- Gundermann / будра плющевидная, Sauerampfer / щавель – подписи изображений в тексте о растениях, считающихся сорняками

Вербальная часть дублирует только важные компоненты изображения

- Wer am Himmel den Großen Wagen findet, kann vom Ende seiner Geißel das Frühlingsdreieck rekonstruieren / Тот, кто найдет в небе Большую Медведицу, сможет воссоздать Весенний Треугольник, начиная с конца ее бича – подпись схемы в тексте о важных астрономических событиях апреля, где не упоминаются иные изображенные астрономические объекты

Вербальная часть дублируется изображением

- Einige Alltagsgifte aus zwei Chemikalienklassen können die Oligodendrozyten im Gehirn schädigen / Некоторые повседневные токсины, состоящие из двух классов химических веществ, могут повредить олигодендроциты головного мозга – подпись к рисунку, иллюстрирующему причинение вреда мозгу наложением поверх его схемы человеческой руки

Рис. 2. Подтипы отношений дублирования с текстовыми примерами

Отношения дублирования и дополнения

В этом типе смешанных отношений отдельные составляющие текста дублируются вербально и невербально, а смыслы других дополняют друг друга через представление кодом. Возникает частичное дублирование с сопровождением текста невербальной составляющей и одновременного ее комментирования.

В случае вербального комментария возможен комментарий к конкретному невербальному элементу или невербальной составляющей текста в целом. В научно-популярных текстах часто приводится изображение героя текста, дополняя и дублируя таким образом представление об объекте или субъекте повествования.

В текст интервью [17] помещена фотография человека, удобно расположившегося в кресле у камина, кресло рядом с ним свободно. Читателя «приглашают» присесть и поучаствовать в разговоре. Из достаточно объемной подписи становится понятно, что это за человек, каковы его научные достижения:

Ben Feringa | Der Chemiker erhielt 2016 den Nobelpreis für Chemie zusammen mit Sir J. Fraser Stoddart und Jean-Pierre Sauvage. Ausgezeichnet wurden die drei Wissenschaftler «für das Design und die Herstellung molekularer Maschinen». Der Niederländer wuchs auf einem Bauernhof auf und studierte Chemie an der Universität Groningen. Nach seiner Promotion arbeitete er für mehrere Jahre in der Industrie, bevor er als Professor an die Universität Groningen zurückkehrte. Heute forscht Feringa dort an molekularen Maschinen für adaptive und responsive Materialien. / Бен Феринга | Химик получил Нобелевскую премию по химии в 2016 году вместе с сэром Дж. Фрейзером Стоддартом и Жан-Пьером Соважем. Трое ученых были награждены «за разработку и производство молекулярных машин». Голландец вырос на ферме и изучал химию в Университете Гронингена. После получения докторской степени он несколько лет работал в промышленности, прежде чем вернуться в Университет Гронингена в качестве профессора. Сегодня Феринга проводит там исследования в области молекулярных машин для адаптивных и

чувствительных материалов.

При дублировании значимых невербальных компонентов вербальными происходит уточнение, пояснение их особенностей с дополнением в виде авторской оценки. Благодаря такому частичному дублированию реализуется многократный повтор информации, способствующий запоминанию и воспроизводству читателем полученной информации.

При этом поликодовый научно-популярный текст объединяет разные типы отношений. Современные технологии позволяют свободно размещать в тексте любые невербальные элементы, что дает автору возможность добиться привлекательной, понятной и запоминающейся подачи информации.

Заключение

Как показывает анализ научно-популярных поликодовых текстов, отношения вербального и невербального компонентов в их составе можно описать как: взаимодействие, дополнение, дублирование, дублирование и дополнение. При этом, в научно-популярных текстах не наблюдается полного тождества при повторении и дополнении вербальных и невербальных элементов.

Частичный повтор информации в научно-популярном тексте может быть связан с целью автора оказать большее воздействие на читателя и привлечь его внимание к отдельным частям текста, что способствует его запоминанию и осмыслению. Таким образом, проведенное исследование поликодовых научно-популярных немецкоязычных текстов позволило выделить наиболее эффективные способы представления информации читателю-неспециалисту.

В силу специфики научно-популярного текста его не всегда возможно определить к той или иной группе. Сочетание в нем ряда кодов и функций иных групп повышает уровень воздействия и усвоения читателем представленной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская О.Ю., Егорова А.Д. Прагматический анализ поликодового текста (плаката) в политике Австрийской Республики 20-х годов // Политическая лингвистика. УРГПУ. 2020. №3 (81). С. 46-52.
2. Эйгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч.1, Москва, 1974. С. 103-109.
3. Куницына О.М. Особенности построения и восприятия поликодовых текстов в современной коммуникации // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 9 (838). С. 69-82.
4. Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р. Типы корреляции вербального и невербального компонентов в конфликтных поликодовых текстах // Новый филол. вестник. Пятигорск. 2023. №1 (64). С. 269-281.
5. Левченко М.Н., Изгаршева А.В. Креолизованный текста в системе «Интернет» // Вестник МГОУ. 2018. №4. С. 200-216.

6. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеоречевого текста: дис. ... магистра лингвист. М., 1997. 237 с.
7. Полякова Е.В. Медиатекст как поликодовая текстовая структура // Вестник Башкирского ун-та. 2021. Т. 26. №4. С. 1031-1034.
8. Попова Т.И., Колесова Д.В. Поликодовый vs вербальный текст в академическом лекционном дискурсе // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Том 11, № 3. С.78-87.
9. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. 424 с.
10. Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. 219 с.
11. Степанов В.Н. Речевое воздействие в рекламе: учебно-практическое пособие по спецкурсу. Ярославль: МУБИНТ, 2004. 41 с.
12. Fischer L. Der Klimawandel beeinflusst jetzt auch die Zeitmessung // URL: <https://www.spektrum.de/news/erdrotation-klimawandel-verschiebt-schaltsekunde-um-drei-jahre/2212118> (accessed: 28.03.2024).
13. Hennecke A. Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis // trans-kom. 2015. Vol. 8(1). P. 202-232.
14. Krapp Cl. Hunde verstehen Wörter besser als gedacht // URL: <https://www.wissenschaft.de/gesundheit-medizin/hunde-verstehen-woerter-besser-als-gedacht/> (accessed: 22.03.2024).
15. Krapp Cl. Schaden Haushalts-Chemikalien unserem Gehirn? // URL: <https://www.wissenschaft.de/gesundheit-medizin/schaden-haushalts-chemikalien-unserem-gehirn/> (accessed: 25.03.2024).
16. Monat in Folge ist zu warm // URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/klimakrise-waermster-maerz-seit-messbeginn-18-monat-in-folge-reisst-temperaturrekord-a-932f5629-48f7-425f-9469-fe2a62bdbcf8> (accessed: 03.04.2024).
17. Tang V. "Roboter werden sich durch den Körper bewegen" // URL: <https://www.spektrum.de/news/nanomaschinen-ben-feringa-zur-zukunft-molekularer-maschinen/2208131> (accessed: 27.03.2024).
18. Wagner M. Der „Pink-Moon“ strahlt am Himmel: So kam der Aprilvollmond zu seinem Namen // URL: <https://www.geo.de/wissen/weltall/der--pink-moon--ueberstrahlt-im-april-alles-34592942.html> (accessed: 03.04.2024).
19. Wahnbaeck C. Essen statt vernichten: Wie Sie diese „Unkräuter“ sinnvoll nutzen können // URL: https://www.geo.de/natur/nachhaltigkeit/sauerampfer_30083322-30168064.html (accessed: 03.04.2024).

© Христофорова Наталья Игоревна (n_khristoforova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭМОЦИИ «СТРАХ»: СЕМАНТИКА «ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ УГРОЗЫ» (НА МАТЕРИАЛЕ «ЕЖЕГОДНОГО ДОКЛАДА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ОБ УГРОЗАХ БЕЗОПАСНОСТИ США – 2023»)

Чеzyбаева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, Хакасский
технический институт – филиал Сибирского
федерального университета (г. Абакан)
Natti81@mail.ru

LINGVOCOGNITIVE MODELING
OF "FEAR": SEMANTICS OF "POTENTIAL
THREAT" (BASED ON "THE ANNUAL
THREAT ASSESSMENT OF THE U.S.
INTELLIGENCE COMMUNITY – 2023")

N. Chezybaeva

Summary: Fear is one of the primary emotions. Currently, in Western societies, native speakers are increasingly projecting fear as a reaction to a «potential threat». The prime mover of fear is the anticipation of suffering that cannot be prevented. Mentally, fear actors have generalized characteristics: uncertainty, unpredictability and a destructive force that does not obey any social norms and rules. Communion and universality are the characteristic features of fear as a basic emotion. This makes fear an ideal tool for manipulation.

Keywords: Western society, manipulation, lingvocognitive modeling, semantics of «threat», potential threat, actor, fear.

Аннотация: Страх – одна из первичных эмоций. В настоящее время в западных обществах носители языковой культуры все более проектируют страх как реакцию на «угрозу потенциальную». Основной причиной страха является предвидение страданий, которые невозможно предотвратить. В сознании людей акторы страха обладают генерализованными признаками: неопределенность, непредсказуемость и разрушительная сила, которая не подчиняется нормам и правилам. Коллективность и универсальность – характерные черты страха, как базовой эмоции, это делает страх идеальным инструментом для манипулирования.

Ключевые слова: западное общество, манипулирование, лингвокогнитивное моделирование, семантика «угрозы», потенциальная угроза, актор, страх.

Страх есть одна из базовых эмоций; он генетически детерминирован и обладает вневременной психолого-культурной актуальностью в жизни любого сообщества: это способ сохранения психического здоровья, форма психической самозащиты и важнейший мотив человеческой деятельности [Изард, 2000]. Страх – это жизненно важная реакция на физическую и эмоциональную опасность, которая имела решающее значение на протяжении всей эволюции человека, особенно в древние времена, когда мужчины и женщины регулярно сталкивались с ситуациями жизни и смерти [PT]. Если бы люди не испытывали страх, они не могли бы обезопасить себя от реальных опасностей.

В английском языковом сознании ядро концепта Страх (*Fear*) составляет такой концептуальный признак, как «ощущение угрозы, которая может быть реальной или потенциальной» (*feeling of threat – real or imagined*) [Чеzyбаева, 2011, с. 57].

Следует отметить, что в настоящее время в западных обществах «страх» все более моделируется в сознании

носителей языка, как реакция на «угрозу потенциальную». Появляется иная «культура страха». Сегодня эти страхи часто не основаны на личном опыте; они генерируются ожиданиями, опасениями и воображением людей. Произошёл разрыв между актуальными общественными страхами и персональным опытом. Вера в то, что человечество постоянно сталкивается с мощными разрушительными силами, несущими угрозу повседневному существованию, заставляет людей бояться: «Эксперты не просто зацикливаются на рисках – они заняты оценкой теоретических рисков. И, поскольку теоретически может произойти все, что угодно, существует бесконечное разнообразие теоретических рисков» [Furedi, 2002, vii].

Как один из вариантов потенциальных угроз человечеству: на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария, 17 января 2024) обсуждали некую «болезнь X» – эпидемию, которая, как считает ВОЗ, вызовет неизвестный науке возбудитель. По мнению врачей это новая губительная пандемия может быть спровоцирована патогеном, который в настоящее время неизвестен на-

уже [РБК Life, 2024]. То есть, специалисты предусмотрительно беспокоятся о возможной эпидемии болезни, с которой прежде никогда не сталкивалось человечество.

Другой гипотетической угрозой человечеству является искусственный разум или машинный интеллект. В современном западном мире все больше людей беспокоены скоростью развития искусственного интеллекта и его возможностями, считая его враждебным элементом в жизни человечества. Каждый человек должен задать вопрос, правда ли то, что он видит и слышит, так как генеративный искусственный интеллект способен создавать фальшивые картинки, клоны наших голосов и даже видеоролики, изображающие и искажающие мировые события: «*Generative artificial intelligence is now capable of creating fake pictures, clones of our voices, and even videos depicting and distorting world events*» [Wall Street Journal, November 10, 2023].

Почему в современном мире люди беспокоены угрозами гипотетическими (потенциальными), а не реальными? Основанием страха является «предвидение страданий, против которого имеющаяся защита неэффективна, невозможно ни убежать, ни ослабить страдание» [Рюмшина 2000, с. 56].

В настоящей работе представляет интерес лингвокогнитивное исследование, так как язык есть неотъемлемый атрибут и уникальное «орудие» человека способное направлять человека и управлять им.

Язык – это способ «упаковать» информацию. Информация, сформулированная особым образом в языке, заменит информацию, поступающую извне с помощью органов чувств, ассоциативных воспоминаний, эмоций [Чернявская 2006, с. 21]. Продвижение информации зависит от способа ее представления, способного породить возможный интенциональный мир в поле «общения сознаний» (М.М. Бахтин) [Серебренникова 2011, с. 3]. Использование разнообразных средств языка открывает широкие возможности для моделирования сознания людей. Таким образом, «запуская» фрейм страха, продуцент информации получает возможность эффективного манипулирования.

Метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии [Лакофф 2004, с. 184]. Например, столкнувшись с энергетическим кризисом, Джеймс Картер (39-й президент США) выдвинул понятие «морального эквивалента войны». Метафора ВОЙНЫ породила разноплановые понятийные контексты, семантический комплекс значений: «враг», «угроза национальной безопасности», что потребовало «определения целей», «пересмотра приоритетов», «установления нового порядка подчиненности», «выдвижения новой стратегии», «сбора разведанных», «сосредоточения войск», «наложения санкций»,

«призывов идти на жертвы» [Лакофф 2004, с. 184].

Базовые метафоры – это мышление в терминах первообраза [Свирепо 2004, с. 20]. Как «ядерная» («базовая») метафора, метафора ВРАГ устанавливает функциональные связи между пониманием социального целого «мы» и «они». Создание врага позволяет привлечь сторонников и объединить общественность вокруг общей угрозы.

Страх, будучи одной из базовых эмоций (согласно классификации эмоций по Р. Плутчику), есть результат на некое стимульное событие с семантикой «угрозы» [Плутчик 1962, с. 4]. Таким образом, прототипом страха стала поведенческая реакция самосохранения, которая призвана обеспечить избегание опасности или вреда: «*In other words, fear is a crucial tool in our endless quest to stay alive*» [New York Times, May 14, 2022]. Защитный механизм инстинкта самосохранения также коррелирует с когнитивным моделированием «потенциальной угрозы».

В рамках настоящего исследования проанализирован «Ежегодный доклад разведывательного сообщества об угрозах безопасности США» за 2023 год («ANNUAL THREAT ASSESSMENT OF THE U.S. INTELLIGENCE COMMUNITY», [ATA]). В данном докладе рассматриваются как угрозы, исходящие от противников США, так и проблемы, связанные с функционированием и транснациональными вопросами, такими как наличие оружия массового уничтожения и защита кибербезопасности. Особое внимание уделяется акторам угроз и региональным проблемам, которые могут иметь глобальные последствия.

Когнитивное моделирование образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильное социальное напряжение, причины которого трудно выявить и рационализировать. В данном случае речь не идет о конкретных неприятностях или противниках, или социально опасных личностях, чьи мотивы предсказуемы и понятны. Страх вызван потенциальной угрозой, когда актер получает ряд генерализованных признаков: *неопределенность, непредсказуемость, разрушительная сила*, не знающая какие-либо нормативные или конвенциональные ограничения.

Лингвокогнитивный анализ настоящего доклада разведывательного сообщества США оценивает содержание когнитивного осмысления страха через установления соотношения между знанием гипотетической угрозы и способом его представления посредством ряда языковых средств с понятийным признаком «*имеющаяся вероятность*».

Средства актуализации потенциальной угрозы с денотативным компонентом «**неопределенность**»: *uncertain (неопределенный); faltering (неуверенный, коле-*

блужающий); *loose* (неопределенный, неточный); *potential* (вероятный); *be likely* (вероятный, возможный) [ATA 2023].

1. *Russia's relationships with the West and China, and more broadly in ways that are unfolding and remain highly uncertain* [ATA 2023, p. 12];
2. *China and Russia will maintain their strategic ties driven by their shared threat perceptions of the United States, which create potential threats ...* [ATA 2023, p. 13];
3. *Intensifying effects from climate change are likely to exacerbate risks to human health, primarily but not exclusively, in low- and middle-income countries* [ATA 2023, p. 22];
4. *The transnational and loose structure of RMVE organizations challenges local security services and creates a resilience against disruptions* [ATA 2023, p. 33].

Средства актуализации возможной опасности в референтном значении «непредсказуемость»: *covert* (скрытый, тайный); *unpredictable* (непредсказуемый); *unforeseen* (непредвиденный); *precarious* (ненадежный, сомнительный); *not foreseeable* (непредсказуемый); *inadvertent* (непреднамеренный); *challenging to predict* (сложно предсказуемый); *volatile* (нестабильный) [ATA 2023].

1. *These two strategic challenges will intersect and interact in unpredictable ways, leading to mutually reinforcing effects that could challenge our ability to respond ...* [ATA 2023, p. 4].
2. *Beijing uses a sophisticated array of covert, overt, licit, and illicit means to try to soften U.S. criticism, shape U.S. power centers' views of China, and influence policymakers at all levels of government* [ATA 2023, p. 10];
3. *New technologies ... is likely to create potentially breakthrough technologies not foreseeable* [ATA 2023, p. 26];
4. *For instance, countries' increased military operations across a number of geographic hotspots risk the possibility of inadvertent escalation and the potential for interstate conflict* [ATA 2023, p. 34];
5. *COVID-19 continues to strain recovery efforts, presenting both known and unforeseen challenges that probably will ripple through society and the global economy during the next year and for years to come* [ATA 2023, p. 24].

Средства актуализации предполагаемого риска с денотатом «некая разрушительная сила», не соблюдающая нормативные или конвенциональные ограничения: *tectonic* (неудержимый); *controlled* (имеющий преимущественную силу); *formidable* (устрашающий, труднопреодолимый); *competitive* (напористый); *confrontational* (агрессивный); *provocative* (провокационный); *vulnerable* (беззащитный); *ineffective* (неэффективный); *complicating* (приводящий к осложнениям); *ongoing* (систематический, непрекращающийся); *outburst* (взрывоопасный) [ATA 2023].

1. *Rapidly emerging or evolving technologies continue to have the potential to disrupt traditional business and*

society with both positive and negative outcomes, while creating unprecedented vulnerabilities and attack surfaces, making it increasingly challenging to predict the impact of such challenges on the global landscape [ATA 2023, p. 4];

2. *A prolonged disruption in supplies controlled by China would result in shortages that could affect output in civilian and defense manufacturing in the United States and the West* [ATA 2023, p. 9];
3. *Russia's unprovoked war of aggression against Ukraine is a tectonic event ...* [ATA 2023, p. 12];
4. *Moscow will remain a formidable and less predictable challenge to the United States in key areas during the next decade but still will face a range of constraints* [ATA 2023, p. 12];
5. *Russia will continue to pursue its interests in competitive and sometimes confrontational and provocative ways ...* [ATA 2023, p. 12];
6. *Countries globally remain vulnerable to the emergence or introduction of a novel pathogen that could cause a devastating new pandemic* [ATA 2023, p. 24].

Далее репрезентирован пример политического дискурса (из доклада ATA 2023), в котором все три признака, как неопределенность, непредсказуемость и разрушительная сила, конституируют концепт «Страх» – «*For instance, Haiti's ineffective government, ongoing gang-driven violence, political volatility, faltering economy, and health challenges have fueled domestic insecurity and outbursts of violence, which has become increasingly unpredictable, complicating an already precarious humanitarian situation*» [ATA 2023, p. 36]. В силу того, что здесь представлено некое множество возможных негативных событий, для каждого из которых определена вероятность, – это распределение вероятностей: неэффективное правительство Гаити, продолжающееся насилие со стороны банд, политическая нестабильность, нестабильная экономика, проблемы людей со здоровьем, непредсказуемые вспышки насилия. Данные случаи непрерывных переменных образуют плотность вероятности дальнейших событий, усложняя и без того нестабильную гуманитарную ситуацию, и, усиливая внутреннюю нестабильность страны.

Большая степень напряженности и страх (Fear) актуализированы в докладе ATA через лексемы *threat* «угроза» (80 слов), *challenge* «серьезная проблема» (48 слов), *risk* «риск» (31 слово), *violence* «насилие» (17 слов) и их производные [ATA, 2023]. Они дополняют шкалу измерений уровня интенсивности и силы опасности для США и имплицитно потенциальный, непредсказуемый и неконтролируемый результат в дискурсивном поле концепта Страх.

Следует отметить, что в анализируемом докладе разведывательного сообщества США языковые единицы *threat challenge, risk, violence* дополнены атрибутивами.

Это усиливает состояние неопределенности, при котором некоторые возможные результаты имеют нежелательный эффект или значительные потери.

Threat: *top, persistent, increasingly diverse, existential, potential, conventional military, primary, major, serious, significant, global, transnational, worldwide, direct, the greatest, most lethal, credible* [ATA, 2023]. Источники угрозы (threat actors) – extreme weather; climate change; food insecurity; humanitarian disasters; migration flows; pandemics; political instability; violent societal conflict; transnational organized crime and terrorism; cyber espionage; advanced military systems; economic damage; biological weapons; Russia, China, Iran, North Korea; Transnational Racially or Ethnically Motivated Violent Extremists; etc. [ATA, 2023].

Challenge: *critical, strategic, global, transnational, regional, domestic, international, ongoing, formidable, less predictable, morale, significant, unforeseen* [ATA, 2023]. Непростые проблемы, требующие конкретных решений (challenge actors) – U.S. national security; security environment; human and health security; economic and human security; economic issues, energy and food insecurity; rapidly emerging or evolving technologies; regional and localized conflicts; management of public health safety measures; global efforts to prevent the spread and use of nuclear weapons; arms control; interstate conflict; state resources; etc. [ATA, 2023].

Risk: *increasing, most impactful, significant, the greater, increasingly exacerbate, growing, heightening, compounding and cascading, elevating, undermining* [ATA, 2023]. Факторы потенциального риска (risk actors) – climate change; future pandemics; China's dominance in these markets ... global supply chains in a range of technology sectors, including semiconductors, critical minerals, batteries, solar panels, and pharmaceuticals; escalation of the conflict to a military confrontation between Russia and the West; conflict over resources associated with water, arable land, and the Arctic; inter-communal conflict over scarce resources; etc. [ATA, 2023].

Violence: *protracted, ongoing, increased* [ATA, 2023]. Причины гипотетической угрозы насилия (violence actors) – high-crime rates; political repression; corruption; weak job markets; poor living conditions; attacks and propaganda, ... an ideology that espouses the use of violence to advance white supremacy, neo-Nazism, and other exclusionary cultural-nationalist beliefs; etc. [ATA, 2023].

Причиной появления страхов является необходимость защиты от потенциальных рисков и угроз.

Социолог частного калифорнийского университета США (Chapman University) Кристофер Бейдер полагает, что когда люди испытывают неуверенность, их

страхи усиливаются во всех аспектах: *«I've always found that fears stem from uncertainty. That can take many forms. ... In times of societal change – great changes in how the economy is going to work, whether it crashes or rises; big events like terrorists attacks – all of these events create uncertainty in the sense that you don't know what your world is going to be like in a year»* [Bader, 2024]. Согласно исследованиям данного университета за 2023 год, причины возникновения страхов у американцев следующие: экономический или финансовый коллапс; Россия применяет ядерное оружие; Соединенные Штаты втягиваются в новую мировую войну; люди, которых я люблю, серьезно заболевают; люди, которых я люблю, умирают; загрязнение питьевой воды; биологическая война; кибертерроризм; недостаток денег в будущем [Bader, 2024]. Очевидным источником страхов являются СМИ: *«One thing I would certainly attribute this to is the bifurcation of media. The media gives us what we want: something to fear, the scary thing, the dark thing. That's what's going to attract our attention. «...» that reinforces the fear»* [Bader, 2024]. Новостная программа на микроуровне охватывает множество ужасных событий и историй, но макросообщение сводится к одному заголовку: «Бойтесь» (“Be Afraid”) [McCall, 2021]. Таким образом, производитель информации запускает механизм речевой манипуляции, «цель которой – склонить адресата к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [Чернявская 2006, с. 19]. Использование эмоций как средства воздействия на массового реципиента является эффективным способом манипуляции. Страх, как базовая эмоция, имеет признаки эффективной мишени манипуляции: коллективность, универсальность.

В англоязычной картине мира страх – «субъект» внутреннего (незримого) мира человека. Он овладевает человеком, парализует его волю, мучает и истязает: *feared ... possess, seize, creep, overmaster, overpower, paralyze, torment, torture, preoccupy* [Чезыбаева, 2011, с. 24]. В западном дискурсе власти страх получает дополнительную функцию – он «инструмент», который помогает добиться определенных успехов в политической жизни страны: *«When you're appealing to people's fears and anxieties, you can make some gains»* [AZ Quotes.com // Joe Biden].

Таким образом, одной из доминирующих эмоций в современной американской общественной жизни стал страх: *«controlling fear has become a significant problem in American society»* [Stearns, 2006]. Средства массовой информации, бизнес и правительство используют страх для манипулирования общественностью. Высокая степень отсутствия уверенности, скрытые опасности, дремлющие угрозы нагнетают тревогу у людей. Неопределенность, при которой трудно полностью описать текущее состояние или предсказать будущий исход, приводит к нарастанию страхов в западном обществе.

Манипулирование страхами людей есть стратегема в когнитивном противостоянии, где просчитывается последовательность действий, направленных на решение

конкретных социальных или политических задач с учетом психологических наклонностей объекта и целями продуцента информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Питер, 2000. – 464с.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. РБК Life. «Болезнь X», которая страшнее COVID. Что это и почему о ней все говорят. Какие вирусы могут вызвать новую катастрофическую пандемию [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/> (дата обращения: 03.02.2024)
4. Рюмшина, Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе / Л.И. Рюмшина. – М.: ИКЦ «Март», 2000. – 253 с.
5. Серебренникова, Е.Ф. Введение // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / Е.Ф. Серебренникова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 3-6
6. Свирепо, О.А. Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О.А. Свирепо, О.С. Туманова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – 270с.
7. Чезыбаева, Н.В. Семантические константы Fear и Courage в английском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Чезыбаева. – Абакан, 2011. – 183 с.
8. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособ. / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
9. ATA – Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community // Office of the Director of National Intelligence, February 6, 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 12.02.2024)
10. AZ Quotes.com // Joe Biden [Electronic resource]. – URL: <https://www.azquotes.com/quote/1535900> (дата обращения: 14.01.2024)
11. Furedi, F. Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation / F. Furedi. – London, New York: Continuum. – 2002. – 205 pp.
12. McCall, Jeffrey M. Media spread fear, Americans listen // The Hill. May 30, 2021 [Electronic resource]. – URL: <https://thehill.com/opinion/technology/556160-media-spread-fear-americans-listen/> (дата обращения: 24.03.2024)
13. Bader, Christopher. What Are We So Afraid Of? Here's the Expert to Ask / Conversation with Christopher Bader by Matt Richtel // The New York Times. January 19, 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/01/19/science/sociology-fear-uncertainty.html> (дата обращения: 24.03.2024)
14. PT – Psychology Today [Electronic resource]. – URL: <https://cdn2.psychologytoday.com/us/basics/fear> (дата обращения: 21.03.2024)
15. Plutchik, R. The emotions: facts, theories and a new model / R. Plutchik. – New York: Random House, 1962. – P. 4-13.
16. Stearns, P.N. American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety / P.N. Stearns. – N.Y., L.: Routledge, 2006. – 243 p.
17. The New York Times. May 14, 2022. Quit Telling Me to Conquer My Fear [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/14/opinion/overcoming-fear-anxiety.html> (дата обращения: 19.03.2024)
18. Wall Street Journal. November 10, 2023. Is Anything Still True? On the Internet, No One Knows Anymore [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wsj.com/tech/ai/deepfake-video> (дата обращения: 30.11.2023).

© Чезыбаева Наталья Владимировна (Natti81@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК БАЗОВАЯ МЕТАФОРА ВИРТУАЛЬНОГО МИРА (СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ "LITTLE MISFORTUNE")

Чеzyбаева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, Хакасский
технический институт – филиал Сибирского
федерального университета (г. Абакан)
Natti81@mail.ru

IDEA OF TRANSFORMATION AS BASIC METAPHOR OF VIRTUAL WORLD (SEMIOTIC ANALYSIS OF THE COMPUTER GAME "LITTLE MISFORTUNE")

N. Chezybaeva

Summary: The article represents a semiotic analysis of the video game "Little Misfortune" by the independent Swedish developer-studio "Killmonday Games". The process of virtualism is focused on: the intertwined gloomy and non-childish themes (mixing of the creepy with the cute) have been considered from a child's position. The concept of virtual reality is based on the idea of development, transformation, and constant change of correlated categories. Transformation is a basic metaphor for the virtual world, as it allows to transform and interpret the attributes of the real world in a new prospect. Metaphors are the generalized images of reality; in terms of content, they are virtual ones as they convey abstract ideas of reality. The "TRANSFORMATION" archetype correlates with the concept of "COURAGE" within a single conceptual space.

Keywords: video game, semiotic analysis, basic metaphor, virtual reality, courage, transformation.

Аннотация: В настоящей статье представлен семиотический анализ видеоигры «Little Misfortune» независимой шведской студии-разработчика «Killmonday Games». Рассмотрен процесс виртуалистики, когда переплетаются мрачные и недетские темы (смешение жуткого с милым), но трактуемые с позиции ребенка. Концепция виртуальной реальности основана на идее о развитии, трансформации, постоянном изменении соотносимых категорий. Трансформация есть базовая метафора виртуального мира, так как позволяет преобразовывать и по-новому интерпретировать атрибуты реального мира. Метафоры – обобщенный образ реальности; в плане содержания они виртуальны, так как передают абстрактное представление о реальности. Архетип «ТРАНСФОРМАЦИЯ» коррелирует с концептом БЕССТРАШИЕ (COURAGE) в рамках единого концептуального пространства.

Ключевые слова: видеоигра, семиотический анализ, базовая метафора, виртуальная реальность, бесстрашие, трансформация.

«Виртуальная реальность» представляет собой виртуальный мир, созданный с использованием технических средств, который передается пользователю через его обычные ощущения материального мира. Характер «виртуальной реальности» определяется тем, что она функционирует в соответствии со своими законами, имеет свои собственные измерения пространства и времени, которые отличаются от измерений пространства и времени реального мира [Кубышкин 2013].

Независимо от своей «природы» (физическая, психологическая, социальная, биологическая, техническая), виртуальная реальность имеет определенные свойства:

1. *порожденность*: виртуальная реальность формируется деятельностью другой реальности, которая находится вне ее;
2. *актуальность*: виртуальная реальность существует в настоящий момент только тогда, когда активна порождающая реальность;
3. *автономность*: в мире виртуальной реальности существует собственное время, пространство и

законы (каждая виртуальная реальность имеет свою уникальную «природу»);

4. *интерактивность*: виртуальная реальность способна взаимодействовать с другими реальностями, включая порождающую [Асадуллина 2009, с. 29].

Виртуалистика имеет дело с интерактивными реальностями, то есть события одной реальности могут коррелировать с событиями другой реальности [Асадуллина 2009, с. 63]. Поэтому можно говорить о сложной полиреальной природе человека. Компьютерная игра помогает создавать иную реальность, которая порождается сознанием человека, его представлениями о реальности. В видеоигре «реальное» понимается, как нечто «нереальное», а «нереальное» становится очевидной «реальностью». В основе виртуализации лежит идея трансформации: живое становится мертвым и наоборот, ужасное видится как нечто прекрасное, добро есть проекция зла и т.д.

«Killmonday Games» – независимая студия разработки игр, основанная в 2012 г. в Стокгольме, Швеция. Сту-

дия специализируется на создании игр с темными и необычными сюжетами, которые рассказываются с детской перспективы и сочетают в себе ужасы и милые моменты [KG]. Основная цель студии – погрузить игрока в тяжелую историю, скрытую за детской оболочкой, и вызвать у него сопереживание к персонажам игры.

Игра «Little Misfortune» – яркий пример жанра хоррор, приключения. Игра рассказывает о потерянном детстве, вере, жажде познания и увлекательных событиях в жизни маленькой девочки. Сюжет игры рассказывает тяжелую историю восьмилетней девочки Неудачи Рамирес Эрнандес (англ. Misfortune Ramirez Hernandez). Маленькая Неудача – ребенок из неблагополучной семьи, которая, следуя за голосом в своей голове, пытается найти вечное счастье для матери [PG].

Помимо Маленькой Неудачи, главный персонаж, за которого выступает геймер, в игре присутствуют второстепенные герои: Мистер Голос (загадочный голос в голове Маленькой Неудачи); Лис Бенджамин (странный лис, пытающийся предупредить Неудачу об опасности); Мама Неудачи (мать главной героини).

Маленькая Неудача начинает слышать голос в голове, который предлагает ей сыграть с ним в игру, на что девочка соглашается, так как голос вызывает доверие. Мистер Голос улыбается, видя решимость Маленькой Неудачи. «Отлично», – говорит он, – «Чтобы найти вечное счастье для твоей мамы, тебе нужно будет пройти через три испытания. Первое испытание – это испытание силы. Ты должна принести мне самый ценный алмаз из Леса Забытых Сокровищ» [KG]. Маленькая Неудача, колеблясь, отправляется в Лес, полный опасностей и загадок, чтобы найти этот алмаз и начать свое приключение. Маленькая Неудача считает, что ее маме счастье нужнее, чем ей самой, поэтому она соглашается на игру, чтобы получить вечное счастье для своей мамы.

На протяжении всего путешествия в поисках вечного счастья окружающий мир становится все более угрожающим. С каждой последующей сценой появляется много объявлений о пропавших детях в возрасте Маленькой Неудачи; Лис Бенджамин становится все более настойчивым и предупреждает о том, что голосу в голове не стоит доверять. Мистер Голос запрещает героине общаться с Лисом, считая его опасным. Тем не менее, голос приводит Маленькую Неудачу в зоопарк и на ярмарку ужасов, о чем она давно мечтала. Безусловно, она начинает доверять голосу в голове, и их связь становится крепче.

В конце истории раскрываются страшные детали из жизни ребенка: Маленькая Неудача уже не была живым персонажем еще до начала повествования. Девочка погибла под колесами автомобиля, в котором ее мать была в состоянии алкогольного опьянения. Лис Бенджамин

ведет освобожденную девочку к воротам в мир для детей, подобных ей. Более того, выясняется, что Мистер Голос – паразит из другого мира по имени Морго, который заманивает детей из неблагополучных семей в свои игры и питается ими. Лис – отважный охотник на таких паразитов.

Сюжет игры соединяет в себе невинные фантазии и мышление ребенка с суровой и ужасающей реальностью. Девочка вместо висящего мертвого человека видит подвешенную пиньяту, полую игрушку из папье-маше, наполненную угощениями или сюрпризами для детей: *LM: Hanged himself, like a piñata? Should I hit him like a piñata? Mr. Voice: No, Misfortune... He's dead. LM: Dead? But he's wearing a pair of sweet boots, he can't be dead!*; вместо бездомных людей – человекоподобных уток: **A drunken goose sits in the sandbox* LM: Look at the seagull! It looks like Kevin's dad. <...> LM: He used to sit in the sandbox next to school. He didn't have any clothes on, and the police officer beat him with a stick; вместо знака с опасностью – знак с блестящими: **Near the cave a silhouette of a man is drawn in chalk. There is a sign saying "Danger of Cliffs" * LM: What does this sign mean? Mr. Voice: Oh, I don't know... Sparkles? LM: Ah, cool; вместо вина у матери – вишневый сок: LM: Yeah, that's my Mommy! She also likes to drink juice a lot. <...> LM: When I grow up, I want to be just like my Mommy! A juice drinker; а мертвые животные и птицы – просто спят: **Misfortune near the dead bird* LM: Look, a sleepy bird... [KG]. Ужасные события, разворачивающиеся в истории, не могут быть поняты и приняты чистым и невинным ребенком, поэтому мир кажется ему таким фантастическим и даже волшебным.***

На протяжении всей истории Маленькая Неудача не знает, что с ней случилось несчастье (она погибает под колесами автомобиля). Девочка живет в обманчивой реальности, которую сама создает. Эскапизм (уход от реальности) – это явление, описываемое в психологии. К примеру, дети «оживляют» игрушки, придумывают сказочных друзей. Воображение помогает им бороться со страхами, готовиться к преодолению трудностей и объяснять себе то, чего еще не понимают [Яровенко 2010, с. 50-55].

Таким образом, сегодняшние компьютерные игры инновационны в плане своего содержания. Происходит смещение акцентов – игра имеет не только полномерный развлекательный контент, но является проекцией проблем реального мира. Реальность мира видеоигры «Little Misfortune»: Маленькая Неудача является нежеланным ребенком; отец девочки применял физическую силу по отношению к ее матери и к самой героине; мать не обращает на ребенка никакого внимания и постоянно пьет. Как следствие, главная героиня находится в состоянии эмоциональной депривации, поскольку родители не способны установить социально близкие взаимоотношения с ней. Маленькая Неудача чувствует

себя одинокой и покинутой. Девочка говорит, что она «сломана»; все, к чему она прикасается, тоже ломается – разбивается любимая ваза мамы, ломается щенок, с которым она хочет поиграть: *LM: Puppy! What did I do? It's all broken now... Mr. Voice? Everything I touch breaks, what's wrong with me? <...> LM: Alright! I'm sorry I broke you puppy, I really am... <...> When I'm broken too...* [KG]. Находясь в тяжелом психическом состоянии, мы говорим, что мы «разбиты», «опустошены» – это метафоры нарушенного целого [Сви́репо 2004, с. 9].

Искреннее желание преодолеть эмоциональную опустошенность влечет за собой решимость победить страх и готовность к большим переменам. Стремление к «внутреннему преображению» апеллирует к актуализации когнитивной модели, в основе которой понимаются стереотипные образы «обновления» и «перерождения». Архетип ТРАНСФОРМАЦИЯ (TRANSFORMATION) коррелирует с концептом БЕССТРАШИЕ (COURAGE) в рамках единого концептуального пространства.

Построение целостной картины мира осуществляется за счет механизма переноса и уподобления. В силу специфики своей природы первообраз нуждается в вербализации, что и происходит посредством базовых (первичных) метафор. Базовые метафоры – мышление в терминах первообраза [Сви́репо 2004, с. 20].

Идея трансформации – есть базовая метафора компьютерной игры «Little Misfortune», это нить, связующая все повествование игры воедино. Маленькая Неудача бесстрашно отправляется в опасное путешествие ради поиска вечного счастья («Eternal Happiness») для своей матери. Выход за порог родного дома знаменует начало ее пути к преобразованию, это ее первая миссия: *Mr. Voice: Your first mission is to leave the house. LM: Ok. I'm gonna do it* [KG].

В архаических мифах переход означал путешествие, которое было результатом изменений в жизни человека. Путь начинался с порога, человек перешагивал арку и оказывался без охранных чар родного дома, в неизвестном и потенциально опасном мире. Представление о трансформации, как определенном переходе, кодировалось через разные символы – арка, костер, лодка [Сви́репо 2004, с. 12]. Виртуальный мир игры «Little Misfortune» наполнен атрибутами, символизирующими глубинный смысл трансформации.

Метафора пути обладает мощнейшим потенциалом личностной трансформации, является стержневой метафорой культуры [Сви́репо 2004, с. 103]: **Little Misfortune is standing by the road* Mr. Voice: Your next mission is to cross this road... LM: Alright, I can do that! Look to the left, look to the right. Any cars? No. Ok... I'm going...* [KG]. Девочка готова отправиться в дорогу, готова к переменам. Ценность

пути для нее это возможность уйти от семейных конфликтов и найти истинное счастье.

Мистер Голос заставляет девочку покинуть дом, ведет ее через страшный лес, приводит к волшебной пещере; он неизменно сопровождает ребенка в этом необычном путешествии.

Пещера символический эквивалент путешествия в подземный мир [Маковский 2000, с. 407]. Концепция трансформации опирается на представление о том, что, возможно, пещера имеет ассоциативную связь со страхами человека; это то, что человек боится в себе. Чтобы «переродиться», Маленькая Неудача должна войти в эту пещеру полную монстров («humanoid hamsters»); ей придется найти выход, и тем самым победить свой страх: *Mr. Voice: There's magical cave nearby, you need to find it. <...> Mr. Voice: Focus, Misfortune! We need to keep going! <...> *In the cave* LM: This cave is huge! Echo! <...> Mr. Voice: I don't know... Let's go find out. Hey, Misfortune. We need to find a way out now. The Eternal Happiness is still out there. LM: Ok, I'll look around* [KG].

На своем опасном пути в поисках вечного счастья Маленькая Неудача должна использовать атрибуты, означающими переход, чтобы продолжать двигаться к своей цели. Символы перехода преимущественно являются пространственными. Они олицетворяют трансформацию из одного пласта бытия в другой. Одним из таких символов в данной компьютерной игре выступает лестница.

Лестница относится к символам перехода. В различных мифологиях лестница символизировала связь между различными вертикальными (священными) уровнями Мироздания: весь Космос мыслился как Путь восхождения к Духу [Маковский 2000, с. 186]. Лестница символизирует перемещение из одной реальности в другую [Сви́репо 2004, с. 128]: **We find a button that gives ladder on the second floor of the cave* LM: I wonder what this button does. Huh, a ladder... Fancy! Mr. Voice: Good job, Misfortune! You found the way out <...> *Misfortune climbs out of a manhole in the city* [KG]. Маленькая Неудача после длительного хождения по пещере, наконец, находит лестницу – выход из пещеры. Идея перерождения путем перехода через пещеру обусловлена тем, что пещера уподобляется чреву матери. «Это место инициатической смерти и место второго рождения» [Сви́репо 2004, с. 120]. Тем самым происходит еще один этап трансформации девочки.*

Река является еще одним символом перехода, при этом она трактуется как река жизни. Берег, от которого отплывают девочка, является местом ее страданий. В то же время, берег, к которому она стремимся, символизирует новый счастливый мир: **Near the river* Mr. Voice: So,*

Misfortune... At the other side of this lake, you will be one step closer to the prize of Eternal Happiness [KG].

Переправа через реку осуществляется на плоту или в ладье, в этом смысле река оказывается границей между Жизнью и Смертью [Свирипо 2004, с. 128]: **At the beginning of the river there is a boat with a skeleton in a black cloak* LM: Check this boat out, it's like a black swan! How cool is that? <...> Mr. Voice: Oh, look at that. Well, are you ready to leave?<...> *The boat sets off. Misfortune is singing* <...> Look! We have arrived!* [KG].

После выхода из игры Мистера Голоса выясняется, что еще до начала повествования всей истории Маленькая Неудача уже не является живым персонажем. Лис Бенджамин приводит освободившуюся девочку к воротам в мир для таких детей, как она. Если на протяжении истории игрок посыпал блестками все секретные предметы, то возле врат расцветает дерево, освещенное звездочками из сердца Неудачи. Цветы превращаются в светящийся шар – Вечное Счастье («Eternal Happiness») и долетают до матери главной героини.

Дерево – образ рода, оно выступает как отражение взаимоотношений между поколениями: отец – ребенок – мать [Свирипо 2004, с. 135-136]. У маленькой героини видеоигры отношения с родителями «сломаны». Она является нежеланным ребенком в семье и ее родители считают девочку своей неудачей в жизни, что очень сильно сказывается на ребенке. Поэтому имя девочки также символично – Неудача.

Вероятно, что в данном эпизоде игры дерево, выросшее у врат в другой мир Сенерседы («Senersedee»), это символ «перерождения» души ребенка, поскольку «дерево считалосьместилищем душ умерших» [Маковский 2000, с. 383].

Цветок – символ возрождения и бессмертия. И на Востоке, и на Западе к цветку относились как к символу души, духовного «Я». Раскрытие цветка символизирует освобождение сознания за счет внутренних ресурсов личности – «освобождение изнутри» [Свирипо 2004, с. 129-130]. Таким образом, бесстрашие Маленькой Неудачи, ее выбор пути, преодоление трудностей и сильное желание найти Вечное Счастье для матери способствовали преобразению девочки. Она сумела достичь своей главной цели – трансформации самой себя.

Стоит отметить, что помимо темы трансформации,

целесообразно упомянуть и идею деформации реальности в видеоигре «Little Misfortune». Мистер Голос деформирует мир, в котором живет девочка.

Оба понятия (*трансформация* и *деформация*) в общем смысле обозначают процессы по преобразованию, изменению формы и вида первоначального, оригинального объекта. Однако *трансформации* – это положительные, развивающие изменения, преобразующие состояние объекта, а *деформации* – отрицательные, пагубные преобразования, обезображивающие, уродующие, искажающие первоначальный объект [Гарбовский 2007, с. 360].

Персонаж игры, Мистер Голос, оказывается паразитом из потустороннего мира по имени Морго. Определить данное существо как паразита можно по нескольким параметрам. Паразит умеет деформировать реальность, превращая ее в абсурд: стая ворон похищает Неудачу; вечеринка человекоподобных хомячков в пещере; ярмарка ужасов и т.д. Он может казаться дружелюбным, но тем не менее заманивать жертву в опасные игры. Более того он умеет превращаться в человека или животное. В сущности, паразит может осваивать окружающую действительность, понимать язык героев и их ценности [PG].

Компьютерная игра «Little Misfortune» является приключенческой, где игрок исследует мир через зрительное восприятие главной героини – девочки по имени Неудача. Визуальный стиль игры яркий и красочный. Это погружает игроков в мир фантазий и воображения, в котором живет девочка.

Мрачные сцены сюжета должны вызывать чувство отчаяния и безысходности. Это эмоциональный образ реальности, в которой пребывает Маленькая Неудача. Однако визуальная представленность этой реальности глазами девочки позволяет взаимодействовать с этой действительностью и изменять ее в нужном направлении. Таким образом трансформируются виртуальный и реальный миры. Ключевым моментом в трансформации образа реальности ребенка стало появление других персонажей, которые участвуют в трансформации – Мистера Голоса и Лиса Бенджамин.

Метафоры – обобщенный образ реальности. Способ познания мира и самого себя через образы и символы — это способ самопреобразования. Человек живет в мире символов, который в сознании человека замещает мир естественный.

ЛИТЕРАТУРА

1. KG – Официальный сайт студии «Killmonday Games» [Электронный ресурс]. – URL: <https://killmondaygames.com> (дата обращения: 26.02.2024).
2. PG – Playground. История мира и сюжет «Little Misfortune» // Обзор игры «Little Misfortune» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.playground.ru/>

- little_misfortune/opinion (дата обращения: 16.04.2024).
3. Асадуллина, С.Х. Теория и практика разрешения виртуального конфликта: Практико-ориентированная монография. – СПб: Нестор, 2009. – 327 с.
 4. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
 5. Кубышкин, С.А. Виртуальная реальность как социокультурный феномен // С.А. Кубышкин [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 19.04.2024).
 6. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь английского языка / М.М. Маковский. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416с.
 7. Свирепо, О.А. Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О.А. Свирепо, О.С. Туманова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – 270с.
 8. Яровенко, С.А. «Бегство от реальности»: аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Тамбовского университета – 2010. – №331. – С. 50-55.
-

© Чезыбаева Наталья Владимировна (Natti81@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВФЕМИЗМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ» В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Ян Линь

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
yanglin9420@yandex.ru

EUPHEMISMS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF DISEASE AND DEATH IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE WITH AGAINST THE BACKGROUND OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Yang Lin

Summary: This paper is devoted to analyzing the use of euphemisms of the lexico-semantic group "disease" and "death" in modern Chinese and Russian, especially in the press, in the context of the COVID-19 pandemic. It was revealed that euphemisms of the lexical-semantic group "disease" and "death" are divided into two groups, respectively, the group of death in its turn is subdivided into die, perish, dead, etc., and the group of disease can also be subdivided into disease (coronavirus), spread of infection, symptoms and consequences of coronavirus, patient, and so on.

Keywords: Chinese, Russian, lexico-semantic group "disease and death", euphemism, classification of euphemisms, coronavirus.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу употребления эвфемизмов лексико-семантической группы «болезнь и смерть» в современном китайском и русском языках, особенно в СМИ, в условиях минувшей пандемии COVID-19. Было выявлено, что эвфемизмы лексико-семантической группы «болезнь и смерть» разделяются на две группы соответственно. При этом группа «смерть» в свою очередь подразделяется на виды смерти, мертвец и т.д., а группа «болезнь» так же может подразделяться на болезнь (коронавирус), распространение инфекции, симптомы и последствия коронавируса, пациент и проч.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, лексико-семантическая группа «болезнь и смерть», эвфемизм, классификация эвфемизмов, коронавирус.

Эвфемизм используется для замены табу и выражений, пугающих, неприятных объектов, неприятных, не этикетных именовании. Новая коронавирусная инфекция была обнаружена в городе Ухань, Китай, в конце 2019 года — начале 2020 года. 12 января Всемирная организация здравоохранения назвала пневмонию в Ухане новой коронавирусной пневмонией 2019 года (англ. Corona Virus Disease 2019, аббр. Covid-2019). На фоне эпидемии коронавируса в современных китайском и русском языках появилось и использовалось множество эвфемизмов, связанных с понятием «болезнь» и «смерть». Сопоставительные исследования китайских и русских эвфемизмов представлены в трудах Чжан Чаня «Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты» [1], В.А. Акбаш «Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей происхождения и функционирования эвфемизмов в китайском и русском языках» [2], а также исследование эвфемизмов, связанных с коронавирусом, представлены в работе М.С. Беловой и Е.А. Киндлер «Структурно-семантические особенности эвфемизмов и дисфемизмов (по материалам немецкоязычных статей, посвященных теме коронавируса)» [3] и Старшиновой П.П. «Эвфемизмы в публицистическом дискурсе (на материалах англоязычных СМИ, посвященных коронавирусу)» [4], при этом

сопоставления способов классификации по семантическим признакам и способов образования эвфемизмов группы болезни и смерти, связанных с коронавирусом в русском и китайском языках не проводилось.

Лексико-семантические классификации эвфемизмов

В семантическом аспекте Л.П. Крысин выделяет следующие группы эвфемизмов: описывающие физиологические процессы и состояния, части тела, отношения между полами, болезнь и смерть [5], а Е.П. Сеничкина с точки зрения объектов эвфемии выделяет сверхъестественную силу, смерть и болезнь, физические и психические недостатки и т.д. [6]. Шао Цзюньхан классифицирует эвфемизмы на смерть и похороны, болезнь и физические недостатки, религию и суеверия, политику, экономику и проч. [7]. В словаре эвфемизмов китайского языка Чжан Гунгуй выделяет следующие семантические группы: смерть, похороны, мертвец, погребение, труп, гроб, загробный мир, болезнь и симптомы болезни [8].

Эвфемизмы, связанные с понятием «смерть»

1) В современном русском языке, особенно в СМИ, часто употребляется **эвфемистические наименования**

смерти:

Число **летальных исходов** из-за коронавируса в Москве за сутки возросло на 101 против 109 днем ранее, до 24 068. (Tass.com, 15.06.2021).

По данным организации, с 25 по 31 января в мире было зарегистрировано 96 364 **летальных исхода** от коронавируса. (RBC.ru, 04.03.2021).

Вспышка коронавируса 2019-nCoV, произошедшая в китайском городе Ухань, **унесла жизни** более 100 человек. (Газета.ru, 28.01.2020)

По данным регионального оперативного штаба, число **летальных случаев среди больных** с коронавирусом в Кузбассе... (Газета.ru, 28.10.2020)

В Москве **скончались** 58 пациентов, у всех был подтвержден диагноз «пневмония»... (Tass.com, 06.05.2020)

От коронавирусной инфекции или связанных с нею осложнений за 15 месяцев пандемии **ушло в мир иной** много известных людей из самых разных сфер. (Комсомольская правда, 15.07.2021)

Эпидемия сиротства: 1,5 млн детей потеряли родных из-за COVID-19. (Газета.ru, 21.07.2021)

Кроме того, еще существуют следующие эвфемизмы для обозначения смерти: заснуть/ уснуть вечным сном, отправиться к небу, уйти в лучший (мир), отправиться к лучшей жизни и т.д.

В китайских СМИ имеются эвфемизмы для замены **смерти**: 去世 – уйти в мир иной, 逝世 – покинуть сей мир, 永远地离开了 – навечно уйти, 被新冠带走了 – быть унесенным коронавирусом, 生命永远定格在抗疫一线 – навсегда остаться на фронте борьбы с эпидемией, 牺牲 – пожертвовать собой, 因公殉职 – фраз. скончаться при исполнении служебных обязанностей, 永垂不朽 – фраз. герой будет жить вечно и т.д.

为表达全国各族人民对抗击新冠肺炎疫情斗争牺牲烈士和逝世同胞的深切哀悼... – Чтобы выразить глубокие соболезнования всех граждан страны соотечественникам, **пожертвовавшим собой в борьбе с новой эпидемией пневмонии**... (Жэньминь Жибао, 04.04.2020)

位洪明全身心投身疫情防控战斗中,不畏艰辛、无私奉献, **将生命永远定格在抗疫一线**。 – Вэй Хунмин полностью посвятивший себя борьбе с эпидемией, не боясь трудностей, будучи беззаветно преданным своему делу, **навсегда остается на фронте борьбы с эпидемией**. (Жэньминь Жибао, 13.03.2020)

只为早日打赢这场疫情防控阻击战, 他们中的有些人 **永远离开了**, 但他们燃起的希望之光长明。 – Ради скорейшей победы в этой войне с эпидемией, **некоторые из них ушли навсегда**, но свет надежды, который они зажгли, светится навсегда. (Синьхуа, 08.02.2020)

在抗击疫情的严峻斗争中, 一批医务人员、干部职工、社区工作者**因公殉职**, 许多患者**不幸罹难**。 – В суровой борьбе с эпидемией многие медицинские работники, кадровые и рабочие, общественные деятели **пали жертвой при исполнении служебных обязанностей**, а многие пациенты, к сожалению, **стали его жертвами**. (Синьхуа, 04.04.2020)

致敬! 战“疫”英雄永垂不朽。 – Поклон героям! Герои, боровшиеся с эпидемией, **будут жить в веках**. (Жэньминь Жибао, 05.04.2020)

2) Предать земле вместо прямого наименования «**похоронить**»: Город с населением свыше 2 млн человек не успевает **предать земле скончавшихся** от пневмонии нового типа. (Газета.ru, 23.04.2020)

3) Эвфемизмы в русском языке вместо прямого наименования «**мертвый**»: В Ухане 4 апреля 2021 года в городе отмечали День поминовения **усопших**. (Газета.ru, 08.04.2021) Позже выяснилось, что один из членов семьи **покойного** болел COVID-19. (Газета.ru, 13.08.2020)

В китайском языке мертвец (включая пациентов и бойцов с коронавирусом) выражается эвфемизмами: 罹难者 – встретившие с бедствием, 离去的人 – покинувшие люди, 英雄 – герои, бойцы с коронавирусом, 逝者 – исчезнувшие люди, 不灭的光 – неугасаемый свет проч..

抗疫前线, 那些离去的人, 那些不灭的光。 – На фронте борьбы с эпидемией, те **покинувшие стали неугасаемым светом**. (Синьхуа, 07.02.2020)

英雄走好! 今天, 大江南北, 长城内外, 国家以最高的祭奠向英雄哀... – **Герои**, прощайте! Сегодня к северу и к югу от реки Янцзы, внутри и снаружи Великой китайской стены, государство оплакивает **героев** с высочайшей данью уважения... (Синьхуа, 04.04.2020)

逝者安息! 今天, 祖国母亲肝肠寸断, 亿万同胞泪飞如雨。 – **Исчезнувшие покойтесь с миром!** Сегодня сердце Родины-матушки кровью обливается, а сотни миллионов соотечественников плачут, как ливень. (Синьхуа, 04.04.2020)

4) В русском языке используется тело для обозначения «**труп**», а в китайском языке — 遗体 yítǐ – останки.

По его данным, власти города в ближайшее время собираются использовать стадион для зимних видов спорта под временное хранилище **тел**. (Газета.ru)

全国第一例、第二例由遗体解剖获得的新冠肺炎病理16日完成送检。 – Результаты при вскрытии **останков** первого и второго пациентов с коронавирусом были получены 16 числа и отправлены на экспертизу. (Жэньминь Жибао, 16.02.2020)

Эвфемизмы, связанные с коронавирусом

1) Для наименования **времени между заражением и первыми симптомами** употребляются эвфемизмы «инкубационный период», «спящий» или «в спящем состоянии». Например: **Инкубационный период** при заболевании, которое вызывает новый коронавирус, в среднем составляет 5–6 дней, и может варьироваться от 0 до 14 дней. (Tass.com, 20.04.2020) Тем не менее, иммунная система участников была настолько ослаблена, что произошла активация заболеваний, ранее «**спящих**» в организме, таких как вирус герпеса. (Газета.ru)

02.10.2023)

В китайском языке для выражения **времени между заражением и первыми симптомами** употребляются эвфемизмы **潜伏** - прятаться, **潜伏期** - скрытый период. Например: 有媒体称新冠肺炎患者**潜伏期**或长达42天。 – По сообщениям СМИ, **инкубационный период** у пациентов с коронавирусом может достигать 42 дней. (Жэньминь Жибао, 13.02.2020)

2) В русском и китайском языках существует сходное эвфемистическое выражение для замены широкого распространения коронавируса: **席卷全球** xíjuǎnquánqiú – замотать весь мир циновкой, захватить весь мир, коронавирус захватил весь мир или сотни стран.

Шагает по миру: коронавирус **захватил более сотни стран**. (Газета. ru)

Омикрон-вариант **Омикрон** **охватил весь мир**, и в борьбе с эпидемией нельзя терять времени. (Жэньминь Жибао, 23.02.2023) **战“疫”** (борьба с эпидемией) и **战役** (битва) звучат одиноково, **战“疫”** используют для обозначения борьбы с коронавирусом.

3) Коронавирус выражается следующими эвфемистическими выражениями вирус, болезнь, заболевание, заражение, ТОРС (Тяжёлый острый респираторный синдром), ОРВИ (острые респираторные вирусные инфекции), вызов, ковид (англ. Corona), дельта (греческая буква Δ — дельта-вариант коронавируса), омикрон (греческая буква О — омикрон-вариант коронавируса), Covid-19, SARS-CoV-2 и проч.

Выступая с речью после принятия новой присяги, Гросси отметил, что в последние годы **мировая безопасность** столкнулась с **серьезными вызовами**. (Газета. ru, 25.09.2023)

Она подчеркнула, что в текущий момент рост **заболеваемости** есть, но не наблюдается значимого количества ежедневных и еженедельных зарегистрированных **заболеваний**. (Газета. ru, 09.02.2024)

Кроме того, существуют риски заражения рожденно-го ребенка инфекцией – частицы **вируса** содержатся в плаценте, в околоплодных водах и даже в молоке матери. (Газета.ru, 07.02.2024)

При появлении симптомов **ОРВИ** необходимо позвонить в кол-центр или «122» для консультации с медработником. (Tass.com, 26.01.2022)

Первый применялся при лечении **инфекции ТОРС** в Китае, Сингапуре и других странах. (Газета.ru, 30.01.2020)

Острая дыхательная недостаточность при **ковиде** может развиваться за пару дней. (Tass.com, 21.10.2021)

Для замены коронавируса существуют такие китайские эвфемизмы, как **新冠** - новый тип короны (сокращенное название от **新型冠状病毒**, англ. Corona Virus Disease 2019, т.е. коронавирус нового типа 2019), **挑战** - вызов, **困难** – трудность, **疫情** – эпидемия, **口罩** – маска, **口罩事件** – событие с масками, **德尔塔** déěrtǎ – дельта, **奥**

密克戎 àomìkèróng – омикрон, Covid-19, SARS-CoV-2 и т.д.

我国能够取得**疫情防控重大决定性胜利**, 汇聚起**抗击疫情、战胜困难**的强大合力。 – Важная причина, по которой Китай смог одержать решающую победу в борьбе с **эпидемией**, заключается в том, что вся нация всегда работала сообща, чтобы собрать мощную синергию для борьбы с **эпидемией** и преодоления **трудностей**. (Жэньминь Жибао, 17.02.2023)

4) **Пациент с коронавирусом** или **заразиться коронавирусом** обозначаются следующими эвфемизмами: **контагиозный**, **ковидники**, **коронайя**, **коронаилы**, **ковид-диссидент**, **нулевой пациент**, **уязвимые категории**, **группа повышенного риска**, **модно** и т.д.

Коронавирусная инфекция через пять-семь лет станет более **контагиозной**, но при этом будет вызывать меньше осложнений. (РИА Новости, 22.12.2020)

Он также выложил в своем аккаунте фотографию **капельницы**, пошутив, что это «завтрак уже не тяжелого **ковидника**». (Газета. ru, 10.07.2022)

Названа наименее **уязвимая** для коронавируса категория людей (РИА новости, 04.03.2020)

Нулевым пациентом с коронавирусом в России оказался мужчина, прилетевший из Милана... (RBC.ru, 15.04.2020)

Если беременная была инфицирована коронавирусом, то она попадает в **группу высокого риска** тяжелой заболеваемости и смертности. (Газета.ru, 07.02.2024)

Эпидемия коронавируса привнесла в мировой сленг новые слова, которые еще полгода назад показались бы бессмысленными. Что такое **думскроллинг**, **ковидворс** и **зумбомбинг**. В социальных сетях можно встретить слово «коронаилы» (англ. Coronials). (Газета.ru, 20.04.2020)

Коронавирус стал модным трендом для блогеров из инстаграма и поводом пошутить для подростков из TikTok. Выражение «Кому-л. модно» употребляется для обозначения «заразиться коронавирусом».

В китайском интернете и в повседневной разговорной речи блогеры используют термин **羊了** yáng le- «превратиться в овцу» (поскольку произношение слова «овца» и «положительного» результата теста на коронавирус в китайском языке одинаковы, поэтому происходит замена иероглифа в значении заражать коронавирусом), **小羊人** – овца-оборотень, **冠了** – победить, корона, или **中大奖** – выиграть крупный приз для обозначения заражения коронавирусом и больных коронавирусом. **高危人群** gāowéirénqún – группа повышенного риска и **危险人群** – опасная группа людей обозначают тяжелобольные или потенциально тяжелобольные пациенты.

80岁以上的高龄老人 更是重症的**高危人群**。 – Пожилые люди старше 80 лет относятся к **группам повышенного риска**. (Жэньминь Жибао, 29.11.2022)

红码 «красный QR-код» или **码红了** «QR-код покраснел» употребляются для обозначения заражения коронавирусом или потенциального заражения. Во время

борьбы с коронавирусом в материковом Китае использовалось приложение противоэпидемический код здоровья. Красный код здоровья идентифицирует повышенный уровень риска.

5) **Симптомы и последствия коронавируса** передаются следующими эвфемистическими единицами: «Неприятные симптомы» заменяет прямые **названия конкретных серьезных симптомов коронавируса**. «Дисфункция» определенных органов или системы заменяет прямое выражение **нарушения органов или системы**. Например: Пациенты, которые попали в реанимацию с COVID-19, чаще больных с другими формами ОРВИ страдали от **дисфункции мозга**. (RBC.ru, 10.01.2021) Результаты исследования показали, что субъективная **вкусовая или обонятельная дисфункция** может точно предсказать наличие антител к SARS-CoV-2. (Газета.ru, 18.12.2022) Коронавирусная инфекция часто сопровождается **неприятными симптомами со стороны пищеварительной системы организма**. (Газета.ru, 04.10.2022)

Раздражение, повреждение и воспаление легких, угрожающие жизни, выражается эвфемизмами «дистресс-синдром» и «пневмония», «Поражение легких» обозначает **пневмонию**, «Дыхательная недостаточность» значит **отсутствие обеспечения легких нормальным газовым составом артериальной крови**. Например: Респираторный дистресс-синдром или острая **дыхательная недостаточность** при коронавирусной инфекции может развиваться за несколько дней. (Tass.com, 21.10.2021) Они также вычислили два фактора, предсказывающие **тяжелую пневмонию** у беременных с COVID-19. (Газета.ru, 07.04.2024) Выраженное **поражение легких** у пациентов с коронавирусом в последнее время... (Tass.com, 19.07.2021)

Эвфемизм «нарушение или негативное влияние на репродуктивной функции» обозначает **бесплодие**. Например: Коронавирус может вызывать поражение яичников и сперматозоидов, **негативно влияя на женскую и мужскую репродуктивную систему**... (Tass.com, 06.07.2021)

«Тиннитус» обозначает **звон и шум в ушах**.

Эксперты заявили, что ряд пациентов, которые заразились новым типом вируса, жаловались на **тиннитус**... (Газета.ru, 18.10.2020)

«Ковидные пальцы» значит выявленный ранее симптом у больных COVID-19. Например: Синдром **«ковидных пальцев»**, который может возникнуть у пациентов с коронавирусом... (RBC.ru, 07.11.2021)

Он подчеркнул, что до этого медработники часто видели резистентную **гипертермию** (вм. Высокая температура)... (Tass.com, 24.01.2022)

«Диарея», «расстройство желудка», «нарушение пищеварительной системой» обозначают **симптомы расстройства кишечника и проблемы с желудочно-кишечным трактом**. Например: Первыми симптомами новой коронавирусной инфекции могут стать тошнота,

рвота и **диарея**... (Tass.com, 14.05.2022) Специалисты из ZOE COVID Study, изучающие данные заразившихся пациентов, заявили, что люди стали чаще жаловаться на **расстройство желудка** во время вспышки штамма «омикрон». (Газета.ru, 06.02.2022) Уханьский вариант проявлялся в виде потери обоняния и вкуса, а «дельта»-штамм — в виде болей в горле и **расстройств пищеварительной системы**. (Газета.ru, 01.12.2021)

В китайском языке симптомы и последствия коронавируса выражаются следующими эвфемизмами: **肺炎** - пневмония, **肺部炎症** - воспаление лёгких, **白肺** - белые легкие вместо фиброза легких. Например: **白肺是可以预警的...-Белые легкие** могут быть ранним предупреждением... (Жэньминь Жибао, 30.12.2022)

В китайских социальных сетях молодые люди часто используют сленг **看见我太奶奶** - увидеть свою прабабушку, **狗带 gǒudài-go die**, **嘎了** - резать шею, зарезаться как эвфемизмы шутивным образом сказать, что они тяжело больны.

6) В китайском языке **做核酸 zuò hésuān** – делать нуклеиновые кислоты – делать тест на нуклеиновые кислоты коронавируса, как делать ПЦР-тест. Например: **做核酸是否硬性要求?** – Обязательно ли **делать ПЦР?** (Синьхуа, 29.11.2022)

В русском языке «ПЦР-тест» обозначает тест на полимеразную цепную реакцию. Например: Также Роспотребнадзор установил, что лица, имевшие контакты с больными ковидом, должны **сдавать ПЦР-тест** только при наличии симптомов. (Tass.com, 07.12.2021)

7) В китайском языке для наименования медицинский персонал: **白衣天使** – ангелы в белых одеждах, **白衣战士** – бойцы в белых халатах, **最可爱的人** – самые милые люди, **英雄** – герои и т.д..

2020年春节,面对突如其来的新冠肺炎疫情,**白衣天使**第一时间冲锋一线...- В праздник Весны 2020 года перед лицом внезапной вспышки коронарной пневмонии ангелы в белых одеждах первыми бросились на передовую... (Жэньминь Жибао, 21.06.2020) **在武汉, 在全国, 许许多多“白衣战士”舍小家为大家**。 – В Ухане, в стране, многие **«бойцы в белых халатах»** жертвовали своими семьями ради всех. (Жэньминь Жибао, 02.02.2020) **向新时代最可爱的人致敬 “你们是光明的使者、希望的使者, 是最美的天使, 是真正的英雄!** – Поклон **прекраснейшим людям новой эпохи, Вы — посланники света, посланники надежды, прекрасные ангелы, настоящие герои!** (Жэньминь Жибао, 13.03.2020)

Заключение

Таким образом, в китайском и русском языках на материале, связанном с коронавирусом, удалось обнаружить большое количество эвфемизмов лексико-семантической группы «болезнь и смерть», которые можно разделить на следующие подгруппы: способы смерти,

мертвец, распространение коронавируса, коронавирус, заражение, инкубационный период, симптомы и последствия коронавируса, бойцы с коронавирусом (особенно медицинский персонал). В новостных сообщени-

ях китайский язык отличается более богатым набором эвфемизмов, обозначающих медицинских работников, а русский — относительно более эвфемистичными терминами, обозначающими последствия болезни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: дис. . . канд. филол. наук. Волгоград, 2013. — 208 с.
2. Акбаш В.А. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей происхождения и функционирования эвфемизмов в китайском и русском языках // Мир науки, культуры и образования No 2, 2020. — С. 587-590.
3. Белова О.В. Киндлер. Е.А. Структурно-семантические особенности эвфемизмов и дисфемизмов (по материалам немецкоязычных статей, посвященных теме коронавируса) // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2023. — С. 118-126.
4. Старшиновой П.П. Эвфемизмы в публицистическом дискурсе (на материалах англоязычных СМИ, посвященных коронавирусу) // День науки: сборник статей XXII студенческой научной конференции. Самара: СФ ГАOU ВО МГПУ, 2021. С. 233-236.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русистика. — Берлин, 1994, № 1-2. — С. 28-49.
6. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Е.П. Сеничкина. — 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. — 120 с.
7. 邵军航. 委婉语研究. 上海. 2007. 140 页. [Шао Цзиньхан. Исследование эвфемизмов: дис. . . докт. филол. наук. Шанхай, 2007. 140 с.] (На кит. языке)
8. 张拱贵. 汉语委婉语词典. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1996. 303 页. [Чжан Гунгуй. Словарь эвфемизмов китайского языка. Пекин: Пекинский университет языков и культуры, 1996. 303 с.] (На кит. языке).

© Ян Линь (yanglin9420@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЭТИКА НАЗВАНИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВА»

Ян Хуань

Хэйлунцзянский университет, Хэйлунцзян, Китай
huan.ja@yandex.ru

POETICS OF THE TITLE OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL THE BROTHERS KARMAZOV

Yang Huan

Summary: The article deals with the poetics of the title of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". It is suggested that the title of this work, which became the last and main message of the writer to mankind, is a semantic complex, each element of which – the title and the epigraph – contain a clue to decipher the main author's idea about the possibility of spiritual rebirth of man through the acceptance of the Word of God.

Keywords: title, hero's name, novel, Dostoevsky, "The Brothers Karamazov".

Аннотация: В статье рассматривается поэтика названия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Высказывается предположение, что заглавие этого произведения, ставшего последним и главным посланием писателя человечеству, является семантическим комплексом, каждый элемент которого – непосредственно название и эпиграф – содержат в себе подсказку к расшифровке главной авторской идеи о возможности духовного возрождения человека посредством принятия Слова Божьего.

Ключевые слова: заглавие, имя героя, роман, Достоевский, «Братья Карамазовы».

Название произведения представляет собой художественный феномен, который неизменно привлекает к себе внимание литературоведов. Впервые данный феномен подробно был рассмотрен С.Д. Кржижановским, который написал труд «Поэтика заглавия» (1925). В нём он сделал успешную попытку доказать, что заглавие – ёмкое содержание всего произведения [8, с. 4]. Всестороннее исследование поэтики заглавия было сделано Н.А. Веселовой, в котором обозначены его важнейшие аспекты.

В первую очередь, заглавие следует трактовать как имя текста, которое коррелирует со всем произведением (как и произведение коррелирует с названием). В то же время, само заглавие тоже необходимо воспринимать как самостоятельный текст. Но и основной текст, и текст заглавия представляют собой единую систему [4, с. 10]. «Это даёт имени-заглавию – продолжает Н.А. Веселова – право не только представлять текст, но в ряде случаев и замещать его» [4, с. 10].

Более того, исследовательница трактует заглавие как комплекс, в который входят следующие элементы:

- имя создателя произведения;
- подзаголовок;
- посвящение;
- предшествующий тексту эпиграф;
- сведения о времени и месте создания произведения;
- оформление полиграфическими средствами [4, с. 10-12].

Согласно классификации Н.А. Веселовой, название

романа Ф.М. Достоевского является заглавием-антропонимом, так как в нём присутствует фамилия главных героев. Антропоним может содержать в себе множественные смыслы, а не просто обозначать имена персонажей. В романе «Братья Карамазовы» наблюдается именно такая ситуация. Т.А. Бондаренко пишет: «Семантическая ценность антропонима как системообразующего компонента имени-слова произведения проявляется в анализе характеристических свойств образов персонажей» [3, с. 21].

Действительно, имена героев романа дают большой простор для интерпретаций. Однако в заглавии произведения присутствует не только антропоним, но и лексема «братья», которая также может содержать в себе множество ценных сведений.

В толковых словарях слово «брат» означает членов одной семьи; лиц мужского пола, состоящих в родственных, кровных отношениях [10, с. 224]. Таким образом, семантика слова предполагает тесную связь, основой которой оказывается любовь, дружба, единство.

Отметим, что в русской картине мира слова «брат», «братство» могло распространяться не только на ближайших родственников, но и воинов, монахов, князей. Но в данном случае общая фамилия безоговорочно указывает на семейные связи, которые по традиции должны быть крепкими, нерушимыми, дружественными. Т.Е. Владимирова замечает: «Семантическая близость слов брат / братья и друг / друзья отчётливо просматривается в пословицах, которые высоко оценивают братские и дружеские отношения, предостерегая от их

нарушения: “Доброе братство милее богатства”; “Братская любовь лучше каменных стен”; “Нет друга супротив родного брата”» [5, с. 2016].

В таком контексте название романа следовало бы расценивать как семейный роман, герои которого связаны крепкими узами, но в действительности писатель последовательно воссоздаёт крах семьи и – как следствие всего общества. Если же обратить внимание на название Книги первой части первой – «История одной семейки» – становится очевидным, что герои будут представлены с отрицательной коннотацией, о чём свидетельствует эмотивное слово «семейка», носящее не только пренебрежительный, но и негативный контекст.

Суть же состоит в том, что семьи Карамазовых как таковой не существует: отец семейства Карамазовых, всю жизнь проживший в разврате, не интересовался своими сыновьями от разных браков и держал их далеко от себя. Поэтому изначальным состоянием этой семьи является разлад и распад: «Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вместе в первый раз в жизни, и некоторые члены ее в первый раз в жизни увидели друг друга. Лишь один только младший сын, Алексей Федорович, уже с год пред тем, как проживал у нас и попал к нам, таким образом, раньше всех братьев» [6, с. 30].

Результатом таких взаимоотношений становится страшное преступление – отцеубийство, которое совершил один из сыновей. На протяжении всего романа ведётся расследование этого преступления, что позволило автору облечь повествование в детективную канву, однако, как и в случае с «Преступлением и наказанием», это была лишь внешняя сторона. Внутренней сутью произведения является философско-религиозная рефлексия автора, его размышления о нравственных проблемах общества, духовном состоянии человека и его отношениях с другими людьми, с самим собой и Богом. Таким образом, первая часть заглавия несёт в себе скрытый конфликт: предполагаемая сплочённость братьев оказывается ложной. Кроме того, у троих братьев Карамазовых находится и четвёртый брат – внебрачный сын Фёдора Павловича, носящий красноречивую фамилию Смердяков и отдалённый от своего отца ещё больше, чем все остальные.

Итак, семейство («семейка») Карамазовых представляет собой разрозненную группу людей, связанную ближайшими родственными связями, но отличающуюся от традиционных представлений о семье. Скорее, это модель ущербной семьи, в которой нет хозяйки, братья рождены от разных матерей (и четвёртый из них отвержен и унижен), а отец ведёт греховный образ жизни, отказавшись ото всех отцовских обязанностях.

Перемены происходят, когда братья встречаются,

и тогда начинается их духовное единение. Но при этом объединяет их не только родство, но и протест против поведения отца (у каждого он проявляется по-разному). Их отношение к отцу вполне объяснимо, так как ситуация с самого начала является противоречащей всем нормам: «Кажется, что на Алёшу произвел сильнейшее впечатление приезд его обоих братьев, которых он до того совершенно не знал. С братом Дмитрием Федоровичем он сошёлся скорее и ближе, хотя тот приехал позже, чем с другим (единоутробным) братом своим, Иваном Фёдоровичем» [6, с. 42].

Но даже возникшее после длительной разлуки братство нельзя назвать полноценным, так как и в нём есть некая ущербность, суть которой поясняет К.В. Мочульский: «... каждый по-своему, переживают единую трагедию, у них общая вина и общее искупление. Не только Иван со своей идеей “всё позволено”, не только Дмитрий в своём безудержьи страстей, но и “тихий мальчик” Алёша ответственны за убийство отца. Все они сознательно или полусознательно желали его смерти» [9, с. 75]. Таким образом, единение братьев строилось не только на возникшей духовной привязанности, но и на грехе.

В свете сказанного рассмотрим вторую часть заглавия, которой является фамилия «Карамазовы». Исследователи выдвигают несколько версий относительно семантики данного антропонима. Так, С.А. Скуридина, ссылаясь на словарь В.И. Даля, входящий в личную библиотеку писателя, предполагает, что фамилию Карамазов следует толковать как «черномазый», так как это слово находится в одном синонимичном ряду со словом «: кармазый» и, другими лексемами из него, [11, с. 69-70].

Такая версия является наиболее легко объяснимой и достоверной: во-первых, благодаря близости значений, во-вторых, подходящей семантикой, поскольку слово «черномазый» указывает на тёмную сторону души представителей семейства Карамазовых. В то же время «черномазый» способно сигнализировать и о греховности, которая сопровождает это семейство на протяжении всего его существования.

Подтверждение тому, что под фамилией Карамазов подразумевается некое чёрное, греховное начало, есть и в тексте романа (имеется в виду сцена знакомства Алёши и Арины Петровны):

«– Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов, – проговорила она.
– Карамазов, маменька, Карамазов!» [6, с. 174].

Согласимся с мнением С.А. Скуридиной и о том, что фамилия героев содержит в себе и другой семантический оттенок, который вычленяется из антропонима Карамазовы и восходит к слову «кара» [11, с. 71]. Действительно, греховность жизни семейства Карамазовых

– нарушение основных морально-нравственных норм и Божьих заповедей отцом; различные грехи его сыновей и их общий грех – тайное или явное пожелание смерти главе семейства, которое приводит к его настоящему убийству, – всё это требует возмездия.

Поэтому идея о каре – как ответе за греховные поступки – является закономерной, и писатель нашёл идеальный вариант антропонима для названия, поскольку он совместил в себе оппозицию «грех – кара». Такой подход свойственен творчеству Ф.М. Достоевского – достаточно вспомнить роман «Преступление и наказание», входящий, как и «Братья Карамазовы», в Великое Пятикнижие.

Чтобы подтвердить мысль о присутствии в заглавии идеи о каре, необходимо обратиться к эпиграфу романа. В качестве такового писатель избрал цитату из Евангелия: *«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12:24).

Эти слова Ф.М. Достоевский позаимствовал из Евангелия от Иоанна (это глава обычно читается в храмах на Пасху), и в них идёт речь о победе Спасителя, которая произойдёт в скором времени, но не обычным способом, а через Его смерть. По Евангелию всё так и произошло: Иисус принял смерть на Кресте, был погребён, но воскрес, доказав тем самым торжество жизни и веры.

Как и любые евангельские слова, язык этой цитаты метафоричен, содержит притчевое начало, и в первую очередь следует обратить внимание символику зерна. Под ним подразумевается сам Спаситель, смерть которого стала надеждой на обретение бессмертия. Объясняется это тем, что в умерший, а потом воскресший Иисус, словно зерно в земле, пророс и дал обильные всходы в виде бессмертия для всех людей, уверовавших в Него. Неслучайно в пасхальном тропаре поётся: *«... Смертию смерть поправ / И сущим во гробех живот даровав»* [12, с. 72].

Поэтому скрытый смысл эпиграфа дал повод исследователям говорить о пасхальном начале, лежащем в основании всего романа и определяющим его подтекст. Так, В.Н. Захаров пишет: «Евангельский эпиграф задает пасхальный сюжет романа «Братья Карамазовы», который становится ключом ко всем двенадцати книгам и роману в целом, превращая роман романов в христианский метароман о человеке и Слове, о России и Христе, о мире и Церкви [7, с. 32].

Таким образом, возникает вопрос, сопоставляется ли кара, намёк на которую предположительно заложен в фамилии Карамазовых, с этим мощным, светлым, жизнеутверждающим смыслом, который транслирует эпиграф.

Однако эта мысль представляется возможной, поскольку в евангельском представлении путь христианина не прост и состоит не только из духовных побед, но и падений, греховных поступков, отхождения от Бога и нового приближения к Нему. Подобный путь проходят и герои Ф.М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы», и в этом контексте и необходимо рассматривать действие произведения. С этой точки зрения будут уместны слова А.Б. Криницина, который пишет: *«Каждую человеческую душу и всё человечество в целом писатель мыслил, как почву, на которой должно прорасти упавшее туда зерно – Слово Божие. И из притчи о семени, как из зерна, вырастает сюжет романа»* [Цит. по: 2, с. 82].

Автор, иллюстрируя эту притчу, на примере героев произведения, показывает, как такое зерно, однажды попав в душу человека, оказывается способным преобразить её и духовно возродить личность. Прежде всего, писатель преследовал цель показать, что любой человек – это образ и подобие Божие, и это свойство невозможно утратить навсегда.

Известно, что Ф.М. Достоевский, который критически относился к социальному устройству, к духовно-нравственному состоянию общества, считал, что исправление действительности возможно только посредством внутреннего переустройства человека, а не с помощью принятия только лишь внешних мер. Выжив на каторге только благодаря вере, которую он ежедневно подкреплял чтением Евангелия, он пережил духовное перерождение и далее поставил цель спроецировать свой опыт на всё человечество.

Истинно христианская позиция, которую принял писатель, не осуждать человека в его самых низких поступках, а попытаться спасти, напомнив о том, что он – образ и подобие Божие, отразилась и в «Братьях Карамазовых». Так, старец Зосима прямо говорит об этом: *«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле»* [6, с. 207]. Иными словами, он подсказывает путь к спасению и обретению человеком утраченной сущности. Эта цитата соотносится с Евангелием: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин.13: 34-35).

Принять эти слова, принять заповеди Божьи и сделать попытку жить по ним – это и есть возможность посадить и взрастить в себе евангельское зерно. На примере своих героев Ф.М. Достоевский показывает, что потенциал для этого есть у каждого, даже самого грешного человека.

Так, Фёдор Павлович Карамазов представляет собой тип героя с порочным сознанием и душой. В нём

соединены множество самых отвратительных грехов и качеств – сладострастие, цинизм, злое шутовство и богохульство. Он – герой-богоотступник, который знает, что падает в бездну, но при этом испытывает удовольствие от данного факта. К.В. Мочульский, сравнивший его с фавном, замечает, что этот фавн «более не невинен: он осознаёт, что похоть его греховна, и защищается шутовством и бесстыдством» [9, с. 179].

Но этот герой не однозначен и противоречив: не веря в Бога, он в то же время не оскорбляет религиозного чувства Алёши, а наоборот, просит о молитве. Есть в нём и небольшое тяготение к красоте и добру, а некоторый трагический оттенок придаёт Карамазову-отцу присущее ему чувство вины. В какой-то мере Фёдор Павлович признаёт себя недостойной той жизни, которую страстно любит. Он понимает, что он «приговорён» к убийству, ощущает себя отверженным, но ничего изменить не может, потому что сделать это можно только при помощи Божьей, а Бога в его душе нет.

Писатель был убеждён в силе примера отцов для детей. Отрезанные от родного дома, братья Карамазовы обречены нести на себе груз «карамазовской породы». Более того, в них заложено тяготение к пороку и злу, поскольку их отец является убеждённым носителем грехов. Это значительно осложняет им жизнь.

Старший сын Дмитрий Карамазов более всего похож на отца, он наделён многими пороками, присущими Фёдору Павловичу. В этом отношении примечательна характеристика, которую даёт Дмитрию Ракитин: «*Пусть он и честный человек, Митенька-то, но сладострастник. Вот его определение и вся внутренняя суть. Это отец передал своё подлое сладострастие... Ведь в вашем семействе сладострастие до воспаления доведено*» [6, с. 154]. Тем не менее, эту характеристику нельзя считать полной. Как заметил К.В. Мочульский, «тёмная земляная стихия преобразуется в "горячем сердце" Дмитрия в ослепительное пламя эроса, и он осознаёт её как великую рождающую и творящую силу» [9, с. 208].

Это чувство можно назвать космическим, которое зачастую приводит его к мистическому экстазу. Дмитрию более всех из братьев суждено ощущать ту двойственность, которая заложена в породе Карамазовых. Живя пороками, он, вместе с тем, чувствует непреодолимую потребность в Боге: «*...Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я всё-таки и Твой сын, Господи, и я люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть*» [9, с. 241].

Эти экзистенциальные ощущения боли и страха, двойственности способствуют тому, что Дмитрий прони-

кается всему тому, что подобно ему, то есть двойственно. Именно Митя оказывается в состоянии открыть природу красоты, в которой также присутствует трагическая двойственность: «*Красота – это страшная и ужасная вещь. Страшная потому, что неопределённая и определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия живут... Красота! <...>. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей*» [9, с. 269]. В этих словах выражено одно из основных положений философской антропологии Достоевского.

Сластолюбие, страстность и бесчестие, присущее породе Карамазовых, будет проявляться во многих поступках Дмитрия, но за каждое из них он будет расплачиваться муками совести; за каждое из них будет наказан. Почти всех героев Достоевского преследует непреодолимое чувство вины. Это касается и Дмитрия. Вся его жизнь превращается в страх и боль – из-за совершённого преступления, из-за чувства раскаяния и боязни разоблачения. Однако пройдя через долгий путь страдания, душа Дмитрия всё-таки воскрешается и оказывается готовой к вечной жизни. На примере Мити писатель доказал, что утерянный образ Христа можно вернуть – через принятие мук и раскаяние.

Иван Карамзин является носителем атеистического воззрения, отягощённого гордыней. Тем не менее, он пишет труд о необходимости теократического устройства государства, то есть такого, при котором вся власть сосредоточена в руках церкви. Другим проявлением его неоднозначности является внушаемая отцу мысль обратиться к отцу Зосиме и устроить семейный совет в монастыре, а впоследствии почтительно целует старцу руку.

Зосима, будучи ясновидцем, сразу определяет тайну души Ивана, понимая, что его «мучает Бог», а его сознание разрывается между безверием и верой. Об этот свидетельствуют слова старца: «*Идея эта ещё не решена в вашем сердце и мучает его <...>. В этом ваше великое горе, ибо действительно требует разрешения... Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такой мукой мучиться...*» [9, с. 281].

Зосима верно понимает, что Иван совсем не убеждённый и самодовольный безбожник. Он – «мученик идеи, переживающий неверие как личную трагедию» [13, с. 206]. Алёша придерживается аналогичного мнения по отношению к брату, говоря о нём: «*Он мучения ищет, душа у него бурная. Ум его в плену. В нём мысль великая и неразрешённая. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить*» [6, с. 237].

Действительно, ум Ивана не может решить, как совместить торжествующее в мире зло с бытием Бога. Он

находится на полпути между верой и безверием. Но в те минуты, когда он готов принять Бога, в нём просыпается гордыня. Он начинает критиковать устройство Божьего мира, укорять Его за допущение зла. Примечательны слова, которые он говорит Алёше: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это. Я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять... Вот моя суть, Алёша, вот мой тезис» [6, с. 258].

Иван допускает мысль о том, что когда-нибудь, в какой-то счастливый момент люди, пройдя через тернистый путь страданий, смогут простить друг друга, и тогда наступит гармония, которая будет длиться вечно. Именно в уста Ивана вложил Достоевский слова о «слезе ребёнка». По мнению среднего Карамазова, ничем нельзя оправдать страдания детей, никакими высшими политическими целями. Используемые им аргументы традиционны для атеистов, которые находят множество аргументов для того, чтобы заявить о том, что Бога нет. В выступлениях Ивана – проекция на будущих революционеров, которых предвидел гений Достоевского.

Алёша Карамазов – младший из братьев – является продолжателем идей князя Мышкина. Как и герой «Идиота», Алёша искренне и глубоко сочувствует окружающим, пытается поддержать их и помочь. Но он никак не влияет на действие романа. Достоевский задумывал Алёшу как «деятеля неопределённого и невыяснившегося» [6, с. 187]. И всё же, не будучи непосредственным участником всех драматических коллизий романа, Алёша оказывается очень значительной личностью в системе образов, потому что олицетворяет собой совесть других персонажей.

Таким образом, заглавие романа включает в себя идею о распаде личности, семьи, общества и заражённость их грехом и – как следствие – наступление кары. Однако эпиграф транслирует идею о возможности духовного возрождения человека, семьи, личности через приобщение к Слову Божьему, которое символизируется образом зерна. В свете сказанного, комплекс заглавия «Братья Карамазовы» можно расценивать как зашифрованное послание писателя о возможности возвращения грешному человеку образа и подобия Божия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Екатеринбург: Сибирская Благовонница, 2021. 1488 с.
2. Бондаревская О.А. Эпиграф как ключ к художественному толкованию романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Ключевое слово «Зерно» // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 4. С. 80-83.
3. Бондаренко Т.А. Антропонимия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Тюмень, 2006. 23 с.
4. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика. Тверь: ТГУ, 1998. 295 с.
5. Владимирова Т.Е. Концепт «Брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 2015-2019.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: в 2 т. М.: Дрофа, 2010. 384 с.
7. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 36 с.
9. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. М.: ЕЁ Медиа, 2012. 563 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2010. 1376 с.
11. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского: (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 301 с.
12. Энциклопедия православия. – М.: Научная книга, T8RUGRAM, 2017. – 316 с.
13. Юрьева О.Ю. Достоевский в школе. М.: Дрофа, 2007. 319 с.

© Ян Хуань (huan.ja@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Agoshkova T.** – Lecturer, Moscow Aviation Institute, Moscow
- Andreeva S.** – postgraduate student, St. Petersburg Academy of Postgraduate Education
- Ankudinov K.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Adyghe State University, Maykop
- Ashinova Yu.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Adyghe State University, Maykop
- Atanov A.** – Doctor of philosophical science, Baikal State University (Irkutsk)
- Bagirli Sevinj Elbrus kyzy** – PHD-student, A.S. Pushkin State Institute of The Russian Language
- Baskina E.** – Master of International journalism, SUE "Moscow Metro"
- Beloglazov P.** – Candidate of Philology, S.N.S. of the language sector of GBNIU "Khakniiyali", Abakan
- Bortnikova A.** – senior instructor, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia
- Chernitsyna S.** – graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kostroma State University", Kostroma, Russia
- Chezybaeva N.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Khakass Technical Institute – branch of Siberian Federal University (Abakan)
- Dyakov S.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mikhailovsky Military Artillery Academy, St. Petersburg
- Fan-Yung G.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volga State University physical culture, sports and tourism, Kazan
- Fatalieva G.** – Dagestan State University (Makhachkala)
- Fedorova T.** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Pskov State University
- Fedyukova N.** – Senior Lecturer, Pskov State University
- Goncharov N.** – teacher, Moscow City Open College; Russian State University for the Humanities
- Guo Xiaoyu** – Postgraduate Student, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)
- Ignatova I.** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Belgorod State Technological university named after V.G. Shykhov
- Kerimov K.** – Doctor of Philology, Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

Our authors

- Khankishieva N.** – Lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
- Khristoforova N.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow Aviation Institute
- Kolesnikova A.** – post-graduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
- Kondakova I.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University
- Kopreva L.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
- Krug E.** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Pskov State University
- Kyzlasov A.** – Candidate of Philology, V.N.S. of the language sector of GBNIU "Khakniiyali", Abakan
- Larionova T.** – Candidate of Phylological Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University (Novokuznetsk)
- Li Jing** – Belarusian State University, Minsk, Belarus
- Liu Xiaoyi** – graduate student, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)
- Lychkovskaya L.** – Associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
- Lyubina I.** – Associate Professor, Kuban State University
- Menshikova K.** – Senior Lecturer, Belgorod State Technological university named after V.G. Shykhov
- Mironova A.** – senior lecturer, Moscow City University
- Munkuyeva L.** – Postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
- Panesh U.** – Doctor of Philology, Professor, Adyghe State University, Maykop
- Pechenina Eu.** – Senior Lecturer, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University (Novokuznetsk)
- Perfilov A.** – Applicant, Kursk State University
- Pletneva O.** – Senior Lecturer, Federal State-owned Military Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation", Moscow
- Pokrovskaya E.** – PhD in Philosophy, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
- Polyudova E.** – Associate Professor, Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian University of transport", Moscow

Pronin A. – PhD, Associate Professor, Professor, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art

Rykova E. – senior lecturer, Moscow City University

Semenova S. – Associate Professor, Kuban State University

Shchigortsova E. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Volga State University physical culture, sports and tourism, Kazan

Shishkhova N. – Candidate of History, Associate Professor, Adyghe State University, Maykop

Shmatov E. – Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Communications

Shpalchenko E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Simonyan M. – Kuban State University

Sokolova G. – Candidate of Philology, Associate Professor, Adyghe State University, Maykop

Sokolov A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kuban state University, A branch in the town of Slavyansk-na-Kubani

Soloshenko K. – Bauman Moscow State Technical University

Spesivtceva S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Belgorod State Technological university named after V.G. Shykhov

Stankovich D. – Postgraduate student, concertmaster, Saratov State Conservatory

Tatuev A. – graduate student, Kabardino-Balkar State University named after H.M Berbekov, Nalchik, Russia

Te O. – Cand. Sc. (Philolog.), Assoc. Professor, Bauman Moscow State Technical University

Yang Huan – Heilongjiang University, Heilongjiang, China

Yang Lin – Phd student, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Zateeva T. – Doctor of Philology, Professor, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Zhang Jianwen – Senior Lecturer, Heihe University, Heihe, People's Republic of China

Zvereva O. – Senior Lecturer, Baikal State University (Irkutsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).